



ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ  
2022. Том 10, № 3

---

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =  
GOLDEN HORDE REVIEW

2022, vol. 10, no. 3

<http://goldhorde.ru>

E-mail: [mail@goldhorde.ru](mailto:mail@goldhorde.ru)

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2022

# ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

## Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

<b>Наименование органа, зарегистрировавшего издание:</b>	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
<b>Журнал основан:</b>	2013 г.
<b>ISSN</b>	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
<b>Периодичность:</b>	4 раза в год
<b>Учредитель и издатель:</b>	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
<b>Адрес редакции:</b>	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
<b>Типография:</b>	ООО «КазПринт»
<b>Сайт:</b>	<a href="http://goldhorde.ru">http://goldhorde.ru</a>
<b>E-mail:</b>	<a href="mailto:mail@goldhorde.ru">mail@goldhorde.ru</a>
<b>Тел./факс</b>	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
<b>Подписка:</b>	Подписной индекс <b>П7934</b> . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте <a href="http://podpiska.pochta.ru">podpiska.pochta.ru</a>

# GOLDEN HORDE REVIEW

## Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

<b>Name of the authority that registered the periodical:</b>	Roskomnadzor, certificate of registration of the media No. PI FS77–54682, issued on July 9, 2013
<b>The journal was founded:</b>	2013
<b>ISSN</b>	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
<b>Publication frequency:</b>	4 times a year
<b>Founder and publisher:</b>	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
<b>Editorial address:</b>	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
<b>Press:</b>	LLC “KazPrint”
<b>Web-site:</b>	<a href="http://goldhorde.ru">http://goldhorde.ru</a>
<b>E-mail:</b>	<a href="mailto:mail@goldhorde.ru">mail@goldhorde.ru</a>
<b>Tel./fax:</b>	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
<b>Subscription:</b>	Subscription index <b>II7934</b> . The subscription can be made both in the post offices and online at <a href="http://podpiska.pochta.ru">podpiska.pochta.ru</a>

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

**Миргалеев Ильнур Мидхатович**, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Салихов Радик Римович**, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

**Трепавлов Вадим Винцерович**, д.и.н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

**Виктор Спинеи**, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

**Карпов Сергей Павлович**, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

**Юлай Шамильоглу**, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

**Тасин Джемил**, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

**Мария Иванович**, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

**Тимоти Мэй**, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

**Никола Ди Козмо**, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

**Зайцев Илья Владимирович**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

**Крамаровский Марк Григорьевич**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Чарльз Гальперин**, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

**Ильяс Кемалоглу**, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

**Горский Антон Анатольевич**, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

**Александар Узелац**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

**Маслюженко Денис Николаевич**, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

**Иванов Владимир Александрович**, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (Уфа, Российская Федерация)

**Беляков Андрей Васильевич**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

**Почекаев Роман Юлианович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Тимохин Дмитрий Михайлович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

**Аксанов Анвар Васильевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

**РЕДАКЦИЯ**

**Редакторы английских текстов:** **Александар Узелац**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

**Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

**Литературный редактор:** **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

**Корректор:** **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

**Технический редактор, ответственный секретарь:** **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

**CHIEF EDITOR**

**Il'nur M. Mirgaleev**, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

**EDITORIAL BOARD**

**Radik R. Salikhov**, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

**Vadim V. Trepavlov**, Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

**Victor Spinei**, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

**Sergey P. Karpov**, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

**Uli Schamiloglu**, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

**Tasin Gemil**, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

**Mária Ivanics**, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

**Timothy May**, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

**Nicola Di Cosmo**, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

**Il'ya V. Zaytsev**, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

**Mark G. Kramarovskiy**, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

**Charles J. Halperin**, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

**İlyas Kemaloğlu**, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

**Anton A. Gorsky**, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

**Aleksandar Uzelac**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

**Denis N. Maslyuzhenko**, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

**Vladimir A. Ivanov**, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

**Andrey V. Belyakov**, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

**Roman Yu. Pochekaev**, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

**Dmitry M. Timokhin**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

**Anvar V. Aksanov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

**EDITORIAL OFFICE**

**English texts' editors: Aleksandar Uzelac**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

**Stephen Pow**, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

**Literary editor: Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

**Corrector: Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

**Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

## СОДЕРЖАНИЕ

## Оригинальные статьи

<b>Исхаков Д.М., Закирова И.Г.</b> К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбэк») .....	504
<b>Трепавлов В.В.</b> К идентификации некоторых персонажей «Истории монголов» Платона Карпини .....	523
<b>Дробышев Ю.И.</b> Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Полевого до Преснякова .....	537
<b>Петров П.Н., Рыкин П.О., Беляев В.А.</b> Именные дирхамы Кайду в Хорасане – новый источник по истории монетного обращения Средней Азии в конце XIII в. ....	565
<b>Храмченкова Р.Х., Мухаметшин Д.Г., Ситдииков А.Г., Федан П.В.</b> Медные монеты с Болгарского городища как исторический источник .....	584
<b>Байбулатова Л.Ф.</b> Отражение роли ислама в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» .....	601
<b>Полехов С.В., Моисеев М.В.</b> Материалы о взаимоотношениях Великого княжества Литовского с Крымским и Казанским ханствами 1537–1538 гг. из архива Радзивиллов .....	612
<b>Пенской В.В., Пенская Т.М.</b> Эволюция политических отношений в Восточной Европе накануне раннего Нового Времени: «ордынский мир» от расцвета до заката .....	629
<b>Белов Н.В.</b> Сражение при Судьбищах в июне 1555 года в оценках русских летописцев и историописателей XVI–XVII вв. ....	653
<b>Başer A.</b> The rebellion of Şahin Giray Sultan (1746–1747) .....	672
<b>Илюшин Б.А.</b> Служилые татары в военных мероприятиях России в 1618–1634 гг. ....	693
<b>Рустемов О.Д.</b> Права рабов и условия их освобождения в Крымском ханстве .....	715

## Хроника

<b>Беляков А.В., Тимохин Д.М.</b> Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» .....	728
---	-----

## CONTENTS

### Original papers

<b>Iskhakov D.M., Zakirova I.G.</b> On the question of the presence of traces of pre-Mongol Kipchaks in Western Siberia (based on the analysis of the dastan “Ak Kubek”) .....	504
<b>Trepavlov V.V.</b> On the identification of some characters in Plano Carpini’s “History of the Mongols” .....	523
<b>Drobyshev Yu.I.</b> The Mongol Empire and its ideology in the coverage of pre-Revolutionary Russian historians: from Polevoy to Presnyakov .....	537
<b>Petrov P.N., Rykin P., Belyaev V.</b> Dirhams struck in the name of Qaidu in Khorasan: a new source on the history of monetary circulation in Central Asia in the late thirteenth century .....	565
<b>Khramchenkova R.Kh., Mukhametshin D.G., Sitdikov A.G., Fedan P.V.</b> Copper coins from the Bolgar settlement as a historical Source .....	584
<b>Baybulatova L.F.</b> Reflections of the role of Islam in the “Tawarikh-i guzida – Nusrat-name” .....	601
<b>Polekhov S.V., Moiseev M.V.</b> Materials about the relations of the Grand Duchy of Lithuania with the Crimean and Kazan Khanates in the years 1537–1538 from the Radziwiłł Archive .....	612
<b>Penskoy V.V., Penskaya T.M.</b> The evolution of political relations in Eastern Europe on the eve of the Early Modern Period: the “Horde World” from rise to decline .....	629
<b>Belov N.V.</b> The Battle of Sudbishchi in June 1555 in the appraisals of Russian chroniclers and historians of the 16 <sup>th</sup> –17 <sup>th</sup> centuries .....	653
<b>Başer A.</b> The rebellion of Şahin Giray Sultan (1746–1747) .....	672
<b>Ilyushin B.A.</b> The Serving Tatars in the military activities of Russia in 1618–1634 .....	693
<b>Rustemov O.D.</b> The rights of slaves in the Crimean Khanate and the conditions for their emancipation .....	715

### Chronicle

<b>Belyakov A.V., Timokhin D.M.</b> Review of the activities of the Moscow discussion club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” .....	728
--	-----

**ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ**

УДК 811(571=512.5):398.22

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522

EDN: AMXZRT

**К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ  
СЛЕДОВ ДОМОНГОЛЬСКИХ КЫПЧАКОВ  
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДАСТАНА «АК КУБЭК»)****Д.М. Исхаков<sup>1</sup>, И.Г. Закирова<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> *Тобольская комплексная научная станция УрО РАН  
Редакция журнала «Туган эфир. Родной край»  
Казань, Российская Федерация  
monitoring\_vkt@mail.ru*

<sup>2</sup> *Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ  
Казань, Российская Федерация  
ilzakirova@mail.ru*

*Цель исследования:* рассмотреть проблему восточно-кыпчакского присутствия в предмонгольское время в Южной Сибири, на Алтае и сопредельных территориях, включая выявление следов конкретных клановых образований кыпчаков в данном ареале.

*Материалы исследования:* использованы данные татарского дастана «Ак Кубэк», арабские хроники и русские летописи, содержащие информацию эпического и исторического характера. Привлечены также ранее вышедшие труды, так или иначе затрагивающие данную проблематику, но нуждающиеся в критическом подходе и дополнении.

*Результаты и научная новизна:* изучение содержания дастана «Ак Кубэк» и арабских хроник ан-Нувайри и Ибн Халдуна, куда через мамлюков из кыпчаков попали эпические сведения, позволили сделать заключение о том, что в записанном В.В. Радловым сибирско-татарском дастане содержится важное историческое содержание, восходящее к предмонгольскому времени и связанное с кланами дурут (терьт, дурт) и токсоба, имевшими разные этнические истоки и занимавшими разные территории. Некоторых из эпических героев (хана Котяна / (Кидана)) удалось связать с предводителями конкретных западно-половецких группировок (с главой Тертеровичей ханом Котяном), в ходе монгольского завоевания удалившихся в Венгрию. Вторая группировка – токсоба (Токсобичи), которую в дастане олицетворяет главный герой разбираемого дастана княжеский сын Ак Кубек бий, относилась к восточно-кыпчакским клановым образованиям, участвовавшим в этногенезе сибирских татар, башкир, казахов и алтайцев. Время и причины попадания дастана «Ак Кубэк» к алтайцам однозначному решению не поддаются из-за миграций сибирских татар в ходе падения Сибирского ханства в регион Северного Алтая. Но предпочтительной представляется гипотеза о домонгольском присутствии восточных кыпчаков в Южной Сибири и на Алтае.



**Ключевые слова:** кыпчаки, восточные кыпчаки, кимаки, арабские хроники, клан дурут, клан токсоба, дастан, хан Котьян, бий Ак Кубек, Южная Сибирь, Алтай

**Для цитирования:** Исхаков Д.М., Закирова И.Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбәк») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 504–522. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522 EDN: AMXZRT

---

**ON THE QUESTION OF THE PRESENCE OF TRACES  
OF PRE-MONGOL KIPCHAKS IN WESTERN SIBERIA  
(BASED ON THE ANALYSIS OF THE DASTAN “AK KUBEK”)**

*D.M. Iskhakov<sup>1</sup>, I.G. Zakirova<sup>2</sup>*

*<sup>1</sup> Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch  
of the Russian Academy of Sciences  
Editorial board of the “Tugan jir. Native Land” magazine  
Kazan, Russian Federation  
monitoring\_vkt@mail.ru*

*<sup>2</sup> G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art  
of the Tatarstan Academy of Sciences  
Kazan, Russian Federation  
ilzakirova@mail.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* To consider the problem of the Eastern Kipchak presence in the pre-Mongol period in Southern Siberia, Altai, and adjacent territories, including the identification of traces of specific Kipchak clan formations in this area.

*Research materials:* Data from the Tatar dastan “Ak Kubek”, Arabic chronicles, and Russian chronicles containing information of an epic and historical nature were used. Previously published works, which in one way or another affect this issue but need a critical approach and addition, were also employed.

*Results and novelty of the research:* This study of the content of the dastan “Ak Kubek” and the Arab chronicles of an-Nuwayri and Ibn Khaldun, in which epic information has been transmitted through the Mamluks from the Kipchaks, allows us to conclude that the Siberian-Tatar dastan recorded by V.V. Radlov contains important historical content dating back to the pre-Mongol period and related to the Durut (tert, durt) and Toksoba clans which had different ethnic origins and occupied different territories. It was possible to connect some epic heroes (Khan Kotyan / Kidana) with the leaders of specific Western Polovtsian groups, such as the Terterovichi Khan Kotyan who sought refuge in Hungary during the Mongol conquest. The second group, Toksoba (Toksobichi), which in the analyzed dastan is personified by its main character, the princely son Ak Kubek biy, belonged to the Eastern Kipchak clan formations that participated in the ethnogenesis of the Siberian Tatars, Bashkirs, Kazakhs, and Altaians. The time and reasons for the connection of the dastan “Ak Kubek” to the Altaians cannot be unambiguously resolved due to the migrations of Siberian Tatars to the region of the Northern Altai during the fall of the Siberian Khanate. However, the hypothesis of the pre-Mongol presence of eastern Kipchaks in Southern Siberia and Altai seems probable.

**Keywords:** Kipchaks, eastern Kipchaks, Kimaks, Arabic chronicles, Durut clan, Toksoba clan, Dastan, Khan Kotyan, biy Ak Kubek, Southern Siberia, Altai

**For citation:** Iskhakov D.M., Zakirova I.G. On the question of the presence of traces of pre-Mongol Kipchaks in Western Siberia (based on the analysis of the dastan “Ak Kubek”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 504–522. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522 (In Russian)

## Введение

Варианты дастана «Ак Күбәк» были записаны В.В. Радловым у сибирских татар (у представителей тобольской и барабинской групп), в несколько иных версиях – у алтайцев (*алтай кижси*), а также хакасов (абаканских татар – *сагайцев*) [25; 26; 1; 7; 8]. Еще один текст под названием «Ак Кобек – Кара Кобек» был зафиксирован П.А. Фалевым у ногайцев [39]. Но судя по его содержанию, он не относится к кругу дастанов, да и в целом ничего общего с эпосом «Ак Күбәк», кроме названия, не имеет. Единственно, это произведение, определенное П.А. Фалевым «сказкой», может быть полезным с точки зрения выяснения смысла имени «Ак Күбәк». Кроме публикаций текстов данного дастана, изданных В.В. Радловым [25, с. 204–212; 26, с. 45–58, 142–152], а также Н.Ф. Катановым, использовавшем материалы В.В. Радлова [27, с. 392–393], на сегодня они доступны в сибирско-татарских вариантах как на литературном татарском [1], так и в переводе этих вариантов на русский язык [41, с. 186–200, 382–393].

Этот дастан достаточно полно изучен фольклористами [30; 39; 37; 36; 38; 4; 7; 8]. Однако, содержание дастана «Ак Күбәк» с точки зрения выявления имеющихся там исторических реалий исследовано явно недостаточно, хотя на них обращали внимание уже Г.Н. Потанин и под влиянием его труда – П.А. Фалев. К настоящему времени из публикаций последнего плана можно назвать лишь статьи казахского историка А.К. Кушкумбаева [19] и этнолога Д.М. Исхакова [15].

Между тем имеется настоятельная потребность в раскрытии «зашифрованного» в рассматриваемом дастане этноисторического контекста, ибо его прояснение не только позволит установить этнокультурную принадлежность того мира, где он сформировался, но и высказать некоторые новые суждения относительно присутствия в Южной Сибири и на Алтае восточно-кыпчакских этнических формирований в предмонгольское время. Задачей настоящей публикации как раз является выделение на основе анализа эпоса «Ак Күбәк» содержащейся в нем значимой исторической информации и формирование на ее основе новых подходов к изучению домонгольского пласта истории тюрок Южно-Сибирско-Алтайской зоны, связанного с восточными кыпчаками, но не только.

Уже Г.Н. Потанин обратил внимание на то, что записанные В.В. Радловым варианты дастана «Ак Күбәк» имеют сходство с текстами исторических преданий, попавших в труды арабских историков ан-Нувайри (1279–1333) и Ибн Халдуна (1333–1406). Этот автор, размышляя о том, как основные сюжеты эпоса, бытовавшего далеко на востоке, попали к арабам, сделал следующее заключение: «... эти сказки жили у Половцев в южной России, где их подслушал египтянин... Они <затем> могли легко от Половцев зайти к другим сосе-

дям иноплеменникам» [30, с. 123]. С тех пор подобные рассуждения у исследователей, занимавшихся данным дастаном, стали общим местом, но предполагаемые ими легкий «заход» к кыпчакам этого произведения или «подслушивание» арабами данного эпического произведения у половцев (кыпчаков) «Южной России», остались не более чем догадкой, особенно, если учесть, на каком громадном расстоянии этот дастан от Египта был зафиксирован.

Понятно, что вопрос о том, как дастан «Ак Күбэк», точнее, связанные с ним сюжеты, попали к арабским историками XIII – начала XV вв., должен быть решен более конкретно. К сожалению, А.К. Кушкумбаев, сделавший ряд существенных наблюдений относительно исторического контекста сообщений ан-Нувайри и Ибн Халдуна, на поставленный выше вопрос ответа не дал [19, с. 80–81]. В итоге на него постарался найти ответ один из авторов настоящей публикации [15].

### Сообщения арабских историков

Дело в том, что ан-Нувайри, приводящий рассказ, совпадающий в общих чертах с содержанием дастана «Ак Күбэк», после сообщения о поражении Аккубуля (Ак Кубьяка) от хана Котяна, приводит известие о поездке брата Аккубуля Ансара (Унсара) к Душихану (=Джучи), с просьбой напасть на их противников (это – клан Дурут), а когда те были разбиты, по сообщению этого автора, произошло следующее: «... <Души> ... большую часть их избил и захватил в плен. В это-то время их купцы и повезли их в разные города и земли» [9, с. 65]. Это сообщение с некоторыми особенностями содержится и у Ибн Халдуна, свой пассаж завершающего следующим весьма примечательным замечанием: «... племя Дурут из Кипчаков, а племя Токсоба из Татар, ... все перечисленные племена (о них см. далее – Д.И.) – не от одного рода и Тюрки, находящиеся в Египетских землях – из Кипчаков» [9, с. 65]. Становится понятно, что в целом в названных сообщениях подразумеваются мамлюки, что совершенно очевидно из известия позднего арабского историка ал-Айни (1361–1451), вторящего ан-Нувайри: «... Взятые в плен (а в их числе и кыпчаки – Д.И.) ... были отведены в земли Сирийские и Египетские. От них и произошли мамлюки...» [9, с. 350].

В итоге можно высказать рабочую гипотезу о том, что имеющиеся в дастане «Ак Күбэк» сюжеты в арабские хроники могли попасть из воспоминаний кыпчаков, попавших в плен и отправленные в арабские владения – в первую очередь, в Египет. Но для того, чтобы установить, когда предания, сохранившиеся у кыпчакских мамлюков, приобрели характер дастана, и что в нем исторически достоверного, нам придется вернуться к сравнительной характеристике содержания сообщений арабских хронистов и сохранившихся, главным образом, у татар, вариантов дастана «Ак Күбэк».

Начнем с труда арабского энциклопедиста из Египта ан-Нувайри в 30 томах «*Нихайт ал-араб фи фунун ал-адаб*» (др. название – «*Мунтаха ал-араб фи 'илм ал адаб*»), доведенного до 725 г.х. (1324/1325). В главе «О делах Тюркских» («*Зихр ахбар ал-атрак*»), рассказывая о монгольских завоеваниях времен Чингисхана, он сообщает, что после похода 616 г.х. (1219/1220) «западные татары», то есть монголо-татары, вернулись обратно к своему предводителю, а «тюрки» (а это прежде всего, кыпчаки – Д.И.), которые в ходе этого похода разбежались, уже к 626 г. (1228/1229) вернулись на «свои места в Северных

землях». Похоже, что в последнем случае подразумевается второй поход монгольских войск во главе с Субэдеем, как известно, мало затронувшем западные кыпчакские земли. По ходу этого сообщения, ан-Нувайри приводит сведения о клановом составе этих «тюрок» – кыпчаков. Это были 11 племен: 1) Токсоба, 2) Йета, 3) Бурджоглы, 4) Бурлы (Илбарили / Елбарыли), 5) Кангуолы / Кангароглы, 6) Анджоглы, 7) Дурут, 8) Карабароглы (более точно – «Кулабаоглы / Кулабаогли»), 9) Джужнан (Джорган), 10) Карабиркли, 11) Котян [9, с. 63–64]. Далее этот автор передает следующее весьма важное для нас известие: «... Случилось (однажды), что человек из племени Дурут, по имени Мангуш, сын Котяна, вышел охотиться; встретил его человек из племени Токсаба по имени Аккубул (?), – а между обоими (племенами) было старинное соперничество, – и взял его в плен да убил его. Не доходила весть о Мангуше до отца и людей его, и послали они человека по имени Джамгар (или Джалангар) разведать его. Этот вернулся и сообщил им известие об умерщвлении его. Тогда отец его (Мангуша) собрал людей своих и племя свое и пошел на Аккубуля. [Тот] ... собрал людей своего племени и приготовился к сражению... Они ... сразились; победа осталась за племенем Дурут. Аккубул сам был ранен, а рать его разбреглась. Тогда он брата своего Ансара (Унсара) отправил к Душихану, которого Укедийа ... отрядил в Северные страны, <который> пожаловался ему (Души) на то, что приключилось народу его со стороны Кипчакского племени Дурут, и сообщил ему, что если он пойдет на них, то не встретит (там), кроме их (Дурутов), ни одного противника. Тогда он (Души) двинулся на них своими войсками, напал на них...» [9, с. 65].

Это сообщение с некоторыми особенностями содержится и у Ибн Халдуна (ум. в 1406 г.), где Мангуш, сын Котяна, поименован «Мангушем, сыном Китмира», а его соперник – Акакийяком, Джамгур – Джаланкаром, Ансар – Аксаром [9, с. 66]. Другой пассаж этого автора – относительно принадлежности клана дурут к кыпчакам, а клана токсоба – к татарам, мы привели выше.

В целом, ранее уже был сделан вывод о том, что у ан-Нувайри и Ибн Халдуна приводятся названия западных кланов кыпчаков из Дешт-и Кыпчака [9, с. 64]. Весьма вероятно, что это так. Но кроме того следует указать, что имя противника Мангуша (Манкуша) у этих авторов имеет варианты Аккубул / Акакийяк, что позволяет расшифровать его именно как Ак Кубяк (*Ак Кубяк*).

### **Информация из дастана**

То, что летописное известие, передающееся ан-Нувайри и Ибн Халдуном, отражает дастан «Ак Кубяк», практически не подлежит сомнению. Чтобы в этом убедиться, достаточно вкратце рассмотреть содержание данного дастана, в особенности, татарских его вариантов. Согласно им, в некоем городе у бия по имени Ак Бытык родился сын, которому дали имя «Ак Кубяк». Сын бия обладал рядом чудесных качеств: разговаривал еще в чреве матери, был с детства очень силен, не вполне еще выросший пошел звать людей на свою свадьбу и по пути встретил хана по имени Кидан. Последнему Ак Кубяк не понравился и он поручил своему сыну – султану Мангушу, убить его. Тот позвал его на охоту, подумав, что там легче будет его уничтожить. Но Мангуш решил действовать хитростью и поочередно попросил Ак Кубяка отдать ему своего коня

(ур кулак\*, ат), собаку (ит) и ловчую птицу (кош), когда это не получилось, попытался забрать у него саблю (кылыч) и горн (быргы), но и тут он не преуспел. Затем они подошли к одной горе, где Мангуш предложил ее обойти с двух сторон с условием – кто раньше обогнет ее, тот имел право отрубить голову запоздавшему. Так как хитрый Ак Кубяк попросил свою сестру устроить пир с 40 девушками и завлечь туда Мангуша, последний опьянел, а Ак Кубяк его застал в постели и после ряда обрядов, отрубив ему голову, ушел домой. А между тем хан Кидан отправил к нему посла, чтобы узнать, что случилось с его сыном. Когда выяснилось, что Мангуш убит («Манар тауда йортлады / осел у горы Манар»), хан собрал войско и пошел к Ак Кубяку. Причем в войске находились легендарный Салыр Казан и некто «Буйдар Алып». При этом сам Кидан также назван «алпом». Салыр Казан попытался убить Ак Кубяка, но тот, применив ряд хитростей, в конце концов отрубил ему голову, затем врезался в войско хана Кидана, но тот оказался проворнее и вонзил в него копье. Раненый Ак Кубяк ушел домой и попросил брата закопать его в землю и не трогать до пятницы, но тот разбудил его раньше срока и затем герой дастана залег в могилу и умер. После его смерти хан Кидан сражался с его братом, но затем помирился с ним и они забыли былую вражду.

### Реконструкция исторического содержания дастана

Из этого, вообще-то довольно незамысловатого сюжета данного дастана, нас в первую очередь заинтересовали имена хана Кидана (возможные тюркские формы его имени – *Кидан / Китан / Котан*), а также сына бия Ак-Бытыка Ак Кубяка и сына указанного хана, султана Мангуша. Причина, как думается, вполне понятна: имена этих личностей есть и в арабских хрониках (знаменитого героя огузского эпоса «Китабе деде Коркут» Салор-Казана пока оставим в стороне). То, что в дастане «Ак Күбэк» и в исторических преданиях, попавших в труды арабских историков, речь идет об одних и тех же фигурах, сомнений у нас нет. На этот счет есть несколько доказательств: во-первых, это, конечно, имена враждующих знатных кыпчаков – Мангуш / Манкуш б. Котян / Китян и Ак Кубяк (Кубул / Кийак); во-вторых, достаточно близкое написание имеют и имена посла Котяна: по ан-Нувайри, отправленного разведать судьбу Мангуша разведчика – посла звали «Джамгар / Джалангар» (на тюркском, скорее всего, *Чамгар / Чалангар*) [9, с. 409], а фольклорного посланника из дастана «Ак Кубяк» звали «Чылак»; в третьих, в эпосе фигурирует не названный по имени брат Ак-Кубяка, сразившийся с Котяном после смерти своего брата; у Ак Кубяка, согласно ан-Нувайри, тоже был брат и он называется им по имени – его звали Ансар / Унсар, правда, он не сражался с Котяном, а отправился к Джучи с жалобой на действия этого хана и призавшего Джучи к действиям против группы *дурут* и тем самым способствовавшего их разгрому и пленению; в четвертых, эпический и исторический Ак Кубяк вначале получают сильное ранение; в обоих случаях, в пятых, речь идет об их столкновении впервые на охоте.

---

\* Тут эпическое определение коня Ак-Кубяка как «ур кулак», возможно, имеет древнетюркское или монгольское происхождение. Во всяком случае, у Рашид ад-Дина есть монгольское выражение «чаган аман кул» – «беломордый конь» [9, с. 194]. Да и у татар жеребчик обозначается как «колын».

Но в летописных материалах, по сравнению с дастаном «Ак Күбәк», есть и различия, о которых уже говорилось – это присутствие в арабских хрониках данных о клановой принадлежности хана Котяна и его сына султана Мангуша – они относились к клану *дурут*, а их противника Ак-Кубяка – к клану *токсоба*. Очевидно, что эта информация попала к хроникерам из среды кыпчакских мамлюков. Но она требует отдельного разбора, ибо связана с весьма сложной проблемой этнических компонентов кыпчакской общности, в особенности, имеющей отношение к ее разделению на кыпчаков западных и восточных. К этому вопросу мы еще вернемся, но до того нам важно установить историчность фигур хана Котяна (Кидана), его сына султана Мангуша, и, конечно, их противника Ак-Кубяка, сына бия Ак-Бытыка.

Достаточно уверенно можно утверждать, что эпический, а также летописный хан Кидан – это, скорее всего, известный кыпчакский предводитель самостоятельного половецкого объединения эпохи монгольских завоеваний в Восточной Европе хан Котян, ушедший в 1237 г. со своей 40-тысячной ордой в Венгрию [28, с. 125]. Он был тестем галицкого князя Мстислава Мстиславовича (умершего в 1228 г.), в 1226 г. натравившего его на Галицкую Русь; в 1228 г. его в своих интересах использовал и киевский князь Владимир, а в 1235 г. хан Котян опять напал на Галицкую Русь [28, с. 181]. Похоже, что его орда находилась достаточно близко к западной части территорий древнерусских князей. Как мы уже видели, основу группировки кыпчаков во главе с ханом Котяном, успевшим породниться с князем Мстиславом Мстиславовичем, мог составлять клан *дурут* / *дурт*. Так как эти кыпчаки действовали в западнорусских землях, а в ходе монгольского нашествия 1230-х годов вообще ушли в Венгрию, их можно уверенно причислять к западнокыпчакским – куманским / половецким сообществам.

Не лишне будет отметить, что наследник венгерского короля Белы – Стефан, женился на крестившейся дочери (Елизавете) хана Котяна, получившего в Венгрии титул «*dominus Cumanorum*» / «владыка Куманов» и некоторое время жившего там. Но затем кыпчаки Котяна не ладили с венгерской знатью и в 1241 г. взбунтовавшись, ушли в Болгарию, а сам хан был убит. Тем не менее, эти куманы / кыпчаки в 1246 г. из-за монгольской опасности были обратно приглашены в Венгрию, там остались и позже были крещены, постепенно войдя в состав венгров [46, pp. 48–53].

О сыне хана Котяна – эпическом герое Мангуше, известных в письменных источниках пока обнаружить не удалось. Но мы можем отметить, что имя Мангуш (Манкош), скорее всего, как кыпчакское наследие, среди золотоордынских татар и их потомков в XIV в. сохранялось, да и позже оно известно у башкир и татар. Так, например, звали одного из посланников золотоордынского хана Узбека, ведшего переговоры начиная с 1314/1315 г. (затем в 1320, 1321/1322, 1323/1324 годах) в Мамлюкском Египте относительно «бракосочетания» и «мира» [9, с. 243, 246, 310, 315, 362, 364, 380]. Не исключено, что в Мамлюкский Египет на переговоры специально могли быть отправлены знатные татары из потомков кыпчаков. Кроме того, в 1624–1626 гг. в Алатырском уезде Русского государства известны князья Мангушевы (от них идет название села Мангушево), родоначальником которых явно был князь Мангуш [13]. Факт сохранения имени Мангуш у татар-мишарей, имеющих существенный золотоордынский-тюркский компонент, вряд ли случаен. У

башкир среди предков клана кыпчак фигурирует Мунаш би [5, с. 138–139], чье имя может быть производным от имени «Мункаш / Манкош» («к/г» могло быть у башкир замещено придыхательным «h»).

Относительно Ак Кубяка, явно бывшего из рода клановых вождей, с титулом «би / бий», мы имеем только эпические данные. Правда, есть наблюдение А.К. Кушкумбаева указавшего на присутствие имени «Аккобик алып» в генеалогии клана кыпчак из ответвления кара-кыпчак (линия Кобланды батыра) [19, с. 80]. На этот факт стоит обратить внимание.

Можем также отметить, что само имя «Кубяк / Кобяк» в половецком мире также было известно – так звали, в частности, главу кыпчакской группировки, занимавшей район р. Днепра в 1170-х годах (это был так называемый хан «лукоморских» половец Кобяк Карлыевич [28, с. 159, 161, 188]). Позже, как антропонимы и топонимы, это имя сохранялось (сохраняется) у татар (казанских и сибирских).

### Интерпретация полученных данных

Теперь нам необходимо перейти к интерпретации имеющихся данных из дастана «Ак Кубяк» и из арабских хроник. Сразу скажем, что наиболее трудным из возникающих при анализе этих материалов вопросов, является поиск объяснения пассажи Ибн Халдуна относительно разной («не от одного рода») этнической принадлежности клана дурут (= из кыпчаков) и клана токсоба (= из татар). При этом Ибн Халдун специально подчеркивает, что «тюрки, находящиеся в Египетских землях – из Кипчаков» [9, с. 66]. То есть он проводит тонкое различие между египетскими мамлюками из кыпчаков и имевшими более сложное происхождение золотоордынскими татарами, которых арабы традиционно именовали последним этнонимом.

Все было бы хорошо с таким пониманием, если не одно обстоятельство: согласно башкирской исторической традиции, уран клана кыпчак у них звучал как «Туксаба!» [5, с. 146]; далее, в татарском историческом сочинении конца XVII в. «Дефтери Чингиз-наме» в разделе, где речь идет о наделении Чингизханом племенных вождей клановыми атрибутами (дерево, птица, уран, тамга), Кыпчак бию (а это эпоним и он является олицетворением там племени кыпчак) также дается уран «Тук Саба» [23, б. 52]. То есть относительно поздние источники клановое подразделение токсоба рассматривают, правда, в этом случае на основе одного только урана, как кыпчакское образование. И такому пониманию есть историческое обоснование – клановое формирование (или объединение / орда) под названием «Токсобичи» известно по русским летописным сообщениям именно у половец [28, с. 109]. По мнению С.А. Плетневой, эта группа кыпчаков, упоминающаяся в связи с их участием в междоусобице русских князей 1147 и 1152 годов, занимала территорию в степях междуречья Донца и Дона [28, с. 109], являясь в итоге всё же частью западной их группировки. Хотя нахождение Токсобичей на правом берегу р. Волги еще не означает, что какая-то часть клана токсоба не могла пребывать среди восточной группировки кыпчаков, имевшей отличные от западно-половецкой общности, составные части, тем не менее данный вопрос нуждается в более детальном объяснении.

И вот тут нам следует вернуться к дастану «Ак Күбәк», точнее к объяснению причин бытования его лишь среди тюрко-татарского населения Западно-Южно-Сибирского и Алтайского регионов (у казахов этот дастан не из-

вестен, хотя указанное выше родословное клана кыпшак / кара-кыпшак должно быть учтено).

Исходя из того, что дастан «Ак Күбэк» был записан среди сибирских татар, а также у части алтайцев (*алтай-кижи*) и хакасов (*сагайцев*), нам прежде всего следует выяснить возможные причины такого территориального бытования данного эпического произведения в прошлом. Одна из них лежит на поверхности – после падения Сибирского ханства часть сибирско-татарских групп («народ царя Кучума») ушла на восток, в район Алтая, и затем вошли в состав как алтайцев, так и хакасов [31, с. 89–90; 2, с. 57]. Так что не исключена передача рассматриваемого дастана предкам современных алтайцев и хакасов через этих переселенцев из среды тюркского населения Сибирского ханства. Однако, могут быть, и скорее всего, имелись, и другие причины проникновения дастана «Ак Күбэк» в Алтайский регион. В этой связи следует обратить внимание на присутствие в составе основных сеоков (родов) алтайцев из подразделения алтай-кижи клана (оймака) кыпчак, причем как одного из ведущих родов (из них, например, происходили укту-зайсаны) [31, с. 23–24; 2, с. 57–58]. Хотя иногда делаются попытки считать присутствующий в составе алтайцев род (сеок) кыпчак наследием государства Шибанидов и Ногайской Орды (см., например: [2, с. 57]), это вряд ли так. В частности, как отмечал еще А.П. Потапов, у теленгитов (а сеок кыпчак и некоторые др. связанные с ним роды, входили в их состав) имелись предания в том, что их предки пришли из «степи Конграй-Сагай» (Сагайской степи), а у хакасов-качинцев бытовали предания об их проживании в местности «Соко / Соки», локализуемой «на Иртыше», причем кумандинцы и качинцы сеока Соки (Сагай?) в качестве общих предков называли «Кумана / Кубана» [31, с. 32, 37–38, 59]. Далеко не случайно поэтому отнесение А.П. Потаповым части эпического творчества алтайцев, особенно, южных алтайцев, к периоду Улуса Джучи, а также – к кыпчакскому этапу, правда, без четкой их дифференциации между собой [31, с. 47].

На самом деле отделить этнокультурное наследие домонгольских кыпчаков от золотоордынско-татарского, включая шибанидского, исторического наследия, весьма трудно, что хотелось бы продемонстрировать на нескольких примерах. Первый из них имеет отношение к информации из суфийских рукописей, обнаруженных среди сибирских татар и опубликованных Н.Ф. Катановым под условным заголовком «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири». В этом многослойном источнике, рассказывающим о приходе мусульманских проповедников (шейхов) «из священной Бухары» для обращения в ислам «тюрок», живших в бассейне Иртыша, этнический состав их дается так: «народ Хотан», «народ Ногай» и «народ Кара-Кыпчак» (два других «народов»: «бунтовщики Тархан / Тарган хана» и «Остяки»), в первых трех случаях в рукописи обобщенно именующихся и «татарами». [16, с. 20–22]. Тут стоит обратить внимание на этнонимы «хотан» и «кара-кыпчак» Первый из них явно отражает этноним «киданы» (а в рукописи есть и упоминание Китая), а второй имеет прямое отношение к кыпчакскому этническому миру, причем к его восточной половине. Об этом, в частности, свидетельствует и казахское родословное, о котором мы уже упоминали – это шеджере клана (рода) кара-кыпшак племени кыпшак, в котором предком выступает «алып» по имени «Аккобик». Тут следует подчеркнуть, что по старой тюркской территориальной ориентации, цветные маркировки «ак» и «кара»



обозначали соответственно запад и восток, то есть клан кара-кыпчак, отмеченный в сибирско-татарской рукописи в бассейне Иртыша, существовавший как у казахов, так и у башкир [17, с. 177], являлся клановым образованием, локализованным первоначально на востоке кыпчакского мира. В поддержку такого заключения мы можем привести второй пример, на этот раз восходящий к «Мажму-ат ут-таварих» Аксикенти б. Нурмухаммада (конец XV – начало XVI вв.). В этом весьма интересном источнике, содержащем некоторые уникальные эпизоды из истории Улуса Джучи эпохи правления хана Токтамышша, много раз упоминается знаменитый Манас, возглавлявший «Каркаралинских кыпчаков» («*Каркара кыпчаклары*») [33, с. 43–47, 71; 3, с. 158]. По поводу местности «Каркара» имеются разные взгляды (полный их обзор см.: [3, с. 158–159]), более точным нам представляется вывод С.М. Ахинжанова, помещавшего этих кыпчаков к югу от Иртыша вплоть до о. Балхаш (с захватом гор Каркаралинских, Чингистауских и Тярбагайтских) [3, с. 158–159]. Согласно ал-Идриси, жившие там в его время кимаки (а это и есть восточные кыпчаки!) имели некоторые черты, присущие киргизам [3, с. 159]. Не удивительно, поэтому, присутствие в родоплеменном составе киргизов (в группе ичкилек) клана кыпчак наряду с кланами найман и телес [21, с. 92, 270–271], в двух последних случаях указывающих на алтайское этноисторическое наследие. По всем меркам тут также речь идет о восточных кыпчаках, именовавшихся «кара-кыпчак». Да и само присутствие в генеалогической схеме рода кара-кыпчак казахов имени их предка *Аккобик алта*, вряд ли случайно.

Из-за того, что перед нами в итоге возникли восточные (кара) кыпчаки, нам следует сосредоточиться на названиях двух известных из арабских хроник клановых этнонимов – дурут и токсоба, косвенно – в лице их вождей – присутствующих и в дастане «Ак Күбэк».

Начнем с «ханского» племени дурут (это – арабское написание). Можно думать, что под этим наименованием подразумевается кыпчакский (половецкий) клан *терьт / терьтер*, по русским летописям известный в 1185 г. как «Терьтеровичи». Этот клан (группа / орда) участвовал в том году в крупной битве половцев с русскими войсками [29, с. 163]. Термин «терьтеровичи» может быть разложен так: *терьт / терьтер* + *оба*. Корень тут *терьт*, скорее всего производный от понятия *дурт* – «четыре», к которому вначале добавлено окончание *ер / ир* – «муж, человек, люди», а затем формант множественного числа на древнерусском с патронимическим смыслом – *овичи* или, что пожалуй, будет более точно, окончание, производное от термина *обоғ ~ оboh*, обозначавшего род, первоначально – союз кровных родственников [6, с. 341]. Но не следует забывать, что есть еще тюрко-татарское понятие (оно известно у нукратских татар) «*печи / бече*» – «родственное объединение», «патронимия», (отсюда видимо и термин «*бичә*», в ряде говоров татарского языка означающий жену – об этом специально см.: [14]), что делает решение этого вопроса более сложным. Но так как в русских летописях встречаются и этнонимические формы *Каепечи*, *Токсобичи*, [12, № 1, с. 35], пожалуй более правильной будет последняя трактовка.

При обращении к этнониму *дурт / дурут / терьтер* [оба / овичи] на ум сразу приходит название одного из шести собственно татарских племен, приводимых у Рашид ад-Дина. Описывая «издревле известное в мире» племя татар, персидский историк отмечает, что у этого клана существовали «многочисленные вет-

ви», а затем указывает следующие шесть «ветвей» татар, по его мнению, бывших «известными и славными», а также имевшими собственные войска и отдельных государей: тутукулйут (тут собственно этноним – тутукул – Д.И.), татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-*терат*, татары-баркут [32, с. 101–103]. Как видим, в перечне татарских кланов тут присутствует племя *терат*, чье наименование фактически совпадает с кыпчакским этнонимом *терьт* / *дурт* / *дурт*. Случайно ли такое совпадение? Вряд ли. И вот почему.

Во-первых, приводимые Рашид ад-Дином в списке татарских кланов племена частично известны и среди золотоордынских клановых образований – это группы *алчи* (*алчын*) и *баркут* (в форме *баргут* / *буркыт*), причем локализованные в восточной половине Дешт-и Кыпчака. В частности, алчыны входили в состав ведущих кланов Астраханского ханства [13, с. 24], оказавшись, в конце концов, в составе казахов, а буркуты вначале жили на Алтае, затем фиксируются в средневековье в Приуралье и в Западной Сибири. Кстати, алтайский этноним меркит / мекрит также можно трактовать как бекрут / беркут / буркут (из-за б // м замены в тюркских языках). Далее, уже было обосновано мнение о том, что так называемые «Сибирские князья» – Тайбугиды, также являлись буркутами [13]. В результате появляется весьма сложная проблема прошлого соотношения таких этнических общностей, как «татары» и «кыпчаки». Но до перехода к нему остановимся на этнониме токсоба.

Клан (или объединение / орда) токсоба, в русских летописях при описании событий XII в. упоминающийся среди половцев как *Токсобичи*, по мнению Плетневой, занимал степи междуречья Дона и Донца [29, с. 97–98]. В арабских источниках этот этноним передан в форме *tokus-aba* / токсоба [47, s. 91; 19 с. 79]. Корень данного этнонима – токс / тукс, а оба / аба – это, как было выше показано, монгольское обозначение родственной группы (овох / овог).

Исследователи уже высказывали мнение о том, что этноним *токс* / «*тукс*» – это понятие, обозначающее числительное «девять» – «*тугыз*» [9, с. 64]. Так как числительное «тугыз / тогус» в тюркском мире действительно бытовало в качестве этнонима – мы знаем раннесредневековых «тогуз татар» и «тогуз огузов», то не удивительно присутствие этого этнонима и среди кыпчаков. На самом деле этот «цифровой» этноним бытовал в разных районах проживания тюрок и позже.

Скажем, в составе «алтай кижии» и тубаларов имелось родовое подразделение «*тогус*» [31, с. 23, 84; 2, с. 57]. Алтайские исследователи считают группу тогус частью «татар», мигрировавших на Алтай в результате падения Сибирского ханства [2, с. 57]. Действительно, некоторые основания для такого заключения имеются. В частности, в Вагайском районе Тюменской области существует зафиксированное еще в XVIII в. сибирско-татарское село Токуз (Тогусовы, Тукуз) [35, с. 74], в конце XVI–XVII вв., несмотря на малочисленность населения, образовавшее самостоятельную волость, явно имевшую родоплеменной характер [22, с. 285, 352, 468]. Сюда еще следует добавить Тогузскую волость, в начале XVII в. отмеченную в бассейне р. Иж (современная территория северо-востока Татарстана) и населенную сословными «башкирами» [11, с. 37]. По ранним историческим связям эту волость (родовое владение) можно связывать в данном случае с кыпчаками, хотя ее контакты с населением волости Еней (угорское / иштякское образование) говорит скорее о тюрко-угорских, вероятнее всего, сибирских истоках рассматриваемого

мой группы (детальнее см.: [34; 22]). Наконец, с некоторой долей осторожности можно предположить, что отмечаемый в отдельных русских летописях под 1184 г. на территории Волжской Булгарии городок Тухчин в основе своего наименования может содержать тот же этноним (*тухч / тукус* + окончание – *ин*). В итоге, общий смысл старого этнонима токсоба на самом деле может свестись к обозначению «девяти родовые / племенные» и восходить к этнонимам древнетюркского круга.

Как видим, историко-этнологические материалы не вполне согласуются с определением Ибн Халдуна клана дурут (*дүрт / терьт*) как кыпчакского, а клана токсоба (*туксоба*) – как татарского этнического формирования. На самом деле первые как раз являлись ответвлением древних татар, но затем, правда, пребывали среди половцев, а вторые в XII в. уже фигурируют в составе половцев (кыпчаков), хотя исходно могли быть частью древних тюрок.

Так о чем же все-таки сигнализирует разбираемое определение арабского историка, жившего XIV– начале XV вв. и явно опиравшегося на историческую память мамлюков из кыпчаков? Тут возможны два объяснения. Во-первых, в золотоордынское время клан токсоба (возможно, в преобразованном виде уже как племя «кыпчак» с ураном «туксоба») мог сохраниться в относительно целостном виде и из-за контактов Золотой Орды с Мамлюкским Египтом он ко времени жизни Ибн-Халдуна мог восприниматься мамлюками как часть «татар», то есть, как золотоордынцы, которые для арабов и египетских мамлюков таковыми и являлись. Подобное объяснение допустимо потому, что клан токсоба после поражения от племени дурут (*дүрт / терьт*), согласно ан-Нувайри, вынужден был стать союзником (федератом) Джучи. Именно в такой ситуации данное племя и могло сохранить в той или иной степени свою целостность, превратившись для монголов в клан «кыпчак». Похоже также, что объединение токсоба в домонгольское время занимало более восточное положение по сравнению с объединением хана Котяна. Кроме прочего об этом свидетельствуют данные о нахождении клана каракыпшак в составе казахов и аналогичного подразделения – в составе башкир, а также наличие среди алтайцев рода кыпчак.

Несмотря на логичность такой гипотезы, можно предложить еще одно, на этот раз более сложное, объяснение разбираемого пассажа Ибн Халдуна. Оно зиждется на том, что в составе усилившихся с XI в. половцев / кыпчаков могли существовать определенные этногенетические линии, восходившие как к кыпчакам, так и к средневековым татарам. Причем представители этих «линий», не исключено, вначале занимали разные территории – собственно кыпчаки / половцы (куманы) – более западные, а восходившие тюркам из Кимакского каганата восточные кимако-кыпчаки с татарским компонентом – более восточные ареалы, близкие к бассейну Иртыша.

На деле при разборе данного вопроса мы выходим на остающуюся до сих пор дискуссионной проблему наличия в правящей верхушке кыпчаков / половцев «монгольской» («монголо-татарской») и собственно тюркской по происхождению и клановой принадлежности, элиты (подробнее об этом см.: [10]). Если резюмировать предлагаемые в литературе по данной проблеме подходы – а более детальный их разбор осуществлен нами в только что отмеченной работе – они сводятся к следующим основным моментам.

В формировании Кимакского каганата (Кимакского объединения), из которого кыпчаки и вышли, татары, по мнению известного американского тюрколога П. Голдена, сыграли «ключевую роль» (см. например: [43; 44; 45]). Значимость их в этом государстве проявлялась в том, что в «Зайн ал-ахбар» Гардизи (труд написан в сер. XI в., но отражает скорее всего более раннюю этнополитическую ситуацию [18, с. 53, 113–114]) указывается – основателем данного государства, локализованного в бассейне р. Иртыша, являлся некий Шад – а так в древнетюркских политиях именовались ближайшие родственники каганов по мужской линии – будучи «начальником татар» бежавший к «большой реке» (подразумевается Иртыш) и там начавший жить. Затем к нему прибыли еще семь его родственников, определенных так: Ими (часть уйгур), Имак (это вариант этнонима кимака), Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкиаз, Аджляд [18, с. 4, 37–38]. За этими эпонимами ясно проглядывают конкретные племенные группы, кроме последних двух хорошо известные в Центральной Азии и прилегающих зонах. Но для нас в данном случае интересны татары, занимавшие особое положение «царственного рода» среди кимаков, ибо они позже в качестве элитного клана фигурируют в восточной зоне Дешт-и Кыпчака и у других авторов. Например, в сочинении Джуджани «Табакат-и Насыри» (1259–1260) содержится рассказ о походе Хорезмшаха Мухаммада II в 1218/1219 г. против кыпчаков такого содержания: «В 615 г.х. он (хорезмшах Мухаммад б. Текеш – Д.И.) отправился за Кадыр-ханом, являвшимся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник ... настолько далеко, что [достиг] Уйгура [I-ghur]... <и> Северного полюса...» [42, Vol. I, p. 267]. Это сообщение в литературе разбиралось неоднократно (обзор см.: [12, № 2, с. 52–68]), в итоге мы сейчас знаем, что в нем речь идет о восточной зоне проживания кыпчаков, скорее всего, как думаем, о территории будущих Каркаралинских кыпчаков, где обитали потомки населения Кимакского каганата (не случайно, что упомянутый отец Кадыр-хана Юсуф в том источнике назван еще и Юсуфом Йемеком [42, Vol. II, p. 1096–1097]). Между разными кланами с этого ареала имела глубокая связь, приводившая к тому, что в источниках, описывающих эту территорию, понятия «татар», «йемек / кимака», «кыпчак» и даже «уйгур» [10, с. 63], выступают не только взаимосвязанными, но и взаимозаменяемыми. Причем причастность к «татарам» была характерна не только для отмеченных выше групп, но и для некоторых иных племенных объединений, локализованных вблизи отмеченной зоны. В частности, Джуджани татарами считал также найманов [42, Vol. I, p. 264]. Таковую же картину мы видим и у Ибн ал-Асира. Хотя применительно к последнему автору можно было бы заподозрить, что он под «татарами» подразумевал «монголов», но относительно Джуджани этого сказать нельзя – он прекрасно отделял тюрков от монголов. Единственно, он мог использовать этноним «татар», имея в виду их особое положение, в расширительном смысле, обозначающем тюрков вообще, тем более что в случае с найманами, являвшимися потомками «секиз огузов», то есть, уйгуров, трудно отрицать их принадлежность к тюркам, хотя и допустимо подпадание их в предмонгольское время под влияние киданей (кара-китаев). Наконец, надо напомнить и о том, что согласно «Худуд ал-Алам» (982–983) татары в свое время вообще являлись одним из кланов, входивших в состав тогуз-огузов [40, с. 40], то есть, ранних уйгур, что исследователями уже отмечалось [18, с. 42; 20, с. 170–177]. Да и

указанное выше сообщение Гардизи о «соседстве» татар с уйгурами в Кимакском объединении по большому счету свидетельствует о том же.

Имея в виду татарские присутствие в Кимакском каганате и в некоторых соседних политиях (например, как отмечалось, в Найманском ханстве), у кыпчаков, выделившихся из состава кимаков и являвшихся фактически западной их ветвью [24, с. 42], можно предположить значительный собственно «татарский» этнический элемент. Об этом собственно в свое время и писал один из крупных отечественных тюркологов татарского происхождения – Э.Н. Наджип. Разбирая эпизод прибытия в Египет около 1262 г. во время правления Бейбарса знатных золотоордынцев, он заметил: «<Эти> татарские эмиры являлись коренными жителями кыпчакских степей... Племена, называвшиеся татарскими, жили в Дешт-и Кыпчак и до прихода монголов на эту территорию» [24, с. 86]. С таким выводом приходится соглашаться. Но имея в виду этническую неоднородность кыпчаков, татарское этническое составное у них следует искать прежде всего у восточных кыпчаков, в чьем формировании основную роль сыграли кимаки и этнически связанные с ними канглы и ряд других, близких к ним групп.

### Заключение

Потомки восточных (кара) кыпчаков, расселенных вплоть до бассейна Иртыша и Алтайской зоны, сыграли существенную роль в этногенезе как сибирских татар, казахов, башкир, так и алтайских этносов. Именно выходцы из этой этнической среды и могли быть носителями исторической памяти, нашедшей отражение в дастане «Ак Күбэк». Более чем вероятно, что этнические наследники кимакско-канглинских групп были сдвинуты на запад в ходе монгольских завоеваний 1230-х – начала 1240-х годов, а в ходе военных действий в эпоху Западного похода могли сказаться в плену, затем, в конце концов, в составе мамлюков Египта, где их устное творчество вероятно и попало на страницы арабских хроник. То, что дастан «Ак Күбэк» в наиболее развитом виде, близком к текстам из арабских хроник, сохранился только у сибирских татар, свидетельствует о значимости восточно-кыпчакского этнического составного в их этногенезе. Но данный вопрос требует еще дальнейшего изучения.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ак Күбэк // Татар эпосы. Дастаннар. Казан: «Раннур» нәшрияты, 2004. Б. 530–538.
2. Алтайцы. Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Енеев (отв. ред.), Н.М. Енеева, Э.Г. Енчинов, НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989. 293 с.
4. Әхмәтова Ф.В. Дастаннар // Татар фольклоры жанрлары. Казан, 1978. Б. 26–50.
5. Башкирские родословные / Состав. предисл., пояснения к переводу, перев. на рус. яз., послесловие Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; указ., факсимиле Р.М. Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: «Китап», 2016. 480 с.
6. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б.Я. Владимирцов; редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Слесарчук Г.И. М.: «Вост. лит.», 2002. 557 с.

7. Закирова И.Г. Дастан «Ак Кубек» тюркских народов. // Вестник Чувашского ун-та. 2009, no. 44. С. 296–301.

8. Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань, 2011. 268 с.

9. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Под-ка к нов. изд., введ., дополнения и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Мукминовой. Алматы: «Дайк Пресс», 2005. 711 с.

10. Исаков Д.М. «Дэфтәре Чыңгыз-намә» әсәренә бер урынына комментарий // Туган жир. Родной край. 2018, no. 2. Б. 25–28.

11. Исаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 60–67.

12. Исаков Д.М. История племени Кай (Кайы) и вопрос о происхождении династии Османов // Туган жир. Родной край. 2020, no. 1. С. 34–50; № 2. С. 52–68.

13. Исаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей». 80-летию Р.Г. Кузеева. «Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 17–19 апреля 2009». Уфа, 2009. С. 224–227.

14. Исаков Д.М. Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С. 60–67.

15. Исаков Д.М. По следам одного татарского дастана: в поисках исторических реалий в эпическом произведении «Ак Кубәк» // Туган жир. Родной край. 2021, no. 4. С. 20–33.

16. Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 1–28.

17. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История расселения. М.: Изд-во «Наука», 1974. 570 с.

18. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 155 с.

19. Кушкумбаев А.К. Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков / Кушкумбаев А.К. // «Дешті Кыпшақтың орта ғасырлық тарихы» атты Халықаралық ғылыми конференция. 2017 жылдың 13–14 қыркүйегі. Павлодар: «ЭКО» ГӨФЖШС, 2018. Б. 76–82.

20. Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь. Центральная Азия и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1975. С. 170–177.

21. Кыргызы / отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров; Ин-т этнологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории и культурного наследия НАН КР. М.: «Наука», 2016. 623 с.

22. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. втор., дополн. Т I. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.

23. Миранстан биш сәхифә: XVII–XIX ғасырлар әдәби-тарихи ядкярләре [тарнс. эшләүче, хәзерге әдәби теленә күчерүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйләжетдинов]. Казан. кит. нәшр., 2011. 331 б.

24. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: «Наука». Главная ред. вост. литературы, 1989. 281 с.

25. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В.В. Радловым. СПб., 1886. Ч. I. 420 с.

26. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В.В. Радловым. СПб., 1872. Ч. IV. 411 с.

27. Образцы народной литературы тюркских племен, изданных В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым, СПб., 1907. 660 с.
28. Плетнева С.А. Половцы. М.: Изд-во «Ломоносов», 2010. 216 с.
29. Плетнева С.А. Половцы. Ответ. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М.: «Наука», 1990. 208 с.
30. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетские окраины Китая и Центральная Монголия. Путешествия Г.Н. Потанина. 1884–1886. Т. Второй. СПб., 1893. 436 с.
31. Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1969. 196 с.
32. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. М.: «Ладомир», 2001. 315 с.
33. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, аның уулу Нурмухаммед. Тарыктардын жыйнагы («Мажму-ат ут-таварих») / котор. М. Добсолов, О. Сооронов. Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996. 128 б.
34. Саетов Р.С. Бүләр (Бараж) шәжәрәсе // Туган жир. Родной край. 2018, no. 4. Б. 99–116.
35. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 274 с.
36. Урманчеев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань. 1984. 312 с.
37. Урманчеев Ф.И. Героическое сказание «Ак Кубек» // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 13–25.
38. Урманчеев Ф.И. Татар халык ижаты. Казан: «Мәгариф», 2002. 335 б.
39. Фалеев П.А. Ногайская сказка об Ак-Кобоке // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). Т. 5. Вып. 1. Пертоград, 1918. С. 189–196.
40. Худуд ал-'алам // Материалы по истории Киргизии. Вып. I. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит.-ры, 1979. С. 35–44.
41. Юсупов Ф.Ю. В.В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи». Часть IV. Нижний Тагил: ООО «Онлайн-сервис», 2021. 912 с.
42. [Juzjani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I. 718 p. Vol. II. 1296 p.
43. Golden Peter B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I, pp. 296–309.
44. Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and mistofortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986. Vol. 66, pp. 5–30.
45. Golden P.B. Ethnicity and state formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia. Indiana University, 2001. 46 p.
46. Horváth, Andras P. Pecheneges, Cumans, lasians. Steppe peoples in medieval Hungary. Budapest: «Corvina Kiado», 1989. 142 p.
47. Kirzioğlu F. Yukari-Kür ve Çoruk boyları'nda Kıpçaklar. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi, 1992. 278 s.

*Сведения об авторах:* Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной станции УрО РАН; главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (420015, ул. Пушкина, 52, Казань, Российская Федерация). E-mail: monitoring\_vkt@mail.ru

Илсеяр Гамиловна Закирова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация). E-mail: ilzakirova@mail.ru

Поступила 16.05.2022 Принята к публикации 10.08.2022  
Опубликована 29.09.2022

## REFERENCES

1. Ak Kubek. *Tatar eposy. Dastannar* [Tatar epics. Dastans]. Kazan: publishing house «Rannur», 2004, pp. 530–538. (In Tatar)
2. Altaians. Ethnic history. Traditional culture. Modern development. Editorial board N.V. Eneev (ed.), N.M. Eneeva, E.G. Enchinov, S.S. Surazakov Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2014. 464 p. (In Russian)
3. Ahinzhanov S.M. Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan. Alma-Ata: Nauka, 1989. 293 p. (In Russian)
4. Ahmatova F.V. Dastans. *Tatar fol'klory zhanrlary* [Genres of Tatar folklore]. Kazan, 1978, pp. 26–50. (In Tatar)
5. Bashkir pedigrees. Composition. preface, explanations to the translation, transl. in Russian, afterword by R.M. Bulgakov, M.H. Nadergulov; decree, facsimile by R.M. Bulgakov. 2nd ed., corr. and add. Ufa: Kitap, 2016. 480 p. (In Russian)
6. Vladimircov B.YA. Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples. Editorial board: V.M. Alpatov (pred.) and others; Comp. Slesarchuk G.I. Moscow: «Oriental literature», 2002. 557 p. (In Russian)
7. Zakirova I.G. Dastan «Ak Kubek» of the Turkic peoples. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2009, no. 44, pp. 296–301. (In Russian)
8. Zakirova I.G. Epic creativity of the Golden Horde period: mythological and historical foundations. Kazan, 2011. 268 p. (In Russian)
9. The history of Kazakhstan in Arabic sources. Vol. I. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works collected by V.G. Tiesenhäusen. Revised and expanded edition. Preparation for the new edition, introduction, additions and comments by E. Kumekov, A.K. Mukminova. Almaty: Dyke Press, 2005. 711 p. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. Commentary on the work of the same name «the notebook of Genghis-name». *Tugan jir* [Native land]. 2018, no. 2, pp. 25–28. (In Tatar)
11. Iskhakov D.M. From the ethnic history of the Tatars of the eastern regions of the Tatar ASSR to the beginning of the XX century. *K voprosu etnicheskoy istorii tatarskogo naroda* [New in ethnographic studies of the Tatar people]. Kazan: IYALI KFAN USSR, 1985, pp. 60–67 (In Russian)
12. Iskhakov D.M. The history of the Kai (Kayy) tribe and the question of the origin of the Ottoman dynasty. *Tugan jir* [Native land]. 2020, no. 1, pp. 34–50; no. 2, pp. 52–68 (In Russian)
13. Iskhakov D.M. New data on the clan affiliation of the «Siberian Princes». To the 80th anniversary of R.G. Kuzeev. *«Etnos. Obshchestvo. Civilizaciya: II Kuzeevskie chteniya* [«Ethnos. Society. Civilization: II Kuzeyev readings»]. Ufa, 2009, pp. 224–227 (In Russian)
14. Iskhakov D.M. Patronymia of the Chepetsky Tatars. *Novoe v etnograficheskikh issledovaniyah tatarskogo naroda* [New in ethnographic studies of the Tatar people]. Kazan: IYALI KFAN USSR, 1978, pp. 60–67 (In Russian)
15. Iskhakov D.M. In the footsteps of a Tatar dastan: in search of historical realities in the epic work «Ak Kubek». *Tugan jir*. [Native land]. 2021, no. 4, pp. 20–33 (In Russian)



16. Katanov N. On the religious wars of the disciples of Sheikh Bagautdin against the foreigners of Western Siberia (according to the manuscripts of the Tobolsk Provincial Museum). *Ezhгодnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum]. 1904. Issue XIV. Tobolsk, 1905, pp. 1–28 (In Russian)

17. Kuzeev R.G. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition. The history of settlement. Moscow: Nauka, 1974. 570 p. (In Russian)

18. Kumekov B.E. The state of the Kimaks of the IX–XI centuries according to Arabic sources. Alma-Ata: Publishing house «Nauka» of the Kazakh SSR, 1972. 155 p. (In Russian)

19. Kushkumbaev A.K. Information of Kazakh shezhere on the history of medieval Kipchaks. «*Deshti Kypshaknyg orta gasyrlyk tarihy*» atty *Halyqaralyq gylymi konferenciya. 2017 zhylдын 13–14 kyrkujuti*. [International Scientific Conference “Medieval History of Deshti Kipchak”]. September 13–14, 2017.]. Pavlodar: «ECO» GFZSHS, 2018, pp. 76–82 (In Russian)

20. Kyzlasov L.R. Early Mongols (On the problem of the origins of medieval culture) *Sibir'. Central'naya Aziya i Vostochnaya Aziya / Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [Siberia. Central Asia and East Asia / History and Culture of East Asia]. Vol. III. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1975, pp. 170–177 (In Russian)

21. Kyrgyz. Ed. A.A. Asankanov, O.I. Brusina, A.Z. Zhaparov; Institute of Ethnology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS; Institute of History and Cultural Heritage of NAS KR]. Moscow: Nauka, 2016. 623 p. (In Russian)

22. Miller G.F. History of Siberia. Second ext. ed. Vol. I. Moscow: Oriental literature, 1999. 630 p. (In Russian)

23. Five pages from the heritage: literary and historical monuments of the XVII–XIX centuries (transl. and introduction S. Gilyazutdinov). Kazan: Tatar. Book Publ. House, 2011. 331 p. (In Tatar)

24. Nadzhip E.N. Studies on the history of the Turkic languages of the XI–XIV centuries. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1989. 281 p. (In Russian)

25. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V.V. Radlov. St. Petersburg, 1886. Part I. 420 p. (In Russian)

26. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V.V. Radlov. St. Petersburg, 1872. Part IV. 411 p. (In Russian)

27. Samples of folk literature of Turkic tribes published by V. Radlov. Part IX. Dialects of Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N.F. Katanov. St. Petersburg, 1907. 660 p. (In Russian)

28. Pletneva S.A. Polovtsy Moscow: Lomonosov Publishing House, 2010. 216 p. (In Russian)

29. Pletneva S.A. Polovtsy. Gen. ed. akad. B.A. Rybakov. Moscow: Nauka, 1990. 208 p. (In Russian)

30. Potanin G.N. Tangut-Tibetan outskirts of China and Central Mongolia. Travels of G.N. Potanin. 1884–1886. Vol. II. St. Petersburg, 1893. 436 p. (In Russian)

31. Potapov A.P. Ethnic composition and origin of Altaians. Historical and ethnographic essay. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1969. 196 p. (In Russian)

32. Rashid ad-Din. Collection of chronicles. Vol. I. The first book. Moscow: «Ladimir», 2001. 315 p. (In Russian)

33. Saif al-din ibn damullo-Aksikent Shah Abbas, his son Nurmukhammad. Collection of Tari («Majmu-at ut-tavarih») / Editorial board M. Dobsolov, O. Sooronov]. Bishkek: State Concern «Akyl», 1996. 128 b. (In Kyrgyz)

34. Saetov R.S. The genealogy of Bulat (Baraza) *Tugan jir*. [Native land], 2018, no. 4, pp. 99–116. (In Tatar)

35. Tomilov N.A. The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the XVI – first quarter of the XIX centuries. Tomsk: Publishing House of TSU, 1980. 274 p. (In Russian)
36. Urmancheev F.I. The heroic epic of the Tatar people. Kazan, 1984. 312 p. (In Russian)
37. Urmancheev F.I. Heroic legend «Ak Kubek». *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1977, no. 3, pp. 13–25 (In Russian)
38. Urmancheev F.I. Tatar folk art. Kazan: «Magarif», 2002. 335 p. (In Tatar)
39. Faleev P.A. Nogai tale of Ak-Kobok *Sbornik muzeya antropologii i etnografii pri Rossijskoj Akademii nauk. Ko dnyu 80-letiya akademika Vasiliya Vasil'evicha Radlova (1837–1917)* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences. On the 80<sup>th</sup> anniversary of Academician Vasily Vasilyevich Radlov (1837–1917)]. Vol. 5. Iss. 1. Pertograd, 1918, pp. 189–196. (In Russian)
40. Hudud al-alam. *Materialy po istorii Kirgizii* [Materials on the history of Kyrgyzstan.]. Issue I. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1979, pp. 35–44. (In Russian)
41. Yusupov F.YU. V.V. Radlov and his book «Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungarian steppe». Part IV. Nizhny Tagil: Online Service LLC, 2021. 912 p. (In Russian)
42. [Juzjani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I. 718 p. Vol. II. 1296 p. (In English)
43. Golden Peter B. The Polovci Dikii. *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I, pp. 296–309. (In English)
44. Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and mistofortunes of an Inner Asian Nomadic Clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986. Vol. 66, pp. 5–30. (In English)
45. Golden P.B. Ethnicity and state formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia. Indiana University, 2001. 46 p. (In English)
46. Horváth, Andras P. Pecheneges, Cumans, lasians. Steppe peoples in medieval Hungary. Budapest: «Corvina Kiado», 1989. 142 p. (In English)
47. Kirzioğlu F. *Yukari-Kür ve Çoruk boylari'nda Kipçaklar*. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi, 1992. 278 s. (In Turkish)

**About the authors:** Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Chief Editor of the “Tugan jir. Native Land” magazine (52, Pushkin Str., Kazan 420015, Russian Federation). E-mail: monitoring\_vkt@mail.ru

Ilseyar G. Zakirova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4, K. Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: ilzakirova@mail.ru

*Received May 16, 2022 Accepted for publication August 10, 2022  
Published September 29, 2022*

УДК 94(517)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.523-536

EDN: AVYRZL

## К ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ «ИСТОРИИ МОНГОЛОВ» ПЛАНО КАРПИНИ

**В.В. Трепавлов**

*Институт российской истории РАН  
Москва, Российская Федерация  
trepavlov@yandex.ru*

*Цель исследования:* идентификация представителей монгольской правящей элиты XIII в., чьи имена упоминаются в «Истории монголов» папского легата, францисканца Иоанна (Джованни) де Плато Карпини, а также отдельных исторических реалий эпохи монгольских завоеваний.

*Материалы исследования:* Вольфенбюттельский список «Истории монголов» и его новый русский перевод, персидские и арабские хроники, русские летописи, монгольские средневековые сочинения XIII и XVII в., историография Монгольской империи первой половины XIII в.

*Результаты и научная новизна:* на основании сопоставления сведений из различных источников предлагаются варианты отождествления некоторых персонажей, фигурирующих в «Истории монголов» Плато Карпини. Идентификация имен осложняется обилием их разночтений в различных редакциях и рукописных версиях исследуемого сочинения. Основой для анализа послужила вторая, пространная редакция труда Плато Карпини, существующая в двух списках, которые независимо друг от друга восходят к общему протографу, – Вольфенбюттельском XIV в. и Кембриджском XIII в. В статье предлагается отождествление монгольских наместников в южнорусских степях Мауци и Карбона – соответственно с нойоном Мугэду и с анонимным *гурганом* (т.е. зятем Бату); Батыева придворного сановника Елдегая – с Ельдеке из племени джурьят. Также приводятся предположения относительно обнаружения прототипов монгольского военачальника и наместника Коренцы (Куремсы), хорезмийского правителя Altisoldan'a и города народа «саксов» (саксинов) Суммеркента.

**Ключевые слова:** Плато Карпини, Улус Джучи, Монгольская империя, Чингизиды, правое и левое крылья, кочевание

**Для цитирования:** Трепавлов В.В. К идентификации некоторых персонажей «Истории монголов» Плато Карпини // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 523–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.523-536 EDN: AVYRZL

## ON THE IDENTIFICATION OF SOME CHARACTERS IN PLANO CARPINI'S "HISTORY OF THE MONGOLS"

*V.V. Trepavlov*

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences  
Moscow Russian Federation  
trepavlov@yandex.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* To identify representatives of the Mongolian ruling elite of the 13<sup>th</sup> century whose names are mentioned in the "History of the Mongols" by the Papal legate, Franciscan John (Giovanni) de Plano Carpini, as well as several historical realities of the epoch of the Mongol conquests.

*Research materials:* The Wolfenbüttel copy of the "History of the Mongols" and its new Russian translation, Persian Arabic and Russian chronicles, Mongolian medieval writings of the 13<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> century, historiographical literature on the Mongol Empire of the first half of the 13<sup>th</sup> century.

*Results and novelty of the research:* Based on the comparison of information from various sources, different proposals for the identification of some characters appearing in the "History of the Mongols" by Plano Carpini have been offered. Identification of names is complicated by the abundance of their discrepancies in various editions and handwritten versions of the work under study. The basis for the present analysis was the second, lengthy edition of Plano Carpini's work, existing in two copies that independently go back to the common protograph – the Wolfenbüttel (the 14<sup>th</sup> century) and the Cambridge (the 13<sup>th</sup> century). This article suggests the identification of the Mongol governors in the southern Russian steppes, Mautsi and Karbon, with Noyon Magedu and an anonymous Gurgan (i.e., Batu's son-in-law) respectively; Batu's court dignitary Eldegai can be associated with Eldeke from the Juryat tribe. Assumptions are also made regarding the discovery of prototypes of the Mongol military commander and governor Korentsa (Kuremsa), the Khorezm ruler Altisoldan, and the town Summerkent of the "Saxes" (Saxins) people.

**Keywords:** Plano Carpini, Ulus of Jochi, Mongol Empire, Chingisids, right and left wing, nomadism

**For citation:** Trepavlov V.V. On the identification of some characters in Plano Carpini's "History of the Mongols". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 523–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.523-536 (In Russian)

В течение нескольких последних лет небольшой коллектив российских историков поставил перед собой задачу заново перевести на русский язык и прокомментировать известное сочинение францисканца Иоанна (Джованни) де Плано Карпини «История монголов» с повествованием о его путешествии ко двору монгольского каана Гуюка в 1245–1247 гг. За основу новой публикации этого труда взята его вторая, пространная редакция, существующая в двух списках, которые независимо друг от друга восходят к общему протографу, – Вольфенбюттельском XIV в. и Кембриджском XIII в.

Автору этих строк было поручено составить комментарии к большинству упоминаемых там персонажей и реалий монгольской, тюркской и в целом восточной истории, в то время как мои коллеги взяли на себя объяснение сюжетов, относящихся к Руси и католической Европе. Во время обдумывания комментируемого материала порой рождались некоторые догадки и гипотезы.

тезы, с частью которых, вероятно, было бы небезынтересно познакомиться читателям журнала.

Приводимые ниже фрагменты латинского текста цитируются по Вольфенбюттельскому списку. Разночтения, встречающиеся в Кембриджском списке, обозначаются литерой *C*; в одном случае приводится вариант написания имени в списке, хранящемся в Национальной библиотеке Франции (литера *P*).

В спутники Плано Карпини были определены двое «братьев» – его коллег по ордену францисканцев: опытный путешественник и полиглот Бенедикт Поляк и Стефан из Богемии, который, впрочем, повернул назад из Южной Руси. Впоследствии Бенедикт написал сочинение под названием «О путешествии меньших братьев к тартарам». Это описание более чем двухлетнего странствия гораздо короче книги Плано Карпини. На основе устных рассказов Бенедикта францисканец Ц. де Бридиа, в свою очередь, составил собственную «Историю тартар». Варианты написания анализируемых имен в этих двух сочинениях также учтены в статье.

### **I. Елдегай** (варианты написания в рукописях: *Eldegai*, *Elidegar*<sup>1</sup>).

«Et cum pervenissemus ad ordam, fuimus interrogati a procuratore suo qui vocabatur, cum quo vellemus inclinare, id est que munera voluimus ei dare... Datis ergo muneribus et acceptis, interrogavit nos procurator predictus, scilicet *Elidegal* [*C*: qui *Eldegai* appellatur], causam adventus nostri»

«И когда мы прибыли в орду, нас спросил его (Бату. – *В.Т.*) представитель по имени *Ельдегай*, чем мы ему хотим поклониться, то есть какие дары мы ему хотим вручить... Когда он принял переданные дары, вышеуказанный представитель, то есть *Ельдегай*, расспросил нас о причине нашего приезда» (Пер. П.В. Лукина)

По всей видимости, Ельдегай Плано Карпини – это Ельдеке. В источниках содержится весьма скудная информация об этом человеке. По Лубсан Данзану, Чингиз-хан при распределении улусов и войск между сыновьями назначил нойона Хушитая-Байку (Хукина) из племени хушинов в услужение к своему первенцу Джучи, с задачей «отделить правую сторону владения Джочи» [11, с. 232], т.е. стать наместником западной части улуса. О том же сообщает Рашид ад-Дин, но отнес командование этого нойона над «правой стороной» Улуса Джучи уже к времени Бату: «Чингиз-хан отдал его вместе с войском Джучи, и он ведал правым крылом войска Бату. В конце жизни он (Хушитая-Байку. – *В.Т.*) доложил: “Я стар и слаб, этим делом не могу (заниматься)”. Он привел одного человека из племени джуръят по имени Ельдеке, мать которого он взял в жены, и сделал его своим заместителем, а после тот занял его место» [31, с. 74]. Очевидно, Ельдеке был незнатного происхождения и сделал карьеру лишь благодаря близости к своему престарелому отчиму.

Судя по сообщению Плано Карпини, во второй половине 1240-х гг. Ельдеке состоял при дворе Бату, исполняя должность ближайшего придворного сановника (хотя, возможно, и сохраняя за собой номинальный пост начальника правого крыла).

<sup>1</sup> Варианты написания приведены по двум названным основным спискам «Истории монголов», а также по изданиям: [34; 38; 39].

Несомненно, Ельдеке/Елдегай – это Елдега «Сказания о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», который в том же 1246 г., когда Плано Карпини посетил Батыев двор, уговаривал князя Михаила Всеволодовича исполнить монгольские обязательные обряды ритуального очищения перед аудиенцией у Бату. В русском источнике Елдега назван «стольником царевым» и одним из «предстоящих ему (Батыю. – *В.Т.*) сановитыа», т.е. высших вельмож [17, с. 131–133, 240–242]. В обоих случаях на него была возложена обязанность расспросить и проинструктировать чужеземцев в преддверии приема их правителем.

**II. Карбон** (варианты написания в рукописях: *Catran, Carton, Carbon, Catbon, Tirbon*).

«...secundum appellatur Ydon [C: Don], super quod ambulabat [C: ambulat] quidam princeps, qui habet sororem Bathi [C: Bati] in uxorem, qui *Catbon* [C: *Carbon*] nuncupatur»

«...вторая [река. – *В.Т.*] называется Дон, вдоль неё кочевал некий князь, женатый на сестре Батыя, по имени *Карбон*» (Пер. П.В. Лукина)

«Rex Daniel Ruscie cum omnibus militibus et hominibus sunt, qui venerant secum, nos prope Bati invenerunt, prope stationes *Carbon*, qui habet sororem Bati»

«Даниил, король Руси со всеми воинами, которые встретили нас поблизости от ставки *Карбона*, женатого на сестре Батыя» (Пер. П.В. Лукина)

Других сведений об этом лице в источниках нет, и Карбон не поддается идентификации ни с одним из представителей монгольской высшей аристократии той эпохи. Однако учитывая различия в написании его имени в различных рукописях «Истории монголов», можно предположить, что так было записано не собственное монгольское имя, а нарицательное. Возможно, таким образом Плано Карпини отобразил монгольский термин *кюрген* – «ханский зять», каковым действительно являлся загадочный Картан, женатый на сестре Бату. Плано Карпини, скорее всего, услышал тюркизированный вариант *гур(а)ган*, впоследствии распространившийся в тюркских языках и фарси. В таком случае «Картан» не являлся царевичем-Чингизидом, членом правящей династии, а состоял в более низком ранге – был «неким князем», по Плано Карпини. Но в имперской элите люди такого статуса все же занимали довольно высокое положение – после царевичей и перед «князьями»-нойонами [3, с. 197, 115, 117]. Это положение иллюстрируется, в частности, описанием в «Тайной истории монголов» интронизации каана Угэдэя в 1229 г.: в церемонии участвовали «Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки... царевичилевой руки... царевичи Центра; царевны, *зятья*, нойоны-темники и тысячники» [10, с. 191]. Предоставление шурином (Бату) удела в управление своему зятю-кюргену вполне соответствовало организации улусной системы в Монгольской империи, в том числе в Улусе Джучи (см. [33, с. 50–54]). Поскольку хронисты, как правило, не обращали внимания на дочерей правителей, имя сестры Бату (т.е. дочери Джучи), упоминаемой Плано Карпини, как и подробности ее жизни, и имя мужа осталось неизвестным. В источниках, кажется, единственный раз упоминается дочь Джучи Кулуй-Икачи, выданная за ойратского нойона Иналджи [23, с. 119, 120].

**III. Маучи** (варианты написания в рукописях: Maucu, Mouscy, Mouty, Mancu, Moncy, Mouchu, Moner, Memen, Mentu).

«Isti alii remanserunt in terra Mongalorum: ...*Moner* [Mouscy – P]...»

«А вот эти, иные [царевичи и военачальники. – В.Т.], остались в стране монголов... *Монер* [*Моучи* – С]...» (Пер. П.В. Лукина)

«Ivimus autem per totam terram Comanorum... et habet quatuor flumina magna: primum Nepe [C: Neiper] appellatur, iuxta quod ex parte Ruscie ambulabat Conrenza [C: Corenza], et ex parte alia, per illa campestria, *Memen* sive *Mentu* [C: *Monti*], qui maior est quam Corenza»

«Проехали же мы через всю землю куман... и в ней есть четыре главные реки: первая называется Днепр, рядом с ней со стороны Руси кочевал Коренца, а с другой стороны, по равнине, *Мемен* или *Менту* [C: *Монти*], который главнее Коренцы» (Пер. П.В. Лукина)

«cum redissent usque ad *Mouchu* [C: *Maucy*], ibidem retenti fuerunt usque ad reditum nostrum»

«...когда они [спутники Плано Карпини. – В.Т.] доехали до *Моуци*, их там задержали до нашего возвращения» (Пер. П.В. Лукина)

«Et datis nobis litteris [...] [C: de con]ductu, ab eo recessimus, et venimus [C: ab eo] usque ad *Mouty* [C: *Maucy*] [C: in] sabbato»

«И после того, как он [Бату. – В.Т.] выдал нам проезжую грамоту, мы уехали от него и приехали от него к *Моуци*» (Пер. П.В. Лукина)

«Apud *Moncy* invenerunt socios nostros qui remanserunt, dux Ierozlaus et societas eius»

«У *Монци* наших спутников, которые [там] оставались, встретили князь Ярослав и его спутники» (Пер. П.В. Лукина)

Идентификации Мауци затруднена из-за отсутствия явного сходства его имени с именами Чингизидов первой половины XIII в. Попыткам видеть в нем сына Джучи Бувала/Мувала или одного из сыновей Чагатая – Мутугэна или Муджи-Яя (см., например [9, с. 131; 20, с. 76, 156; 29, с. 313; 36, с. 159]) препятствуют молчание источников и малая вероятность пребывания названных лиц в то время и в тех местах, где Плано Карпини застал Мауци (критику см. [26]). Это район, располагавшийся предположительно к западу от Северского Донца и нижнего Дона и к востоку от Днепра (см. [5, с. 164; 33, с. 61; 36, с. 162–163]). Возможно, Мауци не принадлежал к монгольскому правящему роду и являлся лишь наместником. Старшинство над соседним наместником Куремсой и местонахождение в центре между территорией последнего и кочевьями другого наместника, Картана, позволяют предполагать пребывание его в то время в должности начальника правого крыла удельной половины Бату в Улусе Джучи или даже всего Улуса (см. [13, с. 46–47; 27, с. 64–66; 35, с. 242–244]).

В Галицко-Волынской летописи Мауци появляется в единственном эпизоде как *Могучей*, потребовавший через своего посла в 1245 г. у галицко-волынского князя Даниила Романовича «дать» Галич, т.е. передать стольный город Галицкой земли под непосредственное управление монголов, с намерением наложить на него дань. Это требование послужило для Даниила одной из причин отправиться к Бату для изъявления номинальной покорности завоевателям [4, с. 121, 166–167; 15, с. 232; 16, с. 535; 32, с. 123].

Если продолжить поиск аналогий имени Мауци среди монгольской элиты первой половины XIII в., то внимание исследователей, кажется, пока не привлекал некий Мункеур из «Тайной истории монголов», названный у Рашид ад-Дина Мунгуром, Мунгэду-нойоном и Мугэту-бахадуром (ср.: Могучей) из племени сиджиутов, в «Муиззе» – Мунгеду (тоже сиджиутом), в «Алтан тобчи» Лубсан Данзана – Мунгэту-багатуром [10, с. 176; 11, с. 233; 12, с. 39; 23, с. 183; 24, с. 46, 270, 274;]. Он был отправлен Чингиз-ханом вместе с двумя (или тремя) другими военачальниками в помощь Джучи для управления «землею оросутов и чэркисутов», т.е. русских и черкесов. То есть он некогда переселился из Монголии в Улус Джучи и, в общем, может предположительно рассматриваться как аналог Мауци/Могучей.

**IV. Куремса** (варианты написания в рукописях: Corenza, Corensa, Conreyza, Coracenia, Cerentera).

«...Dixerunt quod... subducticios equosusque ad *Coreima* [C: *Coreiram*]... Ad *Conreyzam* [C: *Corenzam*] arripuimus iter eundi... Dux autem iste dominus est omnium qui sunt in custodia positi contra omnes homines occidentis, ne forte subito et improvise irruerent super eos. Ipse dux habet sub se, ut audivimus, sex milia hominum armatorum»

«...Они ответили, что... предоставят нам почтовых лошадей и сопровождение, чтобы мы добрались до *Коренцы*. ...Мы тронулись в путь к *Коренце*... Этот князь – господин надо всеми, кто размещён для охраны границы против всех людей Запада, дабы как-нибудь внезапно и неожиданно они бы на них не напали. У этого князя, как мы слышали, в подчинении находится шесть тысяч вооружённых людей» (Пер. П.В. Лукина)

«Ivimus autem per totam terram Comanorum... et habet quatuor flumina magna: primum Nepe [C: *Neiper*] appellatur, iuxta quod ex parte Ruscie ambulabat *Conrenza* [C: *Corenza*], et ex parte alia, per illa campestria, Memen sive Mentu [C: *Monti*], qui maior est quam *Corenza*»

«Проехали же мы через всю землю куман... и в ней есть четыре главные реки: первая называется Днепр, рядом с ней со стороны Руси кочевал *Коренца*, а с другой стороны, по равнине, Мемен или Менту [C: *Монти*], который главнее *Коренцы*» (Пер. П.В. Лукина)

«Isti alii remanserunt in terra: ...*Cerentera* [C: *Coracenia* ], sed iste inter alios minimus est»

«Остались в своих краях... *Черентера* [C: *Корачения*], но этот среди прочих самый младший» (Пер. П.В. Лукина)

«Nos... cum duobus Tartaris qui nobis apud *Corenzam* erant assignati, recessimus»

«Мы... отправились в путь вместе с двумя татарами, которых нам выделили у *Коренцы*» (Пер. П.В. Лукина)

«Et inde ivimus usque ad *Corenzam*, qui etiam petivit a nobis iterum donaria... Isti aut [C: *autem*] alii qui nobis ad *Corensa* [C: *a Corenza*] erant dati, in 6 [C: *sex*] diebus ab ultima custodia usque ad *Kyoviam* [C: *Kioniam*] nos duxerunt...»

«И оттуда мы отправились к *Коренце*, который ещё раз потребовал от нас даров... Те же другие (татары. – *В.Т.*), которых нам дал *Коренса*, за шесть дней сопроводили нас от последней заставы до Киева» (Пер. П.В. Лукина)



«Apud *Corenzam* invenimus Nongrot centurio Kiouie»

«У *Коренцы* мы встретили Нонгрота, киевского сотника» (Пер. П.В. Лукина)

Отождествление Корацениа/Коренцы с Курумиши (Курмыши, Хурумши) – третьим сыном Орда-эджена было предложено П. Пельо [40, с. 38, 39] и стало традиционным в историографии, хотя, кроме сходства имен, оснований для этого не находится. В Ипатьевской летописи данный персонаж фигурирует как Куремса, что, возможно, ближе к оригинальному произношению (ср. имя крымского гонца XVI в. в русской передаче: Куремша/Курамша/Хуремша – см. [19, с. 69, 70, 79, 80, 233]). Ряд историков подвергает сомнению принадлежность Курумиши к потомству Орда-эджена и вообще к роду Чингизидов, исходя из отмеченного Плано Карпини его младшего статуса, а также указания Рашид ад-Дина на пребывание всех сыновей Орда-эджена в отцовских кочевьях, т.е. далеко на востоке (см. [13; 18, с. 200–206]). В пользу же такого отождествления теоретически может свидетельствовать практика предоставления владений в пределах одного улуса Монгольской империи (в данном случае Улуса Джучи) Чингизидам из других улусов (см., например [21]). Однако Рашид ад-Дин определенно указывает на отсутствие долговременных контактов между двумя линиями старших Джучидов: «С самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса» [25, с. 66].

В литературе также предлагаются версии об идентичности Курумиши с кипчакскими предводителями Хурусманом или Кумурбишем [18, с. 206–211]. Кроме того, возможна идентичность Курумиши с Курмыши – отцом двух (?) активных участников междоусобной борьбы в Золотой Орде на рубеже XIII–XIV вв., о которых упомянул египетский автор XIV в. Рукн ад-Дин Бейбарс (см. [30, с. 103, 106]).

Корацениа Плано Карпини / летописный Куремса управлял уделом (улу-сом) на правом берегу Днепра, вероятно, состоявшим из трех округов-туменов на пространстве между Днепром и Южным Бугом; его ставка располагалась где-то выше днепровских порогов [35, с. 255, 256; 36, с. 164–166]. По мнению А.Н. Насонова, он стремился постепенно продвигать дальше к западу границу владений, входивших в Монгольскую империю, чтобы обезопасить их от возможных вторжений европейских противников монголов [15, с. 232–234, 332]. В 1250-х гг. Куремса пытался добиться подчинения монголам князя Даниила Романовича, для чего трижды вторгся в пределы Галицко-Волынского княжества, но не достиг цели: «Данило же держаше рать с Куремьсою, и николи же не бояся Куремьсѣ: не бѣ моглъ зла ему створити никогда же Куремьса». Около 1257 г. Куремса был заменен более воинственным и удачливым военачальником Бурундаем [16, с. 550, 555, 557, 558, 560].

## V. Алтисолдан

«Nec terra habebat dominum qui vocabatur Altissoldan [C: Altissoldani], qui destructus erat a Tartaris cum omni progenie sua, cuius nomen proprium ignoramus.»

«Правителя этой страны звали Альтисолдан, который был уничтожен татарами вместе со всем своим потомством; его настоящего имени мы не знаем» (Пер. П.В. Лукина)

Имеется в виду один из правителей государства хорезмшахов – Ала ад-Дин Мухаммад II или его сын и преемник Джалал ад-Дин Менгуберди. Неясно, о ком из них идет речь в комментируемом тексте (дискуссию и ссылки на литературу см. [34, с. 258, 379]). Возможно, образы того и другого в восприятии Плано Карпини или его информаторов слились воедино. В обоих именах присутствует схожее звуко сочетание *ла/ал ад ди*, оба их носителя обладали султанским титулом и оба потерпели поражение в борьбе с монголами, однако закончили свои дни не от их рук. Ала ад-Дин Мухаммад, пытаясь спастись от завоевателей, укрылся на острове в Каспийском море, где умер в 1220 г. Джалал ад-Дин в 1231 г. был убит неким курдом в области Диярбакыр (совр. территория восточной Турции). В пользу индентификации с Джалал ад-Дином свидетельствует упоминание «Чжалалдин-солтана» в «Тайной истории монголов» при описании войны Чингиз-хана с «саратаульским народом» (Хорезмом); его отца этот источник не знает [10, с. 187]. Но фигура Ала ад-Дина Мухаммада, очевидно, более соответствует лицу, упоминаемому Плано Карпини. Названная последним подробность – умерщвление татарами всего потомства «Алтисолдана» – совпадает с судьбой младших сыновей Ала-ад-Дина Мухаммада – Озлаг-шаха, Ак-шаха и Рукн ад-Дина. В 1221 г. в ходе войны в Хорасане первые двое погибли в сражении с монголами, третий был взят в плен и казнен [1, с. 505; 2, с. 153]. Из сыновей же Джалал ад-Дина известны Каймакар-шах (умер в 1227 г. в трехлетнем возрасте) и Манкатуй-шах (был жив во время гибели отца) [14, с. 226, 227, 270].

## VI. Саксы, Суммеркент.

«Nec autem sunt nomina terrarum viriliter eis resistencium nec tempore meo subicientur eisdem... [Saxi]. Quamdā enim civitatem Saxorum predictorum, ut nobis dicebatur ibidem, obsederunt et, debellare temptarunt. At ipsi fecerunt machinas contra machinas Tartarorum, et Tartarorum machinas omnes fregerunt, nec civitati appropinquare poterant ad pugnam propter machinas et balistas; tandem unam viam sub terra fecerunt, et prosilierunt in civitatem, et alii temptabant incendere civitatem, et alii pugnabant. Homines autem civitatis unam partem ad extinguendum ignem posuerunt, et alia pars fortiter pugnabat cum iis qui intraverunt civitatem, et multos occiderunt ex eis, alios vulneraverunt, compellentes eos ad suos redire. Ac ipsi, videntes quod nichil possent facere eis et quod multi morerentur, recesserunt ab eis»

«Вот имена тех земель, которые им (монголам. – *В.Т.*) мужественно противостояли... [С: Саксы]<sup>2</sup>. Однажды они, как нам говорили, осаждали и пытались захватить город упомянутых Саксов. Те же сделали машины против машин Татар и разрушили все машины Татар, так что те не могли приблизиться к городу из-за машин и баллист, наконец они сделали дорогу под землей и проникли в город, и пока одни пытались поджечь город, другие сражались. В городе же одну часть людей поставили одну часть бороться с огнем, а

<sup>2</sup> В данном списке завоеванных стран Вольфенбюттельского списка саксы отсутствуют.

другая отважно сражалась с теми, кто проник в город, они многих убили, других ранили и в конце концов заставила тех отступить к своим. А те, видя, что ничего не могут тут сделать, и что многие умрут, отступили от города» (Пер. А.А. Вовина)

В историографии утвердилось мнение, что саксами Плано Карпини называет саксинов – жителей одноименных города и области на Нижней Волге (см. [7, с. 370, 371]). В этническом отношении саксины являлись конгломератом представителей окрестных народов: болгар, огузов, алан и др. В XII в. город Саксин являлся значительным торговым центром на караванных путях, соединявших Центральную Азию с Причерноморьем. Его остатки предположительно идентифицируются с Самосдельским городищем в Астраханской области [28]. Регион Саксина, очевидно, входил в сферу влияния Волжской Булгарии. В источниках сохранились косвенные сведения о долгой и успешной обороне Саксина от неоднократных нападений монголов, начавшихся с 1229 г. [8, с. 139, 140; 37, с. 15, 16]. Если принять гипотезу, в целом разделяемую большинством историков, о тождестве Саксина с городом Суммеркент в дельте Волги, о котором упоминает Г. Рубрук и которым монголы, по его словам, пытались овладеть в течение восьми лет [22, с. 185], то обстоятельства обороны «города Саксов» Плано Карпини действительно могут соответствовать действительности. Саксин был захвачен монголами в 1236 г., в ходе окончательного завоевания Волжской Булгарии.

Хотя в других источниках почти не отразилась борьба саксинов с завоевателями, столь долгое противостояние с ними должно было каким-то образом отразиться в памяти современников и на репутации города. Упорно защищавшийся русский Козельск, как известно, получил у монголов характерное прозвище «злой город». Если они в подобной же манере «отметили» и Саксин, то Суммеркент Рубрука мог оказаться его эвфемистической заменой. Последний слог *-кент* есть персидское *кенд* («крепость»). Тогда можно предполагать, что и остальная часть слова читается на фарси. По приблизительной аналогии с Козельском возможно гипотетически восстановить искаженное Рубруком прозвище Саксина «Суммеркент» как *Шумтарин кенд* (перс. «самая злосчастная крепость»).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 760 с.
2. Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука. 1986. 248 с.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
4. Горский А.А. «Бещисленныя рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 416 с.
5. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
6. Иванова Е.Е. К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37–48.
7. История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: РухИЛ, 2006. 960 с.

8. История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–XIV вв. Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.

9. История Украины. Научно-популярные очерки. Под ред. В.А. Смолия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 1070 с.

10. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

11. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.

12. Муизз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). Отв. ред. А.К. Муминов. Пер. с перс., предисл., прим., подгот. факсимиле к изд. Ш.Х. Вохидова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с. (История Казахстана в персидских источниках, т. III).

13. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003. 178 с.

14. ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Крит. текст, пер. с араб., пред., комм., прим. и указ. З.М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1996. 798 с.

15. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование; Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: Наука, 2002. 412 с.

16. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Летопись по Ипатскому списку. Ред. С.Н. Палаузов. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. 704 с.

17. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Подгот. к изд. А.Ф. Бычков. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1885. 250 с.

18. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 276 с.

19. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. Отв. ред. М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.

20. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006. 352 с.

21. Почекаев Р.Ю. Китайские владения Золотой Орды: административно-правовое положение // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Казань: Фолиант, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 60–64.

22. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. Пер. с лат. А.И. Малеина. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.

23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. Под ред. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 191 с.

24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О.И. Смирновой. Под ред. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.

25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. с перс. Ю.П. Верховского. Под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

26. Сабитов Ж.М. Улусы Джучидов в 1242–1266 годах // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. 2. Науч. ред. Р. Закиров. Казань: ЯЗ, 2011. С. 46–63. URL: <https://proza.ru/2012/03/20/1068> (время обращения 10.02.2019)

27. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак Орды и Кок Орды // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.

28. Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астрах. цифр. тип., 2011. 170 с.

29. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). Сост. И.Б. Муслимов. М.: Инсан, 1996. С. 280–526.

30. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подгот. к изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с. (История Казахстана в арабских источниках, т. I).

31. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с. (История Казахстана в персидских источниках, т. IV).

32. Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134.

33. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 180 с.

34. Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года. Крит. текст, пер. с лат. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко; экспозиция, иссл. и указ. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

35. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. 386 с.

36. Черкас Б. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 157–179.

37. Allsen Th. T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. T. III. 1983. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1983. P. 5–23.

38. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Edizione critica del testo latino a cura di E. Menesto; traduzione italiana a cura di M.C. Lungarotti e note di P. Daffina. Spole: Centro Italiano distudi sull'alto medioevo, 1989. 504 p.

39. Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. by A. Önnersfors. Berlin: Verlag Walter de Gruyter & C°, 1967. 54 p.

40. Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, opera postuma pubblicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. [Vol.] I. Paris: Imprimerie Nationale, 1973. 307 p.

**Сведения об авторе:** Вадим Винцерович Трепавлов – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID 0000-0003-1783-8670. E-mail: trepavlov@yandex.ru

*Поступила 16.05.2022 Принята к публикации 10.08.2022  
Опубликована 29.09.2022*

## REFERENCES

1. Bartol'd V.V. Works. Vol. 1. Turkestan in the epoch of the Mongol invasion. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. 760 p. (In Russian)
2. Buniyatov Z.M. *The State of Khorezmshakhs-Anushteginids*. 1097–1231. Moscow: Nauka, 1986. 248 p. (In Russian)
3. Vladimirtsov B.Ya. *The Social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism*. Leningrad: USSR Academy of Sciences publishing house, 1934. 223 p. (In Russian)
4. Gorsky A.A. “Countless wars and great works...” Problems of Russian history of the 10<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> century. Saint Petersburg: Oleg Abyshko’s publishing house, 2018. 416 p. (In Russian)
5. Egorov V.L. Historical geography of the Golden Horde in the 13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> centuries. Moscow: Nauka, 1985. 245 p. (In Russian)
6. Ivanova E.E. On the question of the Horde policy of Prince Daniil Romanovich of Galich. *Ancient Rus’. Questions of medieval studies*. 2013, no. 2 (52), pp. 37–48. (In Russian)
7. *The history of the Tatars since ancient times. Vol. 2. Volga Bulgaria and the Great Steppe*. Ed. by M.A. Usmanov & R.S. Khakimov. Kazan: RukhIL, 2006. 960 p. (In Russian)
8. *The history of the Tatars since ancient times. Vol. 3. Jochi Ulus (Golden Horde). 13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> century*. Ed. by M.A. Usmanov & R.S. Khakimov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1056 p. (In Russian)
9. *History of Ukraine. Popular science essays*. Ed. by V.A. Smoliy. Moscow: OLMA Media Grupp publishing house, 2008. 1070 p. (In Russian)
10. Kozin S.A. *The secret history of the Mongols. Mongol chronicle of 1240*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publishing house, 1941. 619 p. (In Russian and Ancient Mongolian)
11. Lubsan Danzan. *Altan tobchi (The Golden legend)*. Transl. by N.P. Shastina. Moscow: Nauka, 1973. 440 p. (In Russian)
12. *Muizz al-ansab (Glorifying Genealogies)*. Ed. by A.K. Muminov, thansl. by Sh.H. Vokhidova. Almaty: Dayk-Press, 2006. 672 p. (History of Kazakhstan in Persian sources, vol. III). (In Russian)
13. Mys'kov E.P. Political history of the Golden Horde (1236–1313). Volgograd: Volgograd State University publishing house, 2003. 178 p. (In Russian)
14. al-Nasavi Shihab ad-Din Muhammad ibn Ahmad. Sirat as-sultan Jalal ad-Din Mankburny (Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburny). Transl. and ed. by Z.M. Buniyatov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. 798 p. (In Russian and Arabic)
15. Nasonov A.N. “Russian land” and the formation of the territory of the Old Russian state. Historical and geographical study; Mongols and Rus’. The history of Tatar politics in Rus’. St. Petersburg: Nauka, 2002. 412 p. (In Russian)
16. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Chronicle on the Ipatyev copy. Ed. by S.N. Palauzov. St. Petersburg: V. Golovin’s publishing house, 1871. 704 p. (In Russian)
17. A complete collection of Russian chronicles. Vol. 10. Chronicle collection called the Patriarch or the Nikon Chronicle. Ed. by A.F. Bychkov. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1885. 250 p. (In Russian)
18. Porsin A.A. The history of the Golden Horde of the late 13<sup>th</sup>–early 14<sup>th</sup> century in the work of Rukn al-Din Beybars al-Mansuri “Zubdat al-fiqra”. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 276 p. (In Russian)
19. Embassy book on relations between the Moscow state and Crimea. 1567-1572. Ed. by M.V. Moiseev. Moscow: “Russkie vityazi” Foundation, 2016. 400 p. (In Russian)
20. Pochekaev R.Yu. Baty. The khan, who wasn't a khan. Moscow: AST publishing house; St. Petersburg: Evraziya, 2006. 352 p. (In Russian)
21. Pochekaev R.Yu. Chinese possessions of the Golden Horde: administrative and legal position. *Golden Horde Heritage*, Iss. 2. Kazan: Foliant; Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 60–64. (In Russian)

22. *Travels to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubrouck*. Ed. by N.P. Shastina; transl. by A.I. Malein. Moscow: The State Publishing House of Geographic Literature, 1957. 272 p. (In Russian)

23. Rashid ad-Din. *A collection of annals*. Transl. by L.A. Hetagurov, ed. by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publishing house, 1952, vol. I, pt. 1, 191 p. (In Russian)

24. Rashid ad-Din. *A collection of annals*. Vol. I. Kn. 2. Transl. by O.I. Smirnova, ed. by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publishing house, 1952, vol. I, pt. 2, 316 p. (In Russian)

25. Rashid ad-Din. *A collection of annals*. Transl. by Yu.P. Verkhovsky, ed. by I.P. Petrushevsky. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publishing house, 1960, vol. 2, 248 p. (In Russian)

26. Sabitov Zh.M. Juchid's uluses in 1242–1266 godakh. *National history of the Tatars: theoretical and methodological problems*. Iss. 2. Ed. by R. Zakirov. Kazan: YAZ, 2011, pp. 46–63. URL: <https://proza.ru/2012/03/20/1068> (accessed 10.02.2019)

27. Sabitov Zh.M., Kushkumbaev A.K. The ulus system of the Golden Horde in the 13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> century: on the question of the localization of Aq Horde and Kök Horde. *Golden Horde Review*, 2013, no. 2, pp. 60–72. (In Russian)

28. Samosdelka settlement: issues of study and interpretation. Ed. by D.V. Vasil'ev. Astrakhan: Astrakhan digital printing house, 2011. 170 p. (In Russian)

29. Safargaliev M.G. The collapse of the Golden Horde. *At the junction of continents and civilizations (from the experience of the formation and collapse of empires of the 10<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> century)*. Compl. by I.B. Muslimov. Moscow: Insan, 1996, pp. 280–526. (In Russian)

30. *A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works collected by V.G. Tizenhausen*. Ed. by B.E. Kumekov & A.K. Muminov. Almaty: Dayk-Press, 2005. 711 p. (History of Kazakhstan in Arabic sources, vol. I). (In Russian)

31. A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Persian works collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Ed. by M.Kh. Abuseitova. Almaty: Dayk-Press, 2006. 620 p. (History of Kazakhstan in Persian sources, vol. IV). (In Russian)

32. Stefanovich P.S. Political development of Galician-Volyn' Rus' in 1240–1340 and relations with the Horde. *Russian history*. 2019, no 4, pp. 116–134. (In Russian)

33. Fedorov-Davydov G.A. *Social system of the Golden Horde*. Moscow: Moscow State University publishing house, 1973. 180 p. (In Russian)

34. The Christian World and the “Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245. Transl. and ed. by S.V. Aksenov & A.G. Yurchenko. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 478 p.

35. Cherkas B. Western possessions of Jochi Ulus: political history, administrative-territorial structure, economy, cities (13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> century). Kii'v: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2014. 386 p. (In Ukrainian)

36. Cherkas B. Territorial structure of Jochi Ulus (territory to the west of Don). *Golden Horde in world history*. Ed. by I. Mirgaleev & R. Hautala. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 157–179. (In Russian)

37. Allsen Th. T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae medii aevi*. T. III. 1983. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1983, pp. 5–23.

38. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. Edizione critica del testo latino a cura di E. Menesto; traduzione italiana a cura di M.C. Lungarotti e note di P. Daffina. Spole: Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, 1989. 504 p.

39. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi*. Ed. by A. Önnersfors. Berlin: Verlag Walter de Gruyter & C°, 1967. 54 p.

40. Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, opera postuma publicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. [Vol.] I. Paris: Imprimerie Nationale, 1973. 307 p.

**About the author:** Vadim V. Trepavlov – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1783-8670. E-mail: trepavlov@yandex.ru

*Received May 16, 2022 Accepted for publication August 10, 2022  
Published September 29, 2022*



УДК 930(517)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.537-564

EDN: BCFYTS

**МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИДЕОЛОГИЯ В ОСВЕЩЕНИИ  
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ:  
ОТ ПОЛЕВОГО ДО ПРЕСНЯКОВА**

***Ю.И. Дробышев***

*Институт востоковедения РАН  
Москва, Российская Федерация  
altanus@mail.ru*

*Цель исследования:* данная работа нацелена на выявление в произведениях дореволюционных отечественных историков вопросов, имеющих отношение к различным аспектам существования Монгольской империи от ее предыстории до распада, с особым вниманием к идеологии ее лидеров.

*Материалы исследования:* в качестве основных источников взяты крупные труды пятнадцати известных отечественных историков XIX – начала XX вв.: Н.А. Полевого, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, Д.И. Иловайского, Е.Е. Голубинского, В.О. Ключевского, А.В. Экземплярского, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, М.С. Грушевского, М.Н. Покровского, А.Е. Преснякова. Дополнительная информация черпалась из историографической и востоковедческой литературы.

*Результаты и научная новизна:* выполненный аналитический обзор дореволюционной российской историографии показал очень разную глубину проникновения историков в вопросы, касающиеся Монгольской империи. Для ряда специалистов империи словно не существовало, и все монголо-российские коллизии замыкались на Улусе Джучи; другие, напротив, демонстрируют хорошее понимание внутреннего устройства этого колоссального политического организма и протекавших в нем процессов. Объем информации о монголах и их империи в сочинениях историков-русистов по сути не зависит от числа доступных на тот или иной момент средневековых восточных источников и определяется, скорее, авторской позицией. Наряду с ошибочными мнениями, старая российская историография породила немало прозрений и гипотез, опередивших свой век.

***Ключевые слова:*** российская историография, Монгольская империя, имперская идеология, монголы, средневековая Русь, монгольское нашествие

***Для цитирования:*** Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Полевого до Преснякова // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 537–564. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.537-564 EDN: BCFYTS

**THE MONGOL EMPIRE AND ITS IDEOLOGY IN THE COVERAGE  
OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIANS:  
FROM POLEVOY TO PRESNYAKOV**

*Yu.I. Drobyshev*

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russian Federation  
altanus@mail.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* This work is aimed at identifying in the works of pre-revolutionary Russian historians issues related to various aspects of the existence of the Mongol Empire from its prehistory to the collapse, with special attention to the presentation of the ideology of its leaders.

*Research materials:* The main sources are the major works of fifteen famous Russian historians of the XIX – early XX centuries: N.A. Polevoy, M.P. Pogodin, N.G. Ustryalov, N.I. Kostomarov, S.M. Solovyov, K.N. Bestuzhev-Ryumin, D.I. Ilovaisky, E.E. Golubinsky, V.O. Klyuchevsky, A.V. Ekzemplyarsky, S.F. Platonov, M.K. Lyubavsky, M.S. Grushevsky, M.N. Pokrovsky, and A.E. Presnyakov. Additional information was drawn from historiographical and Oriental literature.

*Results and novelty of the research:* An analytical review of the pre-revolutionary Russian historiography showed a very different depth of penetration of historians into issues related to the Mongol Empire. For a number of specialists, the empire did not seem to exist, and all historical Mongol-Russian conflicts were confined to the Jochid Ulus. Others, taking a contrary approach, demonstrate a good understanding of the internal structure of this colossal political organism and the processes that took place inside it. The amount of information about the Mongols and Mongol Empire in the works of Russian historians were not dependent on the number of available medieval eastern sources at one time or another, being determined rather naturally by the author's position. Along with erroneous opinions, the Old Russian historiography gave rise to many insights and hypotheses that were ahead of their time.

**Keywords:** Russian historiography, Mongol Empire, imperial ideology, Mongols, medieval Russia, Mongol invasion

**For citation:** Drobyshev Yu.I. The Mongol Empire and its ideology in the coverage of pre-Revolutionary Russian historians: from Polevoy to Presnyakov. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 537–564. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.537-564 (In Russian)

Настоящая статья является непосредственным продолжением нашей работы «Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Лызлова до Карамзина» [14, с. 156–169]. Капитальный труд Н.М. Карамзина оказал серьезное влияние как на отечественную историческую мысль, в целом, так и на разработку вопроса о монгольском нашествии на Русь, в частности, и в этом отношении послужил важной вехой в развитии российской исторической науки. Ниже в хронологической последовательности рассматриваются труды только наиболее видных представителей отечественной историографии. Мы не даем оценок этим ученым как историкам и не оцениваем их произведения с точки зрения русистики, а подвергаем анализу лишь те части их сочинений, где речь идет о монголах. Проблеме «Русь и Орда» были посвящены и специальные работы дореволюционных

авторов, по большей части написанные на основе вторичной литературы, но они оставили довольно тусклый след и ныне практически забыты [1; 33; 45, с. 333–371; 46, с. 31–59; 48, с. 249–270]. Вне нашего внимания пока осталось научное наследие отечественных правоведов, многие из которых разрабатывали вопросы властно-правовых отношений между монгольской администрацией и русскими князьями, а также между самими князьями и народом. Также мы не касаемся работ российских востоковедов данного периода.

От прочих современных историографических работ<sup>1</sup> данную статью отличает фокусировка на вопросах, касающихся именно Монгольской империи: личности ее основателя – Тэмучжина/Чингиз-хана (1162?–1227), формирования в ее ядре протогосударственных структур и особой имперской идеологии, ее дальнейшего развития, экспансии и, наконец, дезинтеграции, как правило, рассматриваемых сквозь призму русско-монгольских отношений. В современной русистике эти вопросы обычно поднимаются в качестве контекстных, находящихся на периферии авторского внимания; тем более, они редко и фрагментарно затрагивались в трудах дореволюционных отечественных историков Руси. В какой-то степени это объясняется острой нехваткой восточных источников, доступных нашим историкам в XVIII–XIX вв., а отчасти, видимо, – специфическим подходом к работе с материалом. В результате складывалась довольно неполная и искаженная картина, в которой сама империя порой скрывалась за одной из своих частей – Улусом Джучи, монгольское нашествие изображалось едва ли не как стихийное бедствие, а сами монголы представляли в образе дикарей, движимых исключительно инстинктами грабежа и насилия. Разумеется, никаких идей «мироустройства» здесь разглядеть было невозможно: на долю кочевников оставалась только деструкция всего позитивного, что успела накопить к XIII в. оседлая цивилизация Евразии. Между тем, развитие исторической науки в последние десятилетия привело к пониманию феномена Монгольской империи как существенно более сложного политического организма, имевшего четко сформулированные принципы мирового господства и более-менее последовательно претворявшего их в жизнь.

Учитывая, что труды русских историков переиздаются до сих пор, их идеи по-прежнему оказывают заметное влияние на общественное сознание наших сограждан. Некоторые сложившиеся в старой отечественной исторической науке стереотипы порой проникают без критического осмысления в новейшие исследования, посвященные истории средневековой Руси и Золотой орды. Поэтому представляется необходимым и своевременным дать критический обзор российской историографии по данному вопросу.

**Николай Алексеевич Полевой** (1796–1846) написал «Историю русского народа» как бы в пику Н.М. Карамзину, подчеркивая роль в исторических процессах народа, а не высшего сословия. Однако он сохранил карамзинский стиль изложения, сочетая очень живой, образный текст с сухими выписками из летописей в многочисленных примечаниях. Монголы в его повествовании появляются откуда-то с Востока только около 1224 г. [38, с. 292]. Автор вместе с древними летописцами сокрушается о случившемся, но никакой собственной аналитики не обнаруживает; все это ждет читателя в следующем томе

<sup>1</sup> Из их числа можно назвать: [16; 26; 32; 41; 50; 52; 55, с. 288–294].

его труда, где он ярко демонстрирует масштабность и провиденциализм своего мышления.

Похоже, помимо отечественной истории, автор был серьезно увлечен Востоком. Он приводит обильные этногенетические, этнонимические и религиоведческие материалы по народам Азии, демонстрируя изрядную эрудицию и одновременно допуская фантастические предположения. Надо полагать, Н.А. Полевой рассчитывал своими рассуждениями внести ясность в вопрос, кем же были монголы и откуда они взялись, но вместо этого только загроздил рассказ лишними деталями. Кажется, ему до всего есть дело, и он пытается объяснить этимологию звания Чингиз-хана, толкуя ее как «Повелитель сильных» [39, с. 4]; сообщает об «Улус-Яссе», т.е. Великой Ясе [39, с. 52–53]; очень точно раскрывает перипетии европейской политики середины XIII в. [39, с. 54]; развенчивает, ссылаясь на анонимное мнение, чрезвычайно популярную в свое время «басню» о попе Иване, указывая на фонетическую близость имен Ивана и владыки керейтов «Оанг Хана» [39, с. 54–55]; критически рассматривает русские летописи о приходе Батыея (ок. 1209–1255/1256) на Русь [39, с. 69]; рассказывает о столице Монгольской империи – Хар-Хорине (Каракоруме), представлявшем, на его взгляд, «варварскую смесь великолепия и безвкусия» [39, с. 107]; отрицает религиозное наполнение монгольского обычая кланяться «тени Темудзина» [39, с. 134]; отмечает незаконный захват власти Хубилаем [39, с. 157]; и т.д.

Несомненно, сильная сторона Н.А. Полевого – владение обширными сведениями, добытыми из переводов восточных сочинений и трудов специалистов, умение анализировать и сопоставлять эти данные. Его главные источники по монголам – переводы Н.Я. Бичурина (1777–1853) из «Юань ши» и «Собрание летописей» Рашид ад-Дина (1247–1318) в изложении А.К.М. Д’Оссона (1779–1851), а также европейские сочинения, далеко не ограниченные обычно привлекаемыми творениями францисканцев – Плано Карпини (ок. 1182–1252) и Гильома де Рубрука (ок. 1220–1293). Он широко использует переписку понтификов и европейских монархов. Резко отличает его творчество последовательное именование монголов монголами, а не татарами. Он констатирует, что превращение монголов, как называли сами себя «победоносные воины Чингисовы», в татар неясно [39, с. 38], и ниже очень метко замечает, что «Имя Монголов... было собирательным названием полчищ Темудзина» [39, с. 155]. Современные исследования подтверждают эту мысль: в эпоху завоеваний слово «монгол» было не этнонимом, а политонимом [47, с. 248–294].

Научный метод Н.А. Полевого можно назвать историософским. В земных событиях для него незримо присутствует рука Провидения, вследствие чего ключевые моменты истории предопределены. Понятно, что и Чингиз-хан появился неспроста: «... чтобы из ничтожных Монголов соделать завоевателей полумира, следовало явиться в мире избранному Провидением человеку» [39, с. 33]. Историк уделяет Чингиз-хану пристальное внимание и прослеживает его жизненный путь настолько подробно, насколько ему позволяют источники, среди которых громче других звучит голос Рашид ад-Дина. «Цель жизни его составляло ненасытное желание власти, – пишет Н.А. Полевой о великом монголе. – Он уверил самого себя, и говорил другим, что Бог предал ему во власть все царства мира сего, и предназначил его покорить вселенную. Сила, храбрость, труд, пренебрежение опасностей, измена, вероломство, убийство, хище-

ние – Темудзин почитал все дозволенным. Варварство его заставляет содрогаться; смелость предприятий изумляет» [39, с. 43]. Как видим, Чингиз-хан предстает противоречивой фигурой. Собственно, таков он и в редких описаниях его современников, которые одновременно восхищались им и ужасались. Он «властвовал ужасом», но умел подбирать талантливых военачальников [39, с. 45]. Его принцип – «покорность или гибель», он не имел союзников: «мир только побежденному – было его правилом» [39, с. 50].

В монгольском «иге» Н.А. Полевой тоже видит промысел Божий, неизбежную и необходимую для Руси «кровавую баню очищения», после которой страна восстанет в новой славе. Монгольские военные кампании охватили пространство «от острова Явы до Новгорода, от берегов Корейских до берегов Адриатического моря, и от Индии до Перми» [39, с. 14], и даже если бы Русь была тогда едина, она не смогла бы остановить дикие орды.

Для Н.А. Полевого не подлежит сомнению, что монголы собирались захватить все страны. Божье благоволение до поры помогало им. Он – один из немногих историков, кто убежден в вине Чингиз-хана за развязывание войны с Хорезмом. Чингиз-хан явно провоцирует хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220) письмом, где не только низводит его до уровня своего сына, но и прямо заявляет о своем большем могуществе [39, с. 58–59]. Разделив между своими отпрысками захваченные земли, великий хан «заклинал их блюсти его правила и законы, и окончить завоевание света» [39, с. 65]. Воплощение в жизнь этого мифического завещания показано несколько однобоко, на примере западных по отношению к Монголии стран, в основном, по Д'Оссону с привлечением разнообразных европейских источников и, в существенно меньшем объеме, переводов из «Юань ши», ввиду чего пересказывать слова Н.А. Полевого нет смысла. Однако мы остановимся на некоторых важных для нашей темы сюжетах, трактовка которых отличается от общепринятой.

Так, автор сомневается в рассказе о самоубийстве вместе с маленьким сыном жены рязанского князя Федора Евпраксии, который он нашел в Костромской летописи. Правда, причина его сомнений кроется не в противоречии православным канонам поступка княгини, якобы византийской (чему нет подтверждений в византийских источниках), а в отсутствии этого рассказа в «древнейших списках» [39, с. 71]<sup>2</sup>.

В Киеве «Монголы разрывали даже могилы Княжеские, ища в них сокровищ» [39, с. 83]. В этом месте автор ссылается на сочинение митрополита Евгения (Болховитинова) (1767–1837) [31, с. 32]. К сожалению, нам не удалось установить источник сведений самого митрополита. У центрально-азиатских кочевников, как и у ряда других народов, существовала практика осквернения вражеских могил с целью ликвидации той сакральной силы, которую, как считалось, передавали потомкам кости их предков. В нескольких средневековых источниках обнаруживаются свидетельства современников о настойчивых поисках номадами элитных погребений врагов и об их осквернении. Например, останки хорезмшаха Мухаммада – того самого, кого разбил Чингиз-хан, были позже найдены монголами и отправлены к хагану Угэдэю (1229–1241), который предал их огню [11, с. 128–130]. Однако остается неизвестным, применяли ли монголы эту практику на Руси.

<sup>2</sup> Дискуссию вокруг этого сюжета см.: [5, с. 284–302; 23, с. 409–456; 30, с. 124–199].

Вместе с тем, автор далеко не оригинален в своем следовании летописным сообщениям о киевском воеводе Димитрии, уговорившем Батюгу идти в Венгрию, но приукрашивает рассказ словами о любви, которой якобы проникся этот монгол к русскому тысяцкому, вплоть до того, что советовался с ним [39, с. 84]. Он допускает, что монголы хотели превратить Венгрию в свое кочевье, чтобы нападать оттуда на другие европейские страны, а венгерского короля Белу IV (1235–1270) называет слабым и ничтожным [39, с. 89]. Однако более интересно другое. Сочинение Н.А. Полевого – единственное в своем роде, говорящее о том, что Батюга «звали в Монголию, на новый курилтай», когда Угэдэй умер «от чрезмерного пьянства» [39, с. 91]. Какие основания имел историк для подобных заявлений, сказать трудно. И старая, и современная отечественная историография, напротив, – и небеспочвенно – видит в этой весомой политической фигуре опасного врага тогдашней каракорумской элиты. В имперскую столицу его, действительно, звали, но было это уже тогда, когда власть там сконцентрировалась в руках вдовы Угэдэя Туракины, выдвинувшей в хаганы своего сына Гуюка (правил в 1246–1248 гг.), и сам вызов, скорее всего, ставил целью заманить в ловушку и ликвидировать Батюгу, о вражде которого с Гуюком хорошо известно, в том числе, и Н.А. Полевому. Так или иначе, по мысли нашего автора, «только это спасло Запад» [39, с. 91]<sup>3</sup>. В то же время, он безоговорочно верит в спасение Европы от монгольского рабства внезапной кончиной «гордого Гуюка», вселенские претензии которого он излагает по Плано Карпини [39, с. 139]<sup>4</sup>. Н.А. Полевой высказывает крайне «непатриотичное» суждение о роли Руси в противостоянии Востока и Запада: «Говоря определенно, мы не можем сказать, что Русь спасла Европу от Монголов. Нет! Европа тем была спасена от Азии, в лице Монголов стремившейся на Запад, что царство Чингисово образовалось по законам Азийских завоевательных государств, и История оно совершалась разрушительно почти с самого своего начала» [40, с. 10].

Будучи все-таки историком России, а не Европы, Н.А. Полевой мотивирует свое вынужденное отвлечение на военные предприятия монголов на Западе: «Мы изложили события, не принадлежащие собственно к Истории Русского народа, дабы яснее доказать неосновательность мнения, будто нашествие Монголов было отвратимым злом. Не говоря о средствах Монголов для победы, стоит только внимательнее рассмотреть: что вся Европа могла противопоставить им? Решительно: ничтожное сопротивление! Польша, Венгрия, Богемия подтверждают нашу мысль. Еще более подтвердит ее общее впечатление, сделанное Монголами на всю остальную Европу. Если бы не угодно было Провидению, во глубине Орд Монгольских, среди побед, одерживаемых подвластными Оготаю (Угэдэю – Ю.Д.) варварами в Китае, Персии, Индии, Венгрии, прекратить дни сего страшного наследника Темуд-

---

<sup>3</sup> Н.А. Полевой предполагает, что Батюгом двигала честолюбивая мысль – воссесть самому на трон Чингиз-хана, но автор не разобрался во взаимоотношениях Батюги и хагана Мункэ (1251–1259) [39, с. 165–166].

<sup>4</sup> Обожествление монгольских хаганов, только намеченное в тексте на печати Гуюка, демонстрируется далее на примере нойона Байджу, руководившего покоренными землями Персии и Закавказья, и хагана Мункэ [39, с. 139–144]. Мы не комментируем здесь эти в высшей степени любопытные сообщения, так как разобрали их подробно в другом месте: [13, с. 123–147].

зинова, Европа – нет сомнения – пала бы покорною рабою под мечами чудовищных завоевателей Азийских» [39, с. 94–95]. Таким образом, он вновь подводит читателя к идее о фатальной неизбежности покорения монголами Руси.

Собственно, столь же неизбежными получаются тогда возникновение и гибель самой Монгольской империи. Напомним, что Н.А. Полевой придавал колоссальное значение роли личности в истории, поскольку эти великие творцы мировых событий являлись в наш мир согласно замыслу Всевышнего. Как ни пытался он оттенить значение народа в историческом процессе, оно вышло в рассматриваемой нами части его сочинения практически нулевым. Потому и начало распада созданной Чингиз-ханом державы объясняется здесь его смертью. Сыновья Чингиза действовали уже не по «стремлению духа», они тяготели к отдыху и роскоши. Угэдэй был озабочен покорением Китая, его смерть вызвала «дворские крамолы», а Гуюк не пользовался таким обожанием, как его дед, и распад стал неизбежен. Автор верно подметил основополагающее значение военных кампаний монголов для нормальной жизнедеятельности их империи, ныне ставшее аксиомой [39, с. 103–107]<sup>5</sup>.

Н.А. Полевой обсуждает употребление на Руси титула «царь», который применялся сначала по отношению к византийским императорам, а позже – к золотоордынским ханам, причем он обращает внимание, что сами ханы никогда так себя не называли [39, с. 128]. Добавим, что титул «хан» был закреплен в русских источниках за великими ханами Монголии. Князья хорошо понимали монгольскую «вертикаль власти» периода единой империи, когда им приходилось посещать не только Сарай, но и далекий Каракорум.

Знаменитый эпизод из Галицко-Волынской летописи об угощении Батыем князя Даниила Галицкого (1201–1264) кумысом автор посчитал ханской шуткой [39, с. 149], что далеко не так. В монгольской культуре угощение гостя было и остается важным способом превращения «чужого» в «своего», а когда речь идет о главе государства или его полномочном представителе, его пища и напитки приобретают дипломатическое значение: если гость принимает их, он вливается в имперскую элиту (в данном случае – в качестве подчиненного), если отвергает – это расценивается как демонстрация враждебности и непокорности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему Батый говорит Даниилу, согласившемуся вкусить этот напиток, считавшийся у христиан нечистым: «Ты оуже нашъ Тотаринъ» [42, стб. 807].

В целом, Н.А. Полевой сумел развернуть широкое историческое полотно средневековой Евразии, на котором события в русских княжествах органически вплетены в события евразийской истории. Из всех российских историков рассматриваемого нами периода, он больше других уделил внимание Монгольской империи и вник во многие подробности, вольно или невольно упускаемые из вида следующими поколениями русистов.

Говоря о монгольском вторжении на Русь и в Европу в самом конце своей «Древней русской истории», **Михаил Петрович Погодин** (1800–1875) нередко пересказывает легенды, не поднимаясь до их критического анализа,

---

<sup>5</sup> Военная добыча и дань покоренных стран и народов обеспечивали поддержание авторитета и власти верховного правителя посредством механизма «престижной экономики» степных империй, включая Монгольскую. Об этом подробнее см. многочисленные работы Н.Н. Крадина.

и допускает фактические ошибки. В частности, он уверен, что поход Батыя «в Угры» был всецело обязан киевскому Димитрию, а Белу IV монголы гнали до Дуная, забыв про их преследование венгерского монарха вплоть до Адриатики [36, с. 824]. Повторяя ошибку средневекового книжника, он считает городом или селом реку Онузу, где Батый раскинул свой стан осенью 1237 г., так как пишет, что монголы ее «взяли и сожгли» [36, с. 813]. Иногда он ссылается на некоего «арабского летописца» как на свой источник. Стилль М.П. Погодина чересчур беллетристический, из-за чего его сочинение местами больше походит на исторический роман, чем на труд ученого.

Интересующую нас главу «Покорение Руси монголами» в своей «Русской истории» **Николай Герасимович Устрялов** (1805–1870) написал с привлечением материалов выдающегося австрийского востоковеда Й.Ф. фон Хаммер-Пургшталя (1774–1856), А.К.М. Д’Оссона и Н.Я. Бичурина. Монголов он всегда называет монголами и поясняет однажды, что, хотя орда Батыя состояла из «татарских» народов, во главе ее стояли монголы, и поэтому называть этих хозяев Руси правильно монголами [54, с. 116].

Н.Г. Устрялов верит в одержимость Чингиз-хана безотчетной идеей мирового господства: «Упоенный успехом, пожираемый властолюбием, он хотел быть властителем вселенной, на 51 году жизни назвал себя Чингизханом (владыкою сильных), и устремил свою грозную орду на обширные государства средней Азии, с единственною целию быть завоевателем» [54, с. 112]. Реализацию Чингизом этой идеи он описывает предельно сжато. При этом рейд Чжэбэ и Субэдэя в 1223 г., по Н.Г. Устрялову, не преследовал захватнических целей: монгольский властелин оставил Европу «до времени» в покое, чтобы завершить подчинение Азии. Главным правилом его политики было давать мир только побежденным, и новый хаган Угэдэй последовал ему, отправив на завоевание Европы 11 чингизовых внуков [54, с. 113]. Но и здесь автор остается в плену монголофобских стереотипов: «Не внутренние раздоры, не оружие победителей, не оскудение страны, двинули этот народ из родных кочевьев: он шел с безотчетною, фанатическою жаждою крови, убийства, разорения» [54, с. 113–114]. Причина отступления Батыя трактуется тоже стереотипно – это смерть Угэдэя. Европу спасло «стечение случайных обстоятельств» [54, с. 116].

Большого внимания заслуживают рассуждения Н.Г. Устрялова о структуре власти Монгольской империи и системы управления монголами Руси. Батый и его первые преемники господствовали «именем великого хана», находившегося в Каракоруме и стоявшего во главе всего монгольского мира. Однако зависимость от него «частных ханов» продлилась недолго: конец единству положило самовластное восхождение в 1260 г. на хаганский престол Хубилая. Вскоре неурядицы вспыхнули и в Золотой орде. Кстати, темника Ногая (1235?–1299/1300) наш историк считает ханом и разделяет взгляд на его самоубийство [54, с. 116–117].

Монголы покоряли народы «с одною целию завоевания и грабежа» и не обременяли себя заботами внутреннего управления подчинившимися землями, а «господствовали издали», через местных государей, заменяя оных своими сановниками лишь в исключительных случаях. То же самое было и на Руси. Новые хозяева руководили через князей и никогда не поручали княже-



скую власть выходцам из своей среды или кому-либо еще, не принадлежавшему к роду Рюрика [54, с. 118–119].

Автор подметил в последующей инволюции Улуса Джучи то, что сегодня могли бы назвать «утратой пассионарности»: «Время охладило в ней (орде Батыевой – Ю.Д.) воинственный жар, воспламененный Чингизханом; но безотчетная страсть к разрушению только уступила место ненасытному корыстолюбию, которое, изменив цель набегов, не изменило ни лютой кровожадности, ни военного искусства...» [54, с. 149]. Так или иначе, для Н.Г. Устрялова монгольская имперская идея и при Чингиз-хане, и при его далеких потомках заключалась в неподвластных рассудку низменных инстинктах, воплощение которых вело исключительно к насилию, кровопролитию, погрому и грабежу.

Свои мысли, кратко здесь рассмотренные, он изложил также в учебнике [53, с. 25–30].

**Николай Иванович Костомаров** (1817–1885) походя касается интересующих нас вопросов в своем знаменитом труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», где монголы играют, скорее, роль фона в его биографиях знаменитых людей средневековой Руси. История Тэмучжина – Чингиз-хана изложена у него, в целом, так же, как и у Н.М. Карамзина, только более сжато. Мотивы завоевательных походов не показаны [25, с. 93–94]. Не объяснена и цель прихода на Русь Батыева [25, с. 110, 124]. Автор ошибочно отмечает, что красотой Киева любовался «племянник Батыева Менгу-Тимур» [25, с. 111]. Н.И. Костомаров воспроизводит укоренившееся в русской историографии мнение о том, что упоминавшийся выше воевода Дмитрий убедил Батыева идти в Европу [25, с. 112].

По-видимому, на восприятие Н.И. Костомаровым средневековых монголов значительное влияние оказали эмоциональные оценки Платона Карпини и Рубрика, хорошо различимые на страницах его книг, например: «Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной» [25, с. 130–131]. В следующей цитате можно видеть, к чему, по мнению автора, стремились монголы и как они достигали своей цели: «Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания...» [25, с. 131]. Надо признать, монгольские властные амбиции охарактеризованы здесь достаточно адекватно, но, несмотря на свое знание о предыстории и масштабах военной экспансии монголов в XIII в., Н.И. Костомаров отказывает кочевникам в какой-либо возвышенной идее всеобщего мироустройства.

В другой своей работе он также не углубляется в историю собственно монголов и их вождей, как будто всецело разделяя недоумение русского народа, неожиданно обнаружившего себя под пятой кочевников: «Татарское нашествие совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдруг; никто не предвидел, никто не предчувствовал этого удара» [24, с. 67].

Автор высказал ряд нелицеприятных мыслей о царившей в те годы «поголовной безтолковчине» и неготовности русских князей к отпору, о неспособности извлечь уроки из поражения на Калке, а ниже нарисовал картину властных отношений, установленных на Руси монгольскими ханами. Суть их сводилась к простой формуле, в которой можно разглядеть зародыш будущего русского монархизма XVI в.: чем покорней – тем безопасней. Русскую землю Н.И. Костомаров считает собственностью хана, подразумевая под последним кого-либо из династии Джучидов, а не великого хана Каракорума, который для развития темы автору, в принципе, и не требовался [24, с. 69–77].

Для **Сергея Михайловича Соловьева** (1820–1879) выход монголов на мировую арену явился следствием импульса, произведенного Чингиз-ханом. Его трактовка степного политогенеза выглядит метафизической: «В первой четверти XIII-го века среди них обнаружилось сильное движение: один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингиз-хана, начал наступательные движения на других ханов, стал покорять их; орда присоединялась к орде под одну власть, и вот образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная от векового сна к кровавой деятельности, бессознательно повинуюсь раз данному толчку, стремится на оседлые народы к востоку, югу и западу, разрушая все на своем пути» [51, с. 641–642]. Однако что побудило самого Чингиза к деятельности по собиранию номадов под своей властью, остается без объяснения. Позже советская историческая наука закономерно дистанцировалась от концепции С.М. Соловьева.

Не вдаваясь в детали и не вникая глубоко в политические механизмы Монгольской империи, С.М. Соловьев схематично, но довольно точно описывает смену власти после смерти Чингиз-хана и деяния монголов в Европе [51, с. 820, 825–826]. Он, однако, делает ту же ошибку, что и его предшественники, в раскрытии причины монгольского вторжения в Венгрию: Батый якобы послушал совета киевского тысяцкого [51, с. 825]. Еще одна ошибка, в русле нашей темы, заключается в наделении ханским достоинством темника Ногая. Ногай принадлежал к «Золотому роду» Чингиз-хана, но его положение в нем не давало ему прав на престол Улуса Джучи и на звание хана. Несмотря на это, его энергия и воинская удача позволили ему не только вести в своем уделе самостоятельную политику, но и оказывать сильное давление на дела в Сарае. С.М. Соловьев не различает этих моментов, в результате чего у него оказывается в Золотой орде два хана одновременно, которые притом действуют сообща: «В 1282 году два хана – Ногай и Телебуга – пошли на Венгров с огромным войском...» [51, с. 889].

Автор отстаивает свое право называть монголов татарами, ибо «нельзя выкинуть из Русской истории слова, которым предки наши исключительно называли своих поработителей; и древние и настоящие Русские люди не знают Монголов, а знают только Татар» [51, с. 831].

Наконец, С.М. Соловьев демонстрирует квинтэссенцию «монгольского империализма»: «Татары оставляли в покое только те народы, которые признавали над собою власть их» [51, с. 831], с чем трудно не согласиться.

**Константин Николаевич Бестужев-Рюмин** (1829–1897) предваряет свой труд по русской истории введением в источниковедение, где излагает основ-

ные принципы внешней и внутренней критики источников, их классификацию, подчеркивает различия между источником и литературным пособием, обсуждает вспомогательные исторические дисциплины и призывает больше внимания уделять обществу, а не личностям. Он сам достаточно полно использует источники и исследовательские работы по монгольскому периоду истории, и перечисляет их [2, с. 269–270], что выгодно отличает его от ряда его коллег. Кроме того, автор высказывает глубокую мысль о том, что для понимания характера татарского ига и его последствий для России надо прежде познакомиться с характером самого этого народа [2, с. 269–270], и приводит выдержки из средневековых восточных сочинений, прежде всего Чжао Хуна в переводе В.П. Васильева (см. ниже), о монголах и их обычаях [2, с. 271–274].

К.Н. Бестужев-Рюмин первым среди русистов говорит о плене Чингизхана в юные годы и доносит до читателей идею о влиянии на монгольского завоевателя высокой китайской культуры: «Есть даже известие, что он был в плену у Нюйчженцов (Манджурских владетелей северного Китая, управлявших под именем династии Цзинь) и, пробыв десять лет, познакомился с Китайскими порядками и вместе с тем со слабыми сторонами владетелей Китая» [2, с. 274]<sup>6</sup>. Здесь историк передает сообщение посла Южной Сун Чжао Хуна, побывавшего у монголов в 1221 г.: «Чингисхан, в малолетстве, попался в плен Цзиньцам (т.е. Нючжисцам), провел у них в рабстве более десяти лет и потом убежал. От этого он вполне узнал состояние и дела Цзиньского царства» [4, с. 218]. Вероятность пленения Тэмучжина чжурчжэнями обсуждалась рядом специалистов, пришедших к противоречивым выводам; в любом случае, нет фактов, которые полностью исключали бы такую возможность. Познакомился ли Тэмучжин с китайской имперской идеологией, пока находился в Цзинь, тоже сложно утверждать. Сомнительно, чтобы кто-то из цзиньских чиновников взялся просвещать этого мало кому известного сына мелкого монгольского вождя. Однако наш автор берет на вооружение мысль В.П. Васильева о том, что Чингизхан принятием в 1206 г. этого звания выразил китайское понятие об исключительности своей власти и своего государства. О важнейших походах Чингизхана он пишет очень кратко и с хронологическими ошибками [2, с. 275].

К.Н. Бестужев-Рюмин считает крайностями взгляды на господство монголов над Русью Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова, с одной стороны, и С.М. Соловьева, с другой. Он красноречиво выступает против представления о трансляции самодержавия из Орды в Москву: «Мнение же о происхождении понятия о царской власти от Татар надо, кажется, вполне отвергнуть» [2, с. 279]. Его суждения о сущности монгольской власти вполне адекватны: «Пока Чингис-Ханово государство не распалось, верховная власть принадлежала Великому Хану; с распада она всецело перешла к отдельным ханам» [2, с. 279]. Соответственно, русским князьям первоначально приходилось ездить и в Сарай, и в Монголию, и так продолжалось до самовольного воцарения Хубилая. Находит автор место и для Ясы Чингизхана, но он не различает в ней имперских элементов [2, с. 280–281].

Опубликовал К.Н. Бестужев-Рюмин и популярную брошюру о монгольском владычестве на Руси, которая, впрочем, заслуженно игнорировалась

<sup>6</sup> Чуть позже эти сведения воспроизведет Д.И. Иловайский: [18, с. 350].

специалистами, и сейчас малоизвестна. Она написана очень простым языком, события излагаются сжато и поверхностно, с выпадением целого ряда важных эпизодов, несколько однобоко, с заметным церковным уклоном. Тернистый путь Тэмучжина к власти уместился в одно мало о чем говорящее предложение: «Вдруг появился у них хан (так назывались у них цари); хану этому, звали его Чингис-ханом – не сиделось на месте: он завоевал разные слабые народы, которые жили около; собрал у себя разных удальцов и тогда возгордился и вздумал завоевать весь мир» [3, с. 6]. Далее мы видим что-то совсем странное – с целью захвата всего мира «войско его шло к Дербенту» [3, с. 6]. О битвах в Северном Китае и Хорезме нет ни слова. Ногая автор называет даже не ханом, а царем [3, с. 14–15]. Сложно предположить, даже учитывая целевую аудиторию, почему профессиональный историк и источниковед так произвольно начал вдруг обращаться с фактами, хорошо ему знакомыми, и упрощать исторический процесс до полной бессмыслицы.

С другой стороны, повествуя о гибели Михаила Тверского (1271–1318), он вскрывает политический подтекст этого события и переводит церковную легенду в разряд светской истории [3, с. 25–28]. Аналогично он поступает с обстоятельствами убийства в Твери двоюродного брата хана Узбека (1313–1341) – Шевкала (Чол-хана, Щелкана), прямо заявляя, что слова о якобы замышлявшемся Шевкалом разорении христианства и казни князей суть неправда [3, с. 28].

**Дмитрий Иванович Иловайский** (1832–1920) занимал по отношению к монгольским поработителям нескрывая враждебную позицию, систематически называя их на страницах своей «Истории России» «варварами». Тем не менее, он творчески обработал, наряду с богатой вторичной литературой, большой объем русских, европейских и восточных источников и привнес в нарратив о русско-монгольском взаимодействии много нового<sup>7</sup>. Прежде всего, следует отметить верное замечание о степных монархиях, ныне практически общепринятое: «Редко такое могущество переживало своего создателя» [18, с. 349]. Ниже автор показал, каким путем Чингиз-хан обеспечил передачу власти и стабильность созданной его усилиями империи, и мы еще вернемся к этому вопросу.

Среди «баснословных преданий» о Чингиз-хане он приводит легенды об Огуз-хане как его предке, о зачатии Алан-Гоа «от солнечного света» и о его рождении с запекшейся кровью в руке [18, с. 350]. Названный отец Тэмучжина Ван-хан почему-то получает у Д.И. Иловайского имя Тулуй. Великий курултай 1206 г. автор ошибочно датирует 1203-м г. и утверждает, что на нем Тэмучжин «заставил (курсив наш – Ю.Д.) провозгласить себя верховным ханом монгольских орд». Здесь на сцену выходит безымянный «вещий человек» (т.е. Тэб-Тэнгри, предположительно шаман), о котором первым среди русских историков упоминал Н.М. Карамзин [20, с. 229], и объявляет собравшимся, что само небо послало его возвестить о предназначении Тэмуч-

---

<sup>7</sup> В своем более раннем труде по истории Рязанского княжества он впервые знакомит читателя с монголами только тогда, когда они, словно ниоткуда появившись на Волге, в начале зимы 1237 г. направляются на юго-запад, к рязанским рубежам, и с берегов Онузы посылают на переговоры «какую-то ведьму с двумя мужами» [17, с. 127].

жина «овладеть вселенной», и отныне его надо называть Чингиз-ханом [18, с. 352].

Война монголов с Цзинь была спровоцирована, по словам Д.И. Иловайского, правительством этой страны, которое «вдруг потребовало» у Чингиз-хана дань [18, с. 353]. Действительно, открытая вражда, скоро перешедшая в масштабное кровопролитие, началась, если верить источникам, с прибытия к Чингиз-хану цзиньского посла с известием о восшествии на престол нового государя и с требования дани, которую, однако, тот обязан был платить, как вассал Цзинь. Чувствовавший свою силу Чингиз плюнул в сторону юга и усакал прочь. В случае войны с Хорезмом у нашего автора виноватым тоже выходит хорезмшах [18, с. 354], а ответственность за убийство монгольских послов в 1223 г. с русскими разделяют наущавшие их половцы [18, с. 358]<sup>8</sup>. Таким образом, несмотря на неприязнь к монголам, Д.И. Иловайский в какой-то степени оправдывает их агрессивные действия, оказывающиеся у него реакцией монголов на угрозы и обиды извне.

Историк не фокусирует внимание на намерениях монголов в отношении Европы, но высказывает свое мнение имплицитно, подводя итоги калкской катастрофы: «Таким образом монгольские завоеватели на опыте извели состояние Восточной Европы и те пути, которые вели в нее. И этим опытом они не замедлят воспользоваться» [18, с. 362].

Вернемся к позиции Чингиз-хана по отношению к верховной власти. Разделив завоеванные земли между своими сыновьями, великий хан «завещал своим потомкам продолжать завоевания и даже начертал для них общий план действия» [18, с. 372]. Это верно. Из китайских источников известно, что он, чувствуя приближение смертного часа, изложил сыновьям план обхода империи Цзинь с правого фланга, через китайские владения, чтобы нанести решающий удар оттуда, откуда враг его не ждет [22, с. 161–162]. Д.И. Иловайский очень аккуратно подходит к этому завещанию: он не приписывает Чингизу наказа покорить весь мир, которого, скорее всего, никогда и не было. Оформление имперской идеи монголов, произошедшее при хагане Угэ-дэ, осталось для историка не заметным, но последствия этого он описал точно: «Великий курултай, собранный на его родине, то есть на берегах Керлона, подтвердил его распоряжения. Огодай, еще при отце начальствовавший в Китайской войне, неустанно продолжал эту войну до тех пор, пока не разрушил вконец империи Ниучей и не утвердил там своего владычества (1234 г.). Тогда только он обратил внимание на другие страны и между прочим начал готовить великий поход на Восточную Европу» [18, с. 372]. Сила монголов была в их единстве – кредо Чингиз-хана, продемонстрированное им своим сыновьям на примере пучка стрел, которые он предложил им переломить. Д.И. Иловайский этот пример в своем сочинении не приводит, но подчеркивает: «Темучин дал им главное орудие завоевания: единство власти и воли. Пока кочевые народы разделены на особые орды, или роды, власть их ханов имеет, конечно, патриархальный характер родоначальника и далеко не безгранична. Но когда силой оружия одно лицо подчиняет себе целые племена и народы, то, естественно, оно поднимается уже на высоту недосыгаемую для

---

<sup>8</sup> В таком случае возникает вопрос, нельзя ли рассматривать половецкие подначивания русских князей к вражде с монголами как провокацию в расчете на то, что те и другие истощат силы в борьбе друг с другом, а половцы будут после пожинать плоды победы?

простого смертного. Старые обычаи еще живут у этого народа и как бы ограничивают власть верховного хана; охранителями таких обычаев у монголов являются курултаи и знатные влиятельные роды; но в руках ловкого, энергичного хана уже сосредоточено много средств, чтобы сделаться безграничным деспотом. Сообщив кочевым ордам единство, Темучин еще усилил их могущество введением однообразной и хорошо приспособленной военной организации» [18, с. 374]. Д.И. Иловайский не забывает одной фразой упомянуть и Ясу Чингиз-хана, хотя он тоже не видит в ней имперское законодательство [18, с. 375].

В отличие от подавляющего большинства историков, автор высказывает мнение, что Батый не замыслил брать Новгород [18, с. 384]. Подобную точку зрения имел и М.М. Щербатов [56, с. 3–4].

Аналогично остальным ученым, занимавшимся историей России, Д.И. Иловайский рассматривает ее порабощение в увязке с попыткой монголов овладеть Европой. Он наглядно показывает разлад в Европе накануне монгольского вторжения. Не объясняя, как отмечалось выше, мотивации монголов, он выдвигает смерть Угэдэя в качестве главного повода к их уходу отсюда, хотя, по его словам, были и другие причины [18, с. 388–389, 393]. Как и Н.М. Карамзин, автор доверяет словам Плано Карпини о планах Гуюка по захвату Европы. Смерть Гуюка разрушила эти планы [18, с. 401].

Неплохо ориентируясь во внутренних делах Монгольской империи, Д.И. Иловайский замечает, что Кипчакский улус был сначала ее частью, а Батый – «только наместник великого хана» [18, с. 393, 407]. Однако он повторяет ошибку С.М. Соловьева, «возводя» в ханы темника Ногая, и даже усугубляет ее, именуя Ногая «Заднепровским ханом», а Телебугу – «Заволжским ханом» [18, с. 498].

Время от времени он делает экскурсии ко двору великих ханов и описывает междоусобицу 1242–1246 гг., обстоятельства воцарения Мункэ и раздел сфер влияния Чингизидов. Представляется, что автор совершенно прав в своем утверждении о важной роли природной среды в сохранении кочевых традиций и самой политической организации монголов: «Из них Кипчакское ханство или улус Джучиев явился едва ли не самым могущественным и в тоже время наиболее сохранившим характер Чингизовой империи; ибо в нем кочевой быт остался преобладающим, благодаря обширным и привольным степям; тогда как в Китае, Персии и отчасти Туркестане Монголо-Татары подчинились влиянию туземной гражданственности и сделались оседлым населением» [18, с. 427]. Весьма интересно также его предположение, что Александру Невскому сыграл на руку конфликт между двоюродными братьями Берке и Хулагу, ввиду чего Берке было не до мятежей на Руси в 1262 г., и великому князю удалось «отмолить» свой народ [18, с. 425].

В заключение хотелось бы остановиться на следующей значительно преувеличенной характеристике монгольской власти: «В особенности подражание Китаю отразилось у них на деспотическом характере верховной власти и на целом устройстве созданной ими огромной монархии. Уже удельные ханы как Батый и даже его воеводы держали себя надменно и повелительно, и доступ к своей особе окружали разными церемониями. Еще большими церемониями, коленопреклонениями и почти божеским почитанием окружена была особа верховного хана. Власть его сделалась безграничною» [18, с. 400]. Возможно,

такой виделась картина ханской власти средневековому жителю Руси, но даже отчеты Плано Карпини и Рубрука ее опровергают. Ни улусные, ни великие ханы не играли роль небожителей. О копировании китайского церемониала можно говорить лишь с большими оговорками. В 1229 г. при интронизации Угэдэя советник прежнего хана кидань Елюй Чуцай (1189–1243) ввел некоторые ритуалы, приличествующие монаршему двору, но упомянутые Д.И. Иловайским церемонии (а к ним относились, как хорошо известно, прохождение между двух огней, поклонение не только здравствовавшему правителю, но и усопшему Чингиз-хану – его изображению или даже «тени», как иногда это формулируют российские историки, а также некоему «кусту», светилам и т.д.<sup>9</sup>) были исконно кочевые, а не китайские. Еще более уязвимо для критики заявление Д.И. Иловайского о монгольском деспотизме как следствии подражания Китаю, хотя оно и не лишено определенных оснований. Кочевники имели собственную, степную идею верховной власти, которая в те века могла быть только самодержавной, пусть и с некоторыми ограничениями. Китайский опыт, скорее всего, тоже был учтен, особенно при Чингиз-хане и его преемниках, но взят не напрямую из Китая, т.е. из Южной Сун, а через посредство киданей, живших на своих землях в чжурчжэньской империи Цзинь, и, вероятно, видевших в монголах своих освободителей. Никакой другой азиатский народ не был так заинтересован в привитии монголам имперских идей.

**Евгений Евсигнеевич Голубинский** (1834–1912) изучал историю русской церкви, а не государства, однако, дал профессиональный очерк о монголах в одной из глав своего капитального труда, на чем мы находим не лишним заострить внимание<sup>10</sup>. Заслуживает упоминания уже тот факт, что он видит разный смысл в понятиях «монголы» и «татары» и более-менее убедительно объясняет эту разницу [7, с. 1]. Он призывает расширять кругозор интересующихся русско-ордынскими отношениями за счет привлечения зарубежных источников: «Чтобы составить себе надлежащее понятие о всей ужасности монгольских нашествий, нужно читать не одних наших летописцев, которым не под силу было рисовать сколько-нибудь живые картины ужасов, но еще восточных и западно-европейских» [7, с. 10].

Историю Чингиз-хана Е.Е. Голубинский рассказывает относительно точно (нельзя согласиться лишь с утверждением о том, что, приняв этот высокий титул, он утвердил свою резиденцию в Каракоруме [7, с. 2] – приказ об основании имперской столицы был отдан только в 1220 г.). Правда, автор не нашел нужным объяснить, что же побудило Чингиз-хана к завоеваниям.

По мнению Е.Е. Голубинского, в 1237 г. татары пришли на Русь, «чтобы совсем и надолго поработить ее» [7, с. 4], причем нашествие вряд ли было таким уж неожиданным: монгольская активность на юго-востоке еще в 1229 г.

---

<sup>9</sup> Его попытки разобраться в некоторых из этих обрядов см.: [18, с. 563–565]. См. также: [12, с. 91–102].

<sup>10</sup> Некоторую информацию о религиозной политике монголов на Руси можно также найти в труде митрополита Макария (**Михаила Петровича Булгакова**, 1816–1882), вообще, очень дозированно дающего сведения о кочевниках: [19, с. 116–127]. Более детальные сведения о деятельности русской православной церкви в условиях монгольского доминирования сообщает священник **Николай Александрович Соловьев** (1839–1917) в известной работе: [49, с. 1–226].

должна была насторожить владимирских и рязанских князей. Дальше признаки грозящей большой войны только умножались [7, с. 4–5]. После вынужденных заминок, Угэдэй снарядил армии «для выполнения мысли и завещания Чингис-хана о завоевании всего света» [7, с. 5]. Таким образом, автор, как и многие его современники, признаёт наличие такого завещания, не обнаруженного, впрочем, до сих пор – возможно, просто потому, что его никогда не существовало. Зато он указывает на противоречие между намерением монголов овладеть всей ойкуменой и варварскими методами достижения этой цели: «Монголы завоевали мир, чтобы владеть им, и в то же время они так беспощадно опустошали его, что как будто хотели владеть пустынями» [7, с. 9]. Объяснить это противоречие пытались востоковеды в XX в., выдвигая предположения о намеренном очищении кочевниками пространства от следов оседлых цивилизаций, чтобы самим жить в привычной среде. Что касается монгольской идеи всемирного господства, то Е.Е. Голубинский знаком с ней; он передает уже сложившееся в науке мнение, что монголы сами себя считали посланными на завоевание мира Богом, а всех сопротивлявшихся расценивали как противников Божьей воли. Сомнение в этой теории вызывают беспощадные убийства тех горожан, кто покорялся захватчикам добровольно [7, с. 9].

Инициатором похода в Европу у Е.Е. Голубинского является сам Батый [7, с. 11], а не Дмитрий, как полагали многие наши историки, и не Угэдэй, как оно было в реальности. Существование великого ханата, основанного Чингиз-ханом, пресеклось на Хубилае, который, будучи избран (Sic!) главой монгольской державы, покорил весь Китай, стал китайским императором и оставил Каракорум. Это упразднило поездки туда русских князей [7, с. 12]<sup>11</sup>. Имея, таким образом, представление о Монгольской империи, историк почему-то забывает о ее ближневосточной части – улусе Хулагу, когда пишет, что Русь была последней присоединена к монгольским владениям [7, с. 29]. Не считая Южного Китая, последним крупным территориальным приобретением кочевников в XIII в. были земли багдадского халифа, а не русских князей.

Мы не будем вникать в тонкости взаимодействия монгольских властей и русской церкви, подробно описанные Е.Е. Голубинским, и ограничимся несколькими важными для нашей темы моментами. Выдвинув тезис, что монголы, воспринятые на Руси как бич Божий, на деле для церкви оказались во все не бичом [7, с. 17, 39], автор раскрывает причины веротерпимости монголов, одна из которых была политической. Чингиз-хан признавал себя избранным Богом, чтобы покорить весь мир и сделать из него единое государство. Для этого и нужна была очень гибкая религиозная политика. Поэтому монгольский вождь, прежде чем начать завоевания вовне объединенных им степей, обнародовал «книгу государственных законов», т.е. Ясу, ставшую для его соратников чем-то вроде Евангелия или Корана, где постулируется равное уважение ко всем религиям [7, с. 18–19]. Это требование соблюдалось как великими ханами Каракорума, так и ханами Золотой орды, даже несмотря на обращение в ислам. Частный случай веротерпимости – выдача русскому

---

<sup>11</sup> Автор выдвигает курьезную гипотезу о происхождении слова «харахориться» от названия «Харахорин» на том основании, что великие ханы там «слишком величались» над русскими князьями. Между тем, этимологию титула «каан» как «хан над ханами» он объясняет верно [7, с. 12–13].



духовенству ханских ярлыков, которые Е.Е. Голубинский тщательно анализирует, основываясь на трудах В.В. Григорьева.

Оригинальная историографическая концепция **Василия Осиповича Ключевского** (1841–1911) почти не оставила места для описания становления и развития Монгольской империи. Монголам он посвятил в своем труде лишь несколько страниц, затронув те аспекты их истории, которые оказали непосредственное влияние на протекание исторического процесса на Руси. Каких-либо мыслей о монгольской идеологии он не высказывал.

Двухтомное сочинение **Андрея Васильевича Экземплярского** (1846–1900) «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период» [57] было задумано как справочное пособие для занимающихся русской историей. Оно представляет собой собрание княжеских биографий, где монголам отведена роль внешнего фактора, упоминаемого лишь постольку, поскольку это необходимо для ясной подачи материала. Жанр этого труда исключил связанное изложение истории не только Монгольской империи, но и Улуса Джучи; достаточно сказать, что даже Чингиз-хан упоминается на более чем тысяче страниц только дважды, и то лишь как основатель династии.

**Сергей Федорович Платонов** (1860–1933) известен не только как замечательный исследователь российской истории, но и как автор гимназического учебника по этой дисциплине, заслужившего высокую оценку, выдержавшего до Октябрьского переворота десять изданий и переизданного уже в новой России. Жанр учебного пособия predetermined строгую логичность, однородность и компактность излагаемого материала, что делает как положительные, так и отрицательные его стороны более заметными.

В целом, С.Ф. Платонов грамотно вписал историю номадов в контекст российской истории, но ошибок все же не избежал. Особенно много их там, где речь идет о происхождении и самых первых десятилетиях Монгольской империи. Автор говорит о «монгольском племени татар», о начале завоеваний Чингиз-хана в 1213 г., игнорируя его более ранние набеги на тангутов и империю Цзинь, о его походе на запад вплоть до Армении, тогда как в XIII в. такого государства не существовало, а армянские земли входили в состав Грузинского царства [35, с. 84]. Возможно, следуя М.С. Грушевскому (см. ниже), историк объясняет уход монголов из Европы стойким сопротивлением чехов: «Батый не удержался и, встретив мужественный отпор в Чехии, повернул назад в степи» [35, с. 86]. Смерть Угэдэя в этой связи он даже не вспоминает. Автор отдает дань уважения «великорусскому племени, которое многострадально заслонило собою от татарского насилия всю Европу» [35, с. 88]. По-видимому, эту мысль впервые сформулировал А.С. Пушкин в письме, написанном на французском языке выдающемуся мыслителю П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г., но она долгое время не была широко известна (увидела свет только в 1949 г. и была немедленно подхвачена советскими историками): «...у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена» [44, с. 309]. Безусловно правильно то, что С.Ф. Платонов

подчеркнул зависимость Золотой орды от великих ханов Монголии в период единства империи [35, с. 86–87].

В другом своем известном произведении «Лекции по русской истории» С.Ф. Платонов придает влиянию на Русь монгольского владычества довольно ограниченный характер и посвящает ему лишь несколько страниц. «Поэтому мы можем далее рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига», – пишет он [34, с. 85]. Неудивительно, что для него история и идеология самой Монгольской империи не представляла никакого интереса.

Для **Матвея Кузьмича Любавского** (1860–1936) Монгольская империя тоже как бы не существовала. Описывая в «Лекциях по древней русской истории» ордынское время, он верно подмечает, что орда «Бату, или Батыя» имела сложный состав, преимущественно из «турецко-татарских», т.е. тюркоязычных кочевых племен. Действительно, вторгшиеся на Русь армии монголов были по пути усилены вольными или невольными соратниками, рекрутированными в Кыпчакской степи. Что именно было нужно Батыю на русской земле, автор не объясняет. Новизну вносят авторские рассуждения о судьбах половцев в XIII в., извлеченные из византийских источников. Европейский поход упомянут вскользь, причем ни его цель, ни причина его скорого завершения не раскрыты [28, с. 146–148].

По поводу монгольского владычества на Руси, которое обсуждается не только с исторических, но и с экономических позиций, М.К. Любавский позволил себе несколько весьма эмоциональных выражений, например: «К народному организму северо-восточной Руси присосался огромный паразит, который высасывал его соки, хронически истощал его жизненные силы, а временами производил в нем большие потрясения» [28, с. 156]. По мнению историка, «все зависело тут от воли и расположения хана, часто непостоянного и капризного» [28, с. 152]. Ниже он обрисовал структуру власти, находя в ней черты, сближающие ее с европейским феодализмом: «Наивысшим государем Руси, от которого получали свою инвестиру русские князья, соответствовавшим императорам западному и восточному, был *царь Ордынский*, рассматривавший всю Русскую землю, как свой улус, как одно из своих владений. Ниже его были *великие князья* – Владимирский-Московский, Тверской и Рязанский, соответствовавшие западноевропейским королям, получавшие от него ярлыки на великие княжения со всеми их территориями; под великими князьями были *князья удельные*, соответствовавшие западноевропейским герцогам, подчиненные великим в некоторых отношениях, а еще ниже бояре-землевладельцы и церковные учреждения, пользовавшиеся, как мы видели, государственными правами суда и обложения в своих имениях» [28, с. 174]. Мы воздержимся от оценок, насколько такое уподобление властных пирамид Европы и Руси в XIII–XIV вв. соответствовало действительности. Показательно здесь отсутствие наивысшего звена – великого монгольского хана, именовавшегося на Руси «*каном*», и это не ошибка М.К. Любавского, поскольку реконструированная им картина верна для большей части истории русско-ордынских отношений, когда Золотая орда была самостоятельным государством и не подчинялась указам из Пекина, где находился де-

юре хозяин всей Монгольской империи, существовавшей к тому времени лишь в теории.

В другом капитальном сочинении – «Истории западных славян» М.К. Любавский уделяет монголам еще меньше внимания. Он даже не называет имен полководцев, учинивших «погромы» в Польше в 1241, 1259 и 1287 гг., и ничего не говорит о целях, которые ставили перед собой эти «погромщики», хотя показывает результат: многие тысячи людей были перебиты или уведены монголами в плен, словно в этом и состоял их замысел [27, с. 245–246].

**Михаил Сергеевич Грушевский** (1866–1934) известен как националистически мыслящий украинский историк, написавший обобщающую много-томную работу «История Украины-Руси» на украинском языке, но, по нашему мнению, будет вполне уместно также разобрать его идеи в данной статье.

Обзор ранней монгольской истории у М.С. Грушевского поверхностный, но достаточный для введения читателя в курс дела и фактологически точный; разве что автор ошибочно локализует курултай 1206 г. «в старій турецькій столиці Каракорумі на Орхоні» [9, с. 539], тогда как он на самом деле был созван на реке Онон, где не было никаких древних столиц, а битву на Калке датирует 1224 г. [9, с. 541]. Мотивы первых военных кампаний Чингиз-хана – «„володаря незмінного“, чи абсолютного» он не раскрывает, а поводом для войны с Хорезмом объявляет, подобно многим российским историкам, разграбление чингизова каравана [9, с. 540].

Чрезвычайно интересна его мысль о том, что отправка Бату в Западный поход была вызвана желанием дворцовых партий устранить этого конкурента в борьбе за власть [9, с. 541]<sup>12</sup>. Трудно не согласиться с автором, что для Бату главной целью в Европе была Венгрия, но он не прочь был поживиться и за счет соседних земель. Принимая во внимание сообщение летописи о предложении киевского тысяцкого Димитрия поспешить в «Угорщину», М.С. Грушевский совершенно справедливо замечает, что у монгольского хана и без его совета уже имелся план действий. Сложнее разделить точку зрения автора, что Бату предпринимал некоторые меры для укрепления в Венгрии монгольского владычества [9, с. 543]. Очевидно, М.С. Грушевский опирается здесь на сообщение магистра Рогерия – очевидца и участника кровавых событий 1241–1242 гг., с сочинением которого он был знаком, о разделе венгерских земель между монгольскими военачальниками [29, с. 43]. Мы полагаем, что источник говорит всего лишь о распределении пастбищных ресурсов страны, без чего монгольские армии просто не могли существовать. Длительное пребывание монголов там вряд ли планировалось. Видимо, автор отказался от прежде высказанного им суждения о том, что Бату «получил отпор в Моравии и повернул обратно» [8, с. 426]; теперь он солидаризуется с показаниями источников, объясняющих это событие смертью Угэдэя [9, с. 543].

М.С. Грушевский правильно показывает субординацию Кыпчакской, или Золотой орды и метрополии, которой подчинялись потомки Джучи, однако,

---

<sup>12</sup> Любопытно, что М.С. Грушевский предпочитает использовать монгольское написание имени этого Чингизида – Бату, а не Батый, как делают все дореволюционные и почти все современные русисты. С.М. Соловьев даже высказался в защиту варианта «Батый»: «странно, по моему мнению, писать Бату вместо Батый, ибо это слово уже русское» [51, с. 83].

ошибочно переносит смерть хагана Мункэ на 1264 г. (вместо общепринятого 1259 г.), после чего, по его мнению, орда обрела независимость от окитаевского улуса хагана Хубилая [9, с. 544].

Касается наш автор и монгольской идеи о высшей власти, которую хан в теории имел над всем миром: «А в центрі цілої організації – хан з необмеженою власттю, що уважав ся покликаним до власті над цілим сьвіттом» [9, с. 544]; для не желавших подчиниться народов в монгольском арсенале было проверенное средство – террор и уничтожение высших слоев общества (здесь автор ссылается на Платона Карпини) [9, с. 544–545]. Говоря о монгольском терроре в другом месте своего сочинения, М.С. Грушевский объясняет «страшні побивання», к которым систематически прибегал Бату, не его желанием превратить русские земли в пустыню (по мысли историка, Бату уже имел полностью продуманный план включить их в состав Орды), а способом укрепления «спасительного страха» согласно монгольской политической методике [10, с. 148]<sup>13</sup>.

**Михаила Николаевича Покровского** (1868–1932) мало занимали проблемы монгольской истории и ее идеологических аспектов; тем не менее, кое-что попало на страницы его трудов. Мы не говорим о Приложениях к первому тому его «Русской истории с древнейших времен», где даны фрагменты Ипатьевской и Лаврентьевской летописей с описанием битвы на Калке, покорения Северо-Восточной Руси и взятия Киева. Речь о ханских ярлыках, выдававшихся русским митрополитам. Разбирая отношения русской церкви с монгольскими ханами, М.Н. Покровский коснулся устройства монгольской «вертикали власти» и тех воззрений, которые воплощались в текстах ярлыков. Порядок был освящен самим «Чингизом царем» и другими «первыми царями» монгольскими [37, с. 221], следовательно, ордынские власти формально соблюдали принципы, заложенные еще в эпоху единства империи. Будучи марксистом, автор без обиняков позиционирует церковь как одно из эффективных орудий проведения монгольской политики на Руси. Ханы «получали в свое распоряжение крупнейшую полицейскую силу, позволявшую заменить мечом духовным меч вещественный, который неудобно же было извлекать из ножен слишком часто» [37, с. 221]<sup>14</sup>. Позже этот взгляд на роль церкви в русской истории XIII–XV вв. стал в нашей стране каноническим.

В другом месте М.Н. Покровский затронул методы, которыми насаждалась и на которых держалась монгольская власть: уничтожение всех вероятных очагов сопротивления, прежде всего городов (чего не делали прежние степные враги Руси), и тех слоев населения, которые могли его возглавить, т.е. целенаправленная ликвидация враждебной элиты [37, с. 143].

Завершим наш обзор творчеством **Александра Евгеньевича Преснякова** (1870–1929), который тоже не уделял монгольскому «игру» особого внимания и делал мало экскурсов в монгольские дела за пределами русских земель. Заслуживают упоминания его мысли о европейской кампании Батые, который «спешил на запад: его главною целью была Венгрия». Впрочем, как

<sup>13</sup> О терроре как одном из столпов монгольской власти см.: [15, с. 160–169].

<sup>14</sup> Впрочем, указания на это есть уже у Н.М. Карамзина [21, с. 76].

указывалось выше, внук Чингиз-хана едва ли собирался надолго там закрепиться, но А.Е. Пресняков был убежден, что «дело шло, несомненно, не о набеге, а о завоевании». Весть о смерти Угэдэя заставила Батгья повернуть обратно, и его орда, пройдя через Галичину, Вольту и Киевщину, осела в нижнем Поволжье [43, с. 18]. Похоже, автор не заметил здесь противоречия – как смерть великого хана должна была, в конце концов, вызвать остановку Батгья на Волге? Если Батгый спешил на курултай в Монголию, почему он туда не дошел? А.Е. Пресняков наверняка не планировал анализировать шаги Батгья, и он далеко не одинок в среде историков, не предложивших ответ на эту загадку истории.

Рассмотренные нами произведения российских историков – не просто памятники отечественной историографии, но и источники знаний о монголах для поколений россиян, приоткрывавшие завесу над историей таинственной Азии тогда, когда специальных трудов по населявшим ее народам почти не было либо они были малодоступны. Благодаря сочинениям Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева и других наших историков в общественном сознании формировался образ монгольских завоевателей и их вождей, складывались представления (порой ошибочные) о монголо-российских отношениях.

Для российской историографии XVII – начала XX вв. характерна узость источниковой базы по монголам; имеющиеся пока еще немногочисленные восточные источники привлекаются к тому же далеко не всеми авторами, а о критическом к ним подходе говорить чаще всего вообще не приходится. Даже имея возможность обратиться к хорошим переводам и трудам востоковедов, историки-русисты делали это не часто – возможно, просто потому, что не испытывали в этом необходимости в силу своих профессиональных интересов, а иногда и вследствие априорно заниженной оценки роли монголов в истории России.

Монгольская империя чаще всего остается за пределами их внимания, вследствие чего нашествие Батгья иногда изображается вообще вне связи с другими военными операциями монголов на евразийском пространстве, как частный эпизод, а целью этой инвазии считается подчинение всей Руси, дабы выкачивать из нее материальные блага. Отчасти это так. Жить за счет ограбления соседей было в порядке вещей. Однако экономические интересы – лишь видимая сторона дела. Мы сильно обедняем наше понимание ситуации, если ограничиваемся этим «базисом» и забываем о «надстройке», игнорируем монгольскую мессианскую идеологию, наглядно представленную в словах хагана Мункэ, адресованных французскому императору Людовику IX (1226–1270): «Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать» [6, с. 176]. Иначе монголы отличаются от тех же половцев только гораздо большей силой и умением брать города, а это весьма далеко от истины.

Историография данного периода хронически страдает излишним доверием к летописным и другим сообщениям и некритически пересказывает легенды и фольклорные сюжеты. Некоторые историки охотно уподобляются средневековым книжникам в бесконечных обвинениях кочевников в дикости, варварстве, злобе, жадности, бесчеловечности и прочих пороках, демон-

стрируют эмоциональность, прибегают к художественным образам и фантазии. Войны и конфликты монголов с Русью иногда подаются как войны безбожников с христианами, при этом из внимания ускользает тот факт, что монголы считали себя исполнителями Божественной воли – в их понятиях, воли Вечного Синего Неба, а своего хана видели в роли посредника между Небом и Землей. Достаточно типично и простое, монотонное изложение последовательности событий, без попытки их анализа.

По итогам данного обзора нельзя сказать, что наблюдается какая-либо эволюция воззрений российских историков на период Монгольской империи с течением времени. В зависимости от задач, которые ставили перед собой ученые, они либо совершенно о ней умалчивали, либо рассказывали более или менее подробно, и это не зависело от объема доступных им материалов и прогресса мирового востоковедения. Их вклад в освещение темы Монгольской империи далеко не пропорционален их известности. Немало продуктивных идей высказали историки, имена которых сейчас почти забыты, например М.М. Щербатов, Н.А. Полевой. Наряду с этим, отечественная историография знает удачные попытки проникновения в суть этого исторического феномена и в различные его аспекты. Можно лишь сожалеть, что некоторые прозрения наших историков остались по тем или иным причинам практически незамеченными.

Как было показано в настоящей статье, с одной стороны, труды знатоков отечественной истории не были свободны от ошибок, некоторые из которых оказались к тому же весьма живучими. С другой стороны, они содержат немало верных замечаний и догадок, подтвержденных следующими поколениями ученых. Никто из упомянутых нами историков не обращал специального внимания на имперский аспект монгольской власти, но, решая стоявшие перед ними задачи, они затрагивали его в той или иной мере и постепенно накапливали ценную информацию, очевидно, помогшую специалистам-востоковедам реконструировать историю и идеологические устои Монгольской империи.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернгоф А. Россия под игом татар: Историческая картина, составленная А. Бернгофом, ст. учителем русского языка и словесности. Riga: gedr. bei W.I. Backer, 1830.
2. Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. I. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1872.
3. Бестужев-Рюмин К. О злых временах татарщины и о страшном мамеевом побоище. Изд. 3-е. СПб.: Общественная польза, 1891.
4. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1857.
5. Воротынцев Л.В. Рязанский гамбит Бату: о новых трактовках сообщений «Повести о разорении Рязани Батыем» в современных исследованиях // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 2. С. 284–302.
6. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
7. Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1900.

8. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли. От смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Типогр. Императорского Университета, 1891.
9. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. II. Київ: Наукова думка, 1992.
10. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. Київ: Наукова думка, 1993.
11. Дробышев Ю.И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119–140.
12. Дробышев Ю.И. Монгольские ритуалы в русских летописях // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 4 (10). С. 91–102.
13. Дробышев Ю.И. Монгольский хаган как сын Бога // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 123–147.
14. Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Лызлова до Карамзина // Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества / Сост. и отв. ред. И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. С. 156–169.
15. Дробышев Ю.И., Юрченко А.Г. «Заповедники смерти» Монгольской империи // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Г. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160–169.
16. Зависимость русских земель от Золотой Орды и русско-ордынские отношения: оценка современников и дискуссии в отечественной историографии: учебное пособие / Авт.-сост. И.В. Шорохова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018.
17. Иловайский Д. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858.
18. Иловайский Д. История России. Т. I. Ч. 2. Владимирский период. М.: Типогр. П. Лебедева, 1880.
19. История русской церкви / [Соч.] Макария, митрополита Московского. Т. IV. Кн. I. СПб.: Типогр. Р. Голике, 1886.
20. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. III. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1818.
21. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. IV. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1819.
22. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Пер. Р.П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М.: [Б.и.], 2009. С. 121–291.
23. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры, 2001.
24. Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. XII. Начало единодержавия в Древней Руси. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1872.
25. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга первая. Господство Дома Св. Владимира. X–XVI-ое столетия. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1912.
26. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Фэн, 2009.
27. Любавский М. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1918.
28. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М.: Г.А. Леман и П.С. Филиппов, 1918.
29. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
30. Майоров А.В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 3. С. 124–199.
31. [Митрополит Евгений (Болховитинов).] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. Киев: Типогр. Киевопечерской Лавры, 1825.

32. Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси: дисс. ... д.и.н. М., 2007.
33. Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским ханам, от 1224 по 1480 год. СПб.: Типогр. Департамента народного просвещения, 1823.
34. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Вып. I. СПб.: «Столичная Скоропечатня», 1899.
35. Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Петроград: Типогр. Я. Башмакова и Ко, 1917.
36. Погодин М. Древняя русская история, до монгольского ига. Т. II. М.: Синодальная типография, 1871.
37. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. М.: Издание т-ва «Мир», 1913.
38. Полевой Н. История русского народа. Т. III. М.: Типогр. Августа Семена, 1830.
39. Полевой Н. История русского народа. Т. IV. М.: Типогр. Августа Семена, 1833.
40. Полевой Н. История русского народа. Т. V. М.: Типогр. Августа Семена, 1833.
41. Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: дисс. ... к.и.н. М., 2017.
42. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Типогр. М.А. Александрова, 1908.
43. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939.
44. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в десяти томах. Т. 10. Письма 1831–1837. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
45. Рихтер А. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. XVII. Кн. III. С. 249–270.
46. Рихтер А. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Ч. XXII. Кн. LXII. № 62 (июнь). С. 333–371.
47. Рыкин П.О. Этническая идентичность средневековых монголов как политический конструкт: опыт анализа источников // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 248–294.
48. Сагарадзе М.И. «Значение А.С. Грибоедова в умственном развитии русского общества» и «Влияние монгольского ига на Россию»: Две публичные лекции, читанные в г. Кутаисе 14 и 26 апреля 1895 года. Кутаис: Типогр. В.П. Зедгинидзе и П.Н. Перадзе, 1895.
49. Сарайская и Крутицкая епархия / [Соч.] Священника Н.А. Соловьева // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894 год. Кн. 3. М.: Университетская типография, 1894. С. 1–226.
50. Соловьев К.А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX – I пол. XV вв.). М.: МАКС-Пресс, 2001.
51. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. I–V. СПб.: Общественная польза, [1895].
52. Трубкин В.В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII–XV вв.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2007.
53. Устрялов Н. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. Изд. 4-е. СПб.: Типогр. Штаба Военно-Учебных Заведений, 1842.
54. Устрялов Н. Русская история. Ч. I. Изд. 5-е. СПб.: Типогр. Аполлона Фридрихсона, 1855.



55. Чимитова Д.К. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Руси // Чингисхан и судьбы народов Евразии: материалы междунар. науч. конф., г. Улан-Удэ, 3–5 октября 2002 г. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. С. 288–294.

56. Щербатов М. История Российская от древнейших времен. Т. III. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1774.

57. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1–2. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1889–1891.

**Сведения об авторе:** Юлий Иванович Дробышев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9318-4560. E-mail: altanus@mail.ru

Поступила 15.02.2022 Принята к публикации 27.06.2022  
Опубликована 29.09.2022

#### REFERENCES

1. Bergof A. Russia under the yoke of the Tatars: A historical picture compiled by A. Bernhof, a senior teacher of the Russian language and literature. Riga: gedr. bei W.I. Backer, 1830 (In Russian)

2. Bestuzhev-Ryumin K. Russian History. Vol. I. St. Petersburg: Tipogr. A. Transhelya, 1872 (In Russian)

3. Bestuzhev-Ryumin K. About the evil times of the Tatar people and the terrible Mamay massacre. 3<sup>rd</sup> ed. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1891 (In Russian)

4. Vasil'ev V.P. History and antiquities of the eastern part of Central Asia from the X to the XIII century, with an appendix of the translation of Chinese news about the Khitans, Jurchens and Mongol-Tatars. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1857 (In Russian)

5. Vorotyntsev L.V. Batu's Ryazan Gambit: on new Interpretations of the Messages from "The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu" in Modern Research. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 284–302 (In Russian)

6. Gil'om de Rubruk. Travel to the Eastern countries. *Travels to the Eastern countries*. Moscow: Mysl', 1997. Pp. 86–189 (In Russian)

7. Golubinskiy E. History of the Russian Church. Vol. II. Part 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1900 (In Russian)

8. Grushevskiy M.S. *An essay on the history of the Kiev land. From the death of Yaroslav to the end of the XIV century*. Kiev: Tipogr. Imperatorskogo Universiteta, 1891 (In Russian)

9. Grushevs'kiy M.S. *History of Ukraine-Russia*. Vol. II. Kiiv: Naukova dumka, 1992 (In Ukrainian)

10. Grushevs'kiy M.S. *History of Ukraine-Russia*. Vol. III. Kiiv: Naukova dumka, 1993 (In Ukrainian)

11. Drobyshev Yu.I. Funeral and memorial rites of the medieval Mongols and their ideological foundations. *Ethnographic review*. 2005, no. 1, pp. 119–140 (In Russian)

12. Drobyshev Yu.I. Mongolian rituals in Russian chronicles. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2019, no. 4 (10). Pp. 91–102 (In Russian)
13. Drobyshev Yu.I. Mongol Khagan as a son of God. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2020, no. 4 (25). Pp. 123–147 (In Russian)
14. Drobyshev Yu.I. The Mongol Empire and its ideology in the light of pre-revolutionary Russian historians: from Lyzlov to Karamzin. *Mongolia – Russia: the age of independence – the age of cooperation* / Comp. and ed. by I. V. Kulganek, Vol. I. Yusupova. St. Petersburg: OOO ID «Petropolis», 2021. Pp. 156–169 (In Russian)
15. Drobyshev Yu.I., Yurchenko A.G. “Reserves of death” of the Mongol Empire. *Siberian collection-1: Funeral rites of the peoples of Siberia and adjacent territories*. Book 2 / Ed. by L. G. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. Pp. 160–169 (In Russian)
16. Russian lands' dependence on the Golden Horde and Russian-Horde relations: Assessment of contemporaries and discussions in Russian historiography: a textbook / Author-comp. I. V. Shorokhova]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2018 (In Russian)
17. Ilovayskiy D. History of the Ryazan Principality. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1858 (In Russian)
18. Ilovayskiy D. History of Russia. *Vol. I. Part 2. Vladimir period*. Moscow: Tipogr. P. Lebedeva, 1880 (In Russian)
19. The history of the Russian Church / By Makariy, Metropolitan of Moscow. Vol. IV. Book I. St. Petersburg: Tipogr. R. Golike, 1886 (In Russian)
20. Karamzin N.M. History of the Russian state. Vol. III. St. Petersburg: Tipogr. N. Grecha, 1818 (In Russian)
21. Karamzin N.M. History of the Russian state. Vol. IV. St. Petersburg: Tipogr. N. Grecha, 1819 (In Russian)
22. Chinese dynastic history “Yuan Shi (the Official history of [dynasty] Yuan)” / Tr. by R.P. Hrapachevskiy. *Golden Horde in the sources. Vol. III. Chinese and Mongolian sources*. Moscow, 2009. Pp. 121–291 (In Russian)
23. Kloss B.M. Selected works. Vol. 2. Essays on the history of Russian hagiography of the XIV–XVI centuries. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001 (In Russian)
24. Kostomarov N. Historical monographs and researches. Vol. XII. The beginning of unity in Old Russia. St. Petersburg: Tipogr. A. Transhelya, 1872 (In Russian)
25. Kostomarov N.I. *Russian history in the biographies of its main figures. The first book. The rule of the House of St. Vladimir. X–XVI centuries*. St. Petersburg: Tipogr. M.M. Stasyulevicha, 1912 (In Russian)
26. Lushnikov O.V. The Mongol Empire in the historiography of the XVIII–XX centuries. Kazan': Fen, 2009 (In Russian)
27. Lyubavskiy M. The history of the Western Slavs (Baltic, Czechs, and Poles). Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh, 1918 (In Russian)
28. Lyubavskiy M.K. Lectures on ancient Russian history until the end of the XVI century. Moscow: G.A. Leman i P.S. Filippov, 1918 (In Russian)
29. Magistr Rogeriy. *A sorrowful song about the destruction of the Hungarian Kingdom by the Tatars* / Tr. by A.S. Dosaev. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2012 (In Russian)
30. Mayorov A.V. Woman, Diplomacy and War: Russian Princes in Negotiations with Batu on the Eve of the Mongol Invasion. *Steps/Steps*. Vol. 7, no. 3, pp. 124–199 (In Russian)
31. [Mitropolit Evgeniy (Bolkhovitinov).] Description of the Kievosophical Cathedral and the Kiev hierarchy. Kiev: Tipogr. Kievopecherskoy Lavry, 1825 (In Russian)
32. Mukhametov F.F. *Domestic historiography of the Mongol conquest of Russia*: Abstract of the Doctor of Science dissertation. Moscow, 2007 (In Russian)

33. Naumov P.A. On the relations of Russian princes to the Mongol Khans, from 1224 to 1480. St. Petersburg: Tipogr. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1823 (In Russian)
34. Platonov S.F. Lectures on Russian history. Issue I. St. Petersburg: Stolichnaya Skoropechatnaya, 1899 (In Russian)
35. Platonov S.F. Textbook of Russian history for secondary schools. Petrograd: Tipogr. Ya. Bashmakova i Ko, 1917 (In Russian)
36. Pogodin M. Old Russian history before the Mongol yoke. Vol. II. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1871 (In Russian)
37. Pokrovskiy M.N. Russian history since ancient times. Vol. I. Moscow: Izdanie t-va «Mir», 1913 (In Russian)
38. Polevoy N. The history of the Russian people. Vol. III. Moscow: Tipogr. Avgusta Semena, 1830 (In Russian)
39. Polevoy N. The history of the Russian people. Vol. IV. Moscow: Tipogr. Avgusta Semena, 1833 (In Russian)
40. Polevoy N. The history of the Russian people. Vol. V. Moscow: Tipogr. Avgusta Semena, 1833 (In Russian)
41. Politov V.V. Domestic historiography of the influence of the Mongol-Tatar yoke on the socio-political institutions of the principalities of North-Eastern Russia: Ph.D. dissertation. Moscow, 2017 (In Russian)
42. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Hypatian Codex. 2nd ed. St. Petersburg: Tipogr. M.A. Aleksandrova, 1908 (In Russian)
43. Presnyakov A.E. *Lectures on Russian history. Vol. II. Issue 1. Western Russia and the Lithuanian-Russian state*. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1939 (In Russian)
44. Pushkin A.S. Works in ten volumes. Vol. 10. Letters of 1831–1837. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1962 (In Russian)
45. Rikhter A. Something about the impact of the Mongols and Tatars on Russia. *A competitor for education and charity*. 1822. Part XVII. Book III. Pp. 249–270 (In Russian)
46. Rikhter A. A study on the influence of the Mongol-Tatars on Russia. *Domestic records*. 1825. Part XXII. Book LXII, no. 62 (June). Pp. 333–371 (In Russian)
47. Rykin P.O. Ethnical Identity of Medieval Mongols as a Political Construct: Experience of Sources Analysis. *Siberia in the Context of Russian Model of (XVII – beginning of XX c.)* / Ed. by L.R. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. Pp. 248–294 (In Russian)
48. Sagaradze M.I. “The significance of A. S. Griboyedov in the intellectual development of Russian society” and “The influence of the Mongol yoke on Russia”: Two public lectures delivered in Kutaisi on April 14 and 26, 1895. Kutais: Tipogr. V.P. Zedginidze i P.N. Peradze, 1895 (In Russian)
49. Saray and Krutitsy diocese / By the priest N. A. Solovyov. *Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russian at the Moscow University*. 1894. Book 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1894. Pp. 1–226 (In Russian)
50. Solov'ev K.A. *The case of power. Russian historians on power relations in Old and Medieval Russia (IX – 1st half of XV centuries)*. Moscow: MAKS-Press, 2001 (In Russian)
51. Solov'ev S.M. *The history of Russia since ancient times*. Book 1. Vol. I–V. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, [1895] (In Russian)
52. Trubkin V.V. *Russian historical literature about the Russian-Horde and Russian-Lithuanian relations in the middle of the XIII–XV centuries*: Ph.D. dissertation. Omsk, 2007 (In Russian)

53. Ustryalov N. The outline of Russian history, for secondary educational institutions. 4<sup>th</sup> ed. St. Petersburg: Tipogr. Shtaba Voenno-Uchebnykh Zavedeniy, 1842 (In Russian)

54. Ustryalov N. Russian history. Part I. 5<sup>th</sup> ed. St. Petersburg: Tipogr. Apollona Fridrikhsona, 1855 (In Russian)

55. Chimitova D.K. Russian historiography of the influence of the Mongol-Tatar yoke on the socio-economic, political and cultural development of Russia. *Genghis Khan and the fate of the peoples of Eurasia: materials of the international scientific conference, Ulan-Ude, October 3–5, 2002*. Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2003. Pp. 288-294 (In Russian)

56. Shcherbatov M. *Russian history from the most ancient times*. Vol. III. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1774 (In Russian)

57. Ekzemplyarskiy A.V. The Great and appanage princes of Northern Rus' in the Tatar period, from 1238 to 1505. Vol. 1–2. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1889–1891 (In Russian)

**About the author:** Yuliy I. Drobyshev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9318-4560. E-mail: altanus@mail.ru

*Received February 15, 2022 Accepted for publication June 27, 2022  
Published September 29, 2022*

УДК 737.1"12"

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.565-583

EDN: BLOZRP

**ИМЕННЫЕ ДИРХАМЫ КАЙДУ В ХОРАСАНЕ –  
НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОНЕТНОГО  
ОБРАЩЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIII В.**

***П.Н. Петров*<sup>1</sup>, *П.О. Рыкин*<sup>2</sup>, *В.А. Беляев*<sup>3</sup>**

<sup>1</sup> *Центральный государственный музей Республики Казахстан  
Алматы, Республика Казахстан  
ppnsainkhan@rambler.ru*

<sup>2</sup> *Институт лингвистических исследований РАН  
Санкт-Петербург, Российская Федерация  
pavryk@yandex.ru*

<sup>3</sup> *Независимый исследователь  
Москва, Российская Федерация  
oldcharm@yandex.ru*

*Цель исследования:* введение в научный оборот монет Хорасана с легендами уйгуро-монгольским письмом на доклассическом монгольском языке, содержащими имена Кайду (ок. 1235/36–1301) – внука каана Өгөдэя, а также сына Кайду – Ороса.

*Материалы исследования:* Изучено 5 серебряных дирхамов. Одна монета сохранила дату чеканки 690/1291 год, 3 других экземпляра однозначно относятся к продукции монетного двора Мерв, на пятом экземпляре указано название Мерв и поставлена тамга Кайду.

*Результаты и научная новизна:* В ходе исследования установлено, что появление этих монет на монетном дворе, принадлежавшем Хулагуидам, связано с бунтом ильханского эмира Навруза и вторжением Кайду-хана и его союзника Чагатаида Дуву в Хорасан именно в 690 г.х. (1291 г.). Данные легенды дополняют сведения письменных источников об этом вторжении и последующей кратковременной оккупации Хорасана войсками Кайду.

***Ключевые слова:*** монета, дирхам, государство Хулагуидов, государство Чагатаидов, Хорасан, Мерв, Кайду, Орос, Навруз, конец XIII века

***Для цитирования:*** Петров П.Н., Рыкин П.О., Беляев В.А. Именные дирхамы Кайду в Хорасане – новый источник по истории монетного обращения Средней Азии в конце XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 565–583. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.565-583 EDN: BLOZRP

**DIRHAMS STRUCK IN THE NAME OF QAIDU IN KHORASAN –  
A NEW SOURCE ON THE HISTORY OF MONETARY CIRCULATION  
IN CENTRAL ASIA IN THE LATE THIRTEENTH CENTURY**

*P.N. Petrov*<sup>1</sup>, *P.O. Rykin*<sup>2</sup>, *V.A. Belyaev*<sup>3</sup>

<sup>1</sup> *Central State Museum of the Republic of Kazakhstan  
Almaty, Republic of Kazakhstan  
ppnsainkhan@rambler.ru*

<sup>2</sup> *Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences  
Saint Petersburg, Russian Federation  
pavryk@yandex.ru*

<sup>3</sup> *Independent researcher  
Moscow, Russian Federation  
oldcharm@yandex.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* An introduction to the scientific circulation of the coins of Khorasan with legends written in Preclassical Mongol, containing the names of Qaidu (c. 1235/36-1301), the grandson of Ögödei Qa'an, as well as Qaidu's son, Oros.

*Research materials:* Five silver dirhams are studied. One coin is clearly dated to 690/1291, while three other specimens are specifically related to the production of the Marw mint. The fifth specimen bears the mint name of Marw and Qaidu's tamgha.

*Results and novelty of the research:* The conclusion is made that the appearance of these coins at the mint belonging to the Hülegüids is associated with the rebellion of the Ilkhanid amir Nawruz and the invasion of Qaidu and his ally, the Chaghatayid khan, Duwa, into Khorasan in 690 A.H. (1291). The legends provide additional information to supplement written records on this invasion and the subsequent short-term occupation of Khorasan by Qaidu's troops.

**Keywords:** coin, dirham, Hülegüid state, Chaghatayid state, Khorasan, Merv, Qaidu, Oros, Nawruz, late thirteenth century

**For citation:** Petrov P.N., Rykin P.O., Belyaev V.A. Dirhams struck in the name of Qaidu in Khorasan: a new source on the history of monetary circulation in Central Asia in the late thirteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 565–583. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.565-583 (In Russian)

## **Введение**

Восточная нумизматика постоянно и постепенно открывает нам свои секреты. Как правило, это связано либо с находкой неизвестного ранее экземпляра, сообщающего новое имя эмитента или новые данные о месте и дате чеканки, либо с использованием специальных методов изучения самих монет (например, поштемпельный анализ), либо с изучением особенностей монетного обращения. В последнее двадцатилетие, в том числе и благодаря существованию базы данных [www.zeno.ru](http://www.zeno.ru), сделано немало неожиданных открытий с помощью нумизматики в качестве исторического источника. Подверглась пристальному изучению чингизидская средневековая нумизматика. Так были обнаружены и атрибутированы серебряные дирхамы джучидской чеканки XIII в. с китайскими иероглифами [6, с. 153–167]. Была

предложена и обоснована интерпретация китайских иероглифов на бухарских медных посеребренных дирхамах середины XIII в. [2, с. 18–127] и салгуридских монетах Абиш б. Са`ад [1, с. 43–57]. Успешно прочтена легенда на серебряных укекских дирхамах Джучида Токты, написанная тибетским письмом [3, с. 27–34]. Введена в научный оборот целая группа монгольских монет первой половины XIII в., позволившая по-новому взглянуть на особенности денежного обращения на территории самой Монголии и на ее западной границе [4; 5]. Удалось обнаружить закрытый характер денежного обращения в Булгарском вилайате в XIII–первой трети XIV в. [7] и др.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот именной чеканной серебряной монеты эмитентов хана Кайду и Ороса в Хорасане. До сих пор ни одной именной монеты Кайду не было известно. Сложность же ситуации в монгольской средневековой нумизматике заключается в том, что большинство монет с легендами уйгуро-монгольским письмом пока не прочтены. Изучение этих экземпляров приводит к неожиданному обнаружению новых имен эмитентов, которые никогда не проставлялись на монетах в иной графике. Надо сказать, что, например, монеты с именами Чагатаидов Дувы и Эсэн-Буки известны [15, с. 107–108; 20, с. 103], но все они отчеканены на периферии государства Чагатаидов. Именно неожиданностями всегда и интересна нумизматика государственного пограничья, поскольку здесь присутствует немного иная логика оформления монет и содержания легенд, чем в центральных регионах страны. Для того, чтобы население принимало монету, ее облик должен был быть привычен местному населению (как правило, завоеватели продолжали чеканку монет типологического ряда предыдущего периода), но при этом допускалось изменение содержания легенд, носящих прокламативный характер. Это же наблюдается и при изучении интересующих нас монет.

О.с.



Л.с.



Рис. 1 / Fig. 1

## Материал

Наше внимание привлекли 5 дирхамов с нестандартной легендой уйгуро-монгольской письменностью. Внешний облик монет и их оформление не отличается от хорасанских выпусков 680-х – 690-х гг. хулагуидского государства. Содержание уйгуро-монгольских легенд на оборотной стороне монет долгое время оставалось неясным, и они не привлекали особого внимания исследователей. Но дешифровка этих легенд, выполненная П.О. Рыкиным, открыла неожиданные факты, проливающие свет на малоизученный период истории Хорасана в конце XIII в.<sup>1</sup> Описание монет и чтение легенд на них представлены ниже.

### № 1. МД утрачен. Зу-л-Ка'да [6]90 г.х. Кайду и Орос.

Z/260164, в=2,30; д=21,7. Найдена в Афганистане. Рис. 1/1.

**Л.с.** В поле сложного картуша [в тройной ободок (внутренний и внешний – линейные, внутренний – точечный) вписан квадрат] калима в 3 строки:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

‘Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха’.

Между букв слова الله – шестилучевая звезда.

В четырех сегментах – выпускные данные:

вверху: [ب]تاريخ ‘в дату [месяца]’ или التاريخ ‘дата’;

слева: ذو القعدة ‘Зу-л-Ка’да / 11 месяц;

внизу: تسعين ‘девяносто’;

справа: утрачено.

**О.с.** В поле картуша [тройной ободок (внутренний и внешний – линейные, внутренний – точечный)] в пять строк легенда на доклассическом монгольском языке:

[1] *qaiṭu-*

[2] *yin nereber*

[3] *oros-u[n]*

[4] *deledkegül[üḡ]*

[5] *sen*

‘Именем Кайду, Оросом велено сделать так, чтобы отчеканили’.

Над легендой – виньетка «узел счастья».

### № 2. МД утрачен [Мерв]. Год утрачен. [Кайду] и Орос.

Личный архив П. Н. Петрова (арх. № А773), в=2,05; д=20,2. Рис. 1/2.

**Л.с.** В поле (от картуша слабо видны две линии квадрата) калима в 3 строки:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

<sup>1</sup> Впервые имя Кайду было дешифровано одним из коллекционеров, увидевших монету в базе данных Zeno.ru: Z/ 260164.



‘Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха’.

Имя пророка محمد • ‘Мухаммад’ повторяет вариант написания как на монете № 1.

В четырех сегментах – выпускные данные: утрачены полностью.

**О.с.** В поле (картуша не видно) в пять строк легенда на доклассическом монгольском языке:

[1] //

[2] //n ner[e]ber

[3] oros-in

[4] [de]l[e]tüg s[e]

[5] n

‘Именем [Кайду], Оросом отчеканено’.

Легенда л.с. выполнена грубо в сравнении с л.с. дирхама №1.

### № 3. Мер[в]. Год утрачен. Кайду и Орос.

Личный архив П.Н. Петрова (арх. № А744), в=1,98; д=21,1. Рис. 1/3.

Этот же экземпляр – Z/70370.

**Л.с.** В поле (от картуша слабо видны две линии квадрата) калима в 3 строки:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

‘[Нет бога, кроме] Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха’.

Имя пророка ‘Мухаммад’ написано иначе, чем у №1 и 2.

В четырех сегментах – выпускные данные:

Вверху и справа – утрачено; внизу – фрагменты букв;

слева – [و] ‘Мер[в]’.

**О.с.** В поле (картуша не видно) в пять строк легенда на доклассическом монгольском языке:

[1] qaiṭu-

[2] yin ner[e]ber

[3] oros-in

[4] [de]l[e]tüg s[e]

[5] n

‘Именем Кайду, Оросом отчеканено’.

О.с. бита тем же штемпелем, что и О.с. дирхама №2.

### № 4. Мерв. Год утрачен. Кайду и Орос.

Личный архив П.Н. Петрова (арх. № А784), в=2,00; д=20,8. Рис. 1/4.

**Л.с.** В поле (от картуша слабо видны две линии квадрата) калима в 3 строки:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

‘Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха’.

Имя пророка ‘Мухаммад’ написано иначе, чем у №1 и 2.

В четырех сегментах – выпускные данные:

Вверху – неясно; справа и внизу – утрачено;

слева – مرو ‘Мерв’.

Л.с. бита тем же штемпелем, что и Л.с. дирхама №3.

**О.с.** В поле (картуша не видно) в пять строк легенда на доклассическом монгольском языке:

[1] //itu-

[2] /in ner[e]be[r]

[3] oros-i/

[4] del[e]tüg se

[5] n

‘Именем [Ка]йду, Оросом отчеканено’.

Справа от легенды изображен лук тетивой к легенде.

### № 5. Мерв. Год утрачен. Анонимная. Тамга Кайду.

Z/102946. В=2,01. Рис. 1/5.

Л.с. В поле (от картуша слабо видны две линии квадрата) калима в 3 строки:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

‘Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха’.

Слева – مرو ; по 3 сторонам – утрачено.

Л.с. бита тем же штемпелем, что и Л.с. дирхама №3 и 4.

**О.с.** В поле фигурного картуша (виден частично): алима в 3 строки:

مرو / тамга Кайду / سكة

‘Бито [в] / тамга Кайду / Мерве’.

Вверху – изображение лука.

### Палеографические и лингвистические комментарии

Легенды оборотной стороны на всех четырех монетах с уйгуро-монгольскими легендами с палеографической точки зрения группируются в два типа, которые совершенно условно можно назвать типом А и типом В. К типу А принадлежит только легенда на монете № 1, к типу В относятся все остальные экземпляры (монеты №№ 2–4). Тип А – более каллиграфический и приближенный к стандартным письменно-монгольским нормам, тип В – более небрежный, содержащий как минимум один разговорный элемент и несколько идиосинкретических черт (возможно, ошибок резчика штемпелей). Особый, третий тип (тип С) образует монета № 5, которая не содержит надписей уйгуро-монгольским письмом, но имеет изображение тамги Кайду на одной из сторон монеты.

Тип В содержит разговорный аффикс генитива +in вместо стандартного +Un в типе А (oros-in vs. oros-u[n])<sup>2</sup>. Кроме того, для него характерны некоторые идиосинкретические особенности, например, непрописанные гласные второго слога в ner[e]ber и del[e]tügsen, которые можно объяснить или как результат ошибок при изготовлении штемпелей, или как отражение редукции

<sup>2</sup> Об этом аффиксе подробнее см. [42, p. 230b–231a].

гласных непервых слогов, характерной для большинства современных монгольских языков. Обращает на себя внимание разрывное написание кластера <ks> в суффиксе перфективного причастия *-GsAn* (*del[e]tüg sen = del[e]tügsen*), нехарактерное для доклассических монгольских рукописей и ксилографов, но часто встречающееся на монетах [37, pp. 105, 108–110, 113, 137–138]. Также следует отметить, что монеты типа В действительно отчеканены двумя разными разновидностями штемпелей: № 2 и 3 одним (назовем его В1), № 4 другим (назовем его В2). Для обеих разновидностей, судя по всему, характерен ошибочный пропуск «зубца» при медиальном <t> в имени *qaitu*, в результате чего <t> стало похоже на <w>, и неполное написание «дуги» у <k> в *del[e]tügsen*. Кроме того, В2 дополнительно характеризуется написанием <ɾ> в виде финального аллографа в *ner[e]ber* (как если бы это было *\*ner-be[r]*), ошибочным пропуском «зубца» при медиальном <t> в *del[e]tügsen* и почти полным опущением «дуги» у <k> в этом же слове, в результате чего <k> стало похоже на короткий «хвост» типа финального <s>.

Рассматриваемые легенды содержат две формы глагола *deled-*; ср. письм.-монг. *deled-* ‘бить, сильно ударять, стучать, чеканить’ [10, т. 3, с. 1717a], ‘бить, ударять, колотить, стучать; чеканить, ковать’ [8, т. 3, с. 86a], ‘to strike, beat, knock’ [35, p. 248b] < ПМ *\*deled-* ‘id.’<sup>3</sup>. Форма *deledkegülgösen* (тип А) представляет собой перфективное причастие на *-GsAn* от каузатива на *-Gül-* от каузативной основы на *-KA-* данного глагола; ср. письм.-монг. *deledkegöl-* ‘велеть приказать бить, стучать, чеканить’ [10, т. 3, с. 1717a]. Она содержит в себе сразу два суффикса каузатива, что встречается у целого ряда монгольских глагольных словоформ, и должна переводиться как нечто вроде ‘велено приказать отчеканить’ или ‘велено сделать так, чтобы отчеканили’. Форма *del[e]tügsen* (тип В) является перфективным причастием на *-GsAn* от исходной основы этого же глагола. Этимология глагола *deled-* довольно прозрачна: он образован от *\*dele-* ‘бить, стучать’<sup>4</sup> с помощью суффикса deverбального образования глаголов *\*(V)d-*<sup>5</sup>. Основа *deled-* (*delet-*) хорошо документируется в языке среднемонгольских/доклассических монгольских

<sup>3</sup> О ПМ *\*deled-* ‘to beat’ и его рефлексах в исторических и современных монгольских идиомах см. [36, p. 315].

<sup>4</sup> Основа *\*dele-* засвидетельствована только в письменном ойратском и олётском диалекте языка синьзянских ойратов, записанном Г.Й. Рамстедтом в начале XX в.; ср. письм.-ойр. *dele-* ‘schlagen, klopfen, prägen, ausspannen’ [50, s. 320a], ‘to strike, stretch’ [34, vol. 3, p. 550b], ойрО *del-* ‘schlagen, klopfen (zb. das Herz), zuschlagen’ [40, s. 86a]. В других монгольских языках и диалектах рефлекс данной основы не документируются. Бн. *telu-* ‘бить фонтаном, ключом’ (湧出) [23, с. 177] и ш.-юг. *tele-* в именной группе *t<sup>h</sup>enker tele-* ‘беспрерывно лить (о дожде)’ (淫雨连绵) [28, с. 117] восходят не к *\*dele-* ‘бить’, а к омонимичной основе *\*dele-* ‘разливаться, заливать’; ср. письм.-монг. *dele-* ‘наводнить, залить большое пространство’ [10, т. 3, с. 1718], ‘поглощать водою, разливаться, заливать; изливаются (милости неба, государя)’ [8, т. 3, с. 86b].

<sup>5</sup> О суффиксе *\*(V)d-* (в среднемонгольском *-(V)t-*) ~ *\*-D(V)-* см. [39, §§ 54, 61; 41, § 80; 33, pp. 137–143]. Г.Й. Рамстедт называл суффикс *-d-* ‘вторичным» (*ein sekundäres -d-*) [41, s. 163] и указывал на то, что deverбальные основы с этим суффиксом предположительно имеют легкое интенсивное или фреквентативное значение [39, s. 50–51].

текстов<sup>6</sup>, однако, в значении ‘чеканить (монету)’ она фигурирует только в монгольской части четырехязычного словаря *Мукаддимат ал-Адаб*, добавленной предположительно в XIV в.; ср. MA *altan deletkü yajar* ‘монетный двор’ (букв. ‘место чеканки золота’) (040b3), *altan deledükci* ‘монетчик’ (букв. ‘чеканщик золота’) (123b4), *deletbe altani* ‘чеканил монеты’ (букв. ‘чеканил золото’) (347b1). В легендах на монетах данное значение встречается гораздо раньше, начиная как минимум с 1260-х гг.<sup>7</sup> Это показывает важную роль нумизматики для монгольской исторической лингвистики и лексикологии.

### Исторический контекст

Не вызывает сомнений, что публикуемые нами монеты отчеканены от имени Кайду (ок. 1235/36–1301) – внука каана Öгөдэя. Кто же такой Орос? Согласно Рашид ад-Дину, Орос<sup>8</sup> – третий сын Кайду.

اوروس : از جاتون بزرگ قايڈو ذرْبَجِينْ نام در وجود آمده و بعد از پدر ملک را تماچامپيشی می کند ، و توگمه پسر توگمه [پسر هُوَفُو پسر اوگتای قآن با او در این باب متفق و متحد است ؛ و خواهرش فُوْتُوْلُنْ میل به جانب او دارد ، اما چون دُوا میل به جانب چایار است ، سعی نموده و او را به خانی نشانده ؛ و قايڈو سرحد قآن را با اوروس سپرده بود و او را لشکر تمام داده ۱ این زمان آن لشکرها با وی اند و گردن نمی نهند خبر دهند که میان ایشان مخاصمت و منازعت به جنگ انجامید (JT I 628)

‘Орос появился на свет от старшей жены Кайду по имени Дөрбэджин. После [смерти] отца он оспаривает<sup>9</sup> царство. Төкмэ, сын Төкмэ [сына Хоку] сына Öгэтэй-каана, согласен и единодушен с ним относительно этого. Его сестра Кутулун [также] склоняется на его сторону. Но поскольку Дува склоняется на сторону Чапара, [он] проявил старания и посадил его ханом. Кайду вверил Оросу границы с кааном и дал ему большое войско. В настоящее время те войска находятся у него и не покоряются<sup>10</sup> [Чапару]. Сообщают, что распри и ссоры между ними закончились войной’<sup>11</sup>.

<sup>6</sup> Ср. вост. ср.-монг.: SHM *delet-* 迭列 ᠳᠡᠯᠡᠲᠡ ~ *deled-* 迭列都 ‘бить, ударять; ковать’ (I 35a2 и сл.), Ph XXXVIII *deled-* 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰏 𐰽𐰺𐰏 ‘battre, frapper’ (2b5), NY *delet-* 迭列 ᠳᠡᠯᠡᠲᠡ ‘frapper’ (I 19b7), DGZ *delet-* 迭列惕 = *deled-* 𐰽𐰺𐰏 ‘id.’ (79b), YY *deled-* 得勒堵 ‘to shake, to play the drums’ (67a2); зап. ср.-монг.: MA *delet-* 𐰽𐰺𐰏 ~ *deled-* 𐰽𐰺𐰏 ‘бить, ударять; играть (на струнном музыкальном инструменте); чеканить (монету)’ (040b3 и сл.), IM *delet-* 𐰽𐰺𐰏 ~ 𐰽𐰺𐰏 (sic!) ~ 𐰽𐰺𐰏 (sic!) ‘бить, ударять’ (197 и сл.), AL *deled-* 𐰽𐰺𐰏 ~ 𐰽𐰺𐰏 (ошиб. вм. 𐰽𐰺𐰏) ‘schlagen’ (73b), ŠL *delet-* 𐰽𐰺𐰏 ~ 𐰽𐰺𐰏 ‘battre’ (161b и сл.); доклас. монг. *deled-* 𐰽𐰺𐰏 ~ 𐰽𐰺𐰏 ‘бить, ударять; ковать’ (XJ 18:37a6; Bud VI 9b и сл.; Sub I 4b и сл.; Tar 15:3; Dun III 9; Arj II 16:4).

<sup>7</sup> По данным работы Р. Нямаа, глагол *deled-* в значении ‘чеканить (монету)’ впервые употребляется в легендах на монетах ильхана Ирана Абаги (1265–1282) [37, pp. 108–109, 137, 212–213]. Ср. также [31, pp. 510, 512–513, 515; 21, с. 27 и 47].

<sup>8</sup> У Рашид ад-Дина его имя транскрибируется в форме اوروس, в русском переводе Ю.П. Верховского неточно переданной как «Урус» [19, с. 1]).

<sup>9</sup> 𐰽𐰺𐰏 ~ 𐰽𐰺𐰏 ← ср.-монг. *teteče-* ‘wetteifern, streiten um etwas’ [30, Bd. 1, No. 129].

<sup>10</sup> 𐰽𐰺𐰏 ~ 𐰽𐰺𐰏, букв. ‘не склоняют шеи’.

<sup>11</sup> Здесь и далее переводы с персидского выполнены П.О. Рыкиным. Ср. русский перевод Ю.П. Верховского: «Урус появился на свет от старшей жены Кайду по имени Деренчин. После [смерти] отца он оспаривает царство. Токма, сын Токмы сына Угедей-каана, вступил с ним относительно этого в союз и соглашение. Его сестра Хутулун склоняется на его сторону, но так как Дува склоняется на сторону Чапара, то она постаралась и посадила его на ханский престол. Пограничную с кааном область Кайду поручил Урусу

Следует отметить, что монеты №№ 2–4 происходят из одного клада, найденного в районе г. Мары в самом начале 1990-х гг. и затем разошедшегося по рукам. Часть этого комплекса была зафиксирована П.Н. Петровым и до настоящего времени не была опубликована ввиду сложностей с датировкой некоторых типов монет. Она содержит исключительно ильханские серебряные дирхамы, битые на одном монетном дворе Мерв в 680-е – начале 690-х гг.х. Видимо, публикуемые здесь три монеты № 2–4 – самые младшие монеты осмотренной части клада. Эта группа монет в хронологическом плане позволит продолжить изучение состава кладов Мервской области, начатое ранее [15].

Итак, из 5 дирхамов 4 однозначно принадлежат продукции монетного двора Мерв. При этом №№ 2 и 3 биты одним и тем же штампом оборотной стороны, а №№ 3, 4 и 5 – одним и тем же штампом лицевой стороны. Ни на одной из этих монет не сохранился год выпуска. Но 690 год даже с названием 11 месяца (соответствует периоду с 24 октября по 24 ноября 1291 г.) указан на монете № 1 с утраченным названием эмиссионного центра. В настоящее время нет уверенности в том, что дирхам № 1 бит именно в Мерве по нескольким причинам: 1) штампеля для чеканки этой монеты выполнены однозначно более опытным резчиком, чем штампеля монет №№ 2–5; 2) легенда оборотной стороны у № 1 отличается от легенды оборотной стороны №№ 2–4.

Монета №5 дополнительно иллюстрирует события, происходившие в Хорасане в начале 690-х гг.х. благодаря помещенной на монете тамге хана Кайду.

События конца 680-х гг.х. в Хорасане, связанные с бунтом амира Навруза против ильханов, обострились к 690 г.х. Навруз из племени ойратов был главой ильханской региональной администрации в Хорасане, унаследовав этот пост от своего отца Аргун-аки, однако, в 1289 г. он поднял мятеж против ильхана Аргуна и фактически провозгласил себя независимым правителем Хорасана [25, pp. 57–58]. Потерпев поражение в битве с ильханскими вой-

---

и дал ему значительное войско. В настоящее время эти войска [находятся] у него и не покоряются. Сообщают, что ссора и вражда между ними завершилась сражением» [19, с. 14]. Ср. также английский перевод Дж. Э. Бойла: “Orus. He was born of Qaidu’s chief wife, Dörbejin by name. Since his father’s death he has disputed the kingdom, and in this dispute Tökme, the son of Tökme, the son of Hoqu, the son of Ögetei, is in agreement and alliance with him, as is his sister also. However, since Du’a favors Chapar, he exerted himself and set him up as Khan. Qaidu, the son of Qashi, had instructed Orus and given him a considerable army, and at the present time those troops are still with him and will not bow their necks, because strife and enmity have arisen between them and have resulted in war” [27, p. 25]. Перевод У.М. Тэкстона близок к переводу Дж. Э. Бойла: “Orus, born of Qaidu’s chief wife, Dörbäjin. Since his father’s death he has been disputing (*tämächämishi*) the rule. Tügmä, son of Tügmä son of Hoqu son of Ögödäi Qa’an, is united and in full agreement with him in this regard, and so is his sister Qutulun. Dua was inclined to Chapar, and he made efforts on his behalf and raised him to the khanate. Qashi’s son Qaidu gave Orus a large troop. At present those troops are with him, and they do not bend their necks, for there is inimical hostility between them that has resulted in battle” [47, pt. 2, 1999, p. 308a]. Перевод Ю.П. Верховского и оба английских перевода по-своему неточны: в первом Орос вопреки всем показаниям источников оказывается возведенным в ханы своей сестрой Кутулун, хотя в оригинале речь идет о действительно имевшем место воцарении Чапара благодаря поддержке Дувы, тогда как в последних вместо *بود سپرده بود* *قایدو سرحد قان را با اوروس سپرده بود* ‘Кайду вверил Оросу границы с кааном’ берется за основу сомнительное разночтение *قایدو پسر قاشی* ‘Кайду, сын Каша’, имеющееся в некоторых рукописях [26, p. 10] – отсюда переводы “Qaidu, the son of Qashi, had instructed Orus” (Дж. Э. Бойл) / “Qashi’s son Qaidu” (У.М. Тэкстон).

сками под предводительством царевича Газана, он обратился за помощью к Кайду, вероятно, небезосновательно, поскольку был тестем Сарбана, сына Нэгүбэя – одного из вассальных Чагатаидов, поставленных Кайдом [18, с. 144; 47, pt. 3, 1999, p. 595a]. Рашид ад-Дин так рассказывает об этих событиях:

در شهر سنه تسعين و ستمائه آوازه رسيد که نوروز با ساربان و ابوگان اُغول و اوزوگيُمور و امرا يساؤور و غيره مى‌رسند با لشکری تمام به قصد خراسان ؛ و سبب آن بود که پیش از آن چون نوروز از حدود هرات منزه شد گريخته پیش قايُدو رفت ، و بعداز خدمات بسيار التماس لشکری کرد. قايُدو بر وفق ملتَمس او لشکری باوى بفرستاد و بر عقب او چسر خویش ساربان را نیز با لشکری روانه داشت (JT II 1226)

‘В месяцах года 690 [1291] дошел слух, что Навруз с Сарбаном, Эбүгэн-огулом, Öрүг-Тэмүром, эмиром Ясавуром и другими идут с большим войском с целью [напасть на] Хорасан. Причина этого была такова. До этого, когда Навруз обратился в бегство из окрестностей Герата, [он] бежал к Кайду. После многочисленных услуг [он] попросил [у Кайду] войско. Кайду, по его просьбе, послал ему [войско], а вслед за ним отправил своего сына Сарбана тоже с войском’<sup>12</sup>.

К армии Кайду присоединилось и войско его вассала и побратима (*анды*), Чагатаида Дувы:

و پیش از این چون بتدریج لشکرهای چَعَتای را گرد کرد و نوروز یاغی شده بود ، پیش او و قايُدو رفته و بر راهها و احوال خراسان واقف . ایشان را تهییج کرد تا به خراسان تاختن آوردند و اسفراين را غارت کردند ، و بدین حرکت که نوروز کرد بسیار خللها در ولایات راه یافت و مسلمانان بیگناه به قتل آمدند (JT I 757)

‘Перед этим, когда [Дува] постепенно собрал войска [улуca] Чагатая и Навруз взбунтовался<sup>13</sup>, [последний] отправился к нему и к Кайду. Знакомый с дорогами и условиями в Хорасане, [он] подстрекал их, пока [они] не напали на Хорасан и не разграбили Исфарайн. И из-за этого поступка, который совершил Навруз, много ущерба было нанесено [этим] областям, и были убиты невинные мусульмане’<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Ср. [18, с. 148; 47, pt. 3, 1999, p. 599a-b].

<sup>13</sup> ‘ياغی شده بود’ букв. ‘стал бунтовщиком, мятежником’. ياغی ← тюрк.; ср. др.-тюрк. *yagi* ‘враг’ [14, с. 224a], ‘enemy, hostile’ [29, p. 898a-b]. Об этом слове см. также [30, Bd. 4, No. 1801].

<sup>14</sup> Наш перевод этого фрагмента согласуется с английским переводом Дж. Э. Бойла: “Previously, when he was gradually gathering together the armies of Chaghatai, Nauruz, who had risen in rebellion, went to him and Qaidu and, being familiar with the roads and general conditions in Khurasan, prevailed upon them to invade that province and lay waste Isfarayin. And because of Nauruz, much damage was done to these territories and many Muslims were killed” [27, p. 141]. Напротив, перевод Ю.П. Верховского придает решающую роль в организации вторжения самому Дуве: «[Еще] до этого, когда он (Дува. – *авт.*) постепенно собрал войско Чагатая и когда восстал Ноуруз, он отправился к нему и к Кайду, и [так как] он знал дороги и положение Хорасана, то возбуждал их, пока они не совершили набега на Хорасан и не разграбили Исфарайн. Этим поступком, который совершил Ноуруз, областям было нанесено много вреда, и было убито много невинных мусульман» [19, с. 92]. Хотя данный перевод не противоречит грамматике оригинала, он представляется гораздо менее удовлетворительным с логической точки зрения, так как знание местности и способность выступать проводником было бы более естественно ожидать от самого Навруза, управлявшего Хорасаном в течение многих лет, нежели от иноземного правителя, каким являлся Дува. Перевод У.М. Тэкстона столь же неточно отображает роль Дувы и Навруза в этих событиях: “Before this, when he gradually gathered Chaghatai’s troops and Nawroz had rebelled, he went before him and Qaidu, and he knew the roads and conditions in Khurasan well. He enticed them into attacking Khurasan. They raided Israfayin. Because of Nawroz much damage was done to the province, and innocent Muslims were killed” [47, pt. 2, 1999, p. 371a].

Следует отметить, что Навруз получил от Кайду Бадахшан либо во временное управление, либо в кормление с правом чеканить там серебряную монету со своим именем [16, с. 8–9]. Царевичу Газану пришлось отступить от города к городу. Смерть ильхана Аргуна 10 марта 1291 г. инициировала начало борьбы за престол между царевичами Байду и Гайхату. Гайхату стал новым ильханом, но войско в Хорасан прислал не сразу. Пришедшее огромное войско требовало большого количества провизии, которой не было в разграбленных областях Хорасана [18, с. 152; 47, pt. 3, 1999, pp. 603b–604a].

Рашид ад-Дин при перечислении сопровождающих Навруза с «большим войском», идущим на Хорасан, по-видимому, отнес в разряд «других» (غیره) и сына Кайду Ороса, не выделив его персону<sup>15</sup>. Монеты как минимум Мерва высветили его имя и роль в этих событиях. Поскольку чеканка дирхамов на территории ильханского города осуществлялась эмитентом Оросом не самостоятельно, а от имени хана Кайду, т.е. практически по его повелению, то и задача войск была не только оказание военной помощи Наврузу.

Судя по тому, что Навруз вернулся на служение царевичу Газану в 694 г.х. (кон. XI 1294 г.) [18, с. 156–157; 47, pt. 3, 1999, p. 608a-b; ср.: 25, p. 59], различные территории Хорасана могли находиться во власти Кайду до 3 лет, а не только в 690/1291 году. Сама по себе чеканка монеты с именами Кайду и Ороса по ильханскому образцу подтверждает определенную продолжительность оккупации части Хорасана<sup>16</sup>.

Дирхам №1 вполне мог быть выбит не обязательно на монетном дворе Мерв, а в ином эмиссионном центре. Важно еще отметить, что этих монет на территории государства Чагатаидов вообще не встречается. Мы хорошо знаем чеканку серебряных дирхамов с именем хана Токтамыша, битых в Гуштаспи, Баку, Шемахе и т.п. [13, с. 63–78]. Но нам не известно находок ильханского типа дирхамов с именем Кайду на территориях Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, несмотря на постоянный мониторинг. Таким образом, чеканка этой монеты велась исключительно для нужд местного населения и по местным стандартам. В этом заключалась денежная политика Кайду на оккупированных территориях. С учетом продолжительности кампании такие действия больше напоминают желание укрепиться на этих территориях и включить их в состав своих владений.

<sup>15</sup> Согласно М. Биран, Кайду «отправил ему (Наврузу. – *asm.*) своего сына Сарбана с другими царевичами дома Огӱдӱя (*sent him his son Sarban, with other princes of the house of ӱgӱdei*)» [25, p. 58]. Одним из этих непоименованных «других царевичей дома Огӱдӱя» и должен был быть Орос.

<sup>16</sup> Вполне вероятно, что какая-то часть Хорасана контролировалась Кайду и его союзниками еще как минимум до 1295 г. Известно, что в начале этого года произошло широко-масштабное вторжение войск Дувы и Сарбана в Хорасан и Мазандаран. Войска союзников оставались в Мазандаране на протяжении восьми месяцев, а на обратном пути, осенью того же года, разграбили много городов в обеих областях [25, p. 59]. М. Биран пишет о том, что в ходе вторжений войск коалиции Кайду в ильханские владения начиная с 1288 г. «централь-ноазиатские войска временно захватили контроль над обширными частями Хорасана (*the Central Asian troops temporarily seized control of extensive parts of Khurāsān*)» [25, p. 61], не указывая, впрочем, конкретную продолжительность этого контроля.

### Заключение

В заключение следует отметить, что обнаружение дирхамов с именем Кайду и его сына Ороса, выявленных на монетах впервые, не только обогатило среднеазиатскую нумизматику продукцией еще одного монетного двора Мерв в период кратковременной его оккупации, но и обнаружило проявление продуманной денежной политики на захваченной территории, а также дало возможность дополнить сведения письменных источников о вторжении Кайду и Дувы в Хорасан в 1291 г. и последующих событиях. Данные монеты являются первыми «ласточками», и после этой публикации вполне могут быть найдены и другие дирхамы с именем Кайду, отчеканенные на территории Хорасана, которые позволят уточнить годы оккупации Мерва, а, возможно, обнаружить и новые эмиссионные центры.

### Список сокращений

#### Символы

~	Чередуются с
←	Заимствовано из
*	Реконструкция

#### Языки и диалекты

бн.	баоаньский
вост. ср.-монг.	восточные диалекты среднемонгольского языка
доклас. монг.	доклассический монгольский
др.-тюрк.	древнетюркский
зап. ср.-монг.	западные диалекты среднемонгольского языка
ойр. О	олётский диалект языка синьцзянских ойратов
письм.-монг.	письменный монгольский
письм.-ойр.	письменный ойратский
ПМ	протомонгольский
ср.-монг.	среднемонгольский
тюрк.	тюркский
ш.-юг.	шира-югурский

#### Источники

AL	Монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь <i>Kitāb Madžumū' Tarǧumān Turķī va 'Adžamī va Muǧalī va Fārsī</i> Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (?) (1343) [43]
Agj II	Фрагменты «21 гимна Таре» из Арджайских пещер, Внутренняя Монголия (кон. XV–нач. XVI в.) [48, pp. 42–45]
Bud	Монгольская версия «Двенадцати деяний Будды» (1320е гг.) [48, pp. 107–149]
DGZ	Китайско-монгольский словарь <i>Дада гуань цзацзы 韃靼館雜字</i> серии <i>Хуаи шуй 華夷譯語</i> , выпущенной <i>Сыи гуань 四夷館</i> 'Школой [для изучения языков] варваров четырех [стран света]' (2-я пол. XV в.?) [46, pp. 1–104, 343–401].
Dun III	Фрагмент монгольского документа из Дуньхуана (XIV в.) [48, pp. 264–265]
HY	Китайско-монгольский словарь <i>Хуаи шуй 華夷譯語</i> (1389 г.) [11]
IM	Арабско-монгольский словарь <i>Kitāb Ḥilīyat al-Insān va Ḥalbat al-Lisān</i> Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.) [32]
JT	<i>Джāми' ат-Тавāрийх</i> 'Сборник летописей' Рашид ад-Дина (закончен между 1306 и 1311 гг.) [17]



MA	Арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь <i>Мукаддимат ал-Адаб</i> (XIV в.) [44]
Ph XXXVIII	Фрагменты монгольского перевода <i>Субхашиятаратнанидхи</i> на квадратном письме (XIII–XIV вв.) [49, pp. 99–103]
SHM	<i>Тайная история монголов</i> (сер. XIII в.) [12]
ŠL	Арабско-персидско-турецко-монгольский словарь <i>Шāмиль ал-Луға</i> Хасана б. Хусайна б. ‘Имада ал-Карāхисāри (кон. XV–нач. XVI в.) [45].
Sub	Монгольский перевод <i>Субхашиятаратнанидхи</i> Сакия Пандиты (кон. XIII–нач. XIV в.) [48, pp. 227–263]
Tar	Монгольский текст четырехязычного ксилографа «21 гимн Таре» (1431) [48, pp. 202–207]
XJ	Монгольский перевод <i>Сяо цзин</i> 孝經 ‘Канона сыновней почтительности’ (кон. XIII–нач. XIV в.) [48, pp. 60–77]
YU	Китайско-монгольский словарь <i>Июй</i> 譯語 из сочинения Ван Мин-хэ 王鳴鶴 <i>Дэнтань бицзю</i> 登壇必究 (1598 г.) [24]
Z	<a href="https://www.zeno.ru">https://www.zeno.ru</a> – Oriental Coins Database ZENO

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев В.А., Сидорович С.В. Новая интерпретация иероглифа 寶 бао на монетах монгольских улусов // Эпиграфика Востока. Вып. 29. М.: ИВ РАН, 2011. С. 43–57.
2. Беляев В.А., Сидорович С.В. Значение иероглифа бао в легенде китайских монет // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 61: Материалы и исследования отдела Нумизматики. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа 2012. С. 118–123.
3. Беляев В.А., Евстратов И.В. Укекский дирхам с легендой тибетским письмом // Нумизматика Золотой Орды. 2013. № 3. С. 27–34.
4. Беляев В.А., Сидорович С.В. Новые типы серебряных монет Чингизидов середины XIII в. // Нумизматика Золотой Орды. Казань. 2013. № 3. С. 42–54.
5. Беляев В.А., Сидорович С.В. Исследование надчеканов на монетах с легендой дачао тунбао // Нумизматика Золотой Орды. 2014. № 4. С. 84–106.
6. Беляев В.А., Сидорович С.В. Джучидская монета с китайской легендой // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 81: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам Международной конференции “Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы”. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 153–167.
7. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII–первой трети XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.
8. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1–3. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1893–95. IV, 268, 423, 491 с.
9. Караев О. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан: Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.
10. Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь = Dictionnaire mongol-russe-français. Т. 1–3. Казань: Унив. тип., 1844–1849. XIII, 2690 с.
11. Курибаяси Хитоси 栗林均. “Каи якуго” (кбсюбон) монгоруго дзэн танго, го-би сакуин 「華夷訳語」(甲種本)・モンゴル語全単語・語尾索引 = Word- and Suffix-Index to Hwa-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Сэндай 仙台市: Тōхоку Дайгаку Тōхоку Адзиа Кэнкю Сэнтā 東北大学東北アジア研究センター, 2003. 4, xxiv, 178 с. (Тōхоку Адзиа Кэнкю Сэнтā сōсэ 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series; No. 10.)

12. Курибаяси Хитоси 栗林均, [Чойджинджаб] Цюэцинчжабу 确精扎布. “Гэнтэ хиси” монгуруго дзэн танго, гоби сакуин 「元朝秘史」モンゴル語全単語・語尾索引 = Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Сэндай 仙台市: Тōхоку Дайгаку Тōхоку Адзиа Кэнкiō Сэнтā 東北大学東北アジア研究センター, 2001. 6, vi, 954 с. (Тōхоку Адзиа Кэнкiō Сэнтā сōсē 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series; No. 4.)

13. Лебедев В. П. Серебряные монеты Азербайджана времени войн Тимура и Тохтамыша // Эпиграфика Востока. 1985. Вып. 23. С. 63–78.

14. Надеяев В.М., Насилов В.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. (ред.). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 676 с.

15. Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород: Б. и., 2003. 180 с.

16. Петров П.Н., Александров А.С. Чагатаидские дирхемы с именем амира Навруза, битые в Бадахшане // Нумизматика. 2011. №1(28). С. 8–9.

17. Равшан М., Мусави М. (изд.). Рашид-ад-дин Фазлаллах Хамаданӣ, Джамӣ ат-таварих [Сборник летописей Рашид ад-Дина]. Т. 1–4. Техрāн: Нашр-е Альбурз, 1373 г.х. [1994]. 92, 2462, [5] с., 78 илл.

18. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

19. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

20. Рева Р.Ю. Монеты Исен Буки хорезмийской чеканки // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков»: IV МНК – Болгар 2005: V МНК – Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 103.

21. Сейфеддини М.А. Монеты ильханов XIV века. Баку: Изд-во АН АзСССР, 1968. 218 с.

22. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I. С. 94–192.

23. Чэнь Найсюн 陈乃雄 и др. Воо an kelen-ü üges = Баоаньюй цыхуй 保安语词汇 [Лексика баоаньского языка]. Кōкеqота: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986. 14, 6, 239 с. (Mongyol töröl-ün kele ayalyun-u sudulul-un çuburil; 011).

24. Apatóczky Á.B. Yiyu 譯語 (Beilu yiyu 北虜譯語): An Indexed Critical Edition of a Sixteenth-century Sino-Mongolian Glossary. Folkestone: Global Oriental, 2009. xviii, 258 p. (Languages of Asia; Vol. 5).

25. Biran M. Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia. Richmond, Surrey, U.K.: Curzon, 1997. x, 197 p.

26. Blochet E. Djami el-Tévarikh, histoire générale du monde par Fadl Allah Rashid ed-Din: Tarikh-i moubarek-i Ghazani, histoire des Mongols. T. 2, contenant l’histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkiz Khaghan. Leiden: Brill – London: Luzac, 1911. [7], 72, 617 p. (E. J. W. Gibb Memorial Series; Vol. 18).

27. Boyle J.A. The Successors of Genghis Khan: Translated from the Persian of Rashīd al-Dīn. New York – London: Columbia University Press, 1971. xi, 372 p., map. (Persian Heritage Series.)

28. Buluçilay et al. Ĵegün Yuyur kelen-ü üges = Дунбу Юйгуюй цыхуй 东部裕固语词汇 [Лексика шира-югурского языка]. Кōкеqота: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 2, 14, 160 с. (Mongyol töröl-ün kele ayalyun-u sudulul-un çuburil; 017).

29. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. xlvi, 989 p.

30. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der

Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1–4. Wiesbaden: Steiner, 1963–1975. XLVIII, 557, 671, 670, 640 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission; Bd. 16, 19–21).

31. Drouin E. Notice sur les monnaies mongoles faisant partie du Recueil des documents de l'époque mongole publié par le prince Roland Bonaparte // *Journal Asiatique*. 9e sér. 1896. T. 7. P. 486–544.

32. Gül B. Moğolca İbni Mühennâ Lüğati Kitâb Hilyetü'l-İnsan ve Helbetü'l-Lisân [Монгольский словарь Китâб Хилият ал-Инсân ва Халбат ал-Лисân Ибн Муханны]. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 2016. [10], 269 p. (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Dil Araştırmaları 10).

33. Kempf B. *Studies in Mongolic Historical Morphology: Verb Formation in the Secret History of the Mongols*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 239 p. (Turcologica; Bd. 95).

34. Krueger J.R. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Pt. 1–3. Bloomington, IN: The Mongolia Society – Indiana University, 1978–1984. 2, 6, 816 p. (Publications of the Mongolia Society).

35. Lessing F.D. (ed.). *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. xv, 1217 p.

36. Nugteren H. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden*. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap = Netherlands Graduate School of Linguistics; 289).

37. Nyamaa B. *The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (XIII–XIV)*. Ulaanbaatar: S. n., 2005. 254 p.

38. Pelliot P. *Notes on Marco Polo*. Vol. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1959. XII, 611 p.

39. Ramstedt G.J. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 28, fasc. 3, 1912, S. 1–86.

40. Ramstedt G.J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 3).

41. Ramstedt G.J. *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*. Bd. 2: Formenlehre. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 262 S. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 104/2).

42. Rykin P. Noun cases in the language of the Sino-Mongol glossary Dada yu/Beilu yiyu from the late Ming period // *Journal Asiatique*. 2018. Vol. 306, No. 2. P. 229–234.

43. Saitô Y. *The Mongolian Words in Kitâb Majmû' Turjumân Turkî wa-'ajamî wa-Muğalî: Text and Index*. Kyôto: Shoukadoh, 2006. XIII, 49, 75b p.

44. [Saitô Y.] *The Mongolian Words in the Muqaddimat al-Adab: Romanized Text and Word Index (as of January 2008)*. Tôkyô: S. I., 2008. XXI, 546, 259 p. (The Japan Society for the Promotion of Science: Grant-in-Aid for Scientific Research (B); № 17320061, 2005–2007).

45. Saitô Y. *The Mongolian Words in the Quadrilingual Vocabulary Preserved in the Topkapı Palace Museum Library // Current Trends in Altaic Linguistics: A Festschrift for Professor Emeritus Seong Baeg-in on his 80th Birthday / Ed. by Kim Juwon, Ko Dongho*. Seoul: Altaic Society of Korea, 2013. P. 305–338.

46. Songqor A. Quva i i iui biçig [Хуаи ююй]. Kôkeqota: Öbör Mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2017. [8], 12, 8, 4, 70, 10, 499, [1] p. (Mongyol sudulul-un surbulji biçig-ün çiyulyan: Kele biçig).

47. Thackston W.M. (trans.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. xliv, 819 p. (Sources of Oriental Languages and Literatures; 45: Central Asian Sources; 4).

48. Tumurtogoo D. (ed.). *Mongol Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography*. With the Collaboration of

G. Cecegdari. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. xiv, 723 p. (Language and Linguistics Monograph Series A-11).

49. Tumurtoogoo D. (ed.). Mongol Monuments in 'Phags-pa Script: Introduction, Transliteration, Transcription and Bibliography. With the Collaboration of G. Cecegdari. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2010. ix, 281 p. (Language and Linguistics Monograph Series; 42).

50. Zwick H. A. Handbuch der westmongolischen Sprache. Villingen: Förderer, 1852. 481 S.

**Сведения об авторах:** Павел Николаевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного музея Республики Казахстан (050051, Самал-1, микрорайон 44, Алматы, Республика Казахстан); ORCID 0000-0001-8125-769X. E-mail: pprnsainkhan@rambler.ru

Павел Олегович Рыкин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (199053, Тучков переулок, 9, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7566-9591, Researcher ID: I-9947-2017. E-mail: pavryk@yandex.ru

Владимир Анатольевич Беляев – кандидат технических наук, основатель и администратор базы данных по восточной нумизматике ZENO (zeno.ru), независимый исследователь (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4453-8668. E-mail: oldcharm@yandex.ru

Поступила 2.06.2022 Принята к публикации 26.08.2022

Опубликована 29.09.2022

## REFERENCES

1. Belyaev V.A., Sidorovich S.V. The new interpretation of the hieroglyph 寶 bao on the coins of Mongol uluses. *Epigrafika Vostoka = The Epigraphy of the Orient*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, 2011. Issue 29, pp. 43–57. (In Russian)

2. Belyaev V.A., Sidorovich S.V. The meaning of the character bao in the legend of Chinese coins. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha = The State Hermitage Proceedings*, v. 61: *Materialy i issledovaniya otdela Numizmatiki = Materials and research of the Numismatics department*. St. Petersburg: The State Hermitage publishing house, 2012, pp. 118–123. (In Russian)

3. Belyaev V.A., Evstratov I.V. Ukek dirham with legend in Tibetan script. *Numizmatika Zolotoy Ordyy = The Golden Horde numismatics*. 2013, no. 3, pp. 27–34. (In Russian)

4. Belyaev V.A., Sidorovich S.V. New types of silver coins of the Chingisids of the middle of the XIII century. *Numizmatika Zolotoy Ordyy = The Golden Horde numismatics*. 2013, no. 3, pp. 42–54. (In Russian)

5. Belyaev V.A., Sidorovich S.V. Researching of counterstamps on coins with the legend dachao tongbao. *Numizmatika Zolotoy Ordyy = The Golden Horde numismatics*. 2014, no. 4, pp. 84–106. (In Russian)

6. Belyaev V.A., Sidorovich S.V. Juchid coin with Chinese legend. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha = The State Hermitage Proceedings*, v. 81: *Materialy i issledovaniya otdela Numizmatiki = Materials and research of the Numismatics department*. On the materials of the International Conference “Dva veka musul'manskoy numizmatiki v Rossii. Itogi i perspektivy” = “Two centuries of Islamic numismatics in Russia. Results and perspectives”. St. Petersburg: The State Hermitage publishing house, 2017, pp. 153–167. (In Russian)

7. Bugarchev A.I., Petrov P.N. Coin hoards of the Bulghar vilayat of the 13th – first third of the 14th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 336 p. (In Russian)

8. Golstunskiy K.F. Mongolian-Russian dictionary. V. 1–3. St. Petersburg: Lithoprint of A. Ikonnikov, 1893–95. IV, pp. 268, 423, 491. (In Russian and Mongolian)

9. Karaev O. Chagatai ulus. State of Qaidu. Moghulistan: Foundation of the Kyrghyz people. Bishkek, Kyrgyzstan: 1995. 160 p. (In Russian)

10. Kovalevskiy O. Mongolian-Russian-French dictionary = *Dictionnaire mongol-russe-français*. Vol. 1–3. Kazan: University printing house, 1844–1849. XIII, 2690 p. (In Russian, Mongolian and French)

11. Kuribayashi Hitoshi 栗林均. “*Kaiyakugo*” (*kōshu hon*) *Mongoru-go zen tango, gobi sakuin* 「華夷訳語」(甲種本)・モンゴル語全単語・語尾索引 = *Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti*. Sendai 仙台市: Tōhokudaigaku Tōhoku Ajia kenkyū sentā 東北大学東北アジア研究センター = Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2003. 4, xxiv, 178 p. (*Tōhoku Ajia kenkyū sentā sōsho* 東北アジア研究センター叢書 = *CNEAS Monograph Series*; No. 10). (In Japanese)

12. Kuribayashi Hitoshi 栗林均, [Choijinjab] Quejingzhabu 确精扎布. “*Genchō hishi*” *Mongoru-go zen tango, gobi sakuin* 「元朝秘史」モンゴル語全単語・語尾索引 = *Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti*. Sendai 仙台市: Tōhokudaigaku Tōhoku Ajia kenkyū sentā 東北大学東北アジア研究センター = Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2001. 6, vi, 954 p. (*Tōhoku Ajia kenkyū sentā sōsho* 東北アジア研究センター叢書 = *CNEAS Monograph Series*; No. 4). (In Japanese)

13. Lebedev V.P. Silver coins of Azerbaijan during the wars of Timur and Tokhtamysh. *Epigrafika Vostoka* = *Epigraphy of the East*, 1985, no. 23, pp. 63–78. (In Russian)

14. Nadeljaev V.M., Nasilov V.M., Tenishev Je.R., Shherbak A.M. (ed.). *Old Turkic dictionary*. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII, 676 p. (In Russian)

15. Petrov P.N. Essays on the numismatics of the Mongol states of the XIII–XIV centuries. Nizhny Novgorod, 2003. 180 p. (In Russian)

16. Petrov P.N., Aleksandrov A.S. Chaghatayid dirhams with the name of Amir Nawruz, struck in Badakhshan. *Numizmatika* = *Numismatics*. 2011, no 1(28), pp. 8–9. (In Russian)

17. Rawshan M., Mūsavī M. (eds.). *Rashīdu'd-dīn Faḍlul'lāh Hamadānī, Jāmi'u'ṭ-tawārīkh* [Compendium of Chronicles by Rashīdu'd-dīn]. Vol. 1–4. Tehran: Nashr-e Alburz, 1373 A.H. [1994]. 92, 2462, [5] p., 78 ill. (In Persian)

18. Rashid-ad-din. *Compendium of Chronicles*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Science, vol. 3, 1946. 340 p. (In Russian)

19. Rashid-ad-din. *Compendium of Chronicles*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Science, vol. 2, 1960. 248 p. (In Russian)

20. Reva R.Yu. Isen Buqa coins struck in Khwarizm. Proceedings of the International Numismatic Conference [INC] “*Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov*” = “*Coins and money circulation in the Mongol states of the XIII–XV centuries*”. INC IV – Bulghar 2005, INC V – Volgograd 2006. Moscow: Numizmaticheskaja literatura = Numismatic literature, 2008, pp. 103. (In Russian)

21. Sejfeddini M.A. *Ilkhanid coins of the 14<sup>th</sup> century*. Baku: Azerbaijan SSR Academy of Science publishing, 1968. 218 p. (In Russian)

22. Fedorov-Davydov G.A. Hoards of Juchid coins. *Numizmatika i jepigrafika* = *Numismatics and epigraphy*. 1960, vol. I, pp. 94–192. (In Russian)

23. Chen Naixiong 陈乃雄 et al. *Boo an kelen-ü üges = Bao'anyu cihui* 保安语词汇 [Baoan vocabulary]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986. 14, 6, 239 p. (*Mongγol töröl-ün keke ayalγun-u sudulul-un čuburil*; 011) (In Chinese)
24. Apatóczy Á.B. *Yiyu 譯語 (Beilu yiyu 北虜譯語): An Indexed Critical Edition of a Sixteenth-century Sino-Mongolian Glossary*. Folkestone: Global Oriental, 2009. xviii, 258 p. (*Languages of Asia*; Vol. 5).
25. Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, Surrey, U.K.: Curzon, 1997. x, 197 p.
26. Blochet E. *Djami el-Tévarikh, histoire générale du monde par Fadl Allah Rashid ed-Din: Tarikh-i moubarek-i Ghazani, histoire des Mongols*. T. 2, contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkiz Khaghan. Leiden: Brill – London: Luzac, 1911. [7], 72, 617 p. (*E. J. W. Gibb Memorial Series*; Vol. 18) (In French)
27. Boyle J.A. *The Successors of Genghis Khan: Translated from the Persian of Rashīd al-Dīn*. New York – London: Columbia University Press, 1971. xi, 372 p., map. (Persian Heritage Series).
28. Buluçılayı et al. *Jëgün Yuyur kelen-ü üges = Dongbu Yuguyu cihui* 东部裕固语词汇 [Eastern Yugur vocabulary]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 2, 14, 160 p. (*Mongγol töröl-ün keke ayalγun-u sudulul-un čuburil*; 017) (In Chinese)
29. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Oxford University Press, 1972. xlviii, 989 p.
30. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1–4. Wiesbaden: Steiner, 1963–1975. XLVIII, 557, 671, 670, 640 S. (*Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission*; Bd. 16, 19–21) (In German)
31. Drouin E. Notice sur les monnaies mongoles faisant partie du 'Recueil des documents de l'époque mongole' publié par le prince Roland Bonaparte. *Journal Asiatique*. 9e sér. 1896, T. 7, pp. 486–544. (In French)
32. Gül B. *Moğolca İbni Mühennâ Lügati Kitâb Hilyetü'l-İnsan ve Helbetü'l-Lisân* [The Mongol glossary *Kitâb Hilyat al-İnsân wa Halbat al-Lisân* by Ibn al-Muhannâ]. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 2016. [10], 269 p. (*Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Dil Araştırmaları* 10). (In Turkish)
33. Kempf B. *Studies in Mongolic Historical Morphology: Verb Formation in the Secret History of the Mongols*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 239 p. (*Turcologica*; Bd. 95).
34. Krueger J.R. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Pt. 1–3. Bloomington, IN: The Mongolia Society – Indiana University, 1978–1984. 2, 6, 816 p. (*Publications of the Mongolia Society*).
35. Lessing F.D. (ed.). *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. xv, 1217 p.
36. Nugteren H. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden*. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap = Netherlands Graduate School of Linguistics; 289).
37. Nyamaa B. *The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (XIII–XIV)*. Ulaanbaatar: S. n., 2005. 254 p.
38. Pelliot P. *Notes on Marco Polo*. Vol. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1959. XII, 611 p.
39. Ramstedt G.J. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 28, fasc. 3, 1912, S. 1–86. (In German)
40. Ramstedt G.J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 S. (*Lexica Societatis Fenno-Ugricae*; 3) . (In German and Kalmuck)

41. Ramstedt G.J. *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*. Bd. 2: *Formenlehre*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 262 S. (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*; 104/2). (In German)

42. Rykin P. Noun cases in the language of the Sino-Mongol glossary Dada yu/Beilu yiyu from the late Ming period. *Journal Asiatique*. Vol. 306, No. 2, 2018, pp. 229–234.

43. Saitô Y. *The Mongolian Words in Kitâb Majmû‘ Turjumân Turkî wa-‘ajamî wa-Muğali: Text and Index*. Kyôto: Shoukadoh, 2006. XIII, 49, 75b p.

44. [Saitô Y.] *The Mongolian Words in the Muqaddimat al-Adab: Romanized Text and Word Index (as of January 2008)*. Tôkyô: S. I., 2008. XXI, 546, 259 p. (The Japan Society for the Promotion of Science: Grant-in-Aid for Scientific Research (B); № 17320061, 2005–2007).

45. Saitô Y. The Mongolian Words in the Quadrilingual Vocabulary Preserved in the Topkapı Palace Museum Library. *Current Trends in Altaic Linguistics: A Festschrift for Professor Emeritus Seong Baeg-in on his 80th Birthday* / Ed. by Kim Juwon, Ko Dongho. Seoul: Altaic Society of Korea, 2013, pp. 305–338.

46. Šongqor A. *Quva i i iui bičig* [The *Huayi yiyu*]. Kôkeqota: Öbör Mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2017. [8], 12, 8, 4, 70, 10, 499, [1] p. (*Mongyol sudulul-un surbulji bičig-ün čiyulyan: Kele bičig*). (In Mongolian)

47. Thackston W.M. (trans.). *Rashiduddin Fazlullah’s Jami’u’t-tawarikh: Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. xlv, 819 p. (*Sources of Oriental Languages and Literatures*; 45: *Central Asian Sources*; 4).

48. Tumurtoogoo D. (ed.). *Mongol Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography*. With the Collaboration of G. Cecegdari. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. xiv, 723 p. (*Language and Linguistics Monograph Series A-11*).

49. Tumurtoogoo D. (ed.). *Mongol Monuments in ’Phags-pa Script: Introduction, Transliteration, Transcription and Bibliography*. With the Collaboration of G. Cecegdari. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2010. ix, 281 p. (*Language and Linguistics Monograph Series*; 42).

50. Zwick H. A. *Handbuch der westmongolischen Sprache*. Villingen: Förderer, 1852. 481 S. (In German and Written Oirat)

**About the authors:** Pavel N. Petrov – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Samal-1, microdistrict 44, Almaty 050051, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-8125-769X. E-mail: ppnsainkhan@rambler.ru

Pavel O. Rykin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov per., St. Petersburg 199053, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7566-9591, Researcher ID: I-9947-2017. E-mail: pavryk@yandex.ru

Vladimir A. Belyaev – Cand. Sci. (Technics), Founder and Administrator of the online database of the Oriental numismatics ZENO (zeno.ru), Independent researcher (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4453-8668. E-mail: oldcharm@yandex.ru

*Received June 2, 2022 Accepted for publication August 26, 2022  
Published September 29, 2022*

## МЕДНЫЕ МОНЕТЫ С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*Р.Х. Храмченкова*<sup>1,2</sup>, *Д.Г. Мухаметшин*<sup>1,3</sup>,  
*А.Г. Ситдигов*<sup>1,4</sup>, *П.В. Федан*<sup>1,5</sup>

<sup>1</sup> *Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ*

*Казань, Российская Федерация*

<sup>2</sup> *rkhramch@gmail.com*, <sup>3</sup> *djamil78@list.ru*,

<sup>4</sup> *sitdikov\_a@mail.ru*, <sup>5</sup> *pavel.fedan@mail.ru*

*Цель исследования:* В работе исследуются временные особенности комплекса медных монет, найденных на Болгарском городище с целью выявления изменений в металле в зависимости от места и времени чекана.

*Материалы исследования:* В сравнительном анализе использована выборка из 88 монет различных правителей и чеканных дворов, относящихся к широкому временному интервалу – XI–XV вв. В качестве основного определяющего элемента взяты макро- и микрокомпоненты меди.

*Результаты и научная новизна:* Согласно исследованиям было выделено десять групп с характерными элементными соотношениями. Междисциплинарные исследования, включающие историко-нумизматический и химический анализ, позволили сделать ряд предположений и выводов относительно медного сырья, служившего материалом для чеканки монет, а также относительно денежной политики государства Золотой Орды. Представленные научные изыскания являются пионерскими в данной области, поскольку изучение химического состава монет, имевших хождение на территории Поволжья, до настоящего времени не проводилось.

*Ключевые слова:* археологические медные монеты, Болгарское городище, XI–XV вв., временные группы

*Для цитирования:* Храмченкова Р.Х., Мухаметшин Д.Г., Ситдигов А.Г., Федан П.В. Медные монеты с Болгарского городища как исторический источник // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 584–600. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.584-600 EDN: BMKESX



**COPPER COINS FROM THE BOLGAR SETTLEMENT  
AS A HISTORICAL SOURCE**

*R.Kh. Khramchenkova*<sup>1,2</sup>, *D.G. Mukhametshin*<sup>1,3</sup>,  
*A.G. Sitdikov*<sup>1,4</sup>, *P.V. Fedan*<sup>1,5</sup>

<sup>1</sup> *A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences  
Kazan, Russian Federation*

<sup>2</sup> *rkhramch@gmail.com*, <sup>3</sup> *djamil78@list.ru*,  
<sup>4</sup> *sitdikov\_a@mail.ru*, <sup>5</sup> *pavel.fedan@mail.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* The present work is devoted to the study of the temporal features of the collection of copper coins found at the Bolgar settlement.

*Research materials:* 88 coins of various rulers and minted households of the wide time span of the XI–XV centuries were used for a comparative analysis. The chemical composition of the metal was taken as the main determining element.

*Results and novelty of the research:* According to this research, ten groups with characteristic elemental ratios were identified. Interdisciplinary research, including historical-numismatic and chemical analysis, allows one to make a number of assumptions and conclusions regarding the copper raw materials which served as material for minting coins, as well as regarding the monetary policy of the state of the Golden Horde. The presented scientific research is pioneering in this area since a study of the chemical composition of the coins circulating in the Volga region has heretofore not been carried out.

**Keywords:** archaeological copper coins, Bolgar site, XI–XV centuries, temporary groups

**For citation:** Khramchenkova R.Kh., Mukhametshin D.G., Sitdikov A.G., Fedan P.V. Copper coins from the Bolgar settlement as a historical source. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 584–600. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.584-600 (In Russian)

В период Золотой Орды Болгар был крупнейшим центром торговли, что обеспечило огромный спрос на разные типы денежных средств, которые в большом количестве чеканились в самом городе и поступали в него с других регионов. Многочисленные археологические находки нумизматического материала Болгарского городища занимают особое место в исследованиях отечественных авторов, изучающих историю Восточной Европы [7, с. 205–206]. По материалам предшествующих исследований известно, что более половины медных и около половины серебряных монет, обнаруженных на раскопах Болгарского городища, составляет материал *болгарского* чекана. Ранее изучавший денежное обращение Болгара Жиромский Б.Б. приводит такие цифры: серебро – 18%, медь – 20,5% [8, табл. 3, с. 207]. У Федорова-Давыдова Г.А. доля монет Болгарского чекана еще меньше – 8,9% [20, с. 179]. Количественные показатели даны ими для всей территории поселения. В разных частях города они могут различаться, и согласно результатам Жиромского по Верхнему городу, Подгорью, Заречью и Ага-Базар доля Болгарских монет разная [8, с. 210].

Датировка отдельных медных монет Болгарского чекана на основе штемпельного анализа освещена в работах современных исследователей Д.Г.Муха-

метшина [17], Г.А.Федорова-Давыдова [20, с.158–205], А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова [2, с. 216–231], С.А. Бурковского и Ю.Д. Киреева [3, с. 5–64; 4, с.129–199] и др. Комплексы медных монет с отдельных золотоордынских памятников опубликованы С.А. Яниной [26, с.424–484; 27, с.392–423; 28, с. 210–224; 29, с.153–176] (Болгар), Г.А.Федоровым-Давыдовым и Д.Г.Мухаметшиным [21, 22] (Каратунский клад), А.А. Кротковым [15] (Мохша), Е.Ю. Гончаровым [5, с.84–86; 6, с.84–86] (Сарай ал-Джадид, Хаджи-Тархан), В.Б. Клоковым и В.П. Лебедевым [10, с.303–345; 11, с. 56–63; 12, с. 23–75; 13, с. 73–165; 14, с. 76–118] (Силетренное, Водянское городища, Бельджамен) и др.

Монетное производство Болгара имеет длительную историю, которая делится на два не имеющих связей друг с другом периода. Первоначально – это серебрянный монетный чекан домонгольского времени X – начала XI вв. Второй этап начинается со временем монгольского завоевания региона в 1236 г. и длится до первой четверти XV в. Наиболее раннее изготовление монет в Болгаре монгольского времени относится к 1238 г. и далее монетное дело здесь не прерывалось [18, с.360].

В период западных походов Бату ставка правителя располагалась в Болгаре, где и стали чеканить медные и серебряные монеты от имени Багдадского халифа Насир ад-Дин Аллаха, правившего 1180–1225 гг. [1, с. 32]. Некоторые исследователи считают, что эти дирхемы чеканились в годы правления халифа, но, к сожалению, общепринятая датировка отсутствует. Всего выявлено около десятка типов, включающих сотни вариантов этой группы, монет [17, с.4–7]. Каждая вторая монета Насира была перечеканена от имени Великого хана монгольской империи – Менгу Каана. Затем группа монет эпохи Единой Монгольской империи в 60 гг. XIII в. была заменена анонимной монетой с тамгой «Дом Бату». На монете не указан год и место чекана. Наличие 8 типов и множества вариантов указывает на длительность их чеканки и обращения [17, с. 9–14].

В 30-е гг. XIV в. в Болгаре, преобладающими становятся монеты столичных городов – Сарая и Сарая ал-Джадид (типы со львом 22 №40 и двуглавым орлом 22 № 40–50). Вероятнее всего, они чеканились в Болгаре с привезенными штемпелями, но нельзя исключать и вариант их изготовления на месте. Предположительно состав металла монет Сарая и Сарая ал-Джадид, обнаруженных в Болгаре, должен отличаться от сырья монет, найденных при раскопках Силетренного городища (Сарая и Сарая ал-Джадид). Их химический состав должен быть ближе металлу монет описанных выше групп (монеты Насира и Менгу). Та же картина может наблюдаться и с монетами анонимного чекана Крыма 744 г.х., Хызр хана чекана Гулистана и Сарая ал-Джадид (тип с розеткой). Предположительно они по количеству значительно превосходят собственно Болгарский чекан.

Выделяется период 1360–1380 гг. эпохи «замятни», когда название «Болгар» на монетах отсутствует. Болгарский монетный двор в это время производил массовую надчеканку медных монет [19, с.40]. На сегодня выявлен 21 тип надчеканок, и только два из них не относятся к Болгарскому монетному двору. Наиболее ранним типом является надчеканка «хан», а поздним – «лировидная» тамга. Поскольку отдельные монеты Али-Дервиша попали под перечекан, считается, что монеты с «лировидной тамгой» чеканились до или одновременно с монетами Али-Дервиша.

Значительный интерес представляют монеты Али-Дервиша и Шадибека, чеканенные на рубеже XIV – XV вв. и начале XV в. Этот тип монет встречается крайне редко и найдены они только в раскопках Болгара (раскоп 199 и др.). Во второй половине XIV в. в связи с нехваткой разменных монет в Болгаре началась массовая надчеканка на медных монетах [18, с. 362]. Известно около 20 видов надчеканок. Вероятно, к этому времени относится появление посеребрённых монет. Поскольку аналогов из серебра нет, отнести посеребрённые монеты к деятельности фальшивомонетчиков невозможно.

Таким образом, проблема датировки и определения места чекана медных денег в золотоордынской нумизматике является во многих случаях нераскрытым и актуальным вопросом. Наряду с поштемпельным анализом свой вклад в решение этой проблемы может внести анализ металла нумизматических артефактов. Наиболее массовыми и требующими дополнительного внимания являются медные монеты золотоордынского времени с территории Болгарского городища. Длительный период изготовления и большое разнообразие типов монет требуют скрупулезной работы по их классификации и определению времени и места изготовления. Комплексность и междисциплинарность научных изысканий относительно рассматриваемого круга нумизматических источников дает возможность установить географию распространения, определить особенности местного производства, а также соотнести их со стратиграфией накопления культурных слоев памятника.

#### *Аналитические данные*

В настоящее время изучение химического состава средневековых медных монет представлено небольшим количеством специальных научных работ. В зарубежной литературе есть ряд статей по структуре и составу медных денег римского периода [30, р. 86–90], эпохи Возрождения [32, р. 319–25], а также доисламских монет южно-арабской чеканки [31, р. 625–650; 33, р. 930–49]. Х.З.Карамбахшов с соавторами представил изучение монет из бронзового сплава с раскопок Мис-Айнак (Афганистан) [9, с. 447–451]. Среди российских работ по химическому составу интересующего нас археологического объекта можно отметить исследование Л.И.Шершева средневековых бронзовых монет Херсонеса [25, с. 38–47].

Исследованная коллекция представляет собой представительный набор монет болгарского чекана. В качестве сравнительного материала взят широкий комплекс из 81 золотоордынских (из них 15 болгарских) различных дворов и правителей, а также 7 импортных: западноевропейские, иранские, египетские, кавказские медные монеты.

В качестве методики анализа химического состава медных монет были использованы два независимых метода – эмиссионный спектральный и рентгенофлуоресцентный, описанные в работах [16, с.168; 23, с. 180; 24, с.243–248]. Как показали результаты исследования, металл монет имеет достаточно разнообразный химический состав. Можно выделить элементы-маркеры, характерные для различных руд, к числу которых относятся золото, мышьяк, висмут, никель, кобальт, олово. Согласно соотношению этих маркеров монеты разделились на 10 групп (табл. 1).

Таблица 1. Распределение медных монет по группам

Table 1. Distribution of copper coins by groups

Инд. номер	Тип	Правитель	Место чекана	Год
<b>Группа 1. Высокие содержания золота (0,01–0,3%) и мышьяка (0,1–3%)</b>				
3/1; 127	–	Хызр хан	Гулистан	1361 / 1362 гг.
307/1225	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Гулистан	1363 г.
63	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	–	1380-е гг.
296/1324	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	–	1380-е гг.
189/699	Анонимный пул (дракон)	–	Хаджи-Тархан	1380-е гг.
196/644	Заготовка для монеты	–		
28	–	Хайр-Пулад	Сарай ал-Джадид	1363 г.
299; 99/766	–	Тулумбек ханум	Сарай ал-Джадид	1372 г.
188/782	Анонимный пул (дракон) с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай ал-Джадид	1380-е гг.
60	Анонимный пул	–	Сарай ал-Джадид	1395 г.
170/688	Анонимный пул (зайчик)	–	Сарай ал-Джадид	1380-е гг.
131/512	Анонимный пул (кувшин, носик влево)	–	Сарай ал-Джадид	1380-е гг.
58	Анонимный пул	–	Сарай	1380-е гг.
<b>Подгруппа 1а. Аналогия первой, но более низкие мышьяк (0,053–0,34%), олово (0,0014–0,023%) и сурьма (0,19–0,25%)</b>				
5/5	Аноним пул «тамга в треугольнике» (пул хуани)	–	Болгар	1290–1320 гг.
10/3363	Анонимный пул	–	Крым	конец XIII – начало XIV вв.
5/11	Анонимный пул (орел)	–	Крым	1344 г.
<b>Группа 2. Среднее содержания золота (0,01–0,07%) и низкое содержание никеля (0,002–0,008%)</b>				
5/4	Аноним пул «тамга в треугольнике»	–	Болгар	1290–1320 гг.
3/2	Анонимный пул (розетка)	–	Сарай ал-Джадид	1350-е гг.
180/1172	–	Тулумбек ханум	Сарай ал-Джадид	1372 г.
20/3801	Анонимный пул (лев вправо) с надчеканкой «адель»	–	Сарай ал-Джадид	1380–1395-е гг.

232/2795	Анонимный пул (кувшин)		Сарай	1380–1395-е гг.
<b>Подгруппа 2а. Аналогия второй, но меньше мышьяка (0,012–0,1%), висмута (0,0017–0,0062%) и сурьмы (0,025–0,055%)</b>				
3/7	Аноним пул «тамга в треугольнике»	–	Болгар	1290–1320 гг.
3/6	Анонимный пул (решетка).	–	Болгар	1330–1340 гг.
2/5	Символ веры	–	Иран	1 половина XIV в.
<b>Группа 3. Среднее содержания золота (0,01–0,07%) и высокое содержание олова (0,1–1,5%)</b>				
290/1030	Анонимный пул (розетка)	Мохши	–	1357 г.
20	Анонимный пул с надчеканкой «адель»	–	Сарай ал-Джадид	1360 г.
2/10	–	Тулунбек ханум	Сарай ал-Джадид	1372 г.
68/441	Анонимный пул	–	Сарай ал-Джадид	1380–1395-е гг.
276	Анонимный пул с надчеканкой «зафар»	–	Сарай ал-Джадид	1380–1395-е гг.
173/603	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай ал-Джадид	1380–1395-е гг.
23/3799	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Ас-Сарай	1380–1395-е гг.
163/253	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Ас-Сарай	1380–1395-е гг.
118	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай	1385 г.
128/135	Анонимный пул с надчеканкой «хан»	–	Сарай	1387 г.
12/667	Анонимный пул	–	Орду	1380 г.
169/665	Анонимный пул	–	Орду	1383 г.
18/3236	Анонимный пул	–	Орду	1390 г.
174/666	Анонимный пул	–	Орду	–
143/322	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	–	1380–1395-е гг.
302/1382	Заготовка для монеты с надчеканкой «лировидная тамга»	Али-Дервиш	Болгар	начало XV в.
216; 217; 219; 223	–	Али-Дервиш	Болгар	начало XV в.
<b>Подгруппа 3а. Аналогия третьей группы с высоким содержанием олова (0,1–1,5%), но золота меньше (0,0018–0,0082%)</b>				
2/12	Подражание двуглавному орлу	–	–	1350-е гг.
2/13	Анонимный пул (двуглавый орел)	–	–	1351 г.

	(крупный экз.)			
267/1281	Анонимный пул	–	Барджин	1352 г.
2751; 111	Анонимный анэпиграфный	–	–	1380–1395-е гг.
4746	Анонимный пул (кувшин) с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай	1380–1395-е гг.
5/15	–	Али-Дервиш	Болгар	начало XV в.
<b>Группа 4. Низкое содержание золота (0,0003–0,007%), среднее содержание никеля (0,01–0,09%)</b>				
2/3	Зингиды	–	–	1127–1222 гг.
5/3	–	Менгу Каан	Болгар	1250-е гг.
5/2	–	Насир ад-Дин Аллах	Болгар	конец XIII в.
281/1284	Аноним (розетка) с надчеканками «Азиз» и «зафар»	–	Сарай-ал- Джадид	1350-е гг.
282/1206	Анонимный пул с надчеканкой «Азиз хан»	Хызр хан	Гулистан	1361 г.
280/695; 5/13; 98/713	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	Хызр хан	Гулистан	1361 г.
30	–	Хызр хан	Гулистан	1361 г.
25/3519	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга» (китмень вправо)	–	Хорезм?	1380–1395-е гг.
69	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай	1380–1395-е гг.
189/175	Анонимный пул (две рыбы)	–	–	1380–1395-е гг.
31	Анонимный пул (лев вправо)	–	Сарай ал- Джадид	1380–1395-е гг.
<b>Подгруппа 4а. Низкие содержания золота (0,0002–0,002%) и никеля (0,002–0,004%)</b>				
2/14	Анонимный пул (лев и солнце)	–	Сарай	время Узбека – 1340-е гг.
2/11	Анонимный пул (розетка)	–	–	время Джанибека – 1350-е гг.
2/8	Анонимный пул	–	Барджин	1352 г.
2/9	Анонимный пул	–	Мохши	1351 г.
19/3804	Анонимный пул (павлин)	–	–	1380–1395-е гг.
77/447	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай ал- Джадид	1380 г.
<b>Группа 5. Высокое содержание никеля (0,13–0,25%), среднее содержание золота</b>				
3/8	–	Менгу Каан	Болгар	1250-е гг.
5/1	–	Насир ад-Дин Аллах	Болгар	конец XIII в. ???
15/4744	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	Али-Дервиш	Болгар	начало XV в.

<b>Повышенное содержание кобальта</b>				
<b>Группа 6. Высокое содержание мышьяка (1,2–2,6%), никеля (0,13–0,25%), кобальта (0,024–0,031%), низкое содержание серебра (0,015–0,053%) и висмута (0,00016–0,00048%)</b>				
129/380	Анонимный пул	ал-Муазам	Орду	1385 г.
187/799	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Сарай ал-Джадид	1388 г.
107	Анонимный пул (16 пул данник)	–	–	1380–1395-е гг.
81/242	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	–	Хорезм	1380–1395-е гг.
<b>Группа 7. Высокое содержание мышьяка (1–1,9%), среднее содержание кобальта (0,001–0,0026%), низкое содержание цинка (0,0025%)</b>				
134/244	Анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга»	Хаджи Гархан	–	(конец XIII в.) 20-е гг. XV в.
74	Пул	Черкес бек. Хаджи Гархан	–	1375 г.х.
<b>Группа 8. Среднее содержание кобальта (0,001–0,006%) и низкое содержание мышьяка (0,01–0,7%)</b>				
53	Подражание серебряной монете Болгар ал-Махруса	–	–	1323 г.
3/6; 5/9	Анонимный пул (тамга в звезде)	–	Болгар	1332–1336 гг.
5/6	Анонимный пул (тамга в треугольнике) зеркальный	–	Болгар	1290–1320 гг.
5/10	Анонимный пул (решетка)	–	Болгар	1330–1340-е гг.
3/4	Анонимный пул (лев и солнце)	–	Сарай	1330 гг.
5/8; 3/4	Анонимный пул (двуглавый орел)	–	Сарай ал-Джадит	1340-е гг.
5/12	Анонимный пул (розетка)	–	Сарай ал-Джадит	1350-е гг.
2/7	Пул (двуглавый орел)	Синоп	Иран (Турция)	1-я пол. XIV в.
<b>Группа 9. Высокое содержание олова (2,1–8,7%), свинца (0,8–4,0%) и цинка (0,1–0,35%)</b>				
2/4	Пул	–	Иран	середина XIV в.
2/6	Пул	Джалаириды	Иран	середина XIV в.
2/2	–	–	Западная Европа	–
2/1	Пул	Ахмад Бахадур	Кавказ	–
<b>Группа 10. Высокое содержание кобальта (0,002–0,13%) и цинка (0,1–0,35%)</b>				
–	–	–	Египет	–
–	–	–	Египет	–

*Первую группу* составили монеты с высоким содержанием мышьяка (0,4–3%) и золота (0,01–0,3%). Эту группу составили монеты времени Токтамышша, чеканенные в Сарай ал-Джадид, Сарае и Гулистане. Три монеты имеют сходный состав, но с меньшими концентрациями мышьяка, олова и сурьмы – это две крымские монеты и болгарский анонимный пул «тамга в треугольнике» (пул хуани).

*Вторая группа* характеризуется также высоким содержанием золота (0,01–0,07%), однако никеля в металле монет существенно меньше (0,002–0,008%). В нее также вошли монеты, чеканенные в Сарай ал-Джадит, Сарае и Болгаре. Также как и для первой группы, выделяется подгруппа с меньшими значениями мышьяка, висмута и сурьмы, состоящая из двух болгарских монет и монеты из Ирана.

Состав металла *третьей группы* также содержит значимые концентрации золота (0,01–0,07%), но отличается от первых двух высокими содержаниями олова (0,1–1,5%). В эту группу вошли четыре болгарские монеты Али-Дервиш, заготовка для монеты с надчеканкой «лировидная тамга» также Али Дервиш, все монеты, чеканенные в Орду, анонимный пул (розетка) Мохши, анонимный пул и пул Тулумбек ханум, чеканенные в Сарай ал-Джадит, а также различные надчеканки с атрибутикой Ас-Сарай и Сарай ал-Джадид. В третьей группе выделилась подгруппа с меньшими показателями золота (0,002–0,008%). Подгруппу организовали монета Али-Дервиш, анонимный пул Барждин 753 г.х., анонимный пул «двуглавый орел» (крупный экземпляр) 752 г.х., подражание двуглавному орлу времени Джанибека, две анэпиграфических монеты, анонимный пул (кувшин) с надчеканкой «лировидная тамга» Сарай.

Низкие концентрации золота (0,0003–0,007%) и средние значения никеля (0,01–0,09%) характерны для металла *четвертой группы*. Как видно из таблицы 2, в нее вошли две ранние болгарские монеты Менгу Каан и Насир ад-Дин Аллах и монета династии Зингидов. В группе также более поздние анонимные пулы с изображением двух рыб и льва вправо (Сарай ал Джадит), а также надчеканы времен Токтамышша с различным рисунком, отмеченные в Гулистане, Хорезме, Сарае и Сарай ал-Джадид. В качестве подгруппы 4а можно принять монеты, металл которых аналогичен металлу четвертой группы, но с более низкими показателями никеля (0,002–0,004%). Анонимные пулы, чеканенные в Сарае (время Узбек хана), Барджине (753 г.х.), Мохшт (752 г.х.) и Сарай ал-Джадиде (782 г.х.) а также анонимные пулы с изображением розетки и павлина составили эту подгруппу.

Небольшая *пятая группа* отличается высокими показателями никеля и состоит из трех болгарских монет: Менгу Каан и Насир ад-Дин Аллах, анонимный пул с надчеканкой «лировидная тамга» Али-Дервиш.

Специфичный состав имеет *шестая группа*: высокое содержание мышьяка (1,2–2,6%), никеля (0,13–0,25%), кобальта (0,024–0,031%), низкое содержание серебра (0,015–0,053%) и висмута (0,00016–0,00048%). Этот металл был определен в анонимном пуле ал-Муазам Орду, 16-пуле данник, двух надчеканах «лировидная тамга» с отметкой Хорезма и Сарай ал-Джадит.

Две монеты Хаджи Тархан, отлитые из металла с характерной высокой концентрацией мышьяка (1,2–2,6%), средним содержанием кобальта (0,001%) и низким цинком (0,0025%), составили *седьмую группу*.



Для *восьмой группы* также характерны средние показатели кобальта (0,001–0,006%), однако мышьяка в металле меньше (0,01–0,7%), а цинка больше (0,005–0,012%). В группу вошли три монеты, чеканенные в Болгаре, две – в Сарай ал-Джадит. Подобный состав имеют подражание серебряной монете Болгар ал-Махруса и иранский (Турция) пул Синоп с изображением двуглавого орла.

*Девятую и десятую группы* составили импортные монеты с достаточно отличающимися металлами. Две иранские монеты, кавказская монета Ахмад Бахадур и западноевропейская монета отлиты из медного сплава с высоким содержанием олова, свинца и цинка. Особая медь у двух египетских монет с большим содержанием цинка (0,078–0,088%) и кобальта (0,002–0,13%).

### **Обсуждение и выводы**

Разделение на группы с характерным составом меди показывает, что в определенное время на различных чеканных дворах для изготовления монет использовали медь с одного источника. При рассмотрении состава металла и времени изготовления монет, необходимо сразу принимать во внимание тот факт, что надчекан производился на бытовавших ранее монетах, поэтому время отливки этих артефактов не совпадает с временем перечекана.

Если взять самую раннюю монету династии Зингидов и две ранние болгарские монеты Менгу Каан и Насир ад-Дин Аллах, то они характеризуются медью с низким содержанием золота и средним содержанием никеля (группа 4). Анонимные пулы Сарая и Сарай ал-Джадид времени Токтамыша имеют аналогичный состав. Это может свидетельствовать о едином источнике меди, служившим длительное время в качестве металла для отливки монет либо о том, что для изготовления этих монет были переплавлены медные деньги, имевшие хождение в более раннее время. В двух ранних болгарских монетах группы 5 также отмечается повышенная концентрация никеля, но золота в них больше на один порядок.

Подражание серебряной монете Болгар ал-Махруса 1323 г. изготовлены из той же меди, из которой чеканены анонимные пулы Болгара, Сарая, Сарай ал-Джадида группы 8. Характерно повышенные содержания кобальта свидетельствуют о том, что в это время медь для монет начала поступать с нового источника.

Для групп 2 и 2а, датировка которых лежит в пределах 1290–1350 гг., характерны средние значения золота и низкие концентрации никеля, т.е. был подключен новый рудник для изготовления медных денег. Возможно, это произошло примерно в 1340 году.

Очень мало золота и никеля в подгруппе 4а, в которую вошли анонимные пулы Сарая, Барджин и Мохши 1340-х годов. Как версию происхождения этого металла можно взять медь, полученную после более качественной очистки золотоносной руды из тех же источников, что были использованы для групп 2 и 2а.

Группы 3 и 3а имеют особый металл с высокими концентрациями олова. В этой выборке имеется анонимный пул Барджин 1352 г. выпуска, позволяющий определить примерное время подключения нового источника меди.

Монеты Хызр хан Гулистан 1361–1363 гг. группы 1 с высокими значениями золота и мышьяка свидетельствуют о том, что начиная с этого времени

в Гулистане, Сарае, Сарай ал-Джадиде медь для монет, вероятно, брали из нового источника. Две крымские монеты, одна из которых датируется 1344 г., имеют схожий состав, но с более низким мышьяком, оловом и сурьмой, т.е. в Крыму этот источник начали использовать в более раннее время.

Можно заметить, что монеты, чеканенные в Болгаре, вошедшие в подгруппы 1а, 2а с меньшими концентрациями мышьяка, висмута, олова и сурьмы. Вероятнее всего, это объясняется более высокой температурой плавки в процессе изготовления монет, при которой эти летучие элементы выгорали из металла.

Обе монеты Хаджи Тархан 1375 г. составляют 7 группу с высокой концентрацией мышьяка, средним кобальтом и низким цинком.

Монеты с более поздней датировкой 1385–1395 гг. организуют свою группу 6 с медью, в составе которой при высоких концентрациях мышьяка, никеля и кобальта отмечается низкое содержание серебра и висмута, что определенно говорит о появлении нового рудного источника в конце XIV в.

Обособленные группы с характерным составом организовали импортные монеты. Деньги из западной Европы, Ирана, Кавказа группы 9 изготовлены из оловянной бронзы, а египетские монеты группы изготовлены из достаточно чистой меди с повышенной концентрацией никеля и цинка. Можно сделать замечание по поводу иранских денег, вошедших в различные группы, в том числе группы с золотоордынскими монетами.

В таблице 2 приведено распределение монет Болгарского чекана по группам химического состава.

Важным видится соответствие химического состава монеты зеркального варианта типа «тамга в треугольнике» группе более поздних монет. Это может означать то, что зеркальный вариант является наиболее поздним в этом виде и относится к 30-м годам XIV века.

Распределение надчеканов по группам химического состава (табл. 3) показывает широкое разнообразие монет, использованных для перечеканки денег. Так, несколько надчеканов «лировидная тамга» входят в одну группу с ранними болгарскими монетами, самый поздний надчекан этого типа датируется 20-ми годами XV века. Надчекан «хан» имеет состав монет третьей группы, самая ранняя из которых чеканена в 1357 г., а самая поздняя в начале XV века. Два надчекана «Азиз» вошли в четвертую группу с самыми широкими временными границами, начиная с пула династии Зенгидов, заканчивая анонимным пулом с изображением павлина. Надчекан «Адель» монетного двора Сарай ал-Джадит отмечен в двух группах 2 и 3. Одна из них (группа 3) имеет датировку 1360 г. Вторая группа, в которую входит другой надчекан этого типа и надчекан «Зафар», содержит монету этого двора с четкой датировкой 1372 г. Второй надчекан «Зафар» вошел в четвертую группу.

Наличие болгарских пулов начала XV в. в нескольких группах свидетельствует о том, что на местном чеканном дворе в качестве источника меди переплавляли старые деньги, вышедшие из обращения. Об этом же свидетельствует одинаковый состав монеты династии Зенгидов и ранних болгарских монет.

Таблица 2. Распределение монет Болгарского чекана по химическому составу

Table 2. Distribution of coins of the Bulgarian coinage by chemical composition

№ п/п	Тип монеты	Группы (кол-во монет)	Примечание
1	Насир ад-Дин Аллах	4, 5	–
2	Менгу Каан	4, 5	–
3	Тамга в треугольнике	1а, 2, 2а, 8	8 – зеркальный
4	Подражание дирхаму	8	–
5	Тамга в звезде	8 (2)	–
6	Болгар (решетка)	8, 2а	–
7	Али-Дервиш	3, 3а, 5	–

Таблица 3. Распределение надчеканки на монетах по химическому составу

Table 3. Distribution of countermarks on coins by chemical composition

№ п/п	Надчеканки	Группы (кол-во монет)
1	лировидная тамга	1 (4), 3(6), 3а, 4 (4), 4а, 5, 6 (2), 7
2	хан	3
3	Азиз	4 (2)
4	Адель	2, 3
5	Зафар	3, 4

Характерен состав третьей группы, включающей все монеты Орду. В этот период времени было четкое разделение Золотой Орды на правобережье – Мамаева Орда и левобережье – остальные города, в том числе Болгар. Из Мамаевой Орды у нас только один монетный двор – Орда.

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что практически на всех чеканных изученных в данном исследовании дворах в определенное время использовалась медь с одним и тем же характерным составом. Изменение состава могло быть связано как с переходом на новый рудник, так и с применением особых технологий выплавки и получения металла. Более высокие температуры плавки приводят к выгоранию легколетучих мышьяка, висмута, сурьмы и цинка. В случае, когда в качестве источника меди использовали отходы золотоносной руды, содержание золота в ней зависело от технологического уровня выплавки.

Полученные данные позволяют сделать важный вывод по вопросу поставки металла для производства денег Улус Джучи. Можно достаточно уверенно говорить о том, что монеты изготавливались из материала, поступавшего из одного места во все чеканные дворы государства, а не чеканились из местного переплавленного лома. То, что монеты чеканных дворов с обоих берегов имеют один и тот же состав, служит дополнительным этому доказательством. Проведенные ранее исследования серебряных археологических дирхемов [23, с. 176–188; 34, р. 94–101; 35, р. 263–272] подтверждают данные о централизованном производстве. Таким образом, установленный на основе объективных сведений по химическому составу монет факт является важным доказательством сильной централизации и контроля над качеством денежного металла во всех государственных образованиях Золотой Орды.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. 324 с.
2. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII – первая треть XIV вв.) // Поволжская археология. 2013. №1, С. 216–231.
3. Бурковский С.А., Киреев Ю.Д. Поштемпельный анализ пулов Булгарского чекана типа «тамга в треугольнике-кутлуг булсун» // Частные вопросы медного джучидского чекана. Донецк, 2009. С. 5–64.
4. Бурковский С.А., Киреев Ю.Д. Поштемпельный анализ пулов Булгарского чекана типа «Булгара / чекан – решетка» // Материалы по исследованию медного чекана золотоордынского Булгара. «АИР» Донецк, 2013. С. 129–199.
5. Гончаров Е.Ю. Медные джучидские монеты XV в. // Тезисы докладов VIII. ВНК. М., 2000. С. 84–86.
6. Гончаров Е.Ю. Медные монеты Сарая ал-Джадид // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 7–22.
7. Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. V. М., 1997. С. 177–188.
8. Жиромский Б.В. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии // Труды Куйбышевской экспедиции, том IV, МИА № 111. М., 1962. С. 205–216.
9. Карамбахшов Х.З., Бобомуллоев М.Г., Сафарова З.А., Мубориз М.Х., Самихов Ш.Р., Сафаров С.Ш. Анализ и восстановление серии медных монет, найденных при археологических раскопках ( Мис-Айнак, Афганистан). Доклады Академии наук Республики Таджикистан. Физическая химия. 2017. Т. 60, №9. С. 447–451.
10. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Джучидские монеты с Водянского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Сборник статей. Донецк, 2000. С. 303–345.
11. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. 111. Нумизматический сборник. Т. 2. Москва: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–63.
12. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395г. // Т. IV. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 23–75.
13. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. 4. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: ИПР «Информэлектро», 2002. С. 73–165.
14. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. 5. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: ИПР «Информэлектро», 2004. С. 76–118.
15. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет. // Труды Нижегородского общества краеведения. Саратов, 1930. 42 с.
16. Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храменкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии. Нумизматика Золотой Орды. 2012. № 2. С. 163–174.
17. Мухаметшин Д.Г. Медные монеты Болгара и других золотоордынских городов XIII–XIV вв. Каталог монет из фондов Института Археологии АН РТ и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Казань, 2016. 282 с.
18. Мухаметшин Д.Г. Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XVI века. К вопросу о казанской чеканке. // Историко-археологические исследо-

вания Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 359–375.

19. Мухаметшин Д.Г. Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XVI века. К вопросу о казанской чеканке // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 359–375.

20. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 158–205.

21. Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Казань: Изд-во ФЭН, 2020. Т. II. 487 с.

22. Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Казань: Изд-во ФЭН, 2020. Т. I. 379 с.

23. Храмченкова Р.Х., Беговатов Е.А., Шайхутдинова Е.Ф., Ситдигов А.Г. Предварительные результаты археометрических исследований серебряных монет 10 века Волжской Болгарии // Поволжская Археология. 2015. № 3 (13). С. 176–188.

24. Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Бакиров Б.А. Сравнительный анализ результатов исследования химического состава средневековых серебряных монет методами СЭМ, РФА и ОЭС // Археология евразийских степей. 2018. №5. С. 243–248.

25. Шерешев Л. И. О технике изготовления в средневековом Херсонесе монет типа «ро» / Л. И. Шерешев // Античная древность и средние века. Свердловск, 1982. [Вып. 19]: Византия и ее провинции. С. 38–47.

26. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА, 1954. №42. С. 424–484.

27. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции, МИА, 1958. №61. т. 2. С. 392–423.

28. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 году // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3. МИА, 1960. №80. С. 210–224.

29. Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА, 1962. №111. С. 153–176.

30. Calliari I., Magrini M., Zambon A., Guerriero P. and Martini R. Microstructural and compositional characterisation of roman coins. X-Ray Spectrometry, 1999, 28, pp. 86–90.

31. Chiarantini L. and Benvenuti M. The evolution of pre-Islamic South Arabian coinage: a metallurgical analysis of coins excavated in Sumhuram (Khor-Rori, Sultanate of Oman). Archaeometry, 2014, 56, 4, pp. 625–650.

32. Ingo G.M., De Caro T., Padelnerri G. and Chiozzini G. Microchemical investigation on Renaissance coins minted at Gubbio (central Italy). Applied Physics A, 2004, 79, pp. 319–325.

33. Kirfel A., Kockelman W. and Yule P. Non-destructive chemical analysis of old South Arabian coins, century to third century CE. Archaeometry, 2011, 53, pp. 930–949.

34. Khramchenkova R., Shaykhutdinova E., Bugarchev A., Gareev B., Sitedikov A. Interdisciplinary study of 13<sup>th</sup> century silver coins of the Juchid (based on the materials of the Burundukovsky hoard, Tatarstan, Russia). Acta Imeko. 2017, vol. 6, no. 3, pp. 94–101.

35. Khramchenkova R., Shaykhutdinova E., Sitedikov A. Characteristics of the manufacturing technology of the 9th–10th century medieval silver coins discovered in the territory of Volga Bulgaria // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, www.sgemsocial.org, SGEM2016 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7105-77-3 / ISSN 2367-5659, Aug 24–31, 2016, Book 3, Vol. 2, pp. 263–272.

**Сведения об авторах:** Резида Хавиловна Храмченкова – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация). E-mail: rkhranch@gmail.com

Джамиль Габдрахимович Мухаметшин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация). E-mail: djamil78@list.ru

Айрат Габитович Ситдиков – доктор исторических наук, начальник обособленного структурного подразделения Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация). E-mail: sitdikov\_a@mail.ru

Павел Владимирович Федан – научный сотрудник Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация). E-mail: pavel.fedan@mail.ru

Поступила 17.05.2022 Принята к публикации 31.08.2022  
Опубликована 29.09.2022

## REFERENCES

1. Bosworth K.E. Muslim dynasties. Moscow: Nauka, 1971. 324 p. (In Russian)
2. Bugarchev A.I., Petrov P.N. Stages of copper coin circulation in the Bolgar vilayat (second half of the 13<sup>th</sup> – first third of the 14<sup>th</sup> centuries). *Povolzhskaya Arkheologia*, 2013, no. 1, pp. 216–231. (In Russian)
3. Burkovsky S.A., Kireev Yu.D. Post-stamp analysis of the pools of the Bolgar coinage of the “tamga in a triangle–kutlug bulsun” type. Particular questions of the copper Juchid coinage. Donetsk, 2009, pp. 5–64. (In Russian)
4. Burkovsky S.A., Kireev Yu.D. Post-stamp analysis of the pools of the Bolgar coinage of the type “Bolgar / coinage – lattice”. *Materials on the study of the copper coinage of the Golden Horde Bolgar*. “AIR” Donetsk, 2013, pp. 129–199.
5. Goncharov E.Yu. Copper Juchid coins of the 15<sup>th</sup> century. Abstracts VIII. VNK. Moscow, 2000, pp. 84–86. (In Russian)
6. Goncharov E.Yu. Copper coins of Saray al-Jadid. Antiquities of the Volga region and other regions. Digest of articles. Issue V. Numismatic collection. Vol. 4. Moscow: Numismatic Literature, 2004, pp. 7–22. (In Russian)
7. Goncharov E.Yu. Copper coins of the 14<sup>th</sup> century. of the city of Hadji-Tarkhan. *Eastern historical source study and special historical disciplines*. Issue. V, Moscow, 1997, pp. 177–188. (In Russian)
8. Zhyromsky B.V. Some numismatic data on the history of Volga Bulgaria. *Proceedings of the Kuibyshev Expedition*, Vol. IV, MIA. No. 111. Moscow, 1962, pp. 205–216. (In Russian)
9. Karambakhshov Kh.Z., Bobomulloev M.G., Safarova Z.A., Muboriz M.Kh., Samikhov Sh.R., Safarov S.Sh. Analysis and restoration of a series of copper coins found during archaeological excavations (Mis-Aynak, Afghanistan). Reports of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Physical chemistry. 2017. Vol. 60, no. 9, pp. 447–451.
10. Klovov V.B., Lebedev V.P. Juchid coins from the Vodyansk settlement. *Steppes of Europe in the Middle Ages*. Vol. 1. Collection of articles. Donetsk, 2000, pp. 303–345.
11. Klovov V.B., Lebedev V.P. Coin circulation of the Golden Horde city of Beljamen. *Antiquities of the Volga region and other regions*. Digest of articles. Issue. 111. Numismatic collection. Vol. 2. Moscow: IPR “Informelectro”, 2000, pp. 56–63.

12. Klokov V.B., Lebedev V.P. Monetary circulation of Sarai and its environs after 1395. Vol. IV. Moscow: Numismatic Literature, 2004, pp. 23–75. (In Russian)
13. Klokov V.B., Lebedev V.P. Coin complex from Selitrennoe settlement (Golden Horde, city of Sarai). *Antiquities of the Volga region and other regions. Digest of articles. Issue. 4. Numismatic collection. Vol. 3.* Moscow: IPR “Informelectro”, 2002, pp. 73–165. (In Russian)
14. Klokov V.B., Lebedev V.P. Coin complexes of three small Golden Horde settlements in the Lower Volga region. *Antiquities of the Volga region and other regions. Digest of articles. Iss. 5. Numismatic collection. Vol. 4.* Moscow: IPR “Informelectro”, 2004, pp. 76–118. (In Russian)
15. Krotkov A.A. Two collections of Jochid coins. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Society of Local Lore.* Saratov, 1930. 42 p. (In Russian)
16. Lebedev V.P., Begovatov E.A., Khramchenkova R.Kh. Coin-shaped cast pendants from Volga Bulgaria. *Numismatics of the Golden Horde.* 2012, no. 2, pp. 163–174.
17. Mukhametshin D.G. Copper coins of Bolgar and other Golden Horde cities of the XIII–XIV centuries. Catalog of coins from the funds of the Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences and the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Kazan, 2016. 282 p. (In Russian)
18. Mukhametshin D.G. Numismatic materials of the second half of the 14<sup>th</sup> – early 16<sup>th</sup> centuries. On the issue of Kazan coinage. Historical and archaeological research of the Volga region and the Urals. Materials of III Khalikov readings / Rev. Ed. F.Sh. Khuzin. Kazan: RIC “School”, 2006, pp. 359–375. (In Russian)
19. Mukhametshin D.G. Numismatic materials of the second half of the 14<sup>th</sup> – early 16<sup>th</sup> centuries. On the issue of Kazan coinage. *Historical and archaeological research of the Volga region and the Urals. Materials of III Khalikov readings / Rev. Ed. F.Sh. Khuzin.* Kazan: RIC “School”, 2006, pp. 359–375. (In Russian)
20. Fedorov-Davydov G.A. Money business and monetary circulation of the Bolgar. City of Bolgar: Essays on history and culture. Moscow: Nauka, 1987, pp. 158–205. (In Russian)
21. Fedorov-Davydov G.A., Mukhametshin D.G. Karatun hoard of Jochid coins of the XIV century. Kazan: Publishing House of FEN, 2020. Vol. II. 487 p. (In Russian)
22. Fedorov-Davydov G.A., Mukhametshin D.G. Karatun hoard of Jochid coins of the XIV century. Kazan: Publishing House of FEN, 2020. Vol. I. 379 p. (In Russian)
23. Khramchenkova R.Kh., Begovatov E.A., Shaikhutdinova E.F., Sitdikov A.G. Preliminary results of archaeometry studies of silver coins of the 10<sup>th</sup> century in Volga Bulgaria. *Povolzhskaya Arkheologia.* 2015, no. 3 (13), pp. 176–188. (In Russian)
24. Shaikhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Bakirov B.A. Comparative analysis of the results of the study of the chemical composition of medieval silver coins using SEM, XRF and OES methods. *Archeology of the Eurasian Steppes.* No. 5, 2018, pp. 243–248. (In Russian)
25. Shereshev L.I. On the technique of making coins of the “ro” type in medieval Chersonese / L.I. Shereshev. *Antique antiquity and the Middle Ages.* Sverdlovsk, 1982. [Iss. 19]: Byzantium and its provinces, pp. 38–47. (In Russian)
26. Yanina S.A. Juchid coins from excavations and collections of the Kuibyshev archaeological expedition in Bolgars in 1946–1952. *MIA,* 1954, no. 42, pp. 424–484. (In Russian)
27. Yanina S.A. Juchid coins from the excavations and collections of the Kuibyshev archaeological expedition in Bolgars in 1953–1954. *Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition, MIA,* 1958. No. 61, vol. 2, pp. 392–423. (In Russian)
28. Yanina S.A. Juchid coins from excavations and collections of the Kuibyshev archaeological expedition in Bolgars in 1957. *Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition, vol. 3. MIA,* 1960, no. 80, pp. 210–224. (In Russian)

29. Yanina S.A. General review of the collection of Jochid coins from the excavations and collections of the Kuibyshev archaeological expedition in Bolgars (1946–1958). MIA, 1962, no. 111, pp. 153–176. (In Russian)

30. Calliari I., Magrini M., Zambon A., Guerriero P. and Martini R. Microstructural and compositional characterisation of roman coins. X-Ray Spectrometry, 1999, 28, pp. 86–90.

31. Chiarantini L. and Benvenuti M. The evolution of pre-Islamic South Arabian coinage: a metallurgical analysis of coins excavated in Sumhuram (Khor-Rori, Sultanate of Oman). Archaeometry, 2014, 56, 4, pp. 625–650.

32. Ingo G.M., De Caro T., Padelnerri G. and Chiozzini G. Microchemical investigation on Renaissance coins minted at Gubbio (central Italy). Applied Physics A, 2004, 79, pp. 319–325.

33. Kirfel A., Kockelman W. and Yule P. Non-destructive chemical analysis of old South Arabian coins, century to third century CE. Archaeometry, 2011, 53, pp. 930–949.

34. Khranchenkova R., Shaykhutdinova E., Bugarchev A., Gareev B., Sitdikov A. Interdisciplinary study of 13th century silver coins of the Juchid (based on the materials of the Burundukovsky hoard, Tatarstan, Russia). Acta Imeko. 2017, vol. 6, no. 3, pp. 94–101.

35. Khranchenkova R., Shaykhutdinova E., Sitdikov A. Characteristics of the manufacturing technology of the 9<sup>th</sup>–10<sup>th</sup> century medieval silver coins discovered in the territory of Volga Bulgaria. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, www.sgemsocial.org, SGEM2016 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7105-77-3 / ISSN 2367-5659, Aug 24-31, 2016, Book 3, Vol. 2, pp. 263–272.

**About the authors:** Rezida K. Khranchenkova – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Senior Research Fellow, A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov Str., Kazan 420012, Russian Federation). E-mail: rkhranch@gmail.com

Jamil G. Mukhametshin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov Str., Kazan 420012, Russian Federation) E-mail: djamil78@list.ru

Ayrat G. Sitdikov – Dr. Sci. (History), Head of a separate structural unit – A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov Str., Kazan 420012, Russian Federation). E-mail: sitdikov\_a@mail.ru

Pavel V. Fedan – Research Fellow, Museum of Archeology, A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov Str., Kazan 420012, Russian Federation). Email: pavel.fedan@mail.ru

*Received May 17, 2022 Accepted for publication August 31, 2022  
Published September 29, 2022*



УДК 930.85(091):28

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611

EDN: BUQHYN

**ОТРАЖЕНИЕ РОЛИ ИСЛАМА  
В «ТАВАРИХ-И ГУЗИДА – НУСРАТ-НАМЕ»**

*Л.Ф. Байбулатова*

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ  
Казань, Российская Федерация  
bayli77@mail.ru*

*Цель исследования:* показать на основе средневековой тюркоязычной рукописи роль мусульманской религии в разных ситуациях, связанных с распространением ислама, использованием его для оправдания завоевательных походов.

*Материалы исследования:* был использован лондонский список рукописи «Таварих-и гузида – Нусрат-наме».

*Результаты и научная новизна:* в данной статье впервые рассматривается отражение роли и места ислама в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме». Ислам здесь предстает с разных сторон: как угнетаемая религия, которая не могла заявить о себе в условиях нахождения в рамках более сильной религии; как миролюбивая религия, обеспечивающая гарантии мира иноверцам. В дальнейшем, с распространением и ростом влияния ислама, его ролью становится оправдание военных нападений и захватов. В целом, учитывая особенность сочинения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», заключающуюся в том, что написана по велению хана, ислам показан орудием управления высшей власти.

*Ключевые слова:* ислам, Таварих-и гузида – Нусрат-наме, Мухаммад Шейбанихан, тюркоязычное сочинение, XVI век

*Для цитирования:* Байбулатова Л.Ф. Отражение роли ислама в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 601–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611 EDN: BUQHYN

---

**REFLECTIONS OF THE ROLE OF ISLAM  
IN THE “TAWARIKH-I GUZIDA – NUSRAT-NAME”**

*L.F. Baybulatova*

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences  
Kazan, Russian Federation  
bayli77@mail.ru*

*Abstract: Research objectives:* Based on a medieval Turkic-language manuscript, the role of the religion of Islam in various situations related to the spread of Islam and its use to justify conquests will be demonstrated.

*Research materials:* The London copy of the manuscript “Tavarih-i Guzida – Nusrat-name” was used.

*Results and novelty of the research:* In this article, the reflection of the role and functions of Islam in "Tavarih-i Guzida – Nusrat-name" is considered for the first time. Islam is presented in the text from different angles: as an oppressed religion that could not make itself known in the conditions of being within the framework of a stronger religion; as a peace-loving religion that provided guarantees of peace to non-believers, etc. Later on, with the spread and growth of the influence of Islam, its role becomes that of providing a justification for military attacks and territorial seizures. Taking into account the peculiarity of the work "Tavarikh-i Guzida – Nurat-name" which rests in the fact that it was written at the behest of Muhammad Sheibani Khan, Islam is generally shown in it as an instrument for control of supreme power.

**Keywords:** Islam, Tavarikh-i Guzida – Nusrat-name, Muhammad Sheibani Khan, Turkic-language text, 16<sup>th</sup> century

**For citation:** Baybulatova L.F. Reflections of the role of Islam in the “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 601–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611 (In Russian)

«Таварих-и гузида – Нусрат-наме» – тюркоязычное сочинение начала XVI века, посвященное Мухаммаду Шейбани-хану. Авторство до сих пор не определено, написано было по указанию Шейбани-хана [11, с. 12; 12, с. 40–41] с целью освещения истории его династии и его подвигов<sup>1</sup>. Согласно средневековой мусульманской исторической традиции, история – это описание деяний определенной личности в развитии – кем был и кем стал, что совершил и что за это получил [12, с. 10], то есть личность рассматривается на фоне своих поступков, которые в итоге составляют историческую канву событий. В этом плане «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» раскрывает историю героя из второй категории<sup>2</sup> – Шейбани-хана. По мнению С.И.Турсунова эта история должна была закрепить победные шествия хана, «чтобы правда о государе страны, его благородных потомках стала известна народу» [12, с. 40]. Для усиления эффекта от значимости его династии, история ведется от истории Огуз хана.

В настоящее время автограф данного сочинения не найден, но известны два основных списка. Первый, так называемый Лондонский список, самый старый и наиболее полный, переписан в 1562–1563 г. Второй список создан в конце XVI – начале XVII века, в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

Кроме того существуют несколько сокращенных списков «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», которые имеют другие названия, например: «Огуз вэ

<sup>1</sup> Относительно авторства «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» высказываются две версии. А.М.Акромов считает, что автором является Мухаммад Салих, но при непосредственном участии Мухаммада Шейбани-хана [11, с. 14–15]. Согласно второй версии, которую развивали Р.Г.Мукминова, А.А.Семенов, В.П.Юдин, авторство принадлежит самому Мухаммаду Шейбани-хану. В своем исследовании В.П.Юдин приводит в качестве доказательства следующие аргументы: повествование от собственного имени в некоторых местах и идентичность языка «Таварих-и гузида ...» с другими работами хана. В частности, В.П.Юдин пишет, что язык Шейбани-хана значительно отличается от языка Мухаммада Салиха, которому приписывают авторство данного сочинения [4, с. 10–11].

<sup>2</sup> К первой категории причислены пророки и святые [12, с. 11]

Алан-гоа вэ Шайбани-наме», «Тарихе Огуз вэ Алан-гоа», «Огуз-наме», «Шайбани-наме».

«Таварих-и гузида – Нусрат-наме» неоднократно становилось объектом исследования, но исследователи использовали рукопись как источник по истории Ферганы, государства кочевых узбеков [1; 2], по генеалогии и о владениях Джучидов [8; 5; 9; 10]. Религиозные воззрения Мухаммад Шейбани-хана также нашли отражение в научной литературе. Они выстроены в основном на сочинении самого хана «Бахр аль-худа», авторство которого, однако, подвергается сомнению, на работе Мухаммада Салиха «Шейбани-наме» [3, с. 394]. Также изучение религиозной политики Шейбани-хана используется исследователями для выявления ее влияния на культурную идентичность и легитимацию власти [3; 6]. По словам А.Маликова, в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» содержатся ценные сведения об идеологии, проповедуемой Шейбани-ханом, и отражает исламскую идентичность и религиозные дискурсы по процессу исламизации Чингизидов» [3, с. 394], но, как и в советской историографии, так и в настоящее время религиозной составляющей в этом произведении уделено недостаточно внимания.

В данной статье мы постараемся проследить, каким образом был отражен ислам в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» и какая ему придавалась роль<sup>3</sup>.

Основная цель написания этого сочинения, как было сказано – осветить династию и деяния Шейбани-хана, показать его величие и превосходство, силу и могущество. Помимо того, что для достижения данной цели были использованы истории об Огузе, Чингиз-хане и их потомков, необходимо отметить роль, которая отведена автором исламу. С одной стороны, ислам показывается как сильная, но при этом миролюбивая религия, с другой стороны – как средство достижения могущества и распространения власти, как светской, так и религиозной. Можно предположить, что такой подход стал началом встраивания истории шейбанидов в историю ислама.

Если исходить из версии, что Шейбаниды сочиняли собственную версию легитимации власти, в том числе и на основе ислама, то можно сказать, что в начальной части произведения автор пошел по пути демонстрации силы духа ислама и крепости веры. Эта демонстрация наглядно описывается в истории Огуз-хана, его сыновей, родов и народов, которые ему подчинились. В «Таварих-и гузида...» часть, посвященная истории Огуз-хану и его народам, является переводом из «Сборника летописей» («Джами ат-таварих») Рашид ад-дина [7, с. 81–82]. Принадлежность Огуза к исламу в этих сочинениях, как, впрочем, и во множестве других средневековых мусульманских сочинениях, описывается как одно из чудес, и таким образом приписывается ему некое совершенство и отличие от других людей. Согласно «Таварих-и гузида...», Огуз изначально родился в истинной вере, но окружающие об этом не догадывались, и для распространения ислама ему пришлось действовать через свою мать, которой он пришел во сне и сообщил, что он будет пить ее молоко, только если она примет ислам. В результате мать стала правоверной,

---

<sup>3</sup> Религиозные воззрения Мухаммада Шейбани-хана, отраженные в данном сочинении, не будут сравниваться со сведениями из других сочинений, в частности, произведений хана, «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха и др. Также здесь не стоит задача определения, к какому толку принадлежал Шейбани-хан и какие течения в исламе существовали в период его жизнедеятельности.

но скрытно от своих соплеменников, а ее ребенок, т.е. Огуз, стал пить ее молоко.

*“Кара хан атасы урынга ултурды, муның бер углы булды, вөжүдга килкяндин суң уж*

*кижә күндүз имжак имаде. Ул жәһәтдин анасы йыглаб зарылык кылур ирде.*

*Вә бер кижә төшда күрер ирде ул огул анасыга дир ирде эгәр син Тәңрене танысаң синең сөтүңне имармин диде, жүн ул хатунның кавеме кяфер*

*ирде, алардин куркар ирде заһир кылсам углумны һәляк кылгай*

*диб пенһани иман килтерүр ирде, жүн ихлас берля Ходай пәрәст булгандин*

*суң ул огул анасы сөтен имә башлады”*<sup>4</sup> (Кара хан сел на место отца, у него родился сын. После рождения три дня, ни днем ни вечером не брал грудь. По этой причине мать его плакала и горевала. Однажды ночью она увидела сон: сын сказал матери – если ты признаешь Всевышнего, буду пить твое молоко. Эта женщина была язычницей, и боялась их [соплеменников]. Не желая причинять вред сыну, тайно пришла к вере, после того как искренне верить во Всевышнего, сын начал пить молоко матери – перевод наш. – Л.Б.). Таким образом здесь подчеркивается такая особенность ислама, что люди рождаются мусульманами, но некоторые из них об этом не знают и придерживаются той религии, которая им навязана обществом, поэтому таким заблудшим душам нужно прийти на помощь, но помощь эта должна быть ненавязчивая, но действенная, с возможными негативными последствиями, такими, например, как потеря ребенка матерью.

В дальнейшем, значимость ислама подчеркивается в эпизоде женитьбы Огуза, который, с одной стороны, согласился с выбором своего отца Каракхана, подобравшему ему в невесту, с другой стороны, он сказал ей, что сможет принять ее, если она начнет поклоняться Аллаху:

*«Балигь булгаж атасы үз карендаше Кур ханның кызы бигайт*

*хуш сурәт ирде, ала бирде ирса, Огуз аңа пәнһан диде, кем эгәр син тәңрене сө[й]-*

*саң, мин сине сөармин»*<sup>5</sup> (Как стал зрелым [Огуз], отец его взял ему [в жены] дочь своего родственника Кур хана, которая была очень красива. Огуз сказал ей тайно: если ты будешь любить Всевышнего, то я буду любить тебя. – перевод наш. – Л.Б.).

Вследствие ее отказа принять ислам, Огуз хан еще дважды женился, но только третья жена приняла его предложение о религии, несмотря на то, что она ничего не знала о ней:

*«Сәндин бурун ике кызны алдым, аның ужун Ходайга иман килтүркил, Ходай*

*пәрәст булгыл дидем, булмады ирса, мин андин күңүл савытум имди син Ходай-*

*ның берлеге иман килтүрсаң, мөселман булсаң сәне алурмын диде, кыз әйде кем мин*

<sup>4</sup> British library. Or.3222. تواريج كزیده نصرت نامه. P.7v, 8r.

<sup>5</sup> British library. Or.3222. P.8r.

*Ходайны белмәсмен вали синең сүзүңдин чыкмасмын, берни син дисаң андаг*

*кылурымын»*<sup>6</sup> (До тебя взял [в жены ] двух девушек. Сказал им уверовать во Всевышнего, поклоняться ему. Не получилось, моя душа остыла к ним. Если ты поверишь в единство Всевышнего, станешь мусульманской, возьму тебя [в жены]. Девушка сказала: я не знаю о Всевышнем, но я не пойду против твоих слов, как ты скажешь, так и сделаю. – перевод наш. – Л.Б.).

В эпизоде о женитьбе автор «Таварих-и гузида...» также следует тексту Рашид ад-дина, за исключением имен братьев Кара-хана, дочери которых стали женами Огуза. Так, в «Сборнике летописей» упоминаются Коз-хан, Гур-хан и Ор-хан [7, с. 81–82], а в «Таварих-и гузида...» говорится только о Коз-хане. Эпизод с женитьбой показывает, что истинный мусульманин не поддается внешним воздействиям и остается верен своим убеждениям, и в тоже время терпим к другим вероисповеданиям. В данном случае терпимость выразилась в том, что Огуз не стал ничего предпринимать в отношении тех девушек, которые остались в своей вере. Тем не менее, Огуз был вынужден воевать против своего отца-язычника и других, которые не приняли его веру

*“Кара хан билкяж бәрадар гамзадаларен йыгыб, диде кем оглум  
кежикликда йахишы ирде, бикжәһәт ирде, халә йаман иш илгяре тутуб,  
безниң*

*диндин чыкыб, үзгя дингя кирмеш, имде аны терек куйса булмас, диде ирса баржә рәнжәдә*

*булуб, иттифак кылдылар, кем аны үлтүркяйляр. Вә ул хатун кем Огуз бирля*

*мотфак ирде бу халдин хәбәрдар булгандин суң, әхвалне әйтиб,  
һәмсайәсидин бер кешене Огузга игълям кылыб йибарде. Огуз ишеткяж  
мөстәгъйд булуб*

*тәмам нүкерлярин вә дустларын үзекя йыгды, ул шикяргярдар вә бәруви  
булуштылар, анда орушуб Кара хан зәхемдар булуб үлде”*<sup>7</sup> (Как узнал Кара хан, собрал братьев, дядей, сказал: Сын мой в детстве был хорошим и быстрым. Сейчас занялся плохими делами, вышел из нашей религии, принял другую веру, нельзя оставить его живым. Все разгневались и кто желал его убить, те объединились. Та жена, кто была вместе с Огузом, узнав об этом, отправила к нему одну из соседок с сообщением. Услышав это Огуз, приговорился окончательно, собрал вокруг себя слуг и друзей, встретились на месте охоты. Там сражаясь Кара хан скончался от раны. – перевод наш. – Л.Б.). Таким образом здесь дается оправдание насильственным действиям в защиту ислама, но эти действия были предприняты только после нападения.

Далее, в истории с потомками Огуз-хана их мусульманство основывается на единобожии и повелении Аллаха принять их в ряды последователей ислама пророка Мухаммада, т.е. они считались мусульманами, но официально были признаны таковыми после появления последнего пророка<sup>8</sup>. Таким образом детям и внукам Огуз хана необходимо было не только говорить, что они мусульмане, как их предок, но и подтверждать свою приверженность к исламу и ожидать всевышнего повеления. Можно сказать, что так автор

<sup>6</sup> British library. Or.3222. P.8r, 8v

<sup>7</sup> British library. Or.3222. P.9r.

<sup>8</sup> British library. Or.3222. P.11r.

«Таварих-и гузида...» подчеркивает усиление могущества ислама, поскольку мусульманином мог считать себя не любой человек, так себя называющий, а истинным мусульманином являлся тот, кого пожелал Аллах видеть в рядах последователей пророка Мухаммада.

Роль ислама значительно меняется в третьей части «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», которая является оригинальной и самостоятельной частью по сравнению с первыми двумя. Здесь ислам выступает как оправдание завоевательным походам Шейбани-хана, который под лозунгом «священной войны» против «неверных» якобы выступает мессией для утверждения «истинной веры» [11, с. 8]. Такое настроение этому произведению было задано еще в самом начале, где Шейбани хан был назван «имамом времени и преемником Милосердного, который высоко удерживал прежние достижения».

*“Бу бадшаҳ могаззам саҳиб эс-сәйф вә әл-каләм имам әз-заман вә хәлифә әр-рәхмән һиммәтен гали тутуб*

*вә дәүләт рикябен басыб, Мавер ән-нәһер виляйәтен алыб вә дәүләт вә сәгадәт берля*

*тәхтегәһеда ултуруб”*<sup>9</sup> (Этот великий падишах, повелитель меча и пера, имам времени и великодушный халиф высоко удерживая свое благоволение, стоя на подножии трона, взяв Мавераннахр, счастливо сидел в столице. – перевод наш. – Л.Б.).

Кроме того настрой произведения был усилен высказыванием Султана Валада<sup>10</sup> о борьбе с неверующими, такими как монголы, которые разрушали города мусульман и убивали их население: «*Могоул галиб булды вә галамне алды вә шәһәрләрне хараб кылды вә сансыз хәляикъне кылыж берля ултурде*»<sup>11</sup> (Могоулы были победителями, завоевали мир, уничтожили города, мечом порубили бесчисленное количество народа. – перевод наш. – Л.Б.). Он призывает к тому, чтобы монголов не осталось или же они были обращены в мусульманство: «*Могоулар тәкый мөселман булсалар көфердин исламга килсалар, могоул калмаган булур*»<sup>12</sup> (Если могоулы станут мусульманами, если придут из неверия к исламу, то могоулов не останется. – перевод наш. – Л.Б.).

Еще до рассказов о походах Шейбани-хана, значимая роль ислама в завоевательных походах была показана в истории Газан-хана, воевавшего с Байду. Так, отмечается, что Газан-хан, которого автор называл *падишах-и ислам*, в 694 г. по хиджре вместе со своими беками окончательно вступил на путь веры и их проводником в этом выступил известный теолог и мистик Садр ад-дин Хамави:

*“Ул мәхәлдә бадшаҳ-и исламның күңле нур берля тулды ирса, тарих арбиг вә тисәгийн вә ситумайә-*

<sup>9</sup> British library. Or.3222. P.3v.

<sup>10</sup> Султан Валад/ Султан Велед (Баха ад-дин Мухаммад-и Валад) (1226–1312) – персидский поэт-суфий, основатель суфийского ордена Мевлеви. Сын поэта Джалаладдина Руми.

<sup>11</sup> British library. Or.3222. P.4r.

<sup>12</sup> British library. Or.3222. P.4v.

*дә шәех задә Садр ад-дин Хәмәви кашыга барды. Тәкый аның кашында тәмам бәклярә*

*берля иман гарза кылдылар. Тәкый мөселманлыкга буйун күйүб, пәйгам-бәрнең шәригате берля гамәл кыла башладылар*<sup>13</sup> (В этом месте душа мусульманского падишаха наполнилась светом и в 694 году он направился к шейхзаде Садр ад-дину Хамави. Перед ним вместе с беками присягнули исламу. Посветив свою жизнь исламу, начали действовать согласно шариату пророка. – перевод наш. – Л.Б.). Как повествует автор, после этого события Газан-хан стал действовать так, как повелевает пророк. Тем не менее в действиях Газан-хана относительно противников наблюдается двойственность. С одной стороны, он заключает мирный договор с Байду, который был скреплен со стороны хана Кораном, а стороны монголов – золотом, с другой стороны, сам же Газан-хан выступает нарушителем договора и собирает войско для нападения на Байду. В дальнейшем он предстает защитником мусульман, угнетаемых в Руме, Шаме и Сирии<sup>14</sup>. То есть подчеркивается роль ислама и его последователей в уничтожении неверных и таким образом маскируется основная политическая цель – захват территорий, имущества, распространения могущества. Но в то же время, показывается щедрость и дальновидность хана в сохранении и развитии религии и мусульманского образования, выраженная в строительстве и поддержке культовых зданий и медресе [11, с. 260–269].

Роль ислама в завоеваниях автор продолжает описывать в историях о походах Шейбани-хана. Автор сочинения для усиления своего сочинения прибегает к использованию прямой речи самого хана, который обращается к своим воинам во время похода.

Повествуя о завоеваниях Шахбахт-хана, автор приводит его высказывания относительно религиозной составляющей завоеваний. Эти высказывания были адресованы в первую очередь воинам, для которых главной мотивацией для участия в военных завоеваниях должен был стать ислам. Его мотивация борьбы с врагами была облачена в слова о неременном попадании в рай с перечислением всех сопутствующих благ. Возможно, что причиной таких воззваний стало то, что против него начали выступать военачальники, беки, срывая таким образом его завоевательные планы. Так, например, произошло во время осады им Везира, когда его военачальники подняли против него и ему пришлось отступить от намеченных планов по захвату города. Также беки и сардары, подняв мятеж, передали город Сыгнак одному из врагов Шейбани-хана [11, с. 8–9].

Причиной своих завоеваний Шайбани хан указывал негативные личностные качества человека, с которыми необходимо бороться, одно из которых – похоть – является злейшим врагом. Таким образом Шайбани хан использует подобную аллегорию для описания своих врагов, в частности, Тимуридов, и заявляет, что он используя мудрость, знания, ум, мышление объявляет им, т.е. негативным качествам войну: “*Шәһәвәт барҗәдин бу*

<sup>13</sup> British library. Or.3222. P.115r.

<sup>14</sup> British library. Or.3222. P.115r-115v.

*йаманрак дошман турур. ...Гыйлем вэ хикмэт вэ фикрэт вэ сакыл вэ рийазат берля ляхәүлә итеб, буларга оруш кылсаң, тәкый бу йагыларны зәбун кылсаң, Хак Тәгалә сиңа фирдәвес багыда жәннәтел-әшижар, тәхтел-әнһар рузи кылгай...*<sup>15</sup> (Похоть является самым злейшим врагом... Если будешь противостоять им с помощью знаний и мудрости, мысли, разума и аскетизма, ослабишь этих врагов, Всевышний удостоит райским садом с деревьями и реками. – перевод наш. – Л.Б.).

Отождествление отрицательных человеческих свойств с реальными врагами подтверждается дальнейшим высказыванием Мухаммада Шейбани-хана, характеризующим личности его противников: «*Солтан Гали мирза дигянемез нәфсе әммарә турур, Мөхәммәд Мәзид тәрхан вэ Бакый тархан дигянемез куваи шайтан турур*»<sup>16</sup> (Султан Гали мирза похотливый, Мухаммад Мазид тархан и Бакый тархан привержены шайтану. – перевод наш. – Л.Б.). И противостоять таким личностям необходимо только при помощи ислама: «*Бу йагыга ук кылыж бирля орушуб булмас, ля хәүл берля орушмак кирәк. Ходай носрәт бирәб, бу дошманларны басган кеше ике дөнъяның падишаһы турур*»<sup>17</sup> (Против них не получится сражаться луком и мечом, нужно сражаться со словом божьим. Всевышний дарует победу и тому кто победит этих врагом, сделает падишахом в обоих мирах. – перевод наш – Л.Б.). В награду же за борьбу с отрицательными качествами/противниками Шайбани хана была обещена высокая награда: «*Ул кешенең йирен Ходай дарен-нәгыйм итеб, жәвиданә мәкам кылгай*»<sup>18</sup> (Всевышний дарует этому человеку вечное изобилие/блаженство. – перевод наш. – Л.Б.).

Одновременно с призывом бороться с противниками и пороками при помощи ислама, Шайбани хан призывает жить по канонам ислама, приводя высказывания пророка Сулеймана и развивая свои мысли об этом между походами: «*намаз вэ тагәтдин калса, кеше берля орушса, булар хәрәм турур. Тәкый нәрдне кәйдудин [хәйләлән] уйнаса, ашукны [игральные кости] кирүдин уйнаса, хәрәм турур. Тәкый укны кирүдин атса, хәрәм турур, мәгәр бу нийәт берля кем кяферляр берля орушуб газат кылмак өжсүн вәржшиш [тырышлык] кылмыш булса, йахшы турур*»<sup>19</sup> (Оставить намаз и покорность, брань с людьми – это харам. Играть в нарды с обманом, играть в кости – это харам. Повторно стрелять из лука – харам, если же это было сделано в целях борьбы с неверными – хорошо. – перевод наш. – Л.Б.).

В целом, следование шариату для Мухаммада Шейбани было не менее важным, как и причисление себя династии Чингизидов. Данный факт отражается в его газели, которую он произнес на праздновании после взятия Самарканда в 1501 г. На пиршестве ученые и авторитетные мужи спросили у него, к кому он себя причисляет как завоевателя, к Чингизидам или Тимуридам, на что он объявил себя продолжателем дела пророка Мухаммада в

<sup>15</sup> British library. Or.3222. P.123r.

<sup>16</sup> British library. Or.3222. P.131r.

<sup>17</sup> British library. Or.3222. P.131r.

<sup>18</sup> British library. Or.3222. P.131r.

<sup>19</sup> British library. Or.3222. P.132r.



борьбе против «неверных». Потому все его победы произошли благодаря милости Аллаха [11, с. 123, ۳۱۸].

Таким образом, исходя из текста сочинения, можно сказать, что роль мусульманской религии в «Таварих-и гузида Нусрат-наме» отражена согласно цели произведения, заключающейся в закреплении победных шествий и могуществе хана. Так, в первой и второй части сочинения, которая была переписана у Рашид ад-дина, ислам выступает как созидаящая и объединяющая сила. В дальнейшем, в третьей части, роль ислама меняет свой характер, становится более агрессивной, поскольку с помощью религии оправдываются завоевательные походы Шейбани-хана, в результате которых погибает большое количество людей. Но в тоже время следует отметить мотивационный характер религиозных диспутов Шейбани-хана, благодаря которым он старался привлечь на свою сторону больше единомышленников и важную роль при этом играют и морально-этические нормы ислама.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимджанова С.А. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1957. 94 с.
2. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: издательство «Наука», 1965. 194 с.
3. Маликов А.М., Торланбаева К.У. Некоторые особенности культурной идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413
4. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: издательство «Наука» Казахской АССР, 1969. 651 с.
5. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М., 2011. С. 228–248.
6. Почекаев Р.Ю. Нетипичные источники судебных решений правителей государств Центральной Азии XVI–XIX вв. // Письменные памятники Востока, 2021, том 18, № 1 (вып. 44). С. 62–73. DOI: 10.17816/WMO58499
7. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга 1. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 220 с.
8. Сабитов Ж.М. Таварих-и гузида-йи нусрат нама как источник по генеалогии джучидов // Золотоордынская цивилизация. 2009. №2. С. 108–116.
9. Сабитов Ж.М. Таварихи Гузидаи Нусрат-наме и Бахр ал Асрар: сравнительный анализ данных по генеалогиям джучидов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 3. С. 133–136.
10. Сабитов Жаксылык. Роман Рева. Сравнение сведений «Муизз ал-Ансаб» и «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» о ханах Улуса Джучи с данными нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2016. №1. С. 102–114.
11. Таварих-и гузида – Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филологических наук А.М.Акрамова. Ташкент, 1967. 128+ε۷◊

12. Турсунов С.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 304 с.

**Сведения об авторе:** Лилия Фаритовна Байбулатова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: bayli77@mail.ru

Поступила 18.04.2022 Принята к публикации 24.08.2022  
Опубликована 29.09.2022

## REFERENCES

1. Azimdzhanova S.A. *On the history of Fergana in the second half of the 15th century*. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1957. 94 p. (In Russian)
2. Akhmedov B.A. *State of nomadic Uzbeks*. Moscow: Nauka publishing house, 1965. 194 p. (In Russian)
3. Malikov A.M., Torlanbayeva K.U. Some features of the Cultural Identity of Shaybani Khan and the Monumental Construction in Samarkand at the Beginning of the Sixteenth Century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413 (In Russian)
4. Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV–XVIII centuries. Extracts from Persian and Turkic writings. Alma-Ata: publishing house "Nauka" of the Kazakh ASSR, 1969. 651 p. (In Russian)
5. Mustakimov I.A. Information from "Tavarikh-i Guzida – Nusrat-name" about the possessions of some Jochids. *Tyurkologicheskii sbornik 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection 2009–2010: Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the Middle Ages] / Ed. count S.G. Klyashtorny (prev.), T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov. Moscow, 2011, pp. 228–248. (In Russian)
6. Pochekaev R.Yu. Atypical sources of judgments rulers of the states of Central Asia in the 16<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> centuries. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the East]. 2021, vol. 18, no. 1 (issue 44). pp. 62–73. DOI: 10.17816/WMO58499 (In Russian)
7. Rashid ad-din. *Collection of annals*. Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. 220 p. (In Russian)
8. Sabitov Zh.M. Tavarikh-i guzida-yi nusrat nama as a source on the genealogy of the Jochid. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2009, no. 2, pp. 108–116. (In Russian)
9. Sabitov Zh.M. Tavarikhs Guzidayi Nusrat-name and Bahr al Asrar: Comparative analysis of data on the genealogies of the Jochid. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archeology of Western Kazakhstan]. 2012, no. 3, pp. 133–136. (In Russian)
10. Sabitov Zhaksylyk. Roman Reva. Comparison of the information "Muizz al-Ansab" and "Tavarikh-i Guzida-yi Nusrat-name" about the khans of the Ulus Jochi with numismatic data. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1. pp. 102–114. (In Russian)

11. Tavarikh-i guzida – Nusrat-name. Research, critical text, annotated table of contents and table of summary tables of contents of the candidate of philological sciences A.M. Akramov. Tashkent, 1967. 128+<sup>1</sup>° (In Russian)

12. Tursunov S.I. Mirror of past centuries. Historical book in the culture of Central Asia in the XV–XIX centuries. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2005. 304 p. (In Russian)

**About the author:** Liliya F. Baybulatova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: bayli77@mail.ru

*Received April 18, 2022 Accepted for publication August 24, 2022  
Published September 29, 2022*

**МАТЕРИАЛЫ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА  
ЛИТОВСКОГО С КРЫМСКИМ И КАЗАНСКИМ ХАНСТВАМИ  
1537–1538 ГГ. ИЗ АРХИВА РАДЗИВИЛЛОВ**

**С.В. Полехов<sup>1</sup>, М.В. Моисеев<sup>2,3</sup>**

<sup>1</sup> Школа актуальных гуманитарных исследований  
Института общественных наук Российской академии народного  
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ  
Москва, Российская Федерация  
sergey.polekhov@gmail.com

<sup>2</sup> Московский педагогический государственный университет  
Москва, Российская Федерация

<sup>3</sup> ГБУК «Музейное объединение «Музей Москвы»  
Москва, Российская Федерация  
maks-moisee@yandex.ru

*Цель исследования:* осуществить источниковедческое исследование и публикацию послания казанского хана Сафа-Гирея, приложенного к письму короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Старого панам раде Великого княжества Литовского от 8 ноября 1538 г., установить его датировку и выяснить исторический контекст.

*Материалы исследования:* копии посланий, хранящиеся в коллекции Игнатия Онацевича в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинском доме) в Санкт-Петербурге; опубликованные вспомогательные материалы из архивов и библиотек Варшавы и Кракова.

*Результаты и научная новизна:* установлено, что послание Сафа-Гирея Сигизмунду Старому, находившееся в архиве Радзивиллов, а ныне хранящееся в коллекции Игнатия Онацевича, отправлено весной-летом (ранней осенью?) 1538 г. Ему предшествовал ряд посланий хана королю, написанных на протяжении 1537 г. (эта датировка дополнительно обоснована) в обстановке войн Русского государства с Великим княжеством Литовским (Стародубская война) и Казанским ханством, а также внутривосточной борьбе в Крымском ханстве, которые ныне хранятся в Варшаве и Кракове. Тексты обоих посланий из коллекции Игнатия Онацевича публикуются впервые.

**Ключевые слова:** Архив Радзивиллов, Великое княжество Литовское, Казанское ханство, Крымское ханство, Русское государство, Сафа-Гирей, Сигизмунд Старый

**Для цитирования:** Полехов С.В., Моисеев М.В. Материалы о взаимоотношениях Великого княжества Литовского с Крымским и Казанским ханствами 1537–1538 гг. из архива Радзивиллов // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.612-628 EDN: CGNAUF

**Благодарность:** Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

**MATERIALS ABOUT THE RELATIONS OF THE GRAND DUCHY  
OF LITHUANIA WITH THE CRIMEAN AND KAZAN KHANATES  
IN THE YEARS 1537–1538 FROM THE RADZIWIŁL ARCHIVE**

*S.V. Polekhov*<sup>1</sup>, *M.V. Moiseev*<sup>2,3</sup>

<sup>1</sup> *School of Advanced Studies in the Humanities,  
Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy  
of National Economy and Public Administration  
Moscow, Russian Federation  
sergey.polekhov@gmail.com*

<sup>2</sup> *Moscow State Pedagogical University  
Moscow, Russian Federation*

<sup>3</sup> *Museum Association “Museum of Moscow”  
Moscow, Russian Federation  
maks-moisee@yandex.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* This article offers a source study and an edition of the missive of Khan Safa Giray of Kazan attached to the letter of King of Poland and Grand Duke of Lithuania Sigismund the Old (Zygmunt Stary) which he composed to the Council of Lords of the Grand Duchy of Lithuania on November 8, 1538. The research aims to contextualize the khan’s missive and to establish its date.

*Research materials:* The copies of the letters preserved in the collection of Ignacy Onacewicz in the Institute of Russian Literature (Pushkin House) in St. Petersburg, as well as published subsidiary materials from the archival and library collections of Warsaw and Cracow.

*Results and novelty of the research:* It is established that Safa Giray’s missive to Sigismund the Old, once kept in the Radziwiłłs’ archive, and now in Ignacy Onacewicz’s collection, was sent in the spring or summer/early autumn of 1538. It was preceded by a series of the khan’s missives to the king written during the year 1537 (this dating is substantiated) in the larger context of wars of the Russian State with the Grand Duchy of Lithuania (the Starodub War) and the Kazan Khanate, as well as the internal struggle in the Crimean Khanate. These missives are now preserved in Warsaw and Cracow. The texts of both missives from Ignacy Onacewicz’s collection, the khan’s missive to the king, and the king’s missive to the Council of Lords, are published for the first time.

**Keywords:** Radziwiłł archive, Grand Duchy of Lithuania, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Russian state, Safa Giray, Sigismund the Old (Zygmunt Stary)

**For citation:** Polekhov S.V., Moiseev M.V. Materials about the relations of the Grand Duchy of Lithuania with the Crimean and Kazan Khanates in the years 1537–1538 from the Radziwiłł archive. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.612-628 (In Russian)

**Acknowledgements:** The article was prepared within the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

В последние годы в научный оборот активно вводятся новые материалы по истории татарских ханств первой половины XVI в. и их взаимоотношений с другими государствами Восточной Европы – Русским государством, а также

Польским королевством и Великим княжеством Литовским, объединённым в то время личной унией. При этом историки обратили пристальное внимание на исторический архив Радзивиллов, вобравший в себя государственный архив Великого княжества Литовского. Большая часть материалов архива Радзивиллов, посвящённых политическим вопросам, оказалась в варшавском Главном архиве древних актов, но некоторые обнаруживаются и в других собраниях, таких как краковская Библиотека кн. Чарторыйских или Библиотека Польской академии наук в Курнике. Эти собрания относительно хорошо известны специалистам по истории Великого княжества Литовского, которые вводят их материалы в научный оборот: для татарской тематики необходимо отметить прежде всего публикации Ю.М. Эскина и И. Грали, а также К. Ю. Ерусалимского [30; 9], для московской – А. Рычкова [25]. Между тем на периферии исследовательского внимания пока остаётся другой небольшой, но ценный осколок Радзивилловского архива, оказавшийся в коллекции Игнатия Жеготы Онацевича (1780–1845) и хранящийся ныне в Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук в Санкт-Петербурге. Одно из посланий крымского хана Менгли-Гирея I Юрию Николаевичу Радзивилу<sup>1</sup>, занимавшему тогда должность киевского воеводы, издано в недавней публикации; там же кратко освещена история собрания Онацевича [19]. Настоящая публикация служит продолжением указанной работы. Её цель – ввести в научный оборот два послания по истории взаимоотношений Великого княжества Литовского с Крымским и Казанским ханствами: письмо казанского хана Сафа-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Старому (с приложенной к нему краткой заметкой о содержании ещё одного письма), а также письмо последнего панам раде Великого княжества Литовского от 8 ноября 1538 г.

Следует отметить, что «Tatařica» коллекции Онацевича этим не исчерпывается: в ней имеются также послания короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Старого из Кракова панам раде Великого княжества Литовского от 3 и 14 мая 1539 г.<sup>2</sup>, первое из которых опубликовано по списку в Литовской метрике [3, № X, с. 17–20]. К ним содержательно примыкает послание того же правителя литовским советникам от 23 апреля 1539 г., сохранившееся в конволюте краковской Библиотеки кн. Чарторыйских<sup>3</sup>, охарактеризованном ранее [9, с. 867–871].

На происхождение всех этих материалов из Радзивилловского архива указывают проставленные на них старые сигнатуры. Все они хранились в отделе «публичных дел» (“*spraw publicznych*”), причём материалы 30-х годов XVI в. – в одном и том же 4-м фасцикуле (под № 11, 14 и 23), откуда происходили и материалы, опубликованные И. Гралей (под № 3) и К. Ю. Ерусалимским (под № 7, 10, 31)<sup>4</sup>. Обращает на себя внимание довольно хорошая сохранность корреспонденции Юрия Николаевича Радзивила «Геркулеса», с

<sup>1</sup> О формах фамилии *Радзивил/Радзивилл*, первая из которых более характерна для старобелорусской/староукраинской традиции, а вторая несёт на себе отпечаток полонизации, но сильнее укоренилась в русскоязычной литературе, см.: [19, с. 722, прим. 1].

<sup>2</sup> ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Древлехранилище. Оп. 50. Папка 12д. № 12а, 12б.

<sup>3</sup> Biblioteka XX. Czartoryskich. Rkps 2893. S. 123–126.

<sup>4</sup> В этой публикации отмечены и другие материалы, происходящие из того же фасцикула (№ 13, 16, 17, 24 и 29). См.: [9, с. 869].

1522 г. занимавшего должность каштеляна трокского, а с 1527 г. – каштеляна виленского, одного из ведущих политиков Великого княжества Литовского первой половины XVI в. Причём речь идёт не только о входящей корреспонденции, адресованной вельможе, но и об исходящей от его имени, как в случае сохранившегося в черновике послания Сигизмунду Старому 1526 г. [25]. Эта сохранность, а также целенаправленное копирование корреспонденции (см. ниже прил. № 2) и сохранение таких копий – свидетельства заботы литовского сановника о своём архиве, причём не только в «имущественной», но и в «политической» части.

Интерес публикуемых ниже материалов связан как с их содержанием, так и с составом подборки, в которой они сохранились. Благодаря тому, что послание казанского хана было приложено к письму польско-литовского правителя и переписано вместе с ним, удаётся достаточно надёжно датировать и его, и упоминаемые в нём предыдущие послания. Важность решения последней задачи связана с тем, что датировка этих посланий оказалась предметом дискуссии. Речь идёт о комплекте писем казанского хана Сафа-Гирея, который сохранился в списках в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD, AR, II, 3294)<sup>5</sup>. В первом из них говорится о воцарении Сафа-Гирея в Казани и недавнем походе на Русское государство, во втором же хан просит прислать ему тысячу золотых. И. Граля и Ю.М. Эскин датировали их зимой – весной 1537 г. [30, s. 191–211]. Им попытался возразить К. Ю. Ерусалимский: он отнёс первое из названных посланий к 1524 г. [9, с. 877–878], как и ещё одно послание Сафа-Гирея Сигизмунду Старому, обнаруженное им в сборнике краковской Библиотеки кн. Чарторийских № 2893, которое он и опубликовал<sup>6</sup>.

Вполне можно согласиться с наблюдением К. Ю. Ерусалимского о том, что в опубликованном им кратком послании и первом послании «варшавской подборки» много общего. Оба они отправлены с послом Сафа-Гирея Богушем, можно отметить и почти дословное текстуальное совпадение (впрочем, не исключено, что оно стало плодом работы по переводу посланий, если они были написаны на татарском). Совпадает даже водяной знак бумаги («Кабан»), который издатели обоих комплексов идентифицируют с приведённым в справочнике Э. Лауцявичюса под № 3666 (1535 г.) [30, s. 202; 9, с. 869, 872–873]. Аргументы против отнесения послания Сафа-Гирея к 1524 г. уже излагались в другом месте [15, с. 35]. Публикуемое же в настоящей работе письмо Сафа-Гирея, которое довольно точно датируется благодаря сопроводительному посланию Сигизмунда Старого панам раде от ноября 1538 г., окончательно заставляет принять датировку, предложенную И. Гралей, – 1537 г. – и отнести послание казанского хана из сборника Библиотеки Чарторийских № 2893 примерно к тому же времени. Дело в том, что первое, наиболее обширное из посланий «варшавской подборки» упомянуто как недавнее в самом начале пуб-

<sup>5</sup> Подробный разбор точек зрения историков на состав и датировку этого комплекса документов и историографию вопроса см.: [9, с. 874–876; 15, с. 33–36].

<sup>6</sup> Публикация: [9, с. 898, 906–907]. Здесь заголовок следующего письма № IV («То лист от короля его милости писанный до царя перекопского и послан с Кракова толмачом Хаиком») ошибочно отнесён к концу № III. Его правильное расположение в публикации позволило бы подтвердить датировку № IV, предложенную К. Ю. Ерусалимским (конец декабря 1537 г. – начало января 1538 г., см. с. 879): пребывание Сигизмунда Старого в Кракове фиксируется с 1 октября 1537 г. по 7 января 1538 г. [31, s. 266].

ликуемого ниже ханского письма. Здесь говорится, что хан сообщил королю подробности похода на Московское великое княжество «через слугу [сво]его Богуша и через толмача вашего Аревдея». Оба они упоминаются в первом письме варшавской подборки: сначала господарский толмач, имя которого здесь передано в форме «Афендей» [30, s. 206], а ближе к концу – ханский «подскарбий» Богуш [30, s. 207 і ргзур. 9]. Упомянуто в нём и второе послание: в конце письма хан повторяет просьбу прислать тысячу золотых. Наконец, в самом конце обнаруживается приписка о послании «пану виленскому» Юрию с просьбой о татарине по имени Кандырча. «Пан виленский» – это виленский каштелян, которым в 1527–1541 гг. был Юрий Николаевич Радивил (Геркулес) [32, № 371, s. 109]. Это перекликается с одним из писем «варшавской подборки», где говорится, в частности, о содержащемся у Юрия Николаевича, также бывшего старостой городенским, татарине по имени Кучурча. Общность упоминаемого лица и тематики выдачи пленного, за которого ходатайствовал казанский хан, заставляет предположить, что Кандырча и Кучурча – формы одного имени, исказившегося в процессе переводов и переписывания. Итак, можно заключить, что из посланий казанского хана, составивших некогда единый архивный комплекс (к настоящему времени разрозненный), первым – очевидно, поздней зимой или весной 1537 г. – было написано «краковское», в котором немногословно сообщается о походе хана и его союзников на московские земли; за ним очень скоро последовали три «варшавских» послания, в которых упоминается тот же посол Богуш и просьба прислать 1000 золотых для компенсации расходов Сафа-Гирея (и ещё восемь писем, очень кратко отмеченных в конце списка); наконец, последним стало послание казанского хана, публикуемое ниже. В нём не указана дата, она может быть установлена лишь косвенно, на основании того факта, что Сигизмунд переслал его панам раде в Литву в ноябре 1538 г. Последняя дата не вызывает сомнений, поскольку с нею согласуются и 12-й индикт, и место пребывания господаря – Краков. На первый взгляд такая задержка в переписке вызывает удивление. Чтобы объяснить её, обратимся к историческому контексту публикуемых посланий, который реконструируется следующим образом<sup>7</sup>.

В последние годы жизни великого князя Василия III Московскому государству удалось установить контроль над Казанским ханством. 10 июля 1530 г. под Казанью состоялось решающее сражение, в котором рать хана Сафа-Гирея была разгромлена русскими полками. Пал острог по Булаку, начался обстрел Казани. В этих условиях казанцы попросили перемирия [22, с. 48]. Уже осенью 1530 года в Москву приехала представительная казанская делегация: Табай-бек, Тевеккель-бек и Ибрахим-бакшей. Итогом переговоров стало шертование послов и подготовка шерти для присяги хану, бекам и «всей земли Казанской людем». В январе 1531 г. с этими записями в Казань был направлен русский посланник И.В. Полев, сами же казанские послы были оставлены в Москве. 26 марта 1531 г. в Москву от Полева прибыл сын боярский Сура Нехаев с сообщением, что хан Сафа-Гирей отказался шертовать и не сдал русским пищали. С Нехаевым приехал ханский гонец Мердень. В своем послании Сафа-Гирей настаивал на том, чтобы великий князь отпус-

<sup>7</sup> Подробно дипломатические маневры Сафа-Гирея и казанской знати в 1530-е гг. рассмотрены в работе: [15].



тил ханских послов, отдал захваченные под Казанью артиллерийские орудия и освободил плененных казанцев. При выполнении этих условий русской стороной хан был согласен на шертование [22, с. 54]. Поведение хана возмутило русскую сторону, и на переговорах между Ф. И. Карповым и дьяком Меньшим Путятиным с Табаем-беком «съ товарищи» прозвучали слова обвинения в невыполнения возложенных на себя обязательств. В свою очередь казанский большой посол Табай-бек обвинил русских, что они отправили войска на Казань. Именно поэтому хан отказался исполнять условия шерты. Затем Табай сообщил, что «... въ Казани людей добрыхъ мало», а оставшиеся «люди мѣлькіе», не смогут защитить казанскую землю и поэтому «люди всѣ въ розни; а въ страхованіи въ великомъ люди сшаталися, и наша мысль не иметь» [22, с. 55]. После этого Табай в своей речи возлагал ответственность за срыв договоренностей на ногаев и крымцев, окружавших хана. Завершая свою речь, казанский сановник сообщил, что в Казани совсем не против, если Василий III пришлет другого хана. После этого переговоры с казанским посольством приобрели иной характер. Итогом этого раунда переговоров стало решение возвести на казанский престол Шах-Али. Был разработан план, в рамках которого его должны были направить в Васильгород (Васильсурск) вместе с послами и казанским полоном [22, с. 55–56]. 10 декабря 1531 г. после совещания с боярами великий князь отправил Шах-Али и казанских послов в Нижний Новгород [22, с. 56]. 17 мая 1532 г. стало известно о попытке казанского хана убить посла Ивана Полева и вмешательстве казанской знати. В это время казанские нобили уже получили грамоты от Табай-бека с товарищами, что предотвратило расправу над русским дипломатом. 19 мая 1532 г. в Москву из Казани приехали гонцы с посланиями от Гаухаршад-ханике, Кичигали-мирзы, Булат-бека, огланов и «всей Казанской земли». Они сообщали о смещении Сафа-Гирея и просили прислать на казанский престол не Шах-Али, а его брата Джан-Али. Великий князь Василий III это предложение принял благосклонно и отозвал Шах-Али в Москву. В Нижнем Новгороде состоялся ритуал приведения к шерты царевича Джан-Али, который после этого в окружении казанских послов и русских сопровождающих направился в Казань. 29 июня 1532 г. он был торжественно возведен на казанский престол [21, с. 277; 22, с. 57]. 22 февраля 1533 г. в Москву прибыло казанское посольство, которому удалось добиться от великого князя Василия III разрешения оставить в Казани городскую артиллерию [22, с. 68], а 6 июня 1533 г. в Москве уже было новое посольство с просьбой разрешить брак Джан-Али с дочерью ногайского мирзы Юсуфа. 10 августа 1533 г. посольство отправилось домой с полученным разрешением [22, с. 69]. Вплоть до конца 1534 г. ногаи поддерживали нового казанского хана, угрожая казанцам в случае его изгнания военной поддержкой московского ставленника. Однако уже в 1535 г. настроения части ногайской знати переменились. Дочь Юсуфа Сююнбике отправила к отцу посланника. От него он узнал, что Джан-Али ее не любит, тогда разгневанный отец потребовал от казанцев изгнать зятя и отослать ему его дочь [18, с. 128, 129, 150]. 25 сентября 1535 г. молодой супруг был убит, а на казанский престол вновь взошел крымский султан Сафа-Гирей [22, с. 88]. Русско-казанская война началась снова. С января 1536 по январь 1537 гг. казанцы совершили серию походов на муромо-нижегородские земли, подвергая их разорению, при этом они не тратили время на осады и, получая

сведения о подходе дополнительных русских отрядов, тут же отступали [22, с. 88–90; 27, с. 285]. Марк Левкеинский указывал на всеобщий характер сопротивления русским в Среднем Поволжье и отмечал, что хан Сафа-Гирей пошел на «Московскую страну, и плиниша многие веси и села, даж до Новогорода до Нижнего и до Мурома» [11, с. 14]. Сафа-Гирей в своем послании к польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Старому (см. ниже прил. № 1) сообщал, что зимой 1537 г. вместе с ногайскими мирзами подверг разорению московскую землю вплоть до Мещеры к Мокше. В официальном летописании этот поход датируется 15 января 1537 г., основное направление удара пришлось на Муром. Хотя город взять приступом казанцам не удалось, но многие волости подверглись разорению [22, с. 116; 12, с. 223]. В послании Сафа-Гирея упоминаются как активные участники нападения на Московское государство ногайские мирзы «Дчан Туган мурза, Орусак мурза» и Мамай-мирза. Мамай, будучи тестем хана Сафа-Гирея, в 1530-е гг. занимал последовательную антироссийскую позицию, участвуя в нападениях на московские границы и отказываясь поддерживать с русскими дипломатические отношения. В октябре 1537 г. Мамай, занявший в иерархии Ногайской Орды позицию калги (наследника престола), из-за «гнева» на великого князя в Москву послов не послал [18, с. 199]. Возможно, отголоски похода января 1537 г. содержатся в послании кочевавшего на правом берегу Волги Урак-мирзы, в котором он сообщал, что удержал нескольких людей от похода на русские земли [18, с. 203].

Хотя Сафа-Гирей в своем послании рисовал этот поход как весьма успешный и поддержанный ногаями, в реальности успех был сомнительный. Уже осенью 1537 г. значительная часть ногайской аристократии выступала за мирные отношения с Московским государством. А упорно отстаивающий интересы продолжения войны Мамай лишился статуса ногайского калги [18, с. 199, 203]. Общей антимосковской коалиции у казанского хана не получилось. Раньше ногаев от возможного союза откололись астраханцы. 30 августа 1537 г. в Москву из Астраханского ханства прибыло астраханское посольство с предложением мирных и союзных отношений [22, с. 120]. Последней надеждой для Сафа-Гирея-хана оставалось Крымское ханство. В ноябре 1537 г. крымский хан Сахиб-Гирей вмешался в русско-казанское противостояние и попытался оказать на великого князя Ивана IV Васильевича давление, чтобы принудить его к восстановлению мирных отношений с Казанью<sup>8</sup>. Посредничество Сахиба возымело действие. 22 февраля 1538 г. из Москвы в Казанское ханство отправили Гордея Брейцина с человеком Сахиб-Гирея – Телевлю [22, с. 122], о чем уведомляли крымского хана<sup>9</sup>. 10 марта 1538 г. Брейцин вернулся в Москву с казанским послом Хусейн-беком с мирными предложениями [22, с. 122–123].

Однако это не означало, что на русско-казанском порубежье воцарился мир. В Псковской I летописи, житии Феодосия Тотемского, в кратком сказании о Ниле Сорском из собрания И. Н. Царского, а также в летописных заметках северных обитателей в сборнике XVII в. сохранились сообщения о казанских вторжениях зимой 7046 г. [16, с. 50; 2, с. 1; 13, с. 308–310, 603; 20,

<sup>8</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 419 – 421 об. О посредничестве Сахиб-Гирея см.: [22, с. 121].

<sup>9</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 479 – 481 об.

с. 302]. Не так давно А. Г. Бахтин обратил внимание на эти сообщения. Автор отметил, что эти нападения затронули Нижегородчину и докатились до р. Комелы на Вологодчине, до которой, по его словам, дошла «большая татарская рать». Исследователь пишет об этих вторжениях как об очень значительных и имеющих угрожающих характер. Впрочем, крупные города оказались в безопасности: до Вологды враги не дошли, а под Костромой казанцев разбили [4, с. 261–262]. Надежно сузить хронологический период зимы 7046 г. не представляется возможным, но можно предположить, что это вторжение происходило между декабром 1537 и мартом 1538 г.

Вскоре после этого и было написано публикуемое послание хана Сафа-Гирея. В этой грамоте Сафа-Гирей представляет конфликт с Москвой как почти выигранный им, рисует широкую поддержку своей политики ногайскими мирзами и представляет ее как элемент сдерживания Московского государства в его конфликте с Великим княжеством Литовским. Хан сообщает о посольстве Ивана IV, уведоившем его о московско-литовском перемирии (что указывает на весну 1538 г. как *terminus non ante quem* послания); здесь фактически читается упрёк королю польскому и великому князю литовскому в том, что тот заключил перемирие, не скоординировав действий с ханом: «Намъ от вас жадных речей не слышавши...» Вполне вероятно, что хан узнал о московско-литовском перемирии ранее; создаётся впечатление, что много времени ушло на то, чтобы определиться с позицией в условиях, когда один из важнейших союзников, отвлекавший на себя силы противника, оказался вне игры. Впрочем, цели послания заметно скромнее, чем могло ожидать. Сигизмунд уже заключил перемирие с Иваном, и казанский хан не предлагает совместных действий против «московского», а повторяет более ранние просьбы – прислать ему тысячу золотых и освободить Кандырчу.

Когда составлялось последнее ханское послание, Сигизмунд Старый уже выполнил его просьбу, отправив ему тысячу золотых. Однако дело приняло непредвиденный оборот: толмач, ехавший с внушительной суммой в Казань через Крымское ханство, был задержан крымским ханом, который забрал деньги себе. При атрибуции личности этого персонажа нам необходимо учитывать сложную внутривосточную ситуацию в Перекопской Орде. Дело в том, что в 1534–1537 гг. шла напряженная борьба за власть между Сахиб-Гиреем и Ислам-Гиреем. Только к сентябрю 1535 г. соперникам удалось договориться и Ислам-Гирей, получив титул калги, уступил ханский трон Сахибу. Этот акт был признан в Москве<sup>10</sup>. Однако примирение это не было искренним. В конце октября 1535 г. Ислам сообщал в Москву о недружественных действиях своего конкурента и, как кажется, предпочитал более активное сближение с Русским государством, которое должно было стать противовесом османскому сближению<sup>11</sup>. В июле 1536 г. он направил представительное посольство в Москву. В посольство входили, помимо главы миссии Бачак-бека кията, тесть Ислам-

<sup>10</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 217 – 218 об.

<sup>11</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 226 об. – 227 об. Об антиосманских настроениях лучше всего свидетельствуют следующие слова послания Ислам-Гирея: «Про Хандькерея вести похочешь уведати – и он как пошел назад и Кызылбаш его побил и много истомил, и мы ся о том порадовали, а ты б ся о том порадовал же» (Там же. Л. 227 об.).

Гирея, теть<sup>12</sup> Еди-оглан и бакши Акмола. Такой состав миссии позволял принимать важные решения, что и произошло. Согласно летописным источникам, представители Ислам-Гирея заявили о желании своего господина заключить союз с Иваном IV против Сафа-Гирея [23, с. 440–441]. В декабре 1536 г. Ислам писал в Москву, что он планирует «зимовати... на Днепру, а в мысли у меня, что твоему недругу литовскому недружба чинити»<sup>13</sup>. В марте 1537 г. Ислам сообщал, что на его кочевки приходил Сахиб-Гирей. Сначала Сахибу сопутствовала удача, но потом Ислам смог дать отпор, однако все же был вынужден со своими людьми откочевать на Днепр. В это время он пытался сколотить союз против Сахиб-Гирея и просил у Ивана IV легкие пушки-зарбузаны, уверяя, что волошский господарь его союзник и уже прислал два орудия<sup>14</sup>. Следующие послания им были написаны в июле 1537 г., а последние грамоты были доставлены в августе 1537 г.<sup>15</sup> В официальной летописи сообщается, что 22 июля 1537 г. в Крым было отправлено русское посольство, которое сопровождал Бачак-бек, перешедший в службу к Сахиб-Гирею. Во время их следования в ханство на Ислам-Гирея напал Баки-бек мангыт и убил его и захватил в плен известного авантюриста князя С. Ф. Бельского [22, с. 119]. В. Д. Смирнов датировал это событие весьма широко – 1537 годом [26, с. 306], В. В. Трепавлов аккуратно датирует это событие летом 1537 г. [28, с. 227], а Олекса Гайворонский датирует убийство августом 1537 г. [5, с. 199], И.В. Зайцев также склонен датировать эту акцию временем около августа [10, с. 310]. В посольской документации же зафиксировано, что сведения о смерти Исмаила Москвы достигли в ноябре 1537 г.: из Крыма – 26 ноября<sup>16</sup>, а из Ногайской Орды – 27 ноября [18, с. 265]. В Тарихи Сахиб-Гирей хан также отсутствует точная дата, а только сообщается, что все это было весной [1, с. 187]. Исходя из отмеченного, можно принять дату после 22 июля и до сентября 1537 г. Подобное внимание к деятельности Ислам-Гирея, особенно в последний год его жизни, объясняется тем, что именно он, кочевавший по Днепру, мог перерезать пути коммуникации между Великим княжеством Литовским, Крымским ханством и Казанью. Учитывая его борьбу с Сафа-Гиреем и Сахиб-Гиреем, логично предположить, что тем крымским ханом, который перехватил эту тысячу золотых оказался Ислам-Гирей. Произойти же это могло в промежутке времени между декабрем 1536 г. и июлем 1537 г. В результате Сигизмунд Старый оказался в щекотливом положении, поскольку к ноябрю 1538 г. оба хана, крымский Сахиб-Гирей и казанский Сафа-Гирей, были его союзниками. Отправить ли Сафа-Гирею ещё тысячу золотых? Направить с нею нового толмача<sup>17</sup> или добиться проезда того, которого Сахиб-Гирей задержал в Крыму? Решение этих вопросов господарь фактически возложил на литовскую раду, чему и посвящено его послание от 8 ноября 1538 г.

<sup>12</sup> Теть – второе лицо в посольстве, близкое к племенной аристократии и самим Чингизидам.

<sup>13</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 307 об.

<sup>14</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 316 об. – 320 об.

<sup>15</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 338 – 339, 342 – 343 об.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 416.

<sup>17</sup> Согласно публикуемому посланию, эта миссия была возложена на толмача Кулзумана – очевидно, имеется в виду Кутлу Зуман Молодой из рода князей Юшинских. Его посольство в Крым известно по материалам Литовской метрики [14, с. 11–12].

Подводя итог, представим в сжатом виде последовательность посланий Сафа-Гирея, некогда составлявших единый комплекс в архиве Юрия Николаевича Радивиля и его потомков, а впоследствии разделённых между Варшавой, Краковом и Петербургом. Хотя установить абсолютную хронологическую дату удалось не для всех посланий, весьма надёжно вырисовывается их относительная хронология<sup>18</sup>:

1. [Зима – весна 1537 г.]. – Послание с кратким сообщением о походе Сафа-Гирея и его союзников на земли Московского государства, извещением об отправке к королю ханского посла, подскарбия Богуша, а перед ним – гонца Ядигаря [9, с. 898, 906–907].

2. [Зима – весна 1537 г.]. – Послание с подробной реляцией о походе Сафа-Гирея и его союзников на земли Московского государства, извещением об отправке к королю ханского посла Богуша и просьбой прислать королевского посла [30, с. 202–207].

3. [Зима – весна 1537 г. или позднее]. – Послание с просьбой вернуть Сафа-Гирею с его послом Богушем ханских подданных, содержащихся в плену у старосты городенского Юрия Николаевича Радивиля [30, с. 207–208].

4. [Весна 1537 г. или позднее?]. – Послание с сообщением о расходах на подмогу, присланную Сафа-Гирею от ногайского мирзы Мамая и астраханского хана, и просьбой прислать 1000 золотых для их компенсации [30, с. 207]<sup>19</sup>.

5. [Весна – лето (ранняя осень?) 1538 г.]. – Послание с напоминанием о военных действиях Сафа-Гирея и его ногайских союзников против Московского государства; с сообщением о посольстве от великого князя московского Ивана IV, уведомившем хана о заключении перемирия с Великим княжеством Литовским; с извещением об отправке к королю ханского гонца Гамзы и напоминанием о просьбах прислать 1000 золотых для компенсации расходов хана на войну с Московским государством (одновременно отправлено отдельное послание с напоминанием о просьбе вернуть хану его подданных, содержащихся в плену у старосты городенского Юрия Николаевича Радивиля) (см. ниже прил. № 1).

Тексты посланий публикуются по упрощённым («критическим») правилам. Вышедшие из употребления буквы заменяются на современные, за исключением «ѣ». Выносные буквы вносятся в строку, а сокращения раскрываются в соответствии с написанием, характерным для рукописей Великого княжества Литовского первой половины XVI в. (при этом в необходимых позициях привносится мягкий знак), – без оговорок. Правки в рукописи, ошибочные и необычные чтения отмечаются в археографических примечаниях. Деление на слова, предложения и абзацы, а также пунктуация – вводятся по смыслу и правилам современного русского языка<sup>20</sup>.

<sup>18</sup> При её выяснении, конечно, следует помнить, что хан и его приближённые одновременно могли отправлять господарю несколько посланий, посвящённых разным вопросам.

<sup>19</sup> Ср. другую версию датировки этого послания, предложенную ранее, и соответствующую аргументацию: [15, с. 35–36].

<sup>20</sup> Впрочем, иногда это деление во многом условно, особенно в послании № 1, что объясняется несогласованностью ряда фраз в процессе перевода и переписывания.

## 1

*[Весна – лето (ранняя осень?) 1538 г.]. – Казанский хан Сафа-Гирей – королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Старому: напоминает о своих совместных с ногайскими мирзами действиях против Московского государства; сообщает о посольстве от великого князя московского [Ивана IV], которое уведомило его о перемирии с Великим княжеством Литовским и предложило заключить мир с Казанским ханством; отправляет к Сигизмунду гонца Гамзу; повторно просит прислать ему 1000 золотых на выплаты союзникам; просит выдать своих «слуг». – В отдельном послании напоминает о просьбе выдать татарина Кандырчу, содержащегося в плену у каштеляна виленского Юрия [Миколаевича Радивиля].*

ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Дрвелехранилище. Оп. 50. Папка 8. № 16. Л. [1 об.] – [2] (номера листов в рукописи не проставлены). Описание см. ниже в легенде прил. № 2.

Царя [...] <sup>21</sup> Саха-Кирея слово Божью милостью королю польскому, великому князю [литовскому] <sup>22</sup>, рускому, прускому, жомоицкому, иных, чолом бьет.

Слово то есть наше, иж первой сего межи нами слова были правдивые и теперь на томь [...] тою <sup>23</sup>, иж неприятеля вашего и нашего московского панство воевали [...] казили <sup>24</sup>. И то все первой сего усказал до вас, отца нашего, через слугу [своего] Богуша и через толмача вашего Аревдея, который око-видца. И напотомки после у неприятельскую землю Московскую воевали, пленили, казили <sup>25</sup>, жгли, места ширей того не все преписати, можете добре о том ведати, слышати. А сее зимы прошлое, оземши Бога на помочь, з мурзы ногайскими Дчан Туган мурза, Орусакъ мурза, двадцать тысяч и иныши <sup>27</sup> мурзы з войском своим великим и теж тесть мой Мама мурза сорок тысяч, и з ним землю Московскую пленили туды к Мешеры <sup>28</sup>, к Мокши. И московский князь ко мне говцов <sup>29</sup> своих присылал, поведаючи, иж «и з королем есмо мир взяли, и ты з нами миръ озми». Ино, хвала милому Богу, ото всех сторон помочь и приязнь ся стала ку намъ, и он теперь з нами миритися хочет. Намъ от вас жадных речей не слышавши, з нимъ миру не взял, и то ми ся не видѣло, и вамъ теперь жо потреба речей своих и з нимъ провадити и миру и з нимъ не взяти. И тыхъ часов послал, здоровья вашего навежаючи, а свое оповедати; и вы доброго у гонцах Гамзу, и што он будет устне вам поведати, и вы бь верили, бо то суть речи наши. А што первой сего писали есмо в листе нашомъ через Богуша о тысячу золотых, и для той причины которые войско на помочь здалека приходить доводити сабли на неприятеля вашего и нашего, влани и

<sup>21</sup> Дыра (28 мм), по-видимому, читалось казанского.

<sup>22</sup> Дыра (32 мм), примерно посередине видны неразборчивые нижние части двух букв.

<sup>23</sup> Дыра (17 мм), примерно посередине видны верхние части букв – л или м и кружок, как у о или д или р (?).

<sup>24</sup> Дыра (14 мм).

<sup>25</sup> Первая и исправлена из а.

<sup>26</sup> Первая и исправлена из а.

<sup>27</sup> Так в рукописи, следует читать иныши.

<sup>28</sup> Так в рукописи.

<sup>29</sup> Так в рукописи, следует читать гонцов.

князи, ино на них есми должен остал, то будет знаме отцовское ку мне, сыну вашому, естли их пришлете.

При том теж тебе, отца нашего, жадаем о некоторых слуг своих, которые впали у земли вашей милости, на имя Магамет а Чакмат а Даньер<sup>30</sup>. А то бы ты, отец наш, рачил бы для жеданья нашего тых слуг моих гонцом моим тым мнѣ вспоминок прислати и для того неприятеля моего.

А при том теж пишет лист особый, просячи татарина ж на имя Кандырча у пана [Ю]рѣя<sup>31</sup>, пана виленского.

## 2

*1538 г. ноября 8. Краков. – Король польский и великий князь литовский Сигизмунд Старый – панам раде Великого княжества Литовского: пересылает послание казанского хана Сафа-Гирея,; напоминает, что тысяча золотых, которую просит прислать Сафа-Гирей, была ранее отправлена ему, но задержана крымским ханом вместе с толмачом; просит решить, отправить ли ему эту сумму повторно; просит составить ответ Сафа-Гирею в соответствии с решением, которое примут паны рада, и отправить хану с толмачом Кулзыманом.*

ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Древлехранилище. Оп. 50. Папка 8. № 16. Л. [1] – [1 об.]. Бумага (филигрань – Топор?), 22,1×31,6 см. Список. На листе бурые пятна от влаги.

*Заголовок:* Копея з листа королевского, писана ко всем паном радам Великого князства Литовского.

*Пометки на л. [2 об.]:* 1) Kopia listu od cara kazańskiego do krola Zygmunta o 1000 czerwonych, ktory krol do senatorow odsyła (в верхней половине листа, XVI в.); 2) № 14. Fasc: 4. Publicznych (в нижней половине листа).

Даем вашей милости ведати, иж тых часов царь козанский Сахя Кирей гонца своего к нам присылал и через него листъ свой до нас писалъ, с которого ж мы листу его велели копею списавши в сем нашем листе до вашей милости послати, а того гонца его восполкъ с послы царя<sup>32</sup> перекопского вжо есмо от нас отпустили, а так, штобы ваша милость з онога листу его зрозумевши и козали до царя козанского листы от нас справити, яко ся налепей вашей милости будет видети, и через того толмача Кулзымана, который теперь от нас до подскарбего земьского, маршалка и писара нашего пана Ивана Горностая по отправу послу нашему Михайлу Тишкевичу и себе теж поехал, до посла козанского послали. И то теж, абы ваша милость рачили бачити, иж што ся дотычь оных тысячи золотых черленых, о которых царь козанский теперь просячи пишет, ино кды первей того посол Богуш от него у посельстве к нам приходил, тогды мы восполкъ з нимъ толмача нашего отпустили и через тую тысячу золотых черленых, которую ся вашей милости на онъ час видело ему послати, до него послали; нижли царь перекопский того толмача нашего загововал и тыи золотыи от него до себе взял, котор[ы]и<sup>33</sup> жо и те-

<sup>30</sup> е правлена.

<sup>31</sup> Дыра (5 мм), восстановлено по смыслу.

<sup>32</sup> Далее зачёркнуто: тур.

<sup>33</sup> Дыра (5 мм), восстановлено по смыслу.

перь у-в Орде при после нашомъ есть. А так, шtbody ваш[ой милост]и<sup>34</sup> того помыслити, естли бы на оном поминку тисащи зол[отых другу]ю<sup>35</sup> первой ему послано было досыть, чи ль бы ся вашей милости еще видело, што ему от нас послати, а толмача естли того, который теперъ при п[осле]<sup>36</sup> нашом у-в Орде есть, там отправити, который бы с тым послом его до него о[... ]хал<sup>37</sup> и то ему оповедил, иж мы тыи золотыи к нему были послали, н[ижли]<sup>38</sup> царь перекопский его загомвал и тыи золотыи до себе взял, чи ль пак который инший толмач мел бы з Литвы послан быти, и што ся налпей вашей милости в том будет видети, ваша милость бы так ся в том справовали и до царя козанского о том писали и здали ся то вашей милости паном радам нашим за подобно, жебы ещо теперъ царю козанскому мело што от нас послано быти, а толмач теж естли бы з Литвы с тымъ мѣл быти до него послан, ваша милость бы пану подскарбему науку в том дали и оному толмачу, которого на то оберете, отправу скарбу нашего дати велели; а естли бы теж то ся вашей милости видило, жебы тот толмач, который теперъ при после нашом у-в Орде есть, до царя казанского ехал, ваша бы милость яко Михайлу Тишкевичу то ознамили, так мел ся справовати, бо мы то все на зданье вашей милости, панов рад наших, припушаем. А до<sup>39</sup> пана теж подскарбего лист наш писати есмо казали, приказуючи, ажбы он водле науки вашей<sup>40</sup> милости в той<sup>41</sup> отправе ся заховал, и што ся дотычет посланья толмача до цара козанского, естли бы оный толмач перший тепере в Орде еще при после нашом был, тогды бы ся нам видело теперъ другого толмача тамъ слати и о тую теж тисащу золотых черленых также бы ся нам не здало теперъ у другое их слати, або вемы хотя бы их до него послано, тогды бы по тому ж царь перекопский оногo гонца загомвал и тыи золотыи взял вжом<sup>42</sup>, жебы одному пожиток был, а цара казанского бы то не приходило, а нам бы, господарю, в томъ не шкода, а вед же то все на зданье вашей милости, панов рад наших, припушаемъ, яко ся в томъ налпей вашей милости буде видети, так бы ваша милость листъ до царя козанского казали от нас справити, а твоя бы милость, пане воеводу виленский, его запечатовал и тому толмачу Кулзыману, естли ся вашей милости не увидет иншого послати и оны лист дал, а Кулзыман бы вжо гонцу царя козанского тот лист в Киевѣ отдалъ.

Псан у Краковѣ, под леты Божьего Нароженья 1538, месяца ноября 8 день, индикт 12.

<sup>34</sup> Дыра (28 мм), восстановлено по смыслу.

<sup>35</sup> Дыра (в обцей сложности 31 мм); слово другую восстановлено по петле д, хвостикам р и у (буквы «ук»); перед этим реконструкция предположительная.

<sup>36</sup> Сильно повреждено краем дыры, восстановлено по верхним частям букв.

<sup>37</sup> Дыра (18 мм).

<sup>38</sup> Дыра (11 мм), восстановлено по смыслу.

<sup>39</sup> д исправлена из п.

<sup>40</sup> в исправлена из н.

<sup>41</sup> и выносная написана как м выносная.

<sup>42</sup> Так в рукописи, следует читать вжо.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемелев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.
2. Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. СПб.: Типография И. Вошинского, 1882. 324 с.
3. Архив Юго-Западной России. Ч. 8. Т. 5: Акты об украинской администрации XVI–XVII вв. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1907. 717 с.
4. Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2022. 528 с.
5. Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007. Т. I. 368 с.
6. Дзярновіч О. Інвентарь „Книг Метрыкі ВКЛ по-новому переплетенный и составленный” Григорием Качановским (1787 г.): источник по истории государственного архива Великого Княжества Литовского // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė / Sud. I. Valikonytė ir L. Steponavičienė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2015. P. 261–276.
7. Дзярновіч А.І. «Невядомы Стрыкоўскі». Гісторыя рукапісу паэмы «Бітва пад Улай» (1564 г.) са збораў Пушкінскага Дому ў Санкт-Пецярбурзе // Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 3. Минск, 2010. С. 221–244.
8. Дмитриева Р.П. Марк Левкеинский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2 (Л – Я). Л.: Наука, 1989. С. 102–103.
9. Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 866–920.
10. Зайцев И.В. «Позабыв Бога и наше жалованье, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // Ad fontem/У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М.: Наука, 2005. С. 298–317.
11. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 3–39.
12. Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 353 с.
13. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1905. 693 с.
14. Любая А. Гісторыя жыцця Кутглу Зумана бен Хідыра, татарскага дыпламата на службе вялікіх князёў літоўскіх // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 12. С. 8–15.
15. Моисеев М.В. Русско-казанское противостояние и международные отношения в Восточной Европе в 1530-е гг. // Новое прошлое/New Past. 2022. № 1. С. 28–42.
16. Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса: В типографии П. Францова, 1870. 220 с.
17. Николаев С.И. О коллекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. ст. к IX Междунар. съезду славистов. Л.: Наука, 1983. С. 197–209.
18. ПКРСНО – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 360 с.
19. Полехов С.В., Зайцев И.В. Два послания Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Миколаевичу Радивилу (1512–1513 гг.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 720–732.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. – VIII, 360, [3] с.

21. Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб., 1859. – VIII, 301, [2] с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1904. V, 302 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 20. М., 2005. 686 р.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 22. М., 2005. VII, 568, II с.
25. Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 14–32.
26. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. Т. I. 541 с.
27. Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. Т. 46. М., 1954. С. 278–288.
28. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2002. 752 с.
29. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.
30. Eskin J.M., Grala H. Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537 // Świat historyka: Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi / Red. M. Nagielski, G. Rostkowski. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor, 2016. S. 191–211.
31. Gašiorowski A. Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów // Studia Historyczne. 1973. R. 16. Zesz. 2 (61). S. 249–275.
32. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie, XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa: DiG, 2004. 764 s.

**Сведения об авторах:** Сергей Владимирович Полехов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (119606, пр. Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета (119991, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1, Москва, Российская Федерация); заведующий сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» (119021, Зубовский бульвар, 2, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

*Поступила 19.05.2022 Принята к публикации 10.08.2022  
Опубликована 29.09.2022*

## REFERENCES

1. Abduzhemilev R. Chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan». *Crimean historical review*. 2018, no. 1, pp. 179–195. (In Russian)
2. Arkhangel'skiy A.S. Neil Sorsky and Vassian Patrikeev. Their literary works and ideas in Ancient Russia. Vol. 1. St. Petersburg, 1882. 324 p. (In Russian)
3. Archive of the South-Western Russia. Part 8. Vol. 5. *Documents about the Ukrainian administration in the 16<sup>th</sup> and 17<sup>th</sup> centuries*. Kyiv, 1907. 717 p. (In Russian, Ruthenian and Polish)
4. Bakhtin A. G. The Russian State and the Kazan Khanate: Interstate relations in the 15<sup>th</sup>–16<sup>th</sup> centuries. St. Petersburg, 2022. 528 p. (In Russian)

5. Gaivoronsky O. Masters of two continents. Vol. I. Kyiv; Bakhchisarai, 2007. 368 p. (In Russian)
6. Dzyarnovich O. The „Newly compiled and bound inventory of the books of Metrica of the Grand Duchy of Lithuania” by Grzegorz Kaczanowski (1787): a source for the history of the state archive of the Grand Duchy of Lithuania. *Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė*, ed. by I. Valikonytė and L. Steponavičienė. Vilnius, 2015, pp. 261–276. (In Russian)
7. Dzjarnovich A. I. “Unknown Strykowski”: The History of the Manuscript of “The Battle of Ula” Poem (1564) in the Collections of the Pushkin House in St. Petersburg. *Studia historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy*. Vol. 3. Minsk, 2010, pp. 221–244. (In Belarusian)
8. Dmitrieva R.P. Mark Levkeinsky. Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia. Issue 2. (The second half of the 14<sup>th</sup>–16<sup>th</sup> century). Part 2 (L – Ya). Leningrad, 1989, pp. 102–103. (In Russian)
9. Erusalimskiy K.Yu. Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian State in 1524–1571: The Diplomatic Correspondence from the Archive of the Grand Duchy of Lithuania. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920
10. Zaytsev I.V. “Having forgotten God, and our donation, and his soul...” (The adventures of prince Semyon Fyodorovich Bel’sky). *Ad fontem/U istochnika: Collected articles presented to Sergey Mikhailovich Kashтанov*. Moscow, 2005, pp. 298–317. (In Russian)
11. Zimin A.A. Brief chroniclers of the XV–XVI centuries. *Historical Archive*. Vol. 5. Moscow; Leningrad, 1950, pp. 3–39. (In Russian)
12. Kotlyarov D.A. From the Golden Horde to the Moscow Kingdom: the entry of the peoples of the Volga region into Russia. St. Petersburg, 2017. 353 p. (In Russian)
13. Kuntsevich G.Z. The Story of the Kazan Kingdom or the Kazan Chronicler. The experience of historical and literary research. St. Petersburg, 1905. 693 p. (In Russian)
14. Lyubaya A. The history of the life of Kutlu Zuman ben Hidir, the Tatar diplomat in the service of the grand dukes of Lithuania. *Belarusian Historical Journal*. 2018, no. 12, pp. 8–15. (In Belarusian)
15. Moiseev M.V. The Russian-Kazan confrontation and international relations in Eastern Europe in the 1530s. *Novoe Proshloe/ The New Past*. 2022, no. 1, pp. 28–42. (In Russian)
16. Nekrasov I. The origin of national literature in Northern Russia. Odessa, 1870. 220 p. (In Russian)
17. Nikolaev S.I. About the Ignacy Onacewicz’s collection. The spiritual culture of the Slavic peoples. Literature. Folklore. History. Collection of articles for the 9<sup>th</sup> International Congress of Slavists. Leningrad, 1983, pp. 197–209. (In Russian)
18. The Embassy book on Russia’s relations with the Nogai Horde, 1489–1549. Ma-khachkala, 1995. 360 p. (In Russian)
19. Polekhov S.V., Zaytsev I.V. Two Letters of Mengli-Giray I to Jerzy Mikołajewicz Radziwiłł, the Voivode of Kiev (1512–1513). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 720–732. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.720-732 (In Russian)
20. Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 4. St. Petersburg, 1848. VIII, 360, [3] p. (In Old Russian)
21. Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 8. St. Petersburg, 1859. VIII, 301, [2] p. (In Old Russian)
22. Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 13. St. Petersburg, 1904. V, 302 p. (In Old Russian)
23. Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 20. Moscow, 2005. 686 p. (In Old Russian)

24. Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 22. Moscow, 2005. VII, 568, II p. (In Old Russian)
25. Ryčkov A. The example of one draft letter: Practices of communication in the Grand Duchy of Lithuania (the first half of the 16<sup>th</sup> century). *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2020, no. 2 (80), pp. 14–32. (In Russian)
26. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte until the beginning of the XVIII century. Vol. I. Moscow, 2005. 541p. (In Russian)
27. Tikhomirov M.N. Notes on the regency of Elena Glinskaya and the boyar rule of 1533–1547. *Historical notes*. Vol. 46. Moscow, 1954, pp. 278–288. (In Russian)
28. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow, 2002. 752 p. (In Russian)
29. Khudyakov M.G. Essays on History of the Kazan Khanate. Moscow, 1991. 320 p. (In Russian)
30. Eskin J.M., Grala H. Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537. *Świat historia: Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi*, red. M. Nagielski, G. Rostkowski. Pułtusk, 2016, pp. 191–211. (In Polish)
31. Gąsiorowski A. Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów. *Studia Historyczne*. 1973. R. 16. Zesz. 2 (61), pp. 249–275. (In Polish)
32. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, Vol. 1: Województwo wileńskie, XIV–XVIII wiek, pod red. A. Rachuby, Warszawa, 2004. 764 p. (In Polish)

**About the authors:** Sergey V. Polekhov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskiy Avenue, Moscow 119606, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Moscow State Pedagogical University (1, building 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russian Federation); Head of the Sector of the Department “Moscow Archaeology Museum”, Museum Association “Museum of Moscow” (2, Zubovskiy Blvd., Moscow 119021, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimmoiseev@yandex.ru

*Received May 19, 2022 Accepted for publication August 10, 2022  
Published September 29, 2022*

УДК 94=161.1(045)"0/2"(47+57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652

EDN: CQWPFU

## ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: «ОРДЫНСКИЙ МИР» ОТ РАСЦВЕТА ДО ЗАКАТА

**В.В. Пенской<sup>1,2</sup>, Пенская Т.М.<sup>1,3</sup>**

<sup>1</sup> *Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет  
Белгород, Российская Федерация*  
<sup>2</sup> *penskoj@bsu.edu.ru*, <sup>3</sup> *penskaya@bsu.edu.ru*

*Цель исследования:* проследить эволюцию межгосударственных отношений в Восточной Европе в позднем Средневековье как политической системы, определить и охарактеризовать основные тенденции и этапы этого процесса и факторы, влиявшие на его ход.

*Материалы исследования:* сообщения летописей, дипломатическая документация (прежде всего посольские книги и переписка), книжная традиция и исторические исследования.

*Результаты и научная новизна:* почти двести лет в межгосударственных отношениях в Восточной Европе доминировала Золотая Орда, которая играла здесь роль, аналогичную той, что исполняла Священная Римская империя в Западной Европе, а хан Орды выступал в роли «универсального» регулятора социума, верховного сюзерена и арбитра внутри «ордынского мира». Господство Орды в регионе определялось ее военным, финансовым и экономическим превосходством над соседними государствами, а также «удачей» хана. Но глубокий кризис, начавшийся в середине XIV в., подорвал ордынское всевластие, поставил под сомнение «удачу» хана и предопределил распад «ордынского мира» и его «монополярной» политической системы.

К концу XIV в. этот процесс стал необратимым. «Точкой невозврата», по мнению авторов, стало пожалование ханом Токтамышем ярлыка великому князю литовскому Витовту в 1397/1398 гг. Согласно ярлыку, литвин становился «братом» хана и получал в ведение большую часть входивших в состав Орды русских земель, обязуясь взамен вернуть Токтамышу власть в Орде и выплачивать «выход» с переданных владений.

Ярлык 1397/1398 гг. предопределил общий настрой литовско-татарских отношений и заложил основы литовского великодержавия. К 30-м гг. XV в. Литва де-факто стала доминирующей силой в регионе, подчинив своему влиянию и Орду, и Русь. Однако эта эпоха длилась недолго. Смута 30-х гг. XV в., захватившая Орду, Литву и Русь, изменила расстановку политических сил в Восточной Европе. Орда в 50-х гг. распалась на полунезависимые юрты, начавшие борьбу за ордынское наследство. Великое княжество Литовское устояло, но отказалось от масштабной экспансии. Москва вышла из кризиса окрепшей и с конца 40-х гг. неуклонно проводила политику собирания земель и обретения суверенитета. В этой ситуации начинается процесс переформатирования монополярного «ордынского мира» в биполярный «постордынский».

*Ключевые слова:* позднее Средневековье, раннее Новое время, Восточная Европа, политические системы, межгосударственные отношения, внешняя политика, дипломатия, Золотая Орда, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское

*Для цитирования:* Пенской В.В., Пенская Т.М. Эволюция политических отношений в Восточной Европе накануне раннего Нового Времени: «ордынский мир» от расцвета до заката // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 629–652. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652 EDN: CQWPFU

---

---

**THE EVOLUTION OF POLITICAL RELATIONS IN EASTERN EUROPE  
ON THE EVE OF THE EARLY MODERN PERIOD:  
THE “HORDE WORLD” FROM ITS RISE TO DECLINE**

*V.V. Penskoj*<sup>1,2</sup>, *T.M. Penskaya*<sup>1,3</sup>

<sup>1</sup> *Belgorod National Research University  
Belgorod, Russian Federation*

<sup>2</sup> *penskoj@bsu.edu.ru*, <sup>3</sup> *penskaya@bsu.edu.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* The aim of the study is to trace the evolution of political relations in Eastern Europe in the late Middle Ages. It is intended to highlight the main stages of this process and the factors that influenced such relations' speed and direction with their subsequent characterization in the course of the study.

*Research materials:* Chronicles, statement materials, diplomatic documents, correspondence, literary traditions, historical research materials.

*Results and novelty of the research:* For almost two hundred years, the Golden Horde dominated interstate relations in Eastern Europe. It played a role there similar to that played by the Holy Roman Empire in Western Europe. The Khan of the Horde acted as a “universal” regulator of society, the supreme overlord and arbiter within the “Horde world.” The dominance of the Horde in the region was determined by its military, financial, and economic superiority over neighboring states, as well as the “luck” of the khan. But the deep crisis that began in the middle of the 14<sup>th</sup> century undermined the Horde's omnipotence, cast doubt on the Khan's “luck,” and predetermined the collapse of the “Horde world” and its “monopolar” political system.

By the end of the 14<sup>th</sup> century, this process had become irreversible. The “point of no return,” according to the authors, was Khan Tokhtamysh's granting of a jarlyk to the Grand Duke of Lithuania Vitovt in 1397/1398. According to the jarlyk, Lithuania's ruler became the “brother” of the khan and received control of most of the Russian lands that were part of the Horde, pledging in return to restore Tokhtamysh to power in the Horde and pay a “way out” from the transferred possessions.

The jarlyk of 1397/1398 predetermined the general tenor of Lithuanian-Tatar relations and laid the foundations of Lithuania's status as a great power. By the 1430s, Lithuania became *de facto* the dominant force in the region, subordinating both the Horde and Russia to its influence. However, this era did not last long, followed by the troubles of the same decade of 15<sup>th</sup> century that drew in the Horde, Lithuania and Russia, changing the alignment of political forces in Eastern Europe. The Horde in the 1450s broke up into semi-independent yurts which began a struggle for the Horde's inheritance. The Grand Duchy of Lithuania held out but abandoned large-scale expansion. Moscow came out of the crisis stronger from the end of the 1440s, steadily pursuing a policy of collecting land and gaining sovereignty. In this situation, the process of reformatting the monopolar “Horde world” into the bipolar “post-Horde world” began.

**Keywords:** Late Middle Ages, Early Modern Times, eastern Europe, political systems, interstate relations, foreign policy, diplomacy, Golden Horde, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow

**For citation:** Penskoj V.V., Penskaya T.M. The evolution of political relations in Eastern Europe on the eve of the Early Modern Period: the “Horde World” from its rise to decline. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 629–652. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652 (In Russian)

29 июня 1577 г. в своем дворце в Бахчисарае скончался крымский хан Девлет-Гирей I. С его смертью закончилась целая эпоха в истории Восточной Европы (хотя осознание этого факта пришло далеко не сразу). И связан этот «La fin du siècle» был с тем, что, как писали французские историки А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже, после того, как пресеклась жизнь этого выдающегося крымского «царя», Крымское ханство фактически «отказывается от своих притязаний на золотоордынское наследие и от надежды восстановить чингизидские державы в Казани и Астрахани». Более того, продолжали они, «отныне татары будут прилагать усилия на западном направлении, в Венгрии, Польше или на Украине – либо в качестве простого помощника Порты, либо, иногда, в качестве независимой, или даже противостоящей Порте силы...» [66, р. 454].

Этот состоявшийся де-факто отказ Бахчисарая от претензий на восстановление золотоордынской империи, по существу, означал и завершение Средневековья во внешнеполитической истории Восточной Европы. В самом деле, несмотря на то, что к середине XV в. процессы распада Золотой Орды как доминирующего в регионе политического образования приобрели необратимый характер, воспоминания о прежнем имперском величии продолжали определять направление внешнеполитической деятельности татарских юртов, возникших на обломках Орды [см., например: 44, с. 36]. В первую очередь это касалось Крымского ханства. После распада в начале XVI в. Большой Орды его ханы остались единственными претендентами на «царский» венец среди прочих татарских династов.

Однако одного лишь желания крымской правящей элиты восстановить ордынскую империю под эгидой потомков фактического основателя Крымского ханства Менгли-Гирея I оказалось недостаточно для того, что эти претензии наполнились реальным содержанием. Судьба золотоордынского наследия определялась еще и позицией других участников «Большой Игры» в Восточной Европе – Великого княжества Литовского и Русского государства (выход которых на авансцену восточноевропейской политики был предопределен ослаблением Золотой Орды), а впоследствии – еще и Османской империи, которая опосредованно оказывала на политическое развитие региона значительное влияние.

Сложные взаимоотношения татарских юртов с этими государственными образованиями задали тот вектор, по которому развивалась восточноевропейская политическая система с 40-х – 50-х гг. XV в. вплоть до самого конца XVI столетия – т.е. на протяжении большей части «долгого XVI в.» Ф. Броделя [см., например: 67, р. 893–895]. Именно в его рамках средневековый мир и характерные для него институты и отношения постепенно сменялись раннемодерными.

Под «политической системой» в данном случае мы понимаем тоже, что и Ч. Тилли, который писал: «Государства собираются в *системы* столь широкого охвата, что они взаимодействуют, и они взаимодействуют так активно, что влияют на судьбы друг друга. Поскольку государства всегда возникают в результате борьбы за контроль над территорией или населением, то и появляются они не поодиночке, и обычно группируются в системы» [71, р. 4].

В своем развитии она прошла несколько этапов. На первом из них прежний «монополярный» «ордынский мир», основы которого были заложены еще в эпоху великих завоеваний 1-й половины XIII в. и создания Чингизидской империи, постепенно трансформировался в «биполярный» «постордынский мир». Этот переход занял примерно 100 с небольшим лет – начавшись в середине XIV в., когда Золотая Орда погрузилась в «Великую зямтню», он завершился в 70-х гг. следующего столетия. Но и сам постордынский мир просуществовал недолго. В начале XVI столетия вся система межгосударственных отношений в Восточной Европе претерпевает очередную глубокую трансформацию, обусловленную изменением расстановки политических сил в регионе и сменой поколений в политических элитах главных участников региональной «Большой Игры», которая теперь разворачивается в «треугольнике» Москва – Бахчисарай – Вильно. Основным ее содержанием станет противоборство в рамках т.н. «крымского аукциона» двух имперских проектов, крымского и московского. Своего апогея оно достигнет в 3-й четверти XVI в., во время противостояния двух царей, русского и крымского – Ивана IV и Девлет-Гирея I. Поражение Девлет-Гирея в этой необъявленной войне, по существу, и поставило точку в имперских амбициях Крыма и подвело черту под средневековьем в восточноевропейской внешней политике.

Нельзя сказать, что эволюция внешнеполитических отношений в Восточной Европе в эти десятилетия не была предметом пристального внимания равно отечественных и зарубежных историков. Учитывая ту роль, которую играли татарские юрты в судьбе и Российского государства, и Великого княжества Литовского вместе с Польшей (а затем Речи Посполитой), стоит ли удивляться тому, что историки этих государств с завидным постоянством обращались к этой теме, разрабатывая различные аспекты отношений между этими государственными образованиями. Анализ соответствующих историографических традиций заслуживает специального исследования, что не входит в нашу задачу, почему мы ограничимся лишь беглым обзором основных точек зрения относительно интересующей нас проблемы, сделав упор на историографию отечественную.

Для нее характерен четко выраженный антитатарский «дискурс», основы которого были заложены еще русскими летописцами времен «постордынского мира» и развит основателями отечественной исторической науки в конце XVIII – 1-й пол. XIX вв. Суть его была впервые выражена, пожалуй, князем М.М. Щербатовым, который полагал татар исконными, природными и неизменными врагами Русского государства и общества [см.: 63, с. 2–3]. Линию Щербатова в следующем столетии продолжили такие мэтры русской исторической науки, как Н.М. Карамзин [см.: 20], С.М. Соловьев [см.: 52], Н.И. Костомаров [см.: 23] и др.

Советская историография продолжила и развила эту традицию. Показательной в этом отношении является ставшее классическим фундаментальное



исследование А.А. Новосельского [см.: 33]. По существу, он во многом предопределил дальнейшее развитие «крымского» «дискурса» в новейшей отечественной историографии. Его влияние четко просматривается, к примеру, в работах В.В. Каргалова и В.П. Загоровского [см.: 12; 21]. Исследований, которые так или иначе, но выпадали из этого «дискурса» и не носили столь одностороннего характера, в прежнее время было создано не так уж и много [см., например: 51; 53].

Таким образом, можно сказать, что при всех достижениях исторической науки в изучении проблем эволюции внешнеполитической системы в Восточной Европе в «долгий XVI век» большинству работ, так или иначе связанных с изучением особенностей эволюции политических отношений в регионе в это время, присущ один и тот же настрой – стремление рассматривать ее через призму двусторонних отношений, русско-татарских или литовско-татарских, причем преимущественно с точки зрения Москвы или Вильно. Это и неудивительно, если принять во внимание уровень сохранности хотя бы одной только русской или литовско-польской дипломатической документации по сравнению с крымской. Ситуация стала меняться лишь в последние десятилетия, однако и сейчас исследований, в которых была бы сделана попытка рассмотреть процесс изменения восточноевропейской политической системы в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени как сквозной, при этом как минимум трехсторонней, не только с точки зрения Москвы или Вильно, но и Бахчисарая, не так уж и много [см., например: 56]. Да и то те из них, которые делают это, обычно ограничиваются каким-то определенным периодом или сюжетом [см., например: 9; 13; 24; 42; 44; 54; 57; 61 и др.]. Вместе с тем, на наш взгляд, именно такой подход к анализу эволюции внешнеполитических отношений в регионе в указанное время позволяет составить более четкое и объективное представление о том, что происходило здесь в это время и почему.

Рассматривая данный процесс как целостное явление, изменяющееся под влиянием в первую очередь объективных внутренних факторов, мы опирались на положения концепции «холодных» и «горячих» обществ К. Леви-Стросса. Он указывал, что «холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными), желают его (неизбежный эволюционный процесс, связанный с переменами и изменениями привычного образа жизни – *В.П., Т.П.*) игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [26, с. 439]. В том же, что все участники «Большой Игры» в Восточной Европе в эти два с лишком столетия были именно «холодными» обществами «первой волны» (Э. Тоффлер), – обществами аграрными и скотоводческими, сугубо консервативными и ориентированными на сохранение и воспроизводство традиции («Мы старины не рушаем, а новины не уводим») [28, стб. 144]), мы не сомневаемся. Следовательно, анализируя мотивы, которыми руководствовались политики того времени, мы должны исходить из того, что в своих действиях они стремились так или иначе или вернуть «старину» (естественно, в том виде, как они ее себе представляли), или же, по крайней мере, законсервировать устраивающий их привычный порядок вещей на возможно более долгий период времени.

В этом отношении, по большому счету, нет существенных отличий между политиками того времени что на Западе, что на Востоке, и многие эпохальные (во всяком случае, которые принято считать таковыми *a posteriori*) события начинались под вполне консервативными лозунгами (как, например, та же голландская «революция» 2-й пол. XVI в.). Вопрос стоял только в том, какая «старина», какая традиция и какой обычай будет взят за основу в качестве исходной точки отсчета. И если встать на «татарскую» точку зрения, то ответ на него будет совершенно очевидным. Тем «золотым веком», на который будут ориентироваться и татарские ханы, и окружавшая их родовая и служилая аристократия в «долгом XVI веке», будет, безусловно, золотоордынское время – тот самый «ордынский мир», который сложился окончательно к исходу XIII в.

Какими параметрами и качественными характеристиками он обладал? Сложившаяся внутри этого «мира» вполне определенная система отношений между основными и второстепенными участниками политической «игры» основывалась на нормах своего рода ордынского *jus gentium*, простого и понятного. Обеспеченное военным, финансовым и экономическим превосходством политическое доминирование Золотой Орды в Восточной Европе сомнению не подвергалось, а если кто-то и пытался это сделать, то немедля карался ордынской верховной властью. Статус Орды и ее властителя в известном смысле можно сравнить с положением в системе политических отношений в средневековой Европы Священной Римской империи и ее императора. Как отмечала Т.Д. Скрынникова, в монгольском (а, значит, и в ордынском) мире верховный глава чингизидской державы воспринимался прежде всего как универсальный регулятор социума, причем и ближнего, собственно ордынского, и дальнего [50, с. 188], в который входили сопредельные территории и земли, в том числе и не включенные в данный момент непосредственно в политическую орбиту «ордынского мира». Отсюда следует, что золотоордынский хан (которым мог быть только чингизид), занимая верхнюю строчку во властной иерархии «ордынского мира», являлся не только верховным сувереном («вольным царем»), но и сюзереном и арбитром по отношению к прочим своим вассалам и подданным – улусным и иным князьям, ордынским или относящимся к знати покоренных народов, будучи волен жаловать их за верную службу и послушание и наказывать за нарушение установленного Небом ордынского порядка.

Русских князей это касалось в первую очередь. Вряд ли случайной была обмолвка составителя Никоновской летописи, который вложил в уста хана Токтамышша следующие слова: «Аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь русский **на моем улусе, а на своем отечестве, живет по старине** (выделено нами – *В.П., Т.П.* Примечательная постановка вопроса!), а мне служит правдою, и яз его жалую...» [27, с. 84]. В.В. Трепавлов, цитируя эту фразу из летописи, указывает, что историки скептически относятся к сообщаемой ею информации [см.: 56, с. 6]. Однако нам этот скептицизм представляется несколько поспешным, ибо он не дает ответа на вопрос – зачем летописцу, составившему этот летописный свод в то время, когда обострились отношения с Крымом, и не в последнюю очередь потому, что последний пытался восстановить прежние отношения зависимости Руси от татар, упоминать о том, что такая зависимость в старые времена имела место?

Были ли согласны русские князья с таким положением дел? Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен, однако осмелимся предположить, что это отношение менялось со временем и, в конце концов, его можно будет сформулировать как двойственное, и «да», и «нет».

«Нет» – уже хотя бы потому, что русские князья после установления ордынской власти над Русью в значительной степени утратили свою политическую субъектность, перестали быть «вольными» и были вынуждены признать свою зависимость от ордынского «царя» и искать его благоволения. «Не подобает жити на земле канови и Батыеве (выделено нами – *В.П., Т.П.*), не поклонившеся има», – писал неизвестный составитель жития князя Михаила Черниговского. И не поклониться «царю» было нельзя, так как, по словам князя Михаила, вложенным в его уста книжником, «**поручи ему Бог царство света сего** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [49, с. 51, 55–56; ср.: 47, с. 105–111]. То, что это были не досужие рассуждения келейного затворника, а вполне официальное мнение, подтверждает, к примеру, пассаж из докончальной грамоты 1371 г. Дмитрия Ивановича и Ольгерда: «Что пошли в Орду ко царю люди жаловатися на князя Михаила (великого князя тверского Михаила Александровича – *В.П., Т.П.*), а **то есмы в божьи воли и в цареве, как повелит** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [11, с. 22].

При этом зависимость русских князей от ордынского «царя» была не в пример более жесткой и обременительной, нежели прежняя, от царя греческого [см., например: 34, с. 213–214, 218, 221–222, 238–248; ср.: 39, стб. 274]. Первый, в отличие от второго, не ограничивался одними лишь внешними признаками подчиненного положения русских «архонтов», а требовал вполне конкретной и определенной «службы», помощи и войском, и деньгами, причем, подчеркнем это еще раз, в отличие от василевса ордынский «царь» имел вполне реальную возможность и жаловать, и карать своих вассалов.

«Да» – похоже, русские князья довольно быстро приняли новые правила игры и сумели «встроиться» в систему внутриордынских отношений, используя их при этом в своих интересах, причем встроиться самым непосредственным образом – стать разными путями частью внутриордынской иерархии [см., например: 65, с. 8–9], как это получилось, к примеру, у Даниила Галицкого, принявшему из рук самого Батыя «злую», но тем не менее «честь» – чашу «черного» «кобыльего кумуза» [см.: 18, с. 536; 65, с. 46], или у Ярослава Всеволодича, по предположению А.А. Горского, женившегося на сестре Батыя и обретшего тем самым особый статус среди прочих татарских «князей» и вассалов [см.: 6, с. 31–37; 22, с. 75]. И нет ничего удивительного в том, что впоследствии высшая татарская аристократия пыталась меряться «дородством» и местничать с московскими государями. Для нее русские князья были такими же вассалами хана, что и она сама [см., например: 53, с. 32], и такие фигуры, как Мамай или Эдиге, ордынские улуг беки, «князья великии» [см., например: 55, с. 21], стояли на одной и той же ступеньке в татарской политической иерархии, что и великие князья литовские и владимирские. Потому-то ногайский нурадин Исмаил-мирза, праправнук Едигея, и счел для себя в конце 1553 г. возможным посчитаться годами с Иваном IV: «Яз тебя леты старее, а ты сына моего моложе. И ты мне буди сын. Как будет годно отечеству и сыновству, учнем и делати. Так бы еси ведал» [40, с. 133].

«Включенность» русских князей в ордынские дела и их вхождение в ордынскую властную иерархию открывала перед некоторыми честолюбивыми, энергичными и не стесненными при этом особыми моральными установками Рюриковичами новые перспективы, которые прежде, в рамках «старины» времен «золотой осени» Руси, были им недоступны. Подкрепленная более чем реальной силой воля хана, выраженная в его слове и оформленная в виде пресловутого «ярлыка», теперь значила больше, нежели все прежние родовые и иные межкняжеские счёты и договоренности. Как ханский вассал, «служебный князь», такой Рюрикович всегда мог апеллировать к «царскому» правосудию и рассчитывать при определенной ловкости и умении вести дела с татарскими вельможами на благоприятный результат своего челобитья. Яркий пример тому – судьба московского князя Юрия Даниловича, который сумел, вопреки «старине», получить ярлык на великое княжение [см., например: 5, с. 42]. Вообще, история борьбы московских и тверских князей за ярлык на великое княжение владимирское в 1-й трети XIV в., неоднократно становившаяся предметом подробного разбора отечественных и зарубежных историков [см., например: 5], в этом отношении весьма характерна и примечательна.

В последующие десятилетия почва для подобного рода казусов не только не исчезла. Нет, напротив, после того, как ордынские власти, наделив в дополнение к прежнему Владимирскому статусом «великого» княжества не только Московское и Тверское, но еще и Рязанское и Нижегородско-Суздальское, межкняжеские отношения в Северо-Восточной Руси обрели еще более сложный и запутанный характер, нежели прежде. Нарастающая политическая децентрализация и дисперсия власти, которой татарские «цари» своей политикой придали дополнительный импульс, способствовали тому, что теперь, в новых условиях, ни один княжеский дом не обладал достаточной мощью, чтобы диктовать свою волю остальным участникам политической игры. И теперь идея привлечения ордынского «царя» в роли верховного арбитра и посредника в сложных отношениях между различными ветвями потомков Александра Невского становилась еще более соблазнительной и многообещающей. Ведь, как заявлял боярин И.Д. Всеволожский в 1432 г. перед «царем» Улуг-Мухаммадом, защищая интересы своего суверена, великого князя Василия II, «нашь государь великий Василей ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем и ярлыком,... А господин наш князь Юрья Дмитреевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен в своем улусе, кого восхочеш жаловати на твоей воле...» [4, с. 188].

Подчеркнем, что обладание ханской грамотой укрепляло княжескую власть, существенно поднимало ее авторитет, не говоря уже о том, что северо-восточным русским князьям до поры до времени, находясь под ханской эгидой, можно было рассчитывать на дипломатическую и военную поддержку ордынского «царя» – память об этом была жива еще и в 50-х гг. XV в., когда величие Орды уже осталось в прошлом. Характерен в этом отношении новгородский казус 1460 г., когда владыка Иона сумел отговорить мужей новгородских, собравшихся было убить великого князя Василия и его сыновей, напомнив им о том, что старший сын Василия, Иван, отомстит Новгороду, взяв войско у татарского «царя» [29, с. 264].

В ходе регулярных вояжей русских князей в Орду вырабатывались и соответствующие процедуры, регламентировавшие порядок отношений князей с «царем» – а хоть и обычай взимания пресловутой «посошной» «пошлины». Примечательно, что эта традиция сохранялась очень долго – и в XVI в. наблюдались ее рецидивы, причем не только, к примеру, в Крымском ханстве [см., например: 35, с. 280, 587], но даже и в Ногайской Орде [40, с. 141, 168, 174].

Превратившись в «старину», став «пошлиной», эти процедуры явились составной частью обычая, которого придерживались правящие элиты равно и Орды (а вслед за нею – и возникших на ее руинах татарских юртов), и русских княжеств. Совсем не случаен был оборот, примененный Василием II в его договоре с Казимиром, великим князем литовским и королем польским, в 1449 г. – «а Орда, брате, мне знати по старыне» [11, с. 161]. Законность «царской» власти и его требований как верховного суверена на Руси (во всяком случае, той ее части, что входила в орбиту «ордынского мира») на протяжении долгого времени сомнению не подвергалась – как это было, к примеру, в 1382 г. [см., например: 5, с. 106; 45, стб. 143–144].

Однако ничто не вечно в подлунном мире, и тот порядок в «ордынском мире», который складывался и совершенствовался десятилетиями, с началом в Орде в середине XIV в. «Великой замятни» начал испытывать серьезные проблемы. Еще раз подчеркнем, что при всех прочих равных обстоятельствах ханская воля только тогда что-либо значила, если за ней стояла реальная сила, прежде всего военная. Между тем стремительно развивавшийся во 2-й половине XIV в. в Орде политический кризис и чехарда на ханском сиденье, которое стало игрушкой в руках враждующих «партий», группировок и кланов при «царском дворе, очень скоро привел к тому, что авторитет ордынского суверена серьезно упал – вплоть до того, что его слово уже не воспринималось как руководство к действию [см., например: 45, стб. 95].

Возникли проблемы и с выплатой ордынского «выхода». К концу XIV в. сложилась ситуация, когда при отсутствии доброй воли со стороны русских князей только открытым насилием со стороны хана можно было добиться его выплаты, как это было в 1382 и 1408 г. Можно с уверенностью сказать, что начиная с середины XIV в. золотоордынская политическая система чем дальше, тем в большей степени испытывала серьезные проблемы. Их размах нарастал по мере того, как углублялся общий кризис, в котором оказалась сама Золотая Орда как системообразующий элемент «ордынского мира». Удача явно отвернулась от золотоордынских ханов и, естественно, что это не могло не привести к изменениям в самой системе и запуску процесса ее трансформации в новое качество.

Начало этому переходу положили литовские князья. Первоначально владения Гедиминовичей непосредственно не входили в «ордынский мир» (хотя, безусловно, определенное влияние Орды ощущалось и там). Литовские династии не были прямыми вассалами Орды подобно князьям северо-восточной Руси, хотя, судя по всему, и признавали негласно политическое верховенство Орды в регионе (как это следует из упомянутого выше договора Дмитрия Ивановича с Ольгердом). Однако ситуация начинает меняться с середины XIV в. Внутриордынские проблемы и стремительное ослабление ханской власти облегчили экспансию Великого княжества Литовского в русские земли, прежде всего южные, юго-западные и юго-восточные. Эти земли («со

всьими въходы, и зъ даньми, и з землями, и з водами») в свое время были размечены в административном плане на «тьмы», описаны и положены в «число» и обложены данями и повинностями в пользу ордынских государей [см.: 18, с. 575; 68, р. 555–558, 568, 606; 70, р. 90, 113]. Токтамыш, восстановив на время политическую стабильность и порядок в Орде, в 1393 г. направил великому князю литовскому Ягайло ярлык, в котором, по сути, де-факто признал переход этих «тем» под власть Гедиминовичей, однако потребовал взамен отправки ему причитающегося с этих территорий «выхода» [см.: 3, с. 51]. Т.о., сложилась ситуация т.н. «перекрестного суверенитета», когда формально независимые литовские великие князья оказывались вассалами Орды по факту владения бывшими «царскими» «тьмами».

Вполне вероятно, что в дальнейшем требование «выхода» могло быть дополнено и иными, и степень зависимости Гедиминовичей от Орды могла возрасти, но в ходе нового раунда «замятни» Токтамыш потерпел неудачу в борьбе за власть и бежал в Литву, где нашел приют у двоюродного брата Ягайло Витовта. «великого князя литовского и русского». Пытаясь заручиться его поддержкой для того, чтобы вернуть себе власть в Орде, Токтамыш около 1398 г. пожаловал литвина новым ярлыком, и именно его можно считать той точкой отсчета, от которой можно начинать историю 2-го, «постордынского», этапа в развитии восточноевропейской политической системы и новой «старины» в межгосударственных отношениях в регионе.

Подлинный текст этого ярлыка, судя по всему, не сохранился, однако, как отмечал И.Б. Греков, русская летописная традиция позволяет отчасти реконструировать его основные положения [9, с. 226]. Дополнительную фактуру представляют нам тексты позднейших «царских» ярлыков, прежде всего крымских, которые содержат отсылки к этому документу. Сопоставив эти сведения, можно заключить, что, помимо расширенного перечня русских «тем» (в т.ч. и северо-восточных), что передавались Токтамышем под власть Витовта [см., например: 48, с. 423] вместе с соответствующими обязательствами последнего перед первым (Р.Ю. Почекаев полагает, что в текст ярлыка эти статьи не были включены [см.: 43, с. 218], однако это противоречит той «старине», на которую ссылались крымские «цари», напоминая Ягеллонам об их обязательствах перед Крымом), в ярлык было включено чрезвычайно важное положение, разом менявшее все прежнее соотношение политических сил и иерархию внутри системы. Речь идет о статье, устанавливавшей официально между двумя монархами, ордынским и литовским, отношений не просто «дружбы», но еще и «братства».

Суть категории «братства» хорошо прослеживается на основании анализа межкняжеских докончаний, между князьями русскими и литовским в том числе, той эпохи. По словам А.И. Филюшкина, она предполагала «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающие потенциальный союз» [58, с. 228]. При этом, как следует из содержания межкняжеских докончаний, «братья» взаимно подтверждали полную внутреннюю автономию и суверенность друг друга (по принципу «*rex est imperator in regno suo*») в административном, судебном и фискальном отношениях [см., например: 11, с. 269, 416]. Более того, отношения «братст-

ва» предполагали, что каждый их участник обладает определенной «честью», которая не будет нарушена недружелюбным действием другой стороны.

Таким образом, называя Витовта своим «братом», Токтамыш тем самым «поднимали» его до своего уровня, уравнивал его в правах. Правда, здесь нужно сделать оговорку – получение литвином «братства» было обставлено как «царское» «жалованье», что позволяло хану в известном смысле сохранить лицо и сохранить некоторую дистанцию между собой и новоявленным «братом», который в известном смысле мог считаться «братом» «молодшим».

Два этих ханских ярлыка, 1393 и в особенности 1397/1398 гг., заложили основы новой, «постордынской», «старины» в отношениях между татарскими юртами и Великим княжеством Литовским на последующие десятилетия. При этом, при сохранении прежней формы (вплоть до того, что и в XVI в. ханские ярлыки облекались в форму жалованной грамоты «под золотым нишаном а подь алыми пятны» [см., например: 70, р. 90, 94; ср.: 10, с. 108, 200], что подчеркивало номинально зависимое положение великих литовских князей от крымских «царей» [см., например: 64, с. 114], претендовавших на правопреемство от «царей» ордынских и ссылавшихся на прежние пожалования, в т.ч. и от Токтамышша [см.: 70, р. 90–92]), дух этих пожалований и отношение к ним со стороны литовских великих князей эволюционировали в сторону реальной независимости Вильно от Орды и возникших на ее руинах татарских юртов.

Причины этой эволюции очевидны – и сама Орда с конца XIV в., и тем более возникшие на ее месте татарские юрты, даже такие крупные и сильные, как Большая Орда и Крым, не обладали той мощью и влиянием, как прежние золотоордынские ханы. К тому же Литва с конца XIV в. играла чрезвычайно важную роль во внутритатарских разборках. Поддержка Витовтом Токтамышша дала начало этому направлению литовской политики, а за этим шагом последовали другие. Витовт, писал Д.И. Иванов, «активно вмешивался в татарские междоусобицы, выдвигая и поддерживая претендентов на золотоордынский престол» [15, с. 87; ср.: 59, с. 174–175, 179], и эту традицию с большим или меньшим успехом продолжили преемники Витовта [см., например: 59, с. 182–183].

Естественно, что, сажая на ханское седалище в Орде или в каком-либо татарском юрте «своего» кандидата, в Вильно ожидали от него соответствующих шагов навстречу, в том числе и подтверждения тех ярлыков, которые получали от «царей» предыдущие великие литовские князья. И литовские владельцы не обманывались в своих ожиданиях, тем более, что это отвечало и интересам татарских «царей», ибо пожалование ярлыков имело и обратную сторону. Получая грамоту из рук хана, пусть и им самим возведенного на трон, великий литовский князь де-юре подтверждал тем самым суверенное право ордынских «царей» и их правопреемников жаловать и казнить своих вассалов в пределах «ордынского мира» и на его ближней периферии [см., например: 59, с. 181, 184 слл.], и, соответственно, требовать от получателя грамоты регулярных выплат (пресловутых «поминков»).

Эти последние вполне могли (и зачастую именно так и происходило) трактоваться и самим «царем», и его окружением, как знак подчиненного положения литовских правителей. Вместе с тем, для великих литовских князей важным было не только подтверждение «братства» и «любви», но и то обстоятельство, что обладание «царским» ярлыком придавало дополнительную легитимность власти великих литовских князей в пожалованных татар-

скими «царями» землях (а это было немаловажным обстоятельством в тогдашних условиях, когда верховная власть институционально была слаба и нуждалась в дополнительных «подпорках» для того, чтобы успешно функционировать и навязывать свою волю обществу) [см., например: 59, с. 181]. Более того, позднее «царские» ярлыки служили и юридическим обоснованием претензий Вильно на возврат этих земель после того, как они были захвачены Москвой [см., например: 70, р. 90–91, 314].

Отношения же Москвы, которая к концу XIV в. стала, безусловно, ведущим и наиболее сильным и авторитетным северо-восточным русским княжеством, и Орды после того, как сошел с политической сцены могущественный Эдиге, в отличие от ордынско-литовских, развивались не столь однозначно. Традиция подчинения ордынским «царям» прочно укоренилась в сознании русской правящей элиты. Она продолжала довлеть над Рюриковичами и русские князья не торопились предпринимать радикальные шаги по изменению существующего status quo, молчаливо соглашаясь с тем, что ордынский «царь» продолжал по-прежнему, как и раньше, играть в межкняжеских отношениях роль верховного арбитра. Так было, к примеру, в 1423/1424 г., когда, по мнению А.А. Горского, хан Улуг-Мухаммад восстановил своим ярлыком существование Нижегородского великого княжества [см.: 7, с. 161–163], или в 1431/1432 г., когда тот же Улуг-Мухаммад в ходе арбитража «присудил» великое княжение Василию Васильевичу (будущему Темному) в обход его дяди Юрия Дмитриевича, причем, как указывал А.А. Зимин, победивший в этом споре Василий обязался выплачивать хану пресловутый «выход» по «старине» [14, с. 47].

Однако продолжающееся развитие политического кризиса в Орде не могло не сказаться на ее отношениях Руси. Тот вектор в отношениях двух политических образований, Руси и Орды, который наметился в эпоху очередного этапа «великой замятни» во 2-й четверти XV в., после того, как был убит Эдиге и политический кризис в Орде вступил в завершающую стадию, обретая все более и более отчетливые очертания. Зависимость русского «улу-са» от ордынской власти становилась все более эфемерной, а русские князья, формально соглашаясь с тем, что ордынский «царь» по-прежнему является их сюзереном, на деле все чаще считались с его волей настолько, насколько она соответствовала их собственным интересам. Сама ситуация в Орде, когда за власть в ней одновременно боролось несколько претендентов, явно не способствовала сохранению за ними прежнего авторитета и влияния на Руси, князья которой снова, как и во времена «великой замятни», получили возможность маневрировать между претендентами на «царский» трон. Так что нет ничего удивительного, что Юрий Дмитриевич, неудовлетворенный решением Улуг-Мухаммада, вскоре по возвращению на Русь решил переиграть итоги «царского» «арбитража» силой и дважды, в 1433 и 1434 г., силой выбивал своего племянника из Москвы и садился на великий стол.

Вместе с тем Москва не торопилась переходить на новые условия игры с Ордой по образцу, предложенному в конце XIV в. Витовтом и подхваченному его преемниками, и это при том, что соответствующие возможности в 1-й половине XV в. у нее были. Становится чуть ли не обыденностью практика выезда татарских «царевичей» на Русь [см., например: 2, с. 54; 9, с. 265–266; 31, с. 262; 44, с. 37–38], что давало в руки великим московским князьям отличный инструмент для вмешательства в ордынские политические разборки,



а в 1437 г. и вовсе сложилась ситуация, подобная той, с которой столкнулся Витовт сорока годами раньше. Ордынский «отец» Василия II Улуг-Мухаммад потерпел поражение в борьбе за власть и, пытаясь вернуть себе трон, обратился за помощью к своему «сыну» Василию. Современные русские летописи сообщают об этой истории глухо и с явным нежеланием, однако составитель позднейшего «Казанского летописца» сообщал, что беглый «царь» обещал великому князю не только «любовь верну и дружбу велику», но также был готов именовать его «любимым братом» и 10 лет не требовать с московского князя «дани» и «оброков» [19, стб. 14–15].

Не верить составителю «Казанского летописца», на наш взгляд, нет серьезных оснований – Улуг-Мухаммад, находившийся в отчаянном положении, не предложил Василию II ничего такого, чего не было к тому времени в практике отношений Чингизидов с великими литовскими князьями. Однако Василий II, поддавшись давлению со стороны неких советников (на наш взгляд, клана Юрьевичей, и в первую очередь Дмитрия Шемяки) [см., например: 5, с. 144; 36, с. 63], не принял более чем щедрое предложение хана. Итог этой истории печален – под Белевым, где окопался Улуг-Мухаммад, русское войско во главе с Юрьевичами потерпело жестокое поражение, а отношения между ханом и великими князем были испорчены. Литовский «сценарий» развития московско-ордынских отношений после «белевщины» не был реализован. Как результат, отношения между Москвой и Ордой продолжили медленно эволюционировать своим чередом в соответствии с теми тенденциями, которые наметились ранее, причем татарские «цари» отнюдь не собирались отказываться от политического господства над русскими землями с соответствующими бонусами в виде «выхода» и пр. выплат, а в Москве молчаливо соглашались с этим. Так, в докончании между Василием II и Дмитрием Шемякой, которое датируется 1441–1442 гг., упоминались и ордынский «выход», и отправка «киличеев» сразу ко двум ордынским «царям» – Кичи-Мухаммаду (который, судя по всему, полагался на тот момент в Москве «старшим» «царем» [5, с. 151]), и Сеид-Ахмадом, что означало признание их законными главами «ордынского мира» и верховными сюзеренами Руси [11, с. 108].

Однако можно ли сказать, что все вернулось на круги своя? Представляется, что нет, и в первую очередь потому, что и в Орде, и в Литве, и на Руси 2-я четверть XV в. ознаменовалась внутренними усобицами и борьбой за власть. Исход этих смут (или смуты?) для этих государств оказался разным, но именно он в дальнейшем предопределил развитие восточноевропейской политической системы на следующие почти полтора столетия.

Прежде всего коротко коснемся итогов ордынской «замятни». Для Джучиева улуса этот очередной раунд борьбы за власть оказался последним. Как отмечал А.А. Горский, на этот раз «ордынские «замятни», в отличие от прежних времен, стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а складыванием на окраинных территориях Орды особых, практически независимых политических образований» [5, с. 151]. Период относительной внутривосточной стабилизации в Орде при Токтамыше и Эдиге оказался кратковременным. После того, как на рубеже 1419/1420 гг. могущественный Эдиге, пытавшийся продолжать имперскую политику золотоордынских ханов эпохи величия Орды [см., например: 9, с. 257–264], погиб в очередной усобице, процессы ее политического распада, а

заодно и «ордынского мира», ускорились и к середине XV в. ордынское государство находилось при смерти. Еще несколько лет, и она де-факто распадется на несколько полунезависимых юртов [см., например: 57, с. 237–240]. Оговорка «полунезависимых» не случайна – нельзя не отметить в этой связи сделанное Б.Р. Рахимзяновым наблюдение. Характеризуя состояние дел на постордынском пространстве в эти годы, он отмечал, что «степень их (возникших на руинах Орды татарских юртов – *В.П., Т.П.*) автономии друг от друга была весьма условна: некоторые факты говорят нам о глубоких связях между этими политиями в течение всего XV века, а также и первой половины XVI века; эти связи ставят их независимость друг от друга под вопрос» [44, с. 36].

Эта осознаваемая татарскими элитами внутренняя связь обломков Золотой Орды, с одной стороны, неизбежно вела к тому, что, как писал все тот же Б.Р. Рахимзянов, потомки Джучи оказавшись в новой и необычной для них политической ситуации, все равно продолжали мыслить старыми категориями (как и подобает элите «холодного» общества). Инерция имперской «старины» оказалась чрезвычайно сильной, и они продолжали считать себя правителями «единой империи, которые просто временно потеряли некоторые зоны своего прежнего влияния (выделено нами – *В.П., Т.П.*). Стоит сравнить это мироощущение с соответствующим этому настрою пассажем из послания константинопольского патриарха Антония IV великому князю Василию I [39, стб. 272–274)]...» [44, с. 35].

Эти ощущения родства и единства, не только политического, но и этнокультурного и кровного, подпитывало стремление татарских элит вернуть утраченную политическую целостность и восстановить «ордынский мир» в его прежнем состоянии в прежних границах. Основанное на «старине» такое традиционалистское по своей сути мироощущение будет оказывать влияние на действия татарских «царей» и «князей» еще на протяжении многих десятилетий, определяя и направляя их внешнеполитическую деятельность и характер отношений с Великими княжествами Литовским и с Русским государством чуть ли не до конца XVII в. С упорством, достойным лучшего применения, правящие элиты татарских юртов будут пытаться повернуть колесо истории вспять, используя и дипломатию, и прямое насилие (или угрозу его применения), не сыскав на этом пути успеха.

С другой стороны, в борьбе за ордынское политическое наследие практически сразу определились два главных фаворита – Большая Орда и Крымское ханство. Претензии первой на политическое доминирование в постордынском мире, по словам польского хрониста М. Меховского, объяснялись тем, что «орда заволжских татар, ... первая из всех по значению, ... называющая себя ... главной ордой или людьми первенствующими и свободными, отчасти потому, что сама она никому не подчинена, отчасти потому, что от нее пошли и другие орды» [30, с. 63]. Кроме того, свою роль сыграл и исход сосуществования в Орде двух «царей» – Сеид-Ахмада и Кичи-Мухаммада. После падения в 1-й половине 50-х гг. XV в. Сеид-Ахмада, контролировавшего западную часть будущей Большой Орды, Кичи-Мухаммад остался единственным законным ордынским «царем» и, умирая в 1459 г., он, как писал В.В. Трепавлов, оставил своим сыновьям, Махмуду и знаменитому Ахмаду свой юрт, «если не процветающим, то довольно устойчивым и способным соперничать с соседними юртами за первенство во владениях бывшей Золотой Орды» [57, с. 293].

Великодержавные амбиции Крымского юрта подпитывались, судя по всему, с одной стороны, поддержкой со стороны Великого княжества Литовского (Хаджи-Гирей, первый хан Крыма, пришел к власти при прямой помощи Вильно [см., например: 32, с. 49], о чем в Крыму, да и в Литве, помнили всегда [см., например: 69, р. 154, 155; 70, р. 55, 56, 60, 63, 593]) а с другой – выгодным стратегическим положением Крыма малоуязвимым со стороны суши и способностью крымских ханов в 3-й четверти XV в. выставить довольно многочисленное, от 3-х до 6-ти тыс. всадников, по тем временам войско [см., например: 62, с. 69–70]. Ногайские династы, потомки Эдиге, несмотря на многочисленность своих подданных, не обладали должным «дородством» [см., например: 55, с. 33], чтобы бороться за верховенство на постордынском пространстве. Казанские же ханы (дети и внуки проигравшего Кичи-Мухаммаду Улуг-Мухаммада) [см., например: 16, с. 61–64], равно как и астраханские «цари», судя по всему, не обладали должным военным потенциалом для того, чтобы претендовать на имперский статус. В итоге именно борьба за доминирование на постордынском пространстве между Большой Ордой и Крымским ханством составили одну из наиболее ярких и важных составляющих второго этапа развития восточноевропейской политической системы во 2-й пол. XV – нач. XVI вв.

Для Литвы последствия смуты 30-х гг. XV в. были не столь трагичны, чем для Орды, но для ее политического будущего не менее значимы. Досконально исследовавший историю великой литовской уособицы С.В. Полехов писал, что эта смута стала экзаменом на прочность Великого Литовского княжества, «и эту проверку оно выдержало» [38, с. 507]. Формально это так, однако условия, на которых княжество не рассыпалось, скрывали внутри себя семена будущих проблем. В конечном итоге они выйдут на поверхность и поспособствуют утрате Великим княжеством Литовским своего статуса доминирующей политической силы в Восточной Европе, которую оно приобрело к концу правления Витовта. Пускай, как писал Д.И. Иванов, содержащиеся в т.н. «Похвале Витовту» слова о том, что де «бяхоу крепко слоужахоу емоу велиции князи, велики князь Московьски, велики князь Тферьски, велики князь Рязаньски, велики Новьгородь, велики Пьсковь» [41, стб. 417], отражали скорее политический идеал Витовта, нежели реальность [15, с. 106], тем не менее, вряд ли стоит отрицать тот факт, что к завершению его правления Великое княжество Литовское превратилось в могущественное государство, в известном смысле подменившее собой в регионе стремительно слабевшую Орду. Теперь же, после завершения смуты, об этой великодержавной политической программе пришлось забыть – достаточно сравнить формулировки договоров Витовта с великими князьями московским, тверским и рязанским с положениями договоров, которые заключил спустя два десятилетия Казимир Ягеллон с тверским же великим князем или московским [см.: 11, с. 62–63, 67–68, 160–163, 163–164; 60, с. 51–52]. Ничего похожего на ту легкость, с которой Витовт распоряжался, к примеру, в рязанских землях к концу 20-х гг. XV в. [см., например: 25, с. 190, 191, 195, 196, 197], теперь нет и в помине. Во 2-й половине XV в. и тем более в 1-й половине следующего столетия для Вильно чем дальше, тем важнее становилась задача не сколько приобретения новых владений, сколько удержания старых, и в борьбе за сохранение «старин» все средства и любые союзники были хороши.

Москва же, в отличие от Орды и Литвы, вышла из смуты заметно окрепшей и усилившейся. Василий II одолел в конце концов своего главного соперника, Дмитрия Шемяку, «перебрал» «людишек», удалив постепенно нелояльных (или потенциально нелояльных) его дому князей и бояр, и сумел обеспечить плавный переход власти к своему сыну Ивану, закрепив при этом его главенствующее положение среди прочих князей московского правящего дома. К концу 40-х гг., когда стало очевидным, что конец междуусобицы не за горами, в Москве окончательно созрело ощущение, что «Бог переменял Орду» и теперь можно постепенно, шаг за шагом (но отнюдь не форсируя события), обрести подлинное самодержавство. И не только внутри собственно Великого княжества Московского, Владимирского и иных, но и вовне, по отношению к другим государствам (а хоть и к Литве – если Василий I признавал Витовта своим «отцом», т.е. соглашался считать себя ниже могущественного литвина в политической иерархии, то уже его сын Василий II в 1449 г. именует Казимира, преемника Витовта, своим «братом»).

К этому времени московский великий князь избавился, судя по всему, от прежнего «пиетета» перед Ордой и ее правителями. Признавая на словах ордынского «царя» своим сюзереном и время от времени выплачивая поминки (которые постепенно превращались из регулярных выплат в инструмент московского воздействия на хана и его окружение), Василий вовсе не собирался восстанавливать прежнюю практику регулярных поездок Орду и тем более испрашивать там ярлык на княжение [иное мнение см.: 5, с. 153–154], сопровождая свое челобитье немалыми подарками. И вот в 1449 г. он делает важный шаг на этом пути – в договоре с великим князем литовским Казимиром следом за традиционным оборотом «по божьей воле и по нашей любви», появляется фраза **«божьей милостью се яз, князь велики Василеи Васильевич московской, и новгородский, и ростовский, и перьмский, и иных (выделено нами – В.П., Т.П.)...»** [11, с. 158]. Такое построение этой фразы позволяет трактовать ее как косвенное указание на новый, суверенный статус великого князя московского. Как отмечал турецкий историк Х. Инальджик, «с принятием титула *Божьей милостью (Dei Gratia)*, ... предполагается, что великий князь Московии, должно быть, среди всего прочего претендовал и на получение права сюзеренитета напрямую от самого господина Бога. Это понятие явно входило в конфликт с сюзеренитетом хана (и не стало ли это действие Василия одной из причин, по которой Саид-Ахмед начал набеги на владения великого князя? – В.П., Т.П.)...» [17, с. 88]. Не стоит забывать также и о том, что к 40-м гг. XV в. относятся и первые поименования Василия II царем (правда, пока как будто только в контексте религиозной полемики с «латинянами» вокруг Флорентийской унии 1438 г. [см., например: 37, с. 207], что, впрочем, не меняет значения этого шага – в византийской религиозно-политической доктрине, хорошо известной на Руси, царю в церкви отводилось особое место).

Новому статусу Московского великого княжества соответствовала и новая политическая программа. Собрав в своих руках немалую власть в собственно московских владениях, Василий теперь приступил к собиранию земель. Сохраняя видимость вассальных отношений с Ордой и демонстрацией своей лояльности обеспечивая относительную безопасность своих южных и юго-восточных рубежей (и, на всякий случай, как отмечал Б.Н. Флоря, Василий заключил союз с Казимиром, который острием своим был нацелен против Сеид-Ахмада [см.:

59, с. 187–190)), великий московский князь обратил свой взор на северо-запад. Здесь он поставил перед собой цель восстановить доминирующее влияние Москвы, утраченное было в значительной степени в 1-й половине столетия.

Первым тяжелую руку Василия II ощутил на себе Новгород, приютивший было на время главного врага московского князя и соперника в борьбе за власть Дмитрия Шемяку. Еще в 1449 г. Василий добился от своего литовского «брата» Казимира признания Новгорода и Пскова московской сферой влияния, а заодно и Рязани [11, с. 162]. Имея на руках такой козырь, Василий, верный выработавшейся в годы смуты привычке действовать не спеша, играть вдолгую, в конце 1455 г. прислал в Новгород «взметную грамоту» с объявлением войны новгородцам за их «неисправление». Потерпев поражение под Русой, Новгород сдался и в феврале 1456 г. в Яжелбицах был подписан мир. Характеризуя это соглашение, Ю.Г. Алексеев писал, что «едва ли можно называть этот договор переломным в московско-новгородских отношениях», поскольку «Яжелбицкий мир повторил почти без изменений традиционные нормы «докончаний» между великим князем и новгородскими боярами» [1, с. 458]. Осмелимся, однако, не согласиться с мнением маститого историка. По нашему мнению, важность заключенного в Яжелбицах соглашения заключалась как раз именно в том, что он восстанавливал «старину» в отношениях между Новгородом и Москвой – «старину», выгодную Москве [8, с. 40], «старину», которая едва не была разрушена при Витовте и теперь была возвращена во всей ее полноте.

Действия Москвы по отношению к Новгороду обозначили тот вектор новой внешней политики Московского государства, который начал оформляться после завершения многолетней русской смуты. И, сравнивая результаты междоусобиц и внутренних неурядиц 2-й четверти XV в. в Орде, в Литве и Москве, нетрудно заметить, что они оказали сильнейшее влияние на формирование внешнеполитического курса, которого будут придерживаться главные игроки на восточноевропейской политической сцене в последующие десятилетия и даже столетия. Для татарских династий определяющим стало стремление вернуть старые добрые времена «ордынского мира», для литовских великих князей удержать уже имеющееся, ну а для московских государей – завершить запущенный еще в XIV в. процесс собирания власти и земель, в первую очередь, конечно, русских, пресловутого «наследия Ярослава». В этой обстановке и начал складываться «биполярный» «постордынский мир».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: закат боярской республики в Новгороде // Алексеев Ю.Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству (XIV – XV вв.). М.: Изд-во Олега Абышко, 2020. С. 446–554.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
3. Березин И.Н. Ханские ярлыки. Казань: Тип.-я Н. Коквина, 1850. 158 с.
4. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.
6. Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

7. Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. М.: Изд-во «Индрик», 2004. С. 140–170.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
9. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М.: Наука, 1975. 519 с.
10. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. 276 с.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
12. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.
13. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Изд-во «Рудомино», 2004. 216 с.
14. Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.
15. Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. С. 79–115.
16. Илюшин Б.А. Казанские войны Василия III. Казань: Логос, 2021. 428 с.
17. Инальджик Х. Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 86–107.
18. Ипатьевская летопись // Русские летописи. Т. XI. Рязань: Александрия, 2001. 672 с.
19. История о Казанском ханстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн II. Т. V, VI, VII и VIII. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. 625 с.
21. Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 182 с.
22. Карпини Джиованни дель Плано. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С. 23–86
23. Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования: в 2-х книгах. Кн. 1. М.: Книга, 1989. С. 5–53.
24. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.
25. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М.: Квадрига, 2011. 256 с.
26. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143–501.
27. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
28. Литовская Метрика. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. XX. СПб.: Сенатская типография, 1903. VII. 50–1566. 258 с.
29. Львовская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
30. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1936. 288 с.
31. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

32. Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV – XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 48–58.
33. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
34. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. 655 с.
35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 788 с.
36. Пенской В.В. Злой гений // История в подробностях. 2013. № 8. С. 60–65.
37. Повесть Симеона суздальского об осьмом (флорентийском) соборе // Павлов А.Н. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб.: Тип.-я Императорской Академии наук, 1878. С. 198–210.
38. Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая вона в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с.
39. Послание Антония Василию Дмитриевичу / Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908. Приложения. Стб. 266–276.
40. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
41. Похвала Витовту // Полное собрание русских летописей. Т. XVII. М.: Языки славянских культур, 2008. Стб. 417–420.
42. Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017. 432 с.
43. Почекаев Р.Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV – начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 213–229.
44. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.
45. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–187.
46. Россия и степной мир Евразии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 432 с.
47. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
48. Русский Хронограф // Полное собрание русских летописей. Т. XXII. М.: Языки славянских культур, 2005. 896 с.
49. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). Т. II. Тексты. М., 1915. 186 с.
50. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.
51. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. № 27. 1948. С. 18–66.
52. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989. 783 с.
53. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
54. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 255 с.

55. Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVI веков. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
56. Трепавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.
57. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
58. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
59. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. X. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
60. Хорошкевич А.Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши в XI–XX вв. М.: УРСС, 1998. С. 39–57.
61. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
62. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV – XVIII вв.). Казань-Симферополь: Институт истории м. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.
63. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. V. Ч. II. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. 444 с.
64. Юзефович Л.А. Русский посольский обычай XVI века // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 114–125.
65. Юрченко А.Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.
66. Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée: La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires, Cahiers du Monde russe et soviétique, Vol. 14, No. 4 (Oct. – Dec., 1973), pp. 453–487.
67. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. II. London: Harper & Row, 1974. 1375 p.
68. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). Leiden-Boston, Brill, 2011. 1049 p.
69. Lietuvos Metrica. Kn. № 5 (1427–1506). Vilnius Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1993. 402 p.
70. Lietuvos Metrica. Kn. № 7 (1506–1539). Vilnius: LII leidykla, 2011. 1012 p.
71. Tilly Ch. Coercion, Capital, And European States, AD 990–1992. Cambridge – Oxford: Blackwell, 1990. 269 p.

**Сведения об авторах:** Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

*Поступила 08.03.2022 Принята к публикации 27.06.2022  
Опубликована 29.09.2022*



REFERENCES

1. Alekseev Yu.G. “We want to go to Moscow”: the decline of the boyar republic in Novgorod in Alekseev Yu.G. *Pskov and Novgorod on the eve of joining the Russian state (XIV–XV centuries)*. Moscow: Publishing house of Oleg Abyshko, 2020, pp. 446–554. (In Russian)
2. Belyakov A.V Chinggisids in Russia in the 15<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries: prosopographic research. Ryazan: «Ryazan. Mir», 2011. 512 p. (In Russian)
3. Berezin I.N. Khan's jarlyks. Kazan: Kokovin's typ., 1850. 158 p. (In Russian)
4. Vologda-Perm chronicle in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XXVI. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, 2006. 432 p. (In Russian)
5. Gorskiy A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Science Publishing House, 2005. 214 p. (In Russian)
6. Gorskiy A.A. Inheritance of the great reign in the middle of the XIII century. Batu and stepmother of Alexander Nevsky in *Russian history*. 2020, no. 4, pp. 31–37. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. The fate of the Nizhny Novgorod and Suzdal principalities at the end of the XIV – the middle of the XV centuries in *Medieval Rus*. Moscow: Indrik Publishing House, 2004, pp. 140–170. (In Russian)
8. Charters of Veliky Novgorod and Pskov. Moscow-Leningrad: Publishing House of Academy of Science of USSR, 1949. 407 p. (In Russian)
9. Grekov I.B. Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the XIV – XV centuries) Moscow: Science Publishing House, 1975. 519 p. (In Russian)
10. Grigorev A.P. Collection of khan's jarlyks to Russian metropolitans. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2004. 276 p. (In Russian)
11. Testament's and contractual charters of the great and appanage princes of the XIV – XVI centuries. Moscow-Leningrad: Publishing House of Academy of Science of USSR, 1950. 586 p. (In Russian)
12. Zagorovskiy V.P. The history of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16<sup>th</sup> century. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1991. 272 p. (In Russian)
13. Zaytsev I.V. Between Moscow and Istanbul. Juchid states, Moscow and the Ottoman Empire (early 15<sup>th</sup>–first half of the 16<sup>th</sup> centuries). Moscow: “Rudomino” Publishing House, 2004. 216 p. (In Russian)
14. Zimin A.A. A Knight at a Crossroads. Moscow: Thought Publishing House, 1991. 286 p. (In Russian)
15. Ivanov D.I. Moscow-Lithuanian relations in the 20s of the 15<sup>th</sup> century in *Medieval Rus*. Iss. 2, pp. 79–115. (In Russian)
16. Ilyushin B.A. Kazan wars of Vasily III. Kazan: Logos Publishing House, 2021. 428 p. (In Russian)
17. Inalzhik X. Reflection in the title of power relations between Russia, Crimea and the Ottoman Empire in *Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 86–107. (In Russian)
18. The Ipatiev's Chronicle in *Russian Chronicles*. Vol. XI. Ryazan: Aleksandriya Publishing House, 2001. 672 p. (In Russian)
19. History of the Kazan Khanate (Kazan Chronicler) in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XIX. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 328 p. (In Russian)
20. Karamzin N.M. History of Russian State. Part. II. Vol. V, VI, VII i VIII. St. Petersburg: Eduard Prats's Publishing House, 1842. 625 p. (In Russian)
21. Kargalov V.V. On the steppe border. Defense of the “Crimean Ukraine” of the Russian state in the first half of the 16<sup>th</sup> century. Moscow: Science Publishing House, 1974. 182 p. (In Russian)
22. Karpini Dzhiovanni del' Plano. History of the Mongols in *Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk*. Moscow: [State Publishing House of geographical literature, 1957, pp. 23–86. (In Russian)

23. Kostomarov N.I. The personality of Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible in Kostomarov N.I. *Historical monographs and research: v 2-x knigax*. Book 1. Moscow: Book Publishing House, 1989, pp. 5–53. (In Russian)
24. Krivosheev Yu.V. Rus' and Mongols. Research on the history of North-Eastern Rus', XII–XIV centuries St. Petersburg: [Academy of Culture Research, 2015. 452 p. (In Russian)
25. Lavrent'ev A.V. After the Battle of Kulikovo. Essays on the history of the Okadon region in the last quarter of the 14th – first quarter of the 16th centuries Moscow: Quadriga Publishing House, 2011. 256 p. (In Russian)
26. Levi-Stross K. [Untamed thought in Levi Stross K. *Totemism today. An untamed thought*. Moscow: Academic project, 2008, pp. 143–501. (In Russian)
27. Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XI. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 264 p. (In Russian)
28. Lithuanian Metrica. T. I in *Russian Historical Library*. Vol. XX. St. Petersburg: Senate's Printing House, 1903. VII – 50 – 1566. 258 p. (In Russian)
29. Lvov's Chronicle in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XX. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2005. 704 p. (In Russian)
30. Mekhovskiy M. Tractate on two Sarmatias. Moscow-Leningrad: Publishing House Academy of Science of USSR. 1936. 288 p. (In Russian)
31. Moscow annalistic collection of the late 15th century in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XXV. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004. 488 p. (In Russian)
32. Nekrasov A.M. The emergence and evolution of the Crimean state in the XV – XVI centuries in *National history*. 1999, no, 2, pp. 48–58. (In Russian)
33. Novosel'skiy A.A. The struggle of the Moscow state with the Tatars in the 17th century. Moscow-Leningrad: Publishing House Academy of Science of USSR, 1948. 447 p. (In Russian)
34. Obolenskiy D. Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits. Moscow.: Yanus-K, 1998. 655 p. (In Russian)
35. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimea, Nagai and Turkey. Vol. II. 1508–1521 gg. in Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 95. St. Petersburg: S.P. Yakovlev's Printing House, 1895. 788 p. (In Russian)
36. Penskoj V.V. Evil genius in *History in detail*. 2013, no. 8, pp. 60–65. (In Russian)
37. The story of Simeon of Suzdal about the octopus (Florentine) synod in Pavlov A.N. *Critical Experiments on the History of the Ancient Greco-Russian Polemics Against the Latins*. St. Petersburg: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1878, pp. 198–210. (In Russian)
38. Poxov S.V. Vitovt's heirs. Dynastic won in the Grand Duchy of Lithuania in the 30s of the 15<sup>th</sup> century. Moscow: Indrik Publishing House, 2015. 712 p. (In Russian)
39. Message from Anthony to Vasily Dmitrievich in *Monuments of Old Russian canon law. Ch. 1. in Russian Historical Library*. Vol. VI. St. Petersburg: [Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1880. Prilozheniya. Stb. 266–276. (In Russian)
40. Ambassadorial books on Russia's relations with the Nogai Horde (1551–1561). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2006. 391 p. (In Russian)
41. Panegyric to Vitovt in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XVII. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008. Stb. 417–420. (In Russian)
42. Pochekaev R.Yu. From vassals to suzerain. The Russian state and the heirs of the Golden Horde. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2017. 432 p. (In Russian)
43. Pochekaev R.Yu. Russian lands in Tatar-Lithuanian relations and Moscow (according to the khan's jarlyks of the late 14<sup>th</sup> – early 16th centuries) in *Proceedings of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century*. Vol. I. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2006, pp. 213–229. (In Russian)

44. Raximzyanov B.R. Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in an era of change, XV–XVI centuries. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2016. 396 p. (In Russian)
45. Rogozhsky chronicler in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XV. Moscow: Languages of Russian culture, 2000, pp. 1–187. (In Russian)
46. Russia and the steppe world of Eurasia. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2006. 432 p. (In Russian)
47. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the 13<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries. Moscow: Quadriga Publishing House, 2009. 248 p. (In Russian)
48. Russian Chronograph in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XXII. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2005. 896 p. (In Russian)
49. Serebryanskiy N.I. Old Russian princely lives (review of editions and texts). Vol. II. Teksty. Moscow: Society of Russian History and Antiquities at Moscow. university], 1915. 186 p. (In Russian)
50. Skrynnikova T.D. Charisma and power in the era of Genghis Khan. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2013. 384 p. (In Russian)
51. Smirnov I.I. Vostochnaya politika Vasiliya III [Eastern policy of Vasily III]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], no. 27. 1948, pp. 18–66. (In Russian)
52. Solov'ev S.M. History of Russia since ancient times in Solov'ev S.M. *Writings in eighteen books*. Book III. Vol. 5–6. Moscow: Thought Publishing House, 1989. 783 p. (In Russian)
53. Syroechkovskiy V.E. Muhammad-Giray and his vassals in *Scientific notes of Muscovy of the Order of Lenin of the State University named M.V. Lomonosov*. Iss. 61. Istoriya. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71. (In Russian)
54. Trepavlov V.V. "White Tsar". The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia in the 15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries. Moscow: Ed. firm "Eastern Literature" RAS, 2007. 255 p. (In Russian)
55. Trepavlov V.V. "The horde is independet". Nogai nomadic empire of the 15<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> centuries. Moscow: Quadriga Publishing House, 2013. 224 p. (In Russian)
56. Trepavlov V.V. "Russian ulus" of the Golden Horde in *Russian history*. 2021, no. 1, pp. 3–15. (In Russian)
57. Trepavlov V.V. Steppe empires of Eurasia. Mongols and Tatars. Moscow: Quadriga Publishing House, 2015. 368 p. (In Russian)
58. Filyushkin A.I. Titles of Russian sovereigns. Moscow-St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2006. 256 p. (In Russian)
59. Florya B.N. Horde and states of Eastern Europe in the middle of the 15<sup>th</sup> century (1430–1460) in *Slavs and their neighbors. Issue X. Slavs and the nomadic world*. Moscow: Nauka Science Publishing House, 2001, pp. 172–196. (In Russian)
60. Khoroshkevich A.L. Documents from the beginning of the 15<sup>th</sup> century. about Russian-Lithuanian relations in *Cultural ties between Russia and Poland in the XI–XX centuries*. Moscow: URSS, 1998, pp. 39–57. (In Russian)
61. Khoroshkevich A.L. Russia and Crimea: from union to confrontation. Late 15<sup>th</sup> – early 16<sup>th</sup> centuries. Moscow: E'ditorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
62. Sheykhumerov A.A. Army of the Crimean Khanate: organization and tactics (XV – XVIII centuries). Kazan-Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 304 p. (In Russian)
63. Shcherbatov M.M. Russian history from ancient times. Vol. V. Part. II. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1789. 444 p. (In Russian)
64. Yuzefovich L.A. Russian embassy custom of the 16<sup>th</sup> century in *Questions of history*. 1977, no. 8, pp. 114–125. (In Russian)
65. Yurchenko A.G. Elite of the Mongol Empire: the time of holidays, the time of executions. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2013. 432 p. (In Russian)

66. Bennigsen A., Lemerrier-Quellejy Ch. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée: La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires in *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 14, no. 4 (Oct. – Dec., 1973), pp. 453–487.

67. Braudel F. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. II. London: Harper & Row, 1974. 1375 p.

68. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> Century)*. Leiden-Boston, Brill, 2011. 1049 p.

69. Lietuvos Metrica. Kn. № 5 (1427–1506). Vilnius Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1993. 402 r.

70. Lietuvos Metrica. Kn. № 7 (1506–1539). Vilnius: LII leidykla, 2011. 1012 p.

71. Tilly Ch. *Coercion, Capital, And European States, AD 990–1992*. Cambridge – Oxford: Blackwell, 1990. 269 p.

**About the authors:** Vitaly V. Penskoj – Dr. Sci. (History), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

*Received March 8, 2022 Accepted for publication June 27, 2022*

*Published September 29, 2022*

УДК 94(47).043

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.653-671

EDN: EGRJLH

## СРАЖЕНИЕ ПРИ СУДЬБИЩАХ В ИЮНЕ 1555 ГОДА В ОЦЕНКАХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ И ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ XVI–XVII ВЕКОВ

**Н.В. Белов**

*Независимый исследователь*

*Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*belovnikita1997@yandex.ru*

*Цель исследования:* анализ известных русских нарративных памятников XVI–XVII вв. о битве при Судьбищах; выявление и объяснение различных оценок итогов сражения в летописях, публицистике и других исторических сочинениях эпохи Московского царства.

*Материалы исследования:* памятники официального, регионального и частного летописания XVI–XVII вв., памятники публицистики (сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского) и позднейшие исторические компиляции древнерусской традиции.

*Результаты и научная новизна:* в русских нарративных источниках XVI–XVII вв. результаты сражения между войсками крымского хана Девлет-Гирея I и царского воеводы И.В. Большого Шереметева при Судьбищах получили различную оценку. Во 2-й половине XVI в. в официальном правительственном дискурсе это событие воспринималось как безусловная, хотя и добытая дорогой ценой, победа русского оружия. Неофициальные сочинения этого периода, напротив, содержали известия о значительных людских потерях и в целом о поражении русской армии. Это было связано не столько с деятельностью государственной пропаганды, сколько с невозможностью оценки региональными книжниками глобальных, стратегических последствий битвы, о которых было известно придворным летописцам. Преимущественно компилятивный характер летописания XVII в. способствовал утверждению в русской книжности правительственного взгляда на сражение. Его же восприняли первые русские историки XVIII–XIX вв., а через их посредство и часть современных исследователей. В Приложении приводятся публикации ранее неизвестных летописных статей о битве при Судьбищах из трех неизданных рукописных памятников.

**Ключевые слова:** Иван IV Грозный, Девлет-Гирей I, русско-крымская война, битва при Судьбищах, позднее летописание, Андрей Курбский, Андрей Лызлов

**Для цитирования:** Белов Н.В. Сражение при Судьбищах в июне 1555 года в оценках русских летописцев и историописателей XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 653–671. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.653-671 EDN: EGRJLH

**THE BATTLE OF SUDBISHCHI IN JUNE 1555 IN THE APPRAISALS  
OF RUSSIAN CHRONICLERS AND HISTORIANS  
OF THE 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> CENTURIES**

*N.V. Belov*

*Independent researcher  
Saint Petersburg, Russian Federation  
belovnikita1997@yandex.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* An analysis of Russian narrative sources in the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries about the Battle of Sudbishchi; the identification and explanation of different assessments of the results of the battle in chronicles, publications, and other historical works of the Moscow State in the era.

*Research materials:* Official, regional, and private chronicles of the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries, publications (works of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky), and later historical compilations of the Old Russian tradition.

*Results and novelty of the research:* In the Russian narrative sources of the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries, the results of the battle between the Crimean Khan Devlet Giray I and the Tsar's voivode, Ivan Bolshoy Sheremetev, at Sudbishchi received different appraisals. In the second half of the 16<sup>th</sup> century, the official governmental discourse considered this event to be an total, though costly, victory of Russian arms. The unofficial compositions of this period, in contrast, contained information about significant human losses and in general about the defeat of the Russian army. This was due not so much to the activity of state propaganda as to the inability of regional scribes to assess the global strategic consequences of the battle that were known to court chroniclers. Predominantly, the compilative character of the 17<sup>th</sup> century chronicles contributed to the affirmation of the governmental view of the battle among the Russian scribes. The first Russian historians of 18<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> centuries accepted it, and through their mediation, a number of our contemporary researchers likewise shared their view. The Appendix of the article contains publications of three previously unknown accounts about the Battle of Sudbishchi from unpublished chronicles.

**Keywords:** Ivan IV the Terrible, Devlet Giray I, the Russian-Crimean War, the Battle of the Sudbishchi, late Chronicles, Andrei Kurbsky, Andrei Lyzlov

**For citation:** Belov N.V. The Battle of Sudbishchi in June 1555 in the appraisals of Russian chroniclers and historians of the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 653–671. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.653-671 (In Russian)

Двухдневное сражение между войском крымского хана Девлет-Гирея I и армией московского воеводы И.В. Большого Шереметева, произошедшее 24–25 июня 1555 г. на Поле, близ урочища Судьбищи, в верхнем течении реки Любовши (современная Орловская область), является одним из наиболее известных событий русской военной истории времени правления царя Ивана IV Грозного. Масштаб и жесточенность битвы, ее выдающееся стратегическое значение и последующий международный резонанс обусловили повышенное внимание к ней со стороны как современников, так и позднейших историописателей, и профессиональных историков.

Связанные с битвой военные и дипломатические сюжеты получили весьма подробное освещение в отечественной историографии. В то же время,

вопрос об итогах сражения остается предметом дискуссии<sup>1</sup>. Войско И.В. Большого Шереметева зашло в тыл идущего на Русь Девлет-Гирея I, захватило ханский «кош» (обоз), лишив тем самым татар возможности к продолжению похода. Опасаясь окружения, Девлет-Гирей I пошел обратно с намерением разбить Шереметева и «отполонить» потерянный «кош» [35, с. 41–43]. Основные силы русской армии были разбиты крымской конницей в открытом бою, однако отряд воеводы А.Д. Басманова Плещеева закрепился в дубраве и смог отразить все атаки противника, нанеся ему значительный урон. Часть историков вслед за официальной летописью считают Судьбищенскую битву значимым успехом русских войск [25, с. 133–139; 12, с. 145–192]. Другие прямо пишут о поражении московской армии и победе крымцев [16, с. 95–97; 57, с. 161–162; 32, с. 95, 96; 17, с. 51–53, 272–273]. Большинство исследователей придерживаются «центристской» позиции, признавая, что Девлет-Гирею I удалось добиться тактического успеха, однако русская сторона ценой больших потерь удержала за собой стратегическую победу [21, с. 115–121; 48, с. 227–228; 56, с. 191; 46, с. 597–600; 54, с. 392–393, 394; 35, с. 43–56; 36, с. 56–70; 58, с. 121–122; 18, с. 94–95; 19, с. 158–161; 7, с. 412]. Подобная разноголосица обнаруживается и в исторических сочинениях доначного периода, созданных в XVI–XVII вв.

Оценки, данные Судьбищенской битве в нарративных источниках эпохи Московского царства, не становились прежде предметом специального рассмотрения<sup>2</sup>. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

### **Свидетельства современников: памятники 2-й половины XVI в.**

Наиболее ранний рассказ о сражении при Судьбищах содержится в «Летописце начала царства» 2-й редакции (далее – ЛНЦ) – главной хронике царского двора, архетип которой, как полагает А.Е. Жуков, был составлен в 1556 г. [20, с. 99], то есть спустя несколько месяцев после битвы. В основе его текста лежали материалы царского и разрядного архивов. Летописец содержит обширную документальную повесть «О посылке государьской на стада на крымские», кульминацией которой и стало Судьбищенское сражение. Редактор летописца излагал события кампании в соответствии с официальной версией российского правительства. Он отдавал должное организаторским усилиям

---

<sup>1</sup> Двойственность итогов битвы при Судьбищах была очевидной для осведомленных книжников XVI в. К сожалению, она не является таковой для некоторых современных историков. В новейшем исследовании встречаем спор двух диаметрально противоположных упрощенных взглядов на сражение, причем один из них, о поражении русского войска, подан как безусловно доказанный [59, с. 230].

<sup>2</sup> Заметим, что далеко не все из проанализированных нами нарративных известий когда-либо привлекались к изучению Судьбищенского боя. Авторы наиболее обстоятельных на сегодняшний день работ о сражении, В.П. Загорский и В.В. Пенской, ограничились использованием материалов официального царского летописания («Летописца начала царства» в составе Синодального списка Никоновской летописи), сочинений Ивана IV и князя А.М. Курбского, а также Холмогорской летописи и летописчика И. Зайцева. Вне поля зрения исследователей остались некоторые опубликованные памятники (вторичный, но все-таки весьма важный рассказ Степенной книги, краткие записи Псковской 3-й летописи и Соловецкого летописца), не говоря уже о впервые вводимых нами в научный оборот летописцах с записями за XVI в. из фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, и тем более – о поздних компилятивных сочинениях XVII столетия.

царя Ивана IV, который по первой тревоге послал на Поле станичников «доведатца подлинных вестей, <...> а сам х Туле пошел не мешкая». Отмечал справщик летописи и героизм русских воевод и ратных людей, настигших хана у Судьбищей и бившихся с ним «жестокым крепким боем». Разгром основных сил армии И.В. Шереметева летописец, воспроизводя текст воеводских отписок, объяснял отъездом большей части войска вместе с захваченным крымским «кошем». Подлинным героем битвы составитель летописи называет воеводу А.Д. Басманова. Вместе с воинским головой С. Сидоровым и пятью-шестью тысячами поместных конников и стрельцов он засел в дубраве, успешно отражал атаки татар и вынудил Девлет-Гирея I отступить в степь. Несмотря на большие потери (летописец называет точные данные: 320 служилых людей и 34 стрельца, число послужильцев пропущено<sup>3</sup>), хронист говорит об уверенной победе русских сил: «и жаловал государь воевод и детей боярских, которые билися с крымцы» [38, с. 256–258]. Оценку, данную придворным летописцем результатам и значению битвы при Судьбищах стоит признать весьма взвешенной. Это подтверждается как фактом «жалования» Иваном IV своих «воинников», так и отсутствием следов царской немилости в дальнейших воеводских «карьерях» И.В. Большого Шереметева и А.Д. Басманова. Кроме того, дипломатическая документация второй половины 1550-х гг. позволяет говорить о том, что подобной точки зрения придерживался не только московский двор, но и бежавший из-под Судьбищ крымский хан Девлет-Гирей I и его окружение<sup>4</sup>. Позднее, в конце 1560-х – 1570-х гг. пространное сообщение ЛНЦ было включено в Синодальный том Лицевого летописного свода. Составитель свода привнес в летописный рассказ лишь некоторые уточняющие детали (например, завышенное число павших на бою ратников<sup>5</sup>) и сопроводил текст красочными миниатюрами [29, с. 183–208].

Еще одним памятником официального летописания грозненской поры, сохранившим описание Судьбищенской битвы, является «Степенная книга царского родословия». Согласно наиболее обоснованному мнению, она была создана по поручению митрополита Макария на рубеже 1550–60-х гг. Ее вероятным составителем или, лучше сказать – ответственным редактором являлся царский духовник Андрей (будущий митрополит Афанасий) [53, с. 117–118]. Описанию «побоища с крымским царем в поле» в Степенной книге отведена особая 16-я глава XVII-й степени. Она представляет собой краткий пересказ

<sup>3</sup> По предположению В.В. Пенского, общие потери русской армии могли достигать 1,1 тыс. чел., то есть до 10% личного состава [35, с. 54]. В опубликованном Ю.Д. Рыковым поминальном списке синодика Архангельского собора Московского Кремля записаны 50 князей и детей боярских, «побитых» при Судьбищах; этот список был вероятнее всего составлен по распоряжению Ивана IV в скором времени после битвы [46, с. 601, 679, 683].

<sup>4</sup> Речь идет, разумеется, не об официальных посланиях крымского двора в соседние государства (в которых сообщалось о победе над «москвитами»), а о реальных шагах по заключению мирного договора с Иваном IV, предпринятых Девлет-Гиреем I после битвы при Судьбищах. Причины мирных устремлений Крыма весьма красноречиво изложены в документах тех лет: это «побиение» «лучих» и «ближних» людей, а также «безчестье и убытки», понесенные ханом по итогам сражения [35, с. 54–56].

<sup>5</sup> «...детей боярских две тысячи человек, а стрельцов 34 человека, а боярских людей пять тысяч» [38, с. 258]. То же в Лебедевской летописи – копии, снятой в XVII в. с Синодального тома [39, с. 239]. Этот факт отмечен в литературе: [46, с. 599; 35, с. 54].



повести, помещенной в ЛНЦ. По сравнению с ЛНЦ, составитель Степенной настроен по отношению к Судьбищенской битве несколько более сдержанно. Итог сражения он склонен рассматривать как «пиррову ничью»: «и бишася по дваи дни, и обоямо множество людей падошя, и разидошася». Тем не менее, по замечанию книжника, воеводы смогли сохранить войско и вернуться «со многими людьми», получив от царя «достойную честь», а следовательно – вышли из схватки с крымским ханом победителями [50, с. 379–380].

К этому же времени относится проникновение связанных с Судьбищенским боем сюжетов на страницы публицистических сочинений. В самый канун опричной грозы, летом 1564 г. в первом послании бежавшему в Литву князю А.М. Курбскому Иван Грозный вспомнил о событиях девятилетней давности. Отвечая на обвинения Курбского в недостаточно решительных действиях против Крыма, царь заявил, что именно «партия войны» (к которой, видимо, принадлежал и сам Курбский) несет ответственность за избиение русских воинов под Судьбищами: «по вашему злосоветию, а не по нашему хотению случися такая пагуба православному христианству» [37, с. 37]<sup>6</sup>. Как видим, желая уязвить своего оппонента, а в его лице и всех своих политических противников по «крымскому вопросу», Иван Грозный намеренно отошел от официальной «панегирической» концепции Судьбищенского сражения, зафиксированной в ЛНЦ, а позднее, – через полтора десятилетия после процитированного послания, – и в Лицевом своде. На исходе своей жизни царь Иван беспощадно редактировал финальные тома Свода, вычеркивая «неудобные» формулировки и, напротив, привнося в него актуальные дополнения. Как показали исследования последних десятилетий, многие приписки на полях Свода были сделаны с использованием текстов царских посланий князю Курбскому [47, с. 81–88]. Рассказ Свода о сражении при Судьбищах редакторская правка русского царя совершенно не затронула. Таким образом, под пером Ивана IV события летнего похода 1555 г. обрели двойное отображение, став символом печального итога антикрымской политики царских «злосоветников» – в послании Курбскому и героической стойкости русской армии – в придворном летописании и дипломатических документах.

«Законсервированный» ответ Ивану Грозному Андрей Курбский предоставил лишь в 1-й половине 1570-х гг. В своей «Истории о делах великого князя Московского» Курбский подробно осветил ход битвы, в целом следуя за версией официальной летописи и попутно дополняя ее многочисленными деталями. Князь Андрей восхвалял стойкость и мужество русских воинов, бившихся малыми силами с многочисленным неприятелем. Особой похвалы князя удостоился воевода И.В. Шереметев. Прославленного же в царской летописи А.Д. Басманова Курбский не упомянул, поскольку тот представлял на страницах «Истории» как главный «ласкатель» Ивана Грозного и виновник жестоких опричных казней<sup>7</sup>. Подводя итог, Курбский вслед за придворными хронистами констатировал славную, хотя и немало омытую кровью, победу русского оружия: «И приехаша те все стратилаты со своими здравы ко царю нашему» [5, с. 78–85].

<sup>6</sup> Приведенный пассаж царя Ивана коррелирует с внешнеполитической риторикой тех лет. Начиная с осени 1562 г. в дипломатической переписке с крымским двором Иван Грозный неоднократно обвинял своих вельмож в том, что те в предшествующие годы «ссорили» его с Девлет-Гиреем I [55, с. 701; 7, с. 423–424].

<sup>7</sup> Об этой предвзятости Курбского см.: [19, с. 168–169].

Обзор свидетельств современников о Судьбищенской битве был бы неполным без обращения к памятникам регионального и частного летописания. Написанные в разных регионах страны людьми различного происхождения, они, в отличие от правительственной версии, практически единодушно оценивают бой при Судьбищах как тяжкое поражение русской армии.

Наиболее раннее сообщение о сражении содержится в кратком летописчике инока Иосифо-Волоколамского монастыря Игнатия Зайцева. Его основная часть была написана около 1555/56 г. и, вероятно, отражала сравнительно свежее впечатление об этом событии. По словам ученого книжника, «великого князя воевод <...> на поле обил царь крымской, многих людей побил, а иных в полон имал, а сами воеводы ушли не со многими людьми» [22, с. 20–21]. Последняя фраза летописца диссонирует с официальными данными о том, что государевы большие воеводы возвратились к царю «со всеми людьми, дал Бог, здорово» (вариант Степенной книги: «со многими людьми») и подчеркивает большие потери русского войска. Примечательно, что Игнатий Зайцев привел в своем летописчике лишь событие первого этапа Судьбищенского боя – поражение главных сил И.В. Шереметева, однако умолчал о последующей успешной обороне укрепленной дубравы людьми под командованием А.Д. Басманова. Скорее всего, он мог просто не знать об этом важном, но по масштабу несомненно второстепенном эпизоде сражения<sup>8</sup>.

Сходным образом описывает битву при Судьбищах составитель Холмогорской летописи, завершивший свой труд около 1558 г. Столкновение на Поле он однозначно расценивает как крупную неудачу, приведшую к бегству русской армии: «И бысть им бой велми страшен, и грех ради наших многих побиша детей боярских великого князя, а иных руками яша и во плен поведоша. Воевода ж великого князя Иван Шереметев едва убежа не во мнозе». Очевидно, желая сгладить впечатление о тотальном разгроме русской армии, севернорусский летописец не преминул отметить и значительные потери крымского войска: «много ж паде и татар» [41, с. 138].

Близкое известие обнаруживается в Псковской 3-й летописи. Ее текст, как полагают исследователи, был создан в Псково-Печерском монастыре в 1567 г. [34, с. 29]. Псковский монах, вероятно, не имея под рукой сколь-нибудь подробного источника, оставил скупую запись: «Того же лета бой был на нашем поле Ивану Шереметеву с крымским царем Довлет-Киреем, и обиша Ивана» [43, с. 234].

Того же взгляда на результаты битвы придерживался составитель 2-й редакции Соловецкого летописца, в котором С.Н. Кистерев небезосновательно видит монастырского старца Митрофана. Будучи созданной в 1591 г., эта редакция содержит известие о сражении при Судьбищах, отсутствующее в

---

<sup>8</sup> Представители волоколамской служилой корпорации входили в состав армии И.В. Шереметева и сражались при Судьбищах [46, с. 681], они-то и стали наиболее вероятными информаторами летописца. Известно, что сообщения, исходившие от разбитой части русского войска, поначалу породили слух, что «крымской царь воевод Ивана Шереметева с товарищи побил и пошел было воевать тульских мест» [44, с. 497] – очевидно, до тех пор, пока в царской ставке не получили надежных сведений об успешных боях А.Д. Басманова и отступлении крымцев. В этом свете показание И. Зайцева, почти наверняка полученное от служилых людей (и по смыслу весьма близкое к процитированному фрагменту разряда), не кажется странным.

хронологически более ранней 1-й редакции 1570-х гг. [26, с. 398]<sup>9</sup>. Источником этой вставки послужила Степенная книга [50, с. 379]. Позаимствовав из Степенной фактологию событий, соловецкий редактор представил совершенно иной взгляд на итог вооруженного столкновения: «И по грехом государевых воевод <...> розгромили и многих людей московских побили» [33, с. 246]. Эти сведения книжник не мог почерпнуть из патетического текста Степенной книги. Скорее всего, он зафиксировал представления об этом бое, бытовавшие в среде ученых соловецких монахов в начале 1590-х гг.

Предельно кратко сообщает о сражении автор летописных заметок 1533–1574 гг., составленных, вероятнее всего, в одной из книгописных мастерских Центральной России<sup>10</sup>: «Того же лета Ивану Большому Шереметеву было со царем крымским на поле дело» [52, с. 228]. Архетип этих заметок отразился в летописной компиляции XVIII в. (судя по добавочным статьям, изначально созданной в правление царя Алексея Михайловича в стенах Троице-Сергиева монастыря), более точно передающей первоначальный текст записи: «Того же лета царь и велики князь Иван Васильевич всея Русии посылал на крымские места боярина своего и воеводу Ивана Васильевича Шереметева Большаго с товарищи. Они же шедше, кошт царев взяли и пошли за царем к Туле. А царь с ними встретился да их розгромил, и многих русских людей побил и поима»<sup>11</sup>. Как видим, и этот частный летописный памятник говорит о жестокоем поражении русского войска в Судьбищенской битве.

Особняком в этом ряду стоит известие летописца новгородского происхождения, составленного, как можно думать, около 1589 г. в связи с учреждением на Москве патриаршей кафедры. Записи летописца за время правления Ивана IV оригинальны и по большей части не находят прямых текстовых параллелей с известными в настоящее время памятниками<sup>12</sup>. Рассказ о русско-крымском столкновении лета 1555 г. в летописце имеет вид краткого воинского панегирика. По словам его автора, Девлет-Гирей I пришел на Русь «со многими ордами: турчане, казанцы беглецы, нагайцы и озокки». Прознав о встречном «борзом» выступлении Ивана IV к Дону, хан побежал назад в Крым. Шедший по пятам за татарами И.В. Шереметев захватил ханские «коши», «людей царевых многих прибил» и с победой вернулся к Москве<sup>13</sup>.

Несколько позднее, возможно, на рубеже XVI–XVII столетий или же в начале Смуты, при митрополичьей кафедре Великого Новгорода был создан грандиозный летописный свод, нашедший отражение в тексте Новгородской Корнильевской летописи [2, с. 84; 60, с. 292]<sup>14</sup>. В отличие от Летописца 1589 г.,

<sup>9</sup> Отмечено также в статье О.Л. Новиковой [33, с. 221].

<sup>10</sup> Публикатор летописца М.Н. Тихомиров полагал, что памятник создан в Вологодской земле. Н.А. Казакова оспорила предположение Тихомирова и пришла к выводу о, скорее, московском происхождении этого текста [24, с. 72–73]; точка зрения Казаковой, не вызвавшая возражений у Я.Г. Солодкина [49, с. 82], представляется весьма обоснованной.

<sup>11</sup> РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 769. Л. 4 об. Запись воспроизводится в полном объеме в Приложении к настоящей статье (№ 1).

<sup>12</sup> Нам уже доводилось писать об оригинальности известий этого летописца в связи с рассмотрением событий столичного переворота января 1542 г. [9, с. 26].

<sup>13</sup> РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 1326. Л. 79–79 об. Запись публикуется в Приложении к настоящей статье (№ 2).

<sup>14</sup> В литературе эту летопись, известную в единственном списке 1650–60-х гг., часто называют вариантом Уваровской летописи. Имя «Корнильевской летописи» памятнику

в данном памятнике новгородского летописания битва Судьбищах преподносится как боевое столкновение с неясным результатом. Хронист кратко изложил правительственную версию о «побиении» на Поле «московских людей» И.В. Шереметева и успешной обороне А.Д. Басманова в засеке, прибавив к этому, что с воеводой Шереметевым «было дворян 40 000»<sup>15</sup>. Последняя деталь может показаться искажением данных ЛНЦ об участии в походе 4000 детей боярских [38, с. 258], поскольку подобный литературный прием – изменение числовых показаний источников в 10 раз – был характерен для позднего новгородского летописания<sup>16</sup>. Однако историки не располагают надежными сведениями о привлечении текстов официальных придворных летописей времени Ивана Грозного к созданию Корнильевской летописи – напротив, в ней преобладают оппозиционные Москве настроения [2, с. 83–84]. Думается, указание на число русских ратников имеет под собой сугубо литературную основу – несколькими строками ниже составитель пишет о 60-тысячной армии князя П.М. Щенятева, отправившейся «воевать» шведский город Выборг, что является очевидным преувеличением и не находит параллелей в других источниках<sup>17</sup>.

Итак, уже во 2-й половине XVI в. в среде русских книжников сформировалось два принципиально различающихся взгляда на результаты Судьбищенской битвы. Официальное (царское, митрополичье) летописание говорило об уверенной, хотя и дорогой ценой, победе русского оружия и поспешном бегстве крымского хана. Эта же точка зрения, по-видимому, доминировала и в среде высшей прослойки Государева двора (как мы можем судить на примере сочинения князя А.М. Курбского). Критический взгляд на итог сражения, выраженный Иваном Грозным в пылу полемики с Курбским, по-видимому, не отражал реального мнения царя и не оказал влияния на выработанную правительством позицию по этому вопросу. Провинциальное и частное летописание было настроено более критично и зачастую преподносило битву не просто как поражение, но страшный разгром русской армии. Находясь за рамками официального политического дискурса, составители кратких летописчиков и региональных летописных сводов обращали внимание в первую очередь на тактическую неудачу И.В. Шереметева, приведшую к гибели большого числа служилых людей, и не замечали стратегической победы московского командования. Разошедшаяся по Русской земле весть об избиении сотен русских ратников<sup>18</sup> затмила последовавший за ней глобаль-

---

дал В.В. Яковлев. Историк считает, что Корнильевская летопись предшествовала Уваровской [61, с. 6–8, 10–11].

<sup>15</sup> БАН. 34.4.1. Л. 473 об. Запись публикуется в Приложении к настоящей статье (№ 3).

<sup>16</sup> См., например: запись Новгородской Погодинской летописи Краткой редакции о битве на р. Шелони 1471 г., все количественные данные в которой сокращены в 10 раз по сравнению с известиями прочих летописей (РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 129. Л. 52 об.), см.: [10, с. 110, 127–128].

<sup>17</sup> Прямых текстуальных совпадений Корнильевской летописи с ЛНЦ в статье о бое при Судьбищах не прослеживается, хотя нельзя полностью исключать знакомство новгородского хрониста с официальной московской летописью. Так, сюжет об обороне А.Д. Басманова в *засеке* присутствует только в ЛНЦ и неизвестен по другим источникам.

<sup>18</sup> Проанализировав поминальный список павших в походе воинов, Ю.Д. Рыков заключил, что помимо москвичей среди них значатся представители иных служилых корпораций: вязьмичи, волочане, каширяне, коломнич, можаичи, переяславцы, рязанцы, твERICИ, туляне [46, с. 681].

ный успех – тотальный крах большого ханского похода в центральные районы страны. Всеобщий плач по мертвым приобрел поистине всероссийский масштаб и заглушил хвалебные речи Ивана IV, не покинувшие, как мы могли убедиться, пределов кремлевских стен<sup>19</sup>. Объективный же подход к изложению итогов битвы при Судьбищах (известный нам, пожалуй, по одной Новгородской Корнильевской летописи – в случае, если она действительно опирается на ранний митрополичий летописный свод) стал возможным только на исходе XVI столетия, когда после смерти Ивана IV его младшие современники предприняли первые попытки осмысления событий грозненского царствования одновременно с разных сторон «идеологических баррикад», не принимая сторону одних лишь его обличителей либо апологетов [31, с. 57, 60].

### «Да ведают потомки...»: сочинения XVII в.

По завершении Смутного времени официальная версия Судьбищенского боя широко распространяется в негосударственном летописании. Активно создававшиеся в XVII в. летописные компиляции зачастую имели в своей основе Никоновскую летопись или Степенную книгу<sup>20</sup>. Живой памяти о сражении 1555 г. уже не сохранилось, а потому многочисленные «любители истории» охотно заносили в свои летописные сборники рассказы официальных хроник предыдущего столетия.

Около 1637 г. в Троице-Сергиевом монастыре создается новая редакция Никоновской летописи, впоследствии обретшая популярность у русских книжников [27, с. 268–274]. В Троицкой редакции объемное сообщение ЛНЦ о битве практически не претерпело изменений<sup>21</sup>. Из этого сочинения рассказ о сражении перешел в грандиозный патриарший летописный свод 1670-х гг.<sup>22</sup> Краткий экстракт ЛНЦ использовал и составитель патриаршего свода 1652 г., ограничившийся сообщением о «пригоне» на Русь 60 000 татарских лошадей<sup>23</sup>.

Аналогичный взгляд на битву при Судьбищах утвердился в летописании Великого Новгорода. Составители новгородских Третьей<sup>24</sup> и Забелин-

<sup>19</sup> Сходная тенденция – преувеличение тактического успеха в официальном и сравнительно взвешенный подход к оценке военных событий в частном и региональном нарративе – выявлена А.В. Казаковым на материале русских летописей применительно к несчастливой для москвичей Оршанской битве 1514 г. [23, с. 317–318, 332]. А.Н. Лобин и Н.В. Белов уточнили данные Казакова, в частности отметили большую роль религиозного фактора в восприятии поражения – многими книжниками оно воспринималось как Божья кара за людские грехи [30, с. 288; 8, с. 370–371]. Тенденциозность официального летописания в пику частному и региональному в освещении событий русско-казанского противостояния XV–XVI вв. отмечена в цикле работ А.В. Аксанова [3, с. 143–144; 4].

<sup>20</sup> Отметим, что сообщение о Судьбищенском бое отсутствует в популярнейшем историческом произведении XVII в. – Хронографе Русском II редакции, а также в его позднейших переработках: Хронографе III редакции и Хронографе Кубасова. Не обнаруживается оно и в другом крупном сочинении эпохи, Новом летописце.

<sup>21</sup> РГБ. Ф. 304. II. Доп. собр. Троице-Сергиевой лавры. № 364. Л. 1161–1163.

<sup>22</sup> РГБ. Ф. 556. Собр. Вифанской духовной семинарии. № 34.2. Л. 626 об. – 627 об. См. о нем: [27, с. 280–295].

<sup>23</sup> РГБ. Ф. 37. Собр. Т.Ф. Большакова. № 423. Л. 120 об. См. о нем: [28].

<sup>24</sup> РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 127. Л. 415 об. (Пространная редакция). В Краткой редакции, изданной в составе III-го тома «Полного собрания русских летописей», известие отсутствует.

ской<sup>25</sup> летописей – памятников последней трети XVII в. – практически дословно заимствовали описание боя из более ранней Корнилевской летописи<sup>26</sup>, к свидетельству которой мы обращались выше. Исключение составляет Новгородско-Псковская летопись 1630 г., в составе которой читается очень критическая характеристика битвы, извлеченная из Соловецкого летописца [52, с. 196; 62, с. 436].

Известие Степенной книги распространялось в рукописной традиции XVII столетия не только в результате многократной переписки этого памятника и появления его особых редакций, но и при создании компилятивных исторических сочинений. К последним, например, можно отнести Хронограф особой редакции 1660–80-х гг. (очевидно связанный со столичными приказными людьми)<sup>27</sup>, летописец 3-й четверти XVII в. из книжного собрания дворян Фонвизиных<sup>28</sup> и Мазуринский летописец патриаршего книгописца Исидора Сназина [40, с. 132–133].

К каким-то официальным известиям восходит и краткая запись популярного в XVII в. «Летописца выбором», сообщающая о «побиении» на Поле «крымско-го царя» воеводами И.В. Шереметевым и А.Д. Басмановым<sup>29</sup>. Возможно, из «Летописца выбором» или родственного ему памятника аналогичная запись была взята составителями Хронографа Пахомия 1649–51 гг.<sup>30</sup>, патриаршего «Хронографца» рубежа 1680–90-х гг.<sup>31</sup> и Костровского летописца начала XVIII в.<sup>32</sup>

Еще ряд летописцев XVII в. глухо сообщают о Судьбищенском бое («было дело»), однако же никак не комментируют его исход, например, Пискаревский летописец 1610-х гг. [42, с. 189]<sup>33</sup>.

На исходе XVII столетия распространившаяся посредством Никоновской летописи и Степенной книги официозная версия битвы при Судьбищах получила дополнительную подпитку. При царе Федоре Алексеевиче в среде русских книголюбов приобретает широкое хождение «История» князя Курбского. Отдельные ее фрагменты вошли в состав ряда компилятивных сочинений по отечественной истории. Среди прочих наибольшим признанием в кругах московских книжников пользовалась «Скифская история» стольника Андрея Лызлова. В свой фундаментальный труд, заверченный в 1692 г., ученый дворянин

<sup>25</sup> РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 733. Л. 546 об. Летописная статья воспроизведена в исследовании М.Н. Тихомирова по другому списку [51, с. 159].

<sup>26</sup> О взаимном отношении этих летописей см.: [61, с. 8–10].

<sup>27</sup> РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцова. № 457. Л. 810–810 об. См. о нем: [45, с. 267–272].

<sup>28</sup> РГБ. Ф. 299. Собр. Н.С. Тихонравова. № 557. Л. 195 об. – 196.

<sup>29</sup> Эта запись, вероятно, присутствовала уже в архетипе летописца. Так, она читается не только в наиболее приближенных к архетипу Архивном и Благовещенском списках 1660–70-х гг. [13, с. 242], но и в весьма исправном Симоновом списке 1650-х гг. (РГБ. Ф. 173. I. Фунд. собр. МДА. № 201. Л. 275), о нем см.: [14].

<sup>30</sup> РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева. № 2. Л. 465. Запись ошибочно помещена под 7045 (1536/37) г.

<sup>31</sup> РНБ. Собр. ОЛДП. F.476. Л. 301 об. См. о нем: [15, с. 58–60].

<sup>32</sup> РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 1110. Л. 216 об.; РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 764. Л. 233. В протографичном ему Беляевском летописце 2-й четверти XVII в. данная запись отсутствует (РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева. № 4; РНБ. Собр. М.П. Погодина. № 1408). Об этой группе летописцев см.: [11, с. 117–125].

<sup>33</sup> Я.Г. Солодкин полагает, что эта летописная статья заимствована из краткого летописца с записями за 1533–1574 гг., опубликованного М.Н. Тихомировым [49, с. 80–82].

включил подробную повесть о Судьбищенском бое: в ее основу лег рассказ «Истории» Курбского, дополненный по Степенной книге [6, с. 140–142, 425].

\* \* \*

Известия русских нарративных источников об итогах судьбоносного сражения при Судьбищах сильно разнятся. Уже современниками были изложены два диаметрально противоположных взгляда на это событие. В официальном придворном дискурсе времени Ивана Грозного битва однозначно оценивалась как громкая *стратегическая* победа, пускай и добытая большой кровью. Провинциальные и частные летописцы, обращавшие внимание исключительно на большие людские потери и упускавшие из виду глобальные последствия боя, усматривали в нем серьезную *тактическую* неудачу и едва ли не военную катастрофу. Составители летописных компиляций следующего XVII в. оставили без внимания свидетельства «малых» негосударственных летописей и, напротив, черпали сведения о сражении (а, стало быть, оценку его итогов) практически исключительно из «больших» официальных сочинений грозненского периода. К началу петровских реформ в широком «книжном поле» возобладала и безраздельно господствовала именно официальная придворная версия столичных книжников 2-й половины XVI столетия. Она же попала на страницы трудов первых российских историков и во многом, с незначительными коррективами, дожила до наших дней.

### **Приложение. Записи о битве при Судьбищах из неопубликованных летописных памятников**

Приведенные ниже известия о Судьбищенском бое июня 1555 г. вводятся в научный оборот впервые. Несмотря на то, что они дошли до нас в сравнительно поздних списках, их связь с книжной традицией XVI в. несомненна. Запись Троицкого летописца, как мы полагаем, восходит к общему архетипу летописных заметок 1570-х гг. и одного из источников Пискаревского летописца 1610-х гг. Статья новгородского Летописца 1589 г. принадлежит к многочисленным уникальным известиям этого памятника. Оба известия, таким образом, вышли из-под пера младших современников битвы при Судьбищах и имеют несомненную научную ценность. Критическое издание полных текстов обоих летописных сочинений подготавливается автором этих строк. Прибавленное к ним краткое сообщение Новгородской Корнильевской летописи вполне может принадлежать руке книжника 1580–1600-х гг. и, наряду с другими ее оригинальными записями, заслуживает внимания исследователей<sup>34</sup>.

---

<sup>34</sup> См., к примеру, записи производных от Корнильевской поздних новгородских летописей, посвященные событиям Ливонской войны, изданные и кратко прокомментированные С.Н. Азбелевым [1].

**№ 1****Из Троицкого летописца 2-й половины XVII в.****(РГБ, ф. 310, собр. В.М. Ундольского, № 769, л. 4 об.)**

Того же [7063] лета царь и велики князь Иван Васильевич всея Руси посылал на крымские места боярина своего и воеводу Ивана Васильевича Шереметева Большаго с товарищи. Они же шедше, кошт царев взяли и пошли<sup>35</sup> за царем к Туле. А царь с ними въстретился да их розгромил, и многих русских людей побил и поима.

**№ 2****Из новгородского Летописца 1589 г.****(РГБ, ф. 310, собр. В.М. Ундольского, № 1326, л. 79–79 об.)**

7063. Приходил царь крымский со многими ордами: турчане, казанцы беглецы, нагайцы и озоцкие на государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси. И государь князь великий услышав то, и поиде к царю встречу // наборзе к Дону. И царь крымский поима языки, и услыша про царя великого князя, яко противь ему идетъ, и возвратися назад, бежа къ Крыму. А великого князя воевода Иван Шелеметев позади царя крымскаго к Москве шол, да отлучил царя крымскаго коши, и людей царевыхъ многих прибил.

**№ 3****Из Новгородской Корнильевской летописи 1650–60-х гг.****(БАН, 34.4.1, л. 473 об.)**

В лето 7065<sup>36</sup>. Побил царь крымский в Поле московских людей Ивана Васильевича Шереметева Болшаго, а с ним было дворян 40 000. А Олексеи Басмановъ отстоялъ в засеке.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Азбелев С.Н. Неизданные летописи Новгорода о событиях Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в.: Сборник научных статей. М.: Квадрига, 2010. С. 333–342.

2. Азбелев С.Н. Летописание Великого Новгорода: Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: Блиц, 2016. 280 с.

3. Аксанов А.В. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 138–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.138-148

4. Аксанов А.В. Казанская война 1523–1532 гг.: расхождения в источниках и проблема верификации известий // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 256–259.

5. Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.

<sup>35</sup> В рукописи: пошлин.

<sup>36</sup> Так в рукописи.



6. Андрей Лызлов. Скифская история / Отв. ред. Е.В. Чистякова; подг. А.П. Богданов. М.: Наука, 1990. 519 с.
7. Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2022. 528 с.
8. Белов Н.В. Иосиф Волоцкий и Оршанская битва 1514 г. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 8. СПб.: [б.и.], 2017. С. 367–383.
9. Белов Н.В. Князь Василий Михайлович Щенятев, боярин и воевода времени «боярского правления» // Материалы и исследования по истории России. Вып. 15. Нижневартовск: Киммерия, 2021. С. 19–35.
10. Белов Н.В. Федор Хромой – боярин и воевода Ивана III. СПб.: Евразия, 2022. 160 с.
11. Белов Н.В., Микитчук М.Д. Летописная повесть о Казанском взятии XVII века // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 113–150.
12. Богданов А.П. Опальные воеводы грозного царя. М.: Вече, 2018. 336 с.
13. Богданов А.П. «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // Novogardia. 2020. № 2 (6). С. 226–253.
14. Богданов А.П. Симонов список «Летописца выбором» // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 4. С. 1425–1439.
15. Богданов А.П., Белов Н.В. Хронограф русский III редакции из 182 глав. Часть 2. Хронографическая редакция патриаршего Летописца 1619–1691 гг. // Словесность и история. 2022. № 1. С. 45–91.
16. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т. 1. М.: ИРИ РАН, 2007. 197 с.
17. Волков В.А. Войско грозного царя: в 2 т. Т. 1. М.: Прометей, 2016. 322 с.
18. Володихин Д.М. Иван IV Грозный. Царь-сирота. М.: Молодая гвардия, 2018. 341 с.
19. Володихин Д.М. Полководцы Московского царства. М.: Молодая гвардия, 2020. 343 с.
20. Жуков А.Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: [б.и.], 2016. 307 с.
21. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.
22. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 3–39.
23. Казаков А.[В.] Оправдывая поражение: Оршанская битва 1514 г. глазами летописцев // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 18. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2018. С. 315–334.
24. Казакова Н.А. Вологодское летописание XVI–XVII веков // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 12. Л.: Наука, 1981. С. 66–90.
25. Каргалов В.В. На степной границе: (Оборона «крымской украины») Русского государства в первой половине XVI столетия). М.: Наука, 1974. 182 с.
26. Кистерев С.Н. Об авторах первой и второй редакций Соловецкого летописца XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 383–410.
27. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. 312 с.
28. Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: [б.и.], 1984. 231 с.

29. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 22. 1553–1557 гг. М.: Актеон, 2014. 558 с.
30. Лобин А.Н. Малоизвестный источник о битве под Оршей 1514 г. (К вопросу об уникальности сведений раннего списка Холмогорской летописи) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. 3. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 287–295.
31. Микитчук М.Д. Образ личности и правления Ивана IV в историческом нарративе его младших современников // Историческое обозрение. Вып. 21. М.: ИП «ИПО “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2020. С. 50–60.
32. Назаров В.Д. Басманов и его «люди» // Родина. 2004. № 12. С. 94–96.
33. Новикова О.Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 214–254.
34. Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 27–30.
35. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2012. 318 с.
36. Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М.: Центрполиграф, 2017. 318 с.
37. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 432 с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 391 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 250 с.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
43. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М.: АН СССР, 1955. 365 с.
44. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3 / [сост. Н.Г. Савич]. М.: [б.и.], 1978. 202 с.
45. Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
46. Рыков Ю.Д. Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М.: Древлехранилище, 2006. С. 587–685.
47. Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973. 136 с.
48. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. Т. 1. Смоленск: Русич, 1996. 448 с.
49. Солодкин Я.Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2008. 237 с.

50. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Д.Г. Ленхофф. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2008. 568 с.
51. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.: АН СССР, 1962. 184 с.
52. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 384 с.
53. Усачев А.С. «Книга Степенная» // Православная энциклопедия. Т. 36. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. С. 117–122.
54. Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 624 с.
55. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.
56. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2002. 403 с.
57. Хорoshkevich А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 620 с.
58. Шапошник В.В. Иван Грозный. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 312 с.
59. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.
60. Яковлев В.В. Летопись Новгородская Уваровская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 292–295.
61. Яковлев В.В. Новгородское летописание XVII века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: [б.и.], 1997. 17 с.
62. Яковлев В.В. Новгородско-Псковская летопись 1630 г. // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб.: Наука, 2001. С. 386–467.

**Сведения об авторе:** Никита Васильевич Белов – независимый исследователь, магистрант Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Университетская набережная, 7-9-11В, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2342-694X. E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

Поступила 20.06.2022 Принята к публикации 22.08.2022  
Опубликована 29.09.2022

## REFERENCES

1. Azbelev S.N. Unpublished Chronicles of Novgorod on the events of the Livonian War. *The Baltic Question in the late 15<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> centuries: Collection of scientific articles*. Moscow: Kvadriga, 2010, pp. 333–342. (In Russian)
2. Azbelev S.N. *Chronicling Novgorod the Great: Chronicles of the 11<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries as cultural production and historical sources*. Moscow: Russkaya panorama; St. Petersburg: Blits, 2016. 280 p. (In Russian)
3. Aksanov A.V. Russian Chronicles on the Moscow-Kazan relations: An experience of the hermeneutic research. *Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 138–148. (In Russian)

4. Aksanov A.V. The Kazan War of 1523–1532: Discrepancies in sources and the problem of information verification. *Zolotoordynskoe nasledie = Golden Horde Heritage. Materials of the VI International Golden Horde Forum*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 256–259. (In Russian)
5. Andrey Kurbskiy. *History of the Affairs of the Grand Duke of Moscow*. Erusalimskiy K.Yu., Alekseev A.A. (ed.). Moscow: Nauka, 2015. 944 p. (In Russian)
6. Andrey Lyzlov. *Scythian History*. Chistyakova E.V., Bogdanov A.P. (ed.). Moscow: Nauka, 1990. 519 p. (In Russian)
7. Bakhtin A.G. *The Russian State and the Kazan Khanate: Interstate relations in the 15<sup>th</sup>–16<sup>th</sup> centuries*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing house, 2022. 528 p. (In Russian)
8. Belov N.V. Joseph Volotsky and the Battle of Orsha 1514. *Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas*. St. Petersburg: [no publ.], 2017, vol. 8, pp. 367–383. (In Russian)
9. Belov N.V. Prince Vasily Mikhailovich Shenyatev, boyar and voivode during the “boyar reign”. *Materials and Studies on Russian History*. Nizhnevartovsk: Kimmeriya, 2021, vol. 15, pp. 19–35. (In Russian)
10. Belov N.V. *Fyodor Khromoy – boyar and warlord of Ivan the Third*. St. Petersburg: Eurasia, 2022. 160 p. (In Russian)
11. Belov N.V., Mikitchuk M.D. The Chronicle Story about the Kazan Capture of the 17<sup>th</sup> century. *Paleorosiya. Ancient Russia: in time, in persons, in ideas*. 2021, no. 3 (15), pp. 113–150. (In Russian)
12. Bogdanov A.P. *The disgraced voivodes of the formidable tsar*. Moscow: Veche, 2018. 336 p. (In Russian)
13. Bogdanov A.P. “The Chronicle written by choice” by the Archival and Annunciation lists. *Novogardia*. 2020, no. 2 (6), pp. 226–253. (In Russian)
14. Bogdanov A.P. Simonov's list of “The Chronicle written by choice”. *Quaestio Rossica*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 1425–1439. (In Russian)
15. Bogdanov A.P., Belov N.V. The Old Russian Chronograph of the Third redaction in 182 chapters. Part 2. The Chronographic redaction of the Patriarchal Chronicle of the years 1619–1691. *Slovesnost' i Istorii = Texts and History*. 2022, no. 1, pp. 45–91. (In Russian)
16. Vinogradov A.V. *Russian-Crimean relations in the 50s – second half of the 70s of the 16<sup>th</sup> century*. Moscow: Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences Press, 2007, vol. 1. 197 p. (In Russian)
17. Volkov V.A. *The Terrible tsar's army*. Moscow: Prometey, 2016, vol. 1. 322 p. (In Russian)
18. Volodikhin D.M. *Ivan IV the Terrible. The orphan tsar*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2018. 341 p. (In Russian)
19. Volodikhin D.M. *The warlords of the Moscow Tsardom*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2020. 343 p. (In Russian)
20. Zhukov A.E. “The Chronicle of the Beginning of the Tsardom” and Russian Chronicles of the 16<sup>th</sup> century. Dissertation of Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg: [no publ.], 2016. 307 p. (In Russian)
21. Zagorovskiy V.P. *History of the entry of the Central Black Earth region into the Russian state in the 16<sup>th</sup> century*. Voronezh: Voronezh State University Press, 1991. 272 p. (In Russian)
22. Zimin A.A. Brief Chronicles of the 15<sup>th</sup>–16<sup>th</sup> centuries. *Istoricheskiy arkhiv = Historical Archive*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1950, vol. 5, pp. 3–39. (In Russian)

23. Kazakov A.[V.] Justifying defeat: The Battle of Orsha in 1514 as viewed by chroniclers. *Ukraine in Central and Eastern Europe*. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine Press, 2018, vol. 18, pp. 315–334. (In Russian)
24. Kazakova N.A. Vologda Chronicles of the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny = Auxiliary Historical Disciplines*. Leningrad: Nauka, 1981, vol. 12, pp. 66–90. (In Russian)
25. Kargalov V.V. *On the Steppe border: (Defense of the “Crimean frontier” of the Russian state in the first half of the 16<sup>th</sup> century)*. Moscow: Nauka, 1974. 182 p. (In Russian)
26. Kisterev S.N. About the authors of the first and second editions of the Solovetsky Chronicle of the 16<sup>th</sup> century. *Chronicles and Annals. New Studies. 2013–2014*. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2015, pp. 383–410. (In Russian)
27. Kloss B.M. *The Nikon's Code and the Russian Chronicles of the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries*. Moscow: Nauka, 1980. 312 p. (In Russian)
28. Lavrent'ev A.V. *The Chronicle of 1652 – a peace of Russian Chronicles of the 17<sup>th</sup> century*. Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Moscow: [no publ.], 1984. 231 p. (In Russian)
29. The Great Illustrated Chronicle of the 16<sup>th</sup> century. Russian annalistic history. Moscow: Akteon, 2014, vol. 22, 1553–1557. 558 p. (In Russian)
30. Lobin A.N. A little-known source about the Battle of Orsha in 1514. (On the uniqueness of the early list of the Kholmogory Chronicle). *War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the Seventh International Scientific-Practical Conference May 18–20, 2016*. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps Publ., 2016, vol. 3, pp. 287–295. (In Russian)
31. Mikitchuk M.D. The image of the personality and reign of Ivan IV in the historical narrative of his younger contemporaries. *Historical Review*. Moscow: Historical educational society “Radetel” Publ., National Institute of Business Publ., 2020, vol. 21, pp. 50–60. (In Russian)
32. Nazarov V.D. Basmanov and his servants. *Rodina=Homeland*. 2004, no. 12, pp. 94–96. (In Russian)
33. Novikova O.L. About the second edition of the so-called Solovetsky Chronicle. *Book centers of Ancient Russia. Solovetsky monastery*. St. Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2001, pp. 214–254. (In Russian)
34. Okhotnikova V.I. Pskov Chronicles. *Dictionary of Writers and Literature of Ancient Rus'*. Leningrad: Nauka, 1989, vol. 2, part 2, pp. 27–30. (In Russian)
35. Penskoj V.V. *Ivan the Terrible and Devlet Girey*. Moscow: Veche, 2012. 317 p. (In Russian)
36. Penskoj V.V. *Ivan the Terrible's “centurions”. Senior and intermediate army commanders of the Muscovite Army of the second half of the 16<sup>th</sup> century*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 318 p. (In Russian)
37. Ivan the Terrible's correspondence with Andrei Kurbsky. Lur'e Ya.S., Rykov Yu.D. (ed.). Leningrad: Nauka, 1979. 432 p. (In Russian)
38. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13. Part 1: Nikon Chronicle. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1904. 302 p. (In Russian)
39. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 29: Chronicle of the Beginning of Tsardom. Chronicle of the Alexander Nevsky Lavra. Lebedev Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 390 p. (In Russian)
40. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 31: Chronicles of the last quarter of the 17<sup>th</sup> century. Moscow: Nauka, 1968. 263 p. (In Russian)

41. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 33: Kholmogory Chronicle. Dvinsk Chronicle. Leningrad: Nauka, 1977. 250 p. (In Russian)
42. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 34: Postnikov, Piskarev, Moscow, and Belsky Chronicles. Moscow: Nauka, 1978. 304 p. (In Russian)
43. Pskov Chronicles. Nasonov A.N. (ed.). Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1955, vol. 2, 365 p. (In Russian)
44. The Book of Ranks of the years 1475–1605. Vol. 1, part 3. Savich N.G. (ed.). Moscow: [no publ.], 1978. 202 p. (In Russian)
45. Romodanovskaya E.K. *Siberia and literature. 17<sup>th</sup> century*. Novosibirsk: Nauka, 2002. 391 p. (In Russian)
46. Rykov Yu.D. Noblemen killed in the Battle of Sudbishchi in June 1555 according to the Synodic Book of the Moscow Kremlin Archangel Cathedral (preliminary observations). *Lukichev's Memoirs. A Collection of Articles on History and Source Studies*. Moscow: Drevlekhtranilishche, 2006, pp. 587–685. (In Russian)
47. Skrynnikov R.G. *Correspondence of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky. Paradoxes of Edward Keenan*. Leningrad: Nauka, 1973. 136 p. (In Russian)
48. Skrynnikov R.G. *The great tsar Ivan Vasilyevich the Terrible*. Smolensk: Rusich, 1996, vol. 1. 448 p. (In Russian)
49. Solodkin Ya.G. *Essays on the history of the all-Russian Chronicle of the late 16<sup>th</sup> to the first third of the 17<sup>th</sup> century*. Nizhneartovsk: Nizhneartovsk State Humanitarian University Press, 2008. 237 p. (In Russian)
50. The Book of Degrees of the Tsar's Genealogy according to the most ancient lists. Pokrovskiy N.N., Lenkhoff D.G. (ed.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, vol. 2, 568 p. (In Russian)
51. Tikhomirov M.N. *Brief notes on Chronicles in manuscript collections of Moscow*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1962. 184 p. (In Russian)
52. Tikhomirov M.N. *Russian Chronicling*. Moscow: Nauka, 1979. 384 p. (In Russian)
53. Usachev A.S. “The Book of Degrees”. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 2014, vol. 36, pp. 117–122. (In Russian)
54. Filyushkin A.I. *Andrei Mikhailovich Kurbsky: Prosopographic study and hermeneutical commentary on Andrei Kurbsky's letters to Ivan the Terrible*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2007. 624 p. (In Russian)
55. Filyushkin A.I. *Inventing the first war of Russia and Europe: Baltic Wars of the second half of the 16<sup>th</sup> century through the eyes of contemporaries and descendants*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. 880 p. (In Russian)
56. Florya B.N. *Ivan the Terrible*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2002. 403 p. (In Russian)
57. Khoroshkevich A.L. *Russia in the system of international relations in the middle of the 16<sup>th</sup> century*. Moscow: Drevlekhtranilishche, 2003. 628 p. (In Russian)
58. Shaposhnik V.V. *Ivan the Terrible*. St. Petersburg: Academy of Cultural Studies, 2015. 312 p. (In Russian)
59. Sheykumerov A.A. *The Army of the Crimean Khanate: organization and tactics (15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries)*. Kazan'; Simferopol': Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 304 p. (In Russian)
60. Yakovlev V.V. The Novgorod Uvarov's Chronicle. *Dictionary of scribes and scribes of Ancient Rus*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1993, vol. 3, pp. 292–295. (In Russian)
61. Yakovlev V.V. *Novgorodian chronicles of the XVII century*. Thesis of Dissertation of Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg: [no publ.], 1997. 17 p. (In Russian)

62. Yakovlev V.V. The Novgorod and Pskov Chronicle of the year 1630. *Essays on source study. Ancient Russian books*. St. Petersburg: Nauka, 2001, vol. 4, pp. 386–467. (In Russian)

**About the author:** Nikita V. Belov – Independent researcher, undergraduate of the Faculty of Philology, St. Petersburg State University (7-9-11V, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2342-694X. E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

*Received June 20, 2022 Accepted for publication August 22, 2022  
Published September 29, 2022*

## THE REBELLION OF ŞAHİN GİRAY SULTAN (1746–1747)

*Alper Başer*

*Afyon Kocatepe University  
Afyonkarahisar, Turkey  
baseralperhidayet@gmail.com*

**Abstract:** *Research objectives:* This study aims to analyze the reasons, development, and consequences of Şahin Giray Sultan's Rebellion in the history of the Crimean Khanate, based on data retrieved from Ottoman archival sources.

*Research materials:* The main sources of data for this research are documents held in the Archive of the Topkapı Palace Museum and the Department of Ottoman Archives of the Presidency of the Republic of Turkey Directorate of State. These documents have been compared with the Ottoman-Tatar chronicles of the period (İzzi Tarihi, Çelebî Akay Tarihi, Tarih-i Said Giray Sultan).

*Results and novelty of the research:* The most detailed evaluation of the rebellion of Şahin Giray Sultan can be found in Smirnov's book on the Crimean Khanate which echoes the information given in the Ottoman chronicle, İzzi Tarihi. In the present study, Topkapı Palace Museum Archive documents numbered TSMA-E 408-55, TSMA-E 569-58, and TSMA-E 751-49, as well as the Mühimme Defters and Kalebend Defters held by the Department of Ottoman Archives of the Presidency of the Republic of Turkey Directorate of State Archives, are compared with statements in different sources. In the light of these documents, the rise and progress of the rebellion headed by Şahin Giray Sultan are subjected to a new evaluation. Documents considered important and providing details of the life of Şahin Giray Sultan and the course of the rebellion have been transliterated and presented for the use of researchers.

The Noghays residing in the Bucak region constituted the social base of the Şahin Giray rebellion. The rebellion broke out due to the Porte's desire to deploy Tatar forces on the Iranian front, the increasing centralization efforts of the Ottoman Empire on the Russian-Polish and Ukrainian borders, and the pressure put on Tatar society for the return of Russian captives of 1736-39 War. The rebellion broke out prematurely after the Porte and Selim Giray Khan conspired to neutralize Şahin Giray Sultan. The extreme measures taken by the Ottoman Empire and the Crimean Khanate prevented the revolt from spreading, and the rebels led by the Şahin Giray Sultan were easily defeated, thus causing the suppression of the rebellion.

**Keywords:** Şahin Giray Sultan, rebellion, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Noghays

**For citation:** Başer A. The rebellion of Şahin Giray Sultan (1746–1747). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 672–692. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.672-692



**Introduction:** Collective Violence in the History of the Crimean Khanate

Collective violence used within a political organization to change the regime, rulers of the political community, constitution, or the structure of the administration is defined as political violence or civil strife. Civil wars, rebellions, revolts, mutinies and uprisings are all considered acts of political violence. [1, p. 1107; 2, p. 3–4; 3, p. 133–136]

The historiography of the Crimean Khanate includes studies of the rebellions that can be defined as political violence, and with a few exceptions, they were generally written to document the political history of the Crimean Khanate or the Noghay Tatars [4, 125–146; 5, p.74–113]. Evaluating the rebellions in the history of the Crimean Khanate, which endured for over 300 years as a political entity, can be problematic. Although the Crimean Khanate became a vassal of the Ottoman Empire after 1475, it remained a political structure with its own state organization, ideological legitimacy and ethnic base. Towards the end of the first half of the 17<sup>th</sup> century, following the dismantling of the Great Noghay Horde, the Noghay tribes began to migrate to the Crimean Khanate and the Ottoman lands, which continued into the first quarter of the 18<sup>th</sup> century. As a result of the migrations, the tribes and their beys became involved in the political and ethnic structure of the Crimean Khanate as new political actors, and these intertwined facts make it difficult to evaluate the rebellions in the history of the khanate.

The period from 1441 to 1783 saw many outbreaks of political violence in the Crimean Khanate, from major civil wars to small-scale uprisings. Taking into account these examples of political violence as a whole, they reveal two basic forms of rebellion. In the first, the Crimean Khans rose against the Ottoman Porte and rejected the authority of the sultan, while in the second, the Crimean elite, dissatisfied with the administration of the current khan, rebelled to have him changed. The first form of rebellion saw a hostile attitude being taken against the Ottoman Porte, characterized by separatist tendencies. The rebellion of Mehmed Giray II in 1583–1584<sup>1</sup>; the rebellion of brothers Mehmed and Şahin Giray in 1624 and 1627–1628 [7, p.49–91, 149–164; 8, p. 101–116] and the rebellion of İnyet Giray Khan in 1637 [9, p. 209–224; 8, p. 122–125] serve as examples of this form of rebellion, and all can be considered as part of the phenomenon referred to by Alan Fisher as “*Crimean separatism*” [10, p.79–92]. In the second category – political violence within the Crimean Khanate – two separate tendencies can be noticed. The first involved members of the Giray dynasty fighting with each other for the throne, which was seen most often at the time of the establishment of the Crimean Khanate, when Ottoman interventions were less obvious than in the later centuries. The struggles between Mengli Giray Khan I and his brother, and Sahip Giray Khan I and İslam Giray Khan I can be given as examples of such conflicts. [11, p.47–68; 12, p.8–14; 13, p. 21–25.]

Within the Crimean Khanate, aside from the struggles for the throne within the Giray dynasty, the second form of political violence that came to prominence surrounded the problems in the internal structure of the Crimean Khanate in which the tribal leaders, who were part of the feudal structure of the khanate, rebelled against the authority of the Crimean Khans. The rebellions of the Karaçi Beys – especially

<sup>1</sup> II. Mehmed Giray emphasized the independent character of the Crimean Khans with these words, “...*Ben sâhib-i sikke ve hutbe pâdişâh iken beni azl u nasba kim kâdir olur ...ve ben başlı başına pâdişâhım ma'zûl olmam ...*”, [6, p. 90–91].

the Şirin and Mangıt tribes – and those of the tribes of the Great Noghay Horde who became a component of khanate after 1640, can be included in this group. The conflict of the Şirin tribe with the Crimean Khan Adil Giray [16, s.144–145], the rebellion of the Bucak Tatars under the leadership of Gazi Giray Sultan in 1699 [8, p.161–168] and Adil Giray Sultan in 1728 [14, p. 1589–1591], the Baht Giray Sultan rebellion [14, p. 1602–1603] that flared intermittently in the Kuban region in the first quarter of the 18<sup>th</sup> century, and the Yedisian Noghay Rebellion of 1756–1758 [5, 84–108; 29, p. 151–157] were examples of the political violence that broke out within the khanate.

It should be clarified here that classification of the political violence in the Crimean Khanate is no easy task, as the rebellions that took place in the history of the khanate were all intertwined in some way.

### Who was Şahin Giray Sultan?

Şahin Giray Sultan was the son of Adil Giray Sultan, himself one of the sons of the famous Hacı Selim Giray Khan. During the reign of Saadet Giray Khan II, he was assigned the post of *nureddin*, and *kalgay* under the reign of Mengli Giray Khan II. Shortly after being removed from the post of *kalgay*, he assumed the leadership of the Bucak Noghays rebellion against the Saadet Giray Khan in 1724–1725. After the rebellion was quashed, he was pardoned and resided in the Rumelia for a while. In the third reign of Kaplan Giray Khan I, he was once again appointed as *kalgay*. Adil Giray Sultan died when Russian forces launched an invasion of the Crimean Peninsula, following the arrival in Crimea of the new khan Feth Giray Khan II [15, p. 81, 83, 87, 89; 17, p. 426–427, 432–440].

The first mention of Şahin Giray Sultan – the son of a dynamic and active father – can be found in the records of French consul A. Yavorka, who served in Crimea for some time, until 1736. A. Yavorka placed Şahin Giray Sultan in sixth place among the members of the Giray family in the order of importance [18, p. 137]. In the Ottoman sources, he is first recorded in 1737 due to a problem with his annual salary (*salyane*)<sup>2</sup>. Then there are two different documents, one from 1740 and the other from 1741, describing him as the *serasker* of Bucak<sup>3</sup>. Şahin Giray Sultan, who was appointed to the post of *nureddin* after 1741, and as *kalgay* on January 28, 1744<sup>4</sup>, thus becoming the second in command in the Crimean Khanate. In the 18<sup>th</sup> century, the male members of the Giray dynasty could hold the posts of *kalgay*, *nureddin*, and the *seraskerliks* of the Bucak, Yedisian, and Kuban regions within the Crimean Khanate. Thus, Şahin Giray Sultan held all the highest-ranking offices in the Crimean Khanate and served at all career levels of a Chinggisid prince.

According to Hurremi Abdullah Efendi, the most important act of Şahin Giray Sultan in his role as *kalgay* was the Circassian Campaign. During this successful expedition, 600–700 slaves were captured, to the great satisfaction of the Ottoman Porte [19, folio 111b]. That said, another chronicler of the period, Said Giray Sultan, put forward a different description of the event, claiming that the chief of the

<sup>2</sup> Department of Ottoman Archives of the Turkish Presidency State Archives of the Republic of Turkey henceafter BOA. BOA, Ali Emiri, SMHD I (Sultan Mahmud I) 773.

<sup>3</sup> BOA, Divan-ı Hümayun Sicilâtı Mühimme Defterleri henceafter, A.DVNS.MHM 147, p. 246/905; p. 329/1157.

<sup>4</sup> BOA, Cevdet Eyalet-i Mümtaze henceafter C. MTZ 198.

Kömürköy tribe was invited to Crimea and was arrested upon his arrival to the peninsula. In a subsequent message to the Kömürköy tribe, they were told that their chief would be released on the condition that a thousand captives would be given to the Crimean Khanate. In the ongoing negotiations, it was agreed that the Circassian chief would be released in exchange for 800 slaves. After this agreement was struck, Şahin Giray Sultan went to the Caucasus with his retinue and a military force of 5000 men, and after accepting the captives, he returned the Circassian chief to his tribe. Another important event in this campaign involved the relocation of the Kasay and Kaspulat Noghay tribes. Upon the order of Selim Giray Khan, parts of these tribes were brought to the Crimean Peninsula, where they were settled in the villages devastated by the war [20, 105a-b, 114b].

### **The Causes and Expansion of the Şahin Giray Rebellion**

Literature on the rebellion of Şahin Giray Sultan is very limited, with the most elaborate account being found in Smirnov's book on the history of the Crimean Khanate. Smirnov's account of the rebellion of Şahin Giray Sultan is a summary of the section of the chronicle *Tarih-i İzzî* [21, p. 503]. Aside from the work of Smirnov, İsmail Hakkı Uzunçarşılı also provides a concise account of the rebellion. [22, p. 21, footnote 1].

The first events contributing to Şahin Giray Sultan's decision to launch a rebellion began with the enthronement of Selim Giray II to the Crimean Khanate. Selim Giray Khan II inflicted violent punishments against his opposition in Crimea as a means of strengthening his authority. Even the governors of cities such as Hotin, Bender, and Akkerman on the Black Sea were informed about this policy of the Khan. The Porte issued orders that no Tatars fleeing Crimea to the Ottoman territory should be granted asylum and no one would be allowed to come without the "yarlıg" of khan.<sup>5</sup>

The problem in the khanate dated back to the reign of Selamet Giray Khan II. The 1736–1739 Ottoman-Russian War concluded with the signing of the Treaty of Belgrade, under which captives taken from Russians were to be returned. Selamet Giray Khan II, however, failed to return the captives and was dethroned. The new khan, Selim Giray Khan II, carried out this task vigorously, leading the Tatars to refer to him as "Kati", meaning severe and harsh [15, p. 92]. The primary reason for the opposition to the khan was his violent behavior and the issue of returning the captives. It is likely that Şahin Giray Sultan got closer to the opposition groups during this period and became their leader.

What was the motivation behind the rebellion of Şahin Giray Sultan? According to İzzi Süleyman Efendi -the official chronicler of the period- Şahin Giray Sultan had been removed from the post of *kalgay* and was ordered to return to his manor in the town of Enez. After being notified of the decision, Şahin Giray Sultan, with unfounded fears for his life, opted not to return to Enez, and left his farm stating his intention to visit Selim Giray Khan II, but fled to Poland. Misleading and provocations of his followers and friends and disobeying the orders of the Ottoman administration and the Crimean Khan fueled the fears of Şahin Giray Sultan,

<sup>5</sup> BOA, A.DVNS.MHM 150, p. 201/738. The date of the document is 6–15 January 1.

leading up to the rebellion [23, p. 526–527]. The statements of İzzi Süleyman Efendi were almost found in the same way in the *mühimme defters* of the period.<sup>6</sup>

Were Şahin Giray Sultan's fears groundless, being only empty delusions? Was he really in no danger? The Topkapı Palace Archives contain three documents relating to these events<sup>7</sup>, among which is the correspondence of Selim Giray Khan II with the Ottoman administration which makes no mention of Şahin Giray Sultan's name, although there is no doubt that he is the person referred to as "*şahs-ı mâhud*" (known person) in the document. All of these documents bear the seal of Selim Giray Khan II. In three of these documents, the date is not indicated although one document in the Topkapı Palace Archive (numbered 408/55), gives an exact date of November 5, 1746, which helps us understand the chronological order of the events. The decision to take action against Şahin Giray Sultan in 1746 before Selim Giray Khan II's visit to Istanbul is clearly stated in these documents, in which it can be further understood that in the first phase of this conspiracy, Şahin Giray Sultan was ordered to go to the Bender. In Bender, in cooperation with Serasker of Bucak Hacı Giray Sultan, Bender Muhafızı Muhsinzade Mehmed Paşa and the commander of the volunteers İbrahim Ağa, the plan was to capture and eliminate Şahin Giray Sultan (*ahz u istisali*), although state officials close to Şahin Giray Sultan warned the former *kalgay* about the plan, compelling him not go to Bender, but instead into hiding in the steppe surrounding the Bender.<sup>8</sup>

Despite the failure of the plan to eliminate Şahin Giray Sultan, at the beginning of 1747, Selim Giray Khan II removed him from the post of *kalgay*, and the Porte ordered Şahin Giray Sultan to return to the town of Enez. In an edict (*ferman*), sent by the Porte to the officials on the border of Lehistan (Poland), and to the hospodars of Boğdan (Moldavia) and Eflak (Wallachia), Şahin Giray Sultan was ordered to be taken into custody, but with respect. The edict also stated that if the sultan was captured, he was not be released until a new order came from the Crimean Khan.<sup>9</sup> On June 30, 1747, a new edict (*ferman*) was issued, addressed to Şahin Giray Sultan, stating that he had been dismissed from the post of *kalgay*, but that his crimes up to that time had been pardoned. Şahin Giray Sultan was reminded that when the descendants of Chinggis Khan were dismissed from their posts, they returned to their farms in the Ottoman Rumelia, where they continued their lives in their manors, and the Porte stated that the same attitude was expected from him, ordering him to go to Yanbolu and to reside on his farm.<sup>10</sup>

It can be understood from the archival records that Şahin Giray Sultan disobeyed the orders of the Porte, and fled to Poland in the earliest days of November 1747. Thereupon, the Ottoman Porte ordered the state officials in Bender and Hotin, and the hospodars of Boğdan and Eflak, not to allow anyone from the Tatar

<sup>6</sup> BOA, A.DVNS.MHM 153, p.67/205.

<sup>7</sup> TSMA-E 408/55; 569/58 and 751/49. In the book *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı* provides a summary of these documents and presents further information. However, these documents were not evaluated in the context of the Şahin Giray Sultan rebellion. [30, p. 217–220]

<sup>8</sup> Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi-Evrak henceafter TSMA-E 408-55; TSMA-E 569-58, TSMA-E 751-49.

<sup>9</sup> BOA, A.DVNS.MHM 153, p. 67, h.205.

<sup>10</sup> BOA, A.DVNS.MHM 153, p. 69–70/218.

communities to cross the border into Poland to communicate with or visit the Şahin Giray Sultan.<sup>11</sup> The Porte's intentions in this regard were to isolate Şahin Giray Sultan by cutting his ties with the Tatar Hordes in Bucak and Yedisán, although it became apparent that the Porte was unable to achieve this goal, as, despite the efforts of the Ottoman administration, the rebellion broke out.

In December 1747, vizier Numan Pasha, who was serving in Bender, reported the developments surrounding the Şahin Giray Sultan situation to Istanbul. The report stated that Şahin Giray Sultan, together with his accompanying Tatars, had been able to cross the frozen Turla (Dniester) River on the border, and had arrived in Hotin. From here, he entered Bucak territory and established his headquarters in the village of Şeklak, where he began gathering people around him. The Serasker of Bucak Hacı Giray Sultan and vizier Numan Pasha in Bender sent messengers to Şahin Giray Sultan to admonish him and suggest he give up the rebellion. After seeing Şahin Giray Sultan continue with the rebellion unabated, Hacı Giray Sultan took action with his forces and defeated the rebels. However, Şahin Giray Sultan together with his retinue, was able to escape to a heavily forested area in Moldavia. Dealing with the captured supporters of Şahin Giray Sultan, The Porte ordered to the local officials to hand the Ottoman-oriented supporters over to Ottoman officials, while the Tatar supporters handed over to the Serasker of Bucak Hacı Giray Sultan [23, p.527].<sup>12</sup>

Şahin Giray Sultan managed to escape the pursuing Ottoman-Tatar forces and once again took up refuge in Poland. Thereupon, the governor of Özi, Numan Pasha, wrote a letter to the Polish Hetman, demanding that Şahin Giray Sultan and his retinue be resettled in a region far from the Ottoman border. [23, p. 528]. After fleeing the Ottoman lands, Şahin Giray Sultan took up residence in Gorodets in the Kingdom of Poland-Lithuania. According to the information given by the Ottoman authorities to the Crimean Khan, Şahin Giray Sultan, who was not wanted in the country by the Polish rulers, was seeking to continue the rebellion and planned to go to the Caucasus with his 18 men, and amass an army of Noghays and Circassians. Selim Giray Khan II, in his letter to the Zaporog Hetman, stated that, in line with the signed treaties, Şahin Giray Sultan and his companions were to be prevented from crossing the Bug River and should be stopped, dead or alive [24, p. 413–414]. The harsh measures taken by Selim Giray Khan II and the Ottoman Porte against the rebellion forced Şahin Giray Sultan to come to terms with the Crimean Khan. Şahin Giray Sultan whose negotiations with Selim Giray Khan II seem to have begun before March 1748, was permitted at the request of the Crimean Khan to return from Poland on the condition that he would be exiled as “*kalebend*” on the island of Rhodes<sup>13</sup>. Soon after, however, upon the intervention of Crimean Khan Selim Giray Khan II, the exile location was moved from Rhodes to Chios. Şahin Giray Sultan's brother, Mahmud Giray Sultan, who had been by his side throughout the rebellion, was permitted to reside in their manor in Yanbolu.<sup>14</sup> Upon the death of Selim Giray Khan II on April 17, 1748 [15, p. 92], Arslan Giray Khan was appointed Khan in Crimea. As a result of the endeavors of Arslan Giray

<sup>11</sup> BOA, A.DVNS.MHM 153, p. 154/588.

<sup>12</sup> BOA, A.DVNS.MHM 153, p. 176/670.

<sup>13</sup> BOA, Divan (Beylikçi) Kalemî Kalebend Defterleri henceafter A.DVNS.KLBd.10, p.23.

<sup>14</sup> A.DVNS.KLBd.10, p. 20.

Khan at the Porte, Şahin Giray Sultan was pardoned in August 1749 and was allowed to return to his manor, named Çapakçın, in the town of Zağra-i Atik.<sup>15</sup>

Was Şahin Giray Sultan's rebellion merely a response to his dismissal from the post of *kalgay*, or was there a more widespread social base? According to Izzi Süleyman Efendi, aside from his retinue, the gypsy population of Rumelia, and low-class people, nobody acted in support of Şahin Giray Sultan. Information given by Izzi Süleyman Efendi reflected the point of view of the Ottoman administration aimed to play down the importance of the rebellion. Said Giray Sultan, another witness of the period, provided a different perspective of the rebellion. Having assumed the post of *Seraskerlik of Bucak* 10 years after the rebellion of Şahin Giray Sultan, Said Giray Sultan had a good knowledge of the region's recent history, and wrote that while the Bucak Tatars supported Şahin Giray Sultan, the Yedisian Noghays did not. [20, f. 117a]. In addition to this information, the fact that Şahin Giray Sultan wanted to leave for the Kuban steppes suggests that the rebel sultan also had support from the tribes living in the Kuban region, aside from Bucak Tatars, and Şahin Giray Sultan may have established close relations with the local powers during his Caucasus campaign in his *kalgay* period. It can thus be understood that Şahin Giray Sultan had support from both the Tatars in the Bucak region and the Noghay communities in the Caucasus, revealing a serious social base to Şahin Giray Sultan's rebellion.

To understand the root causes of Şahin Giray Sultan's rebellion, it is necessary to look at developments in the Crimean Khanate at that time. First, the Porte constantly made use of, or sought the participation of the Crimean forces on the Iranian front in the ongoing war with Nadir Shah, who ruled in Iran between 1730 and 1745 [25, p. 87–88, 91–92, 97–100]. The main reasons for the 1583–84 rebellion of Mehmed Giray Khan II and that of Inayet Giray Khan in 1637 were the consistent Ottoman demands for the Crimean forces on the Iranian front and their use in this protracted war. In the Ottoman chronicles, the reason given for the enthronement of Mehmed Giray II was his unwillingness to go to the Iranian front<sup>16</sup>. After his accession to the throne, strict orders were sent to Inayet Giray Khan regarding his participation in the Iran Campaign, and especially after 1636, these orders became more definite. Although Inayet Giray Khan was keen to join the Iran campaign, he was dissuaded by the Crimean aristocracy, who along with people from different classes, spoke with a unified voice about the difficulties on the Iranian front. The consensus was that the involvement would place Crimea in danger and leave it defenseless, and so they opposed the demands of the Ottoman administration for the participation of Tatar forces in the campaign. It was this attitude of the Crimean aristocracy that led Inayet Giray Khan to rebel [26, p.264–265]. As can be seen, the root cause of these rebellions was the Ottoman Porte's desire to use the Crimean

<sup>15</sup> A.DVNS.KLBd.10, p. 253.

<sup>16</sup> Gelibolulu Mustafa Ali narrated this event as this, "...*Ammâ han-ı mezbûr gâh Cengiz'e müntehi olan nesebine mağrur olub edâ-i hizmetde cüst ü çalak deprenmemişdi. Gâh ben Osmanlı'nun ümerâsında mıyım ki bana böyle teklifât iderler diyü Şirvan'a gitmeyüb ta'allül tar'ikına gitmişdi...Pes üçüncü senede ki tekrâr Şirvan'a teveccühi emr olunmuşdı. Bu kerre inâd u muhâlefet dâyiresinde sâbit-kadem bulundi. Hatta edâ-i hizmetteki kusûrundan mâadâ bâis-i gayret ve fütur bazı sözler söylediği nakl olundu...*" [34, p. 1037–38].

Tatars on the Iranian front, and the Ottoman Porte's demands in the reign of Selim Giray Khan II, to use the Tatar forces in the war against Nadir Shah led to great unrest in the Crimean Tatar society. It was from this unrest that the social base of the Şahin Giray Sultan Rebellion emerged.

In the 18<sup>th</sup> century rebellions that occurred in the Crimean Khanate, the ending of the raids intensified during the times of war, the efforts of the Ottoman Empire to increase its control over its borders and over the nomadic Tatars, and its demands for the return of the captives after the war were other factors leading to the rebellions, including those of Gazi Giray Sultan in 1699 and the Devlet Giray Khan in 1702 following the signing of the Treaty of Karlowitz (1699) and the Istanbul Treaty (1700). The strict control of the borders and the return of the captives were addressed in the Treaty of Karlowitz in the following way:

*“The fourth article: None of the troops dependent on the high state, and especially the Tatars, should attack Polish subjects and transgress the Polish borders under any kind of excuse, pretext, or title, nor should they drive any captives or animals nor should they cause any other damage. And it will be clearly commanded and confirmed by noble orders. To the viziers and beylerbeyis, to the felicitous Crimean khan, kalga, nureddin, and the other princes and to the hospodar of Moldovia that they should respect and preserve with the utmost care the order on the frontiers and the provisions of this peace...The ninth article: The prisoners taken during the war from among the Poles will be set free after the price of their purchase, confirmed legally or revealed by their owners with an oath, is repaid in the manner described in the ahnames given in the past.”* [27, p. 587–593; 595, 597] and brought about events that led to the rebellions of both Gazi Giray Sultan and Devlet Giray Khan.

After the end of the Ottoman-Russian War of 1736–39, the Crimean Khan, and the Porte sought to increase their control over the border regions with the Russian Tsardom (such as the Caucasus-Kuban Line and the Özi/Dnieper area) [25, p.79–80] and to bring about the return of the captives of war by putting pressure on the Tatar society.<sup>17</sup> These developments led to a severe loss of income and gradual centralization, especially along the Russian border, and could have been a secondary motivation for the Şahin Giray Sultan Rebellion. The Tatar communities suffered significant losses, both human and economic, at the hands of the Russian forces on the Crimean Peninsula, the Kuban region, and even around Özi [28, p. 90–92], and this was another cause of unrest that led to the rebellion of Tatar society.

A final reason for the rebellions in the Crimean Khanate in the last days of the 17<sup>th</sup> century is related to the Noghays. Since the second half of the 17<sup>th</sup> century, the Noghay population within the Crimean Khanate had gradually been increasing, and in parallel to this population increase, the importance of the Noghays [politically and militarily] gained ground within the Crimean Khanate [29, p. 115–131]. The Crimean Khans developed a system named “*seraskerlik*” to keep the Noghay

<sup>17</sup> II. Selim Giray Han II's predecessor, II. Selamet Giray Khan II was dethroned due to his failure to return the captives of war taken in the 1736–1739 Ottoman-Russian War. In contrast, Selim Giray Khan II was rewarded for his success in this matter. [15, p. 91–92].

groups under control, and the Seraskerliks of Yedisian, Bucak and Kuban subsequently emerged. In this system, a male member of the Giray family was appointed *serasker*, that is, governor, of the Noghay Hordes [8, p.198–200; 31, p.18; 33, p. 114; 32, p.14].<sup>18</sup> Despite the establishment of the Seraskerlik system, the Noghays could not be fully controlled, and rebelled under the leadership of the Giray Sultans, whom they considered close to them, and reacted strongly against the Crimean Khans and to the Porte. The rebellions in the Crimean Khanate, from the rebellion of Gazi Giray Sultan in 1699 to the 1756–1758 Yedisian Noghay Rebellion, all emerged as a result of the Noghays' search for political influence within the khanate, or in their reaction to the khanate or the Ottoman Porte [33, 114–115]. In a way, the Rebellion of Şahin Giray Sultan can be considered a reaction of the Bucak Noghays to the khanate's administration. Consequently, all these combined reasons contributed to the social basis of the rebellion.

One last question remains about the rebellion of Şahin Giray Sultan, and that is "Why did the rebellion fail?". Taking a general overview, the main reason was Şahin Giray Sultan's inability to gain the support of the Yedisian Noghays, which limited the military strength of the rebels considerably, as well as their geographical depth. In addition, the Zaporog Cossacks, acting in accordance with the wishes of the Crimean Khan, prevented Şahin Giray Sultan from uniting with the Tatar communities in the Kuban and the Caucasus, thus preventing the continuation and spread of the rebellion. Upon this, because of the conspiracy of the Porte and Crimean Khan toward the Şahin Giray Sultan, the rebellion occurred prematurely. Şahin Giray Sultan could not focus the support of all the dissidents in the organization of a rebellion. The strict attitude and uncompromising acts of the Porte can be given as the final reason for the failure of the rebellion. While this rebellion, limited to the Bucak area, was quelled, the tensions in the socio-economic structure of the khanate continued, culminating in Yedisian Nogay Rebellion in 1756–1758, on a much larger scale.

---

<sup>18</sup> BOA, Ali Emiri, (Sultan Mustafa III) SMST III 29050, a sample document addressed to the serasker of Yedisian; BOA, Ali Emiri, (Sultan Mahmud I) SMHD I 6461, a sample document addressed to the serasker of Kuban].



**Facsimile and Transliteration of Selected Documents  
on the Life and Rebellion of Şahin Giray Sultan**

**Document I: C.MTZ. 4/198: 13 Zilhicce 1156/28 Ocak 1744.**

Sahh

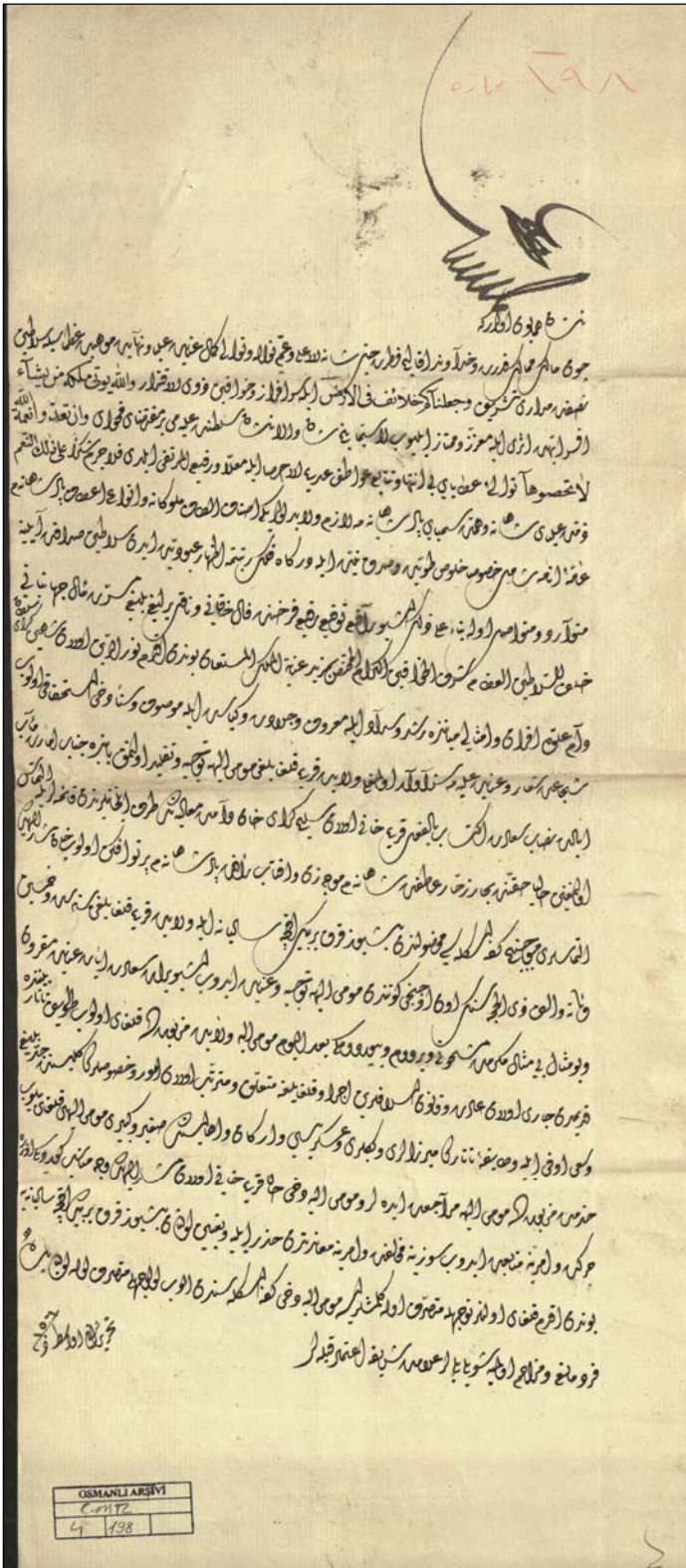
Buyruldu

Nişân-ı hümâyûn oldur ki

Çün mâlik-i memâlik-i kudret ve hüdâvend-i ekâlîm-fîtrat celle şânühû'l alâ ve âmme nevâlühû ve tevâlî kemâl-i inâyet-ulyâ ve nihâyet-i mevhibet-uzmâsıyla selâtin-i nasafet-medârı teşrif ve ce'alnâküm halâife fî'l-arz ile ser-firâz ve havâkîn-i zevî'l-iktidâr vallâhu yûti mülkühû men yeşâ' efsere-i übbühet-eseri ile mu'azzez ve mümtâz eyleyüb lâ-siyyemâ benim şân-ı vâlâ-nişân-ı saltanat-ı alıyyemi ber-muktezâ-yı fehvâ-yı ve in-te'adde ve nimetu'llâhi lâ-tuhsuhâ tevâlî-i atâyâ-yı bî-intihâ ve tetâbi'-i avâtıf-ı adîmül-ihsâ ile mu'allâ ve refî'u'l mürtefâ eyledi. Felâ-cerem şükrân alâ-zâlike'n-ni'am zimmet-i ulyâyı şâhânem ve himmet-i simyâ-yı padişâhâneme lâzım ve lâbüd oldı ki esnâf-ı eltâf-ı mülûkâne ve envâ'ı e'tâf-ı padişâhânem âmme-i enâma şâmil husûs-ı hulûs-ı tavıyyet ve sıdk-ı niyyet ile dergâh-ı felek-rütbetime izhâr-ı ubûdiyyet eden selâtin-i sadâkat-âyîne mütevârid ve mütevâsıl ola binâen-alâ-zâlık işbu râfî'-i tevkî'-i refî'-i ferhunde-fâl-i hakanî ve nâkil-i yarlıg-ı belîg-i meserret-me'al-i cihân-bânî helefû's-selâtinî'l-izâm şerefü'l-havâkîni'l-kirâm el-muhtâs bî-mezîd-i inâyeti'l-meliki'l müsteân bundan akdem Nureddin olan Şahin Giray Sultân dâme ulüvvühu akrân ve emsâli meyânında rüşd ü sedâd ile ma'rûf ve celâdet ve kıyâset ile mevsûf ve sinnen dahi istihkâkı olub şecâat-şîâr ve inâyet-i alıyyeme sezâvâr olmağla vilâyet-i Kırım Kalgaylıgı mûmâileyhe tevcîh ve taklîd olunmak bâbında cenâb-ı emâret-meâb eyâlet-nisâb saâdet-iktisâb bi'l-fi'il Kırım Hanı olan Selim Giray Han dâmet me'âliyehünün taraf-ı ilhânilerinden kâimeleriyle iltimâs olunmağın hâliyâ hakkında bihâr-ı zahhâr-ı âtîfet-i şâhânem mevc-zen ve âfitâb-ı re'fet-i pâdişâhânem pertev-efken olub Han-ı müşârünileyhin iltimâsları mucebince Kefe İskelesi mahsûlâtundan beş yüz kırk bir bin akçe salyâne ile vilâyet-i Kırım Kalgaylıgı sene sitte ve hamsin ve mi'ete ve elf zilhiccesinin on üçüncü (13 Z. 1156 / 28 Ocak 1744) gününden mûmâileyhe tevcîh ve inâyet idüb işbu berât-ı saâdet-âyât-ı inâyet-makrûn ve bu misâl-i bî misâl-i mekremet-meşhûmı virdüm ve buyurdum ki; ba'de'l-yevm mûmâileyh vilâyet-i mezbûrede Kalgay olub tevâif-i Tatar beyninde kadîmden cârî olan âdet ve kanûn-ı eslâfların icrâ ve kalgaylıgâ müte'allik ve müterettib olan umûr ve hususların küllisinde cidd-i belîg ve sa'y-ı evfâ eyleye ve tâife-i Tatarın mirzâları ve beyleri ve askerîsi ve erkân ve ahâlisinden sagîr ve kebîri mûmâileyhi kalgay bilüb hizmet-i mezbûrede mûmâileyhe mürâcaat ideler ve mûmâileyh dahi hâlâ Kırım Hanı olan müşârünileyhin vech-i münâsib gördüğü üzere hareket ve emrine mütâbaât idüb sözüne muhâlif ve emrine muânedetden hazer eyleye ve ta'yîn olunan beş yüz kırk bir bin akçe salyâneye bundan akdem kalgay olanlar ne vechile mutasarrıf ola gelmişler ise mûmâileyh dahi Kefe İskelesinden alub o vechile mutasarrıf ola.

Ol bâbda ferd mâni' ve müzâhim olmaya, şöyle bileler alâmet-i şerîfe i'timâd kılalar.

Tahrîren fî evâsıt-ı Z. 1156 / 26 January-3 February 1744



Document I: C.MTZ. 4/198: 13 Zilhicce 1156/28 Ocak 1744.

**Document 2: A.DVNS.MHM. d.153, Page: 177, Edict: 673.*****Buyruldu sûreti Han-ı âlişân tarafına tesyîr kılınmıştır.******5 M. [1/161***

Bender Muhâfız Vezir Numan Paşa'ya hüküm ki,

Kalgay-ı sâbık Şahin Giray Sultân bundan akdem ba'zı efkâr-ı fâsideye teba'iyet ile Leh cânibine firâr eyledikten sonra Hotin cânibinden memâlik-i mahrûsem toprağına duhûl idüb rızâ-yı hümâyûnuma mugâyir tavr u harekete ictisâr ve Bucak Seraskeri Hacı Giray Sultân ile muhârebe ve cidâle ibtidar ve esnâ-yı bî-kârda birkaç nefer adem ile münhezimen Boğdan toprağında vâki' Mişe-zâr tarafına firâr eylediği sen ki vezîr-i müşârünileyhsin tarafından ve Kırım Hanı cenâb-ı emâret-me'âb eyâlet-nisâb saâdet-iktisâb Selim Giray Han dâmet me'âliye hu cânibinden Dersâdetime i'lâm ve iş'âr olunmuş öteden beru rızâ-yı hümâyûnuma muhâlif vaz' u harekete cesâret idenlerin keder ve vehâmeti yine kendülere âid ve râci' olageldiği ma'lûm ve bâ-husûs Sultân-ı mûmâileyh şâh-ı düdmân-ı Cengizîye'ye irâs-ı kesr u ta'yis edecek böyle bir emr-i nâ-mülâhiye mukadder olmak hasebiyle cümle beyninde ma'lûm ve mezmûm olmağla bundan sonra bir ferd kendüye sâhip çıkmayacağı bir dürlü yardım ve i'ânet itmeyeceği zâhir ve husûsan bundan mukaddemce sâdir olan evâmir-i âliyyem mucemberince tarafına bir kimse varmak ve anın etbâ'ından berü cânibe ferd-i vâhid gelmemek üzere sedd-i bendi iktizâ iden mahaller tahassun ve teşdîd olunduğu eğerçi meczûm ve bâhirdir lakin sultân-ı mezbûr ber-minvâl-ı mestûr hem Devlet-i Aliyyeme ve hem Kırım Hanına ve hanedân-ı Cengizîye'ye bir gûne habâset ve adem-i itâat itdikleri için tecessüs ve tefahhus olunarak Memâlik-i Mahrûsem hudûdu dahilinde bir yerde olduğu haber alunur ise derhâl bulunduğu mahalde kendüsü ve yanında ma'iyyeti olan hâinler yakalatdurulub alâ eyyi hâl ahz ve ele getirülmek ve sultân-ı merkûm ve yanında bulunan Tatar taifesi ahz olunduklarında Bucak Seraskerine teslim ve Osmanludan olan ma'iyyetleri ma'rifetiniz ile muhkem habs ve tazyîk ve keyfiyetleri i'lâm ve tefhim olunmak fermânım olub ve husûs-ı mezbûr Hotin ve Özi muhâfızlarına ve Boğdan Voyvodasına başka başka evâmir-i âlişânımla tenbîh olunmağla sana dahi işbu emr-i şerîfim ısdâr ve ( ) ile irsâl olunmuştur. İmdi vusûlünde sultân-ı mezbûra dâhil-i hudûd-ı Memâlik-i hüsrevânemde olanlardan bundan böyle herkim i'ânet ider ise ol dahi âsî ve bâğî olacağını ifhâmı iktizâ idenlere izhâr ve ve işâat ve ele girdiklerinde bilâ-eman haklarından gelineceğini derhâl i'lâm ve işâret iderek Bender hudûd-ı dâhilinde olan memur ve mu'berleri mukâddema sâdir olan emr-i şerîfim mantûki üzere muhkem sed u bend ve Memâlik-i Mahrûsem hudûd-ı dâhillerinde kendüsünü ve mai'yetlerini dâima tecessüs ve tefahhusdan bir an halî olmayarak ve memûr olan mumâileyhüm ile haberleşerek ve Han-ı müşârünileyh tarafından dahi eğer bir haber vârid olur ise muktezâsıyla hareket eyleyerek dâhil-i hudûd-ı Memâlik-i Mahrûsemde bir yerde olduğu haber alunur ise bağteten cümlesini ahz ve sultân-ı mûmâileyhi ve ele giren Tatar tâ'ifesini serasker sultâna teslim olunduktan sonra Osmanlu makûlesini tarafından muhkem habs ve keyfiyeti arz idüb lakin bu bâbda ziyade taharrî ve basîret ve kemâl-i ihtiyât ve dikkat üzere hareket ve nâ-mülâyim bir nesne hudûsundan be-gayet tehâşî mübâadet eylemen bâbında fermân-ı âlişânım sâdir olmuştur.

Fî Evahir-i Z 1160/24 December 1747-1 January 1748

Bir sûreti Özi kalesi Muhâfızına ve Yeniçeri Zâbitine

Bir sûreti Hotin Muhâfızına ve Alaybeğisine ve Yeniçeri zabıtine

Bir sûreti Boğdan Voyvodasına,

Bir sûreti Bender Muhâfız Beyi Yunus Beye ve Yeniçeri Zâbitine



**Document 3: TSMA. E. 569/58.**

Benim saâdetlü mekremetlü semâhatlü birâder-i celilü's-şânım düstûr-ı âli-unvân hazretleri

Hemvâre masûn vikâyetü'l-avn-i samedâni olmakda deymûmiyetleri duâsından sonra şahs-ı ma'hûda tarafımızdan re'y verilmek musammem idüğü bundan mukaddemce Divân efendileri bendeleri vürudunda kendüye tefhîmen cânib-i şeref-i câlib-i vezîrânelerine ifâde olunmuşdu.

Hâlâ merkûm-ı ma'hûda tasmîm olunduğu üzere re'y virilüb tarafımıza vürüd eylediğinden fîmâba'd Bender'e duhûlden teneffür ve tevahhuş eylememesi zâhir ve bedîhi olmağla ba'd-evin muhlis-i bi-müberrâları Devlet-i Aliyye'ye varub avdet idince merkûmın hakkında menvî ve derkâr olan emrin infâz ve icrâsı ta'vîk ve fîmâba'd muhlisiniz ile meyânede tekrâr muhâbere oluncaya dek teennî ve tehîr buyurub ol taraflara vardıkça kendüden def'i-vaşete bâdî ve min külli'l vücûh selâmet ve emniyeti mü'eddî muâmeleleri müşâhedesine ve bu misüllü istimâlet haline himmet-i aliyyeleri derkâr buyurulmak muktezâ-yı halden olmağla bu husûs ma'lûm-ı saâdetleri buyurulub ve keyfiyet şimdilik iktizâ-yı hale göre cenâb-ı saâdete bu siyâkda tavsiye olunduğu inşâllahu teâlâ Devlet-i Aliyyeye vusûlümüzde irâd ve ifâde olunacağı dahi karîn-i ilm-i şerif buyurulmak için kâime-i muhabbet-hitâm tahrîrine ibtidâr olundu. Bi avnillahi teâlâ ahvâl muhât-ı ilm-i saâdetleri oldukda merkûm ol caniblere vardıkça kendüye tahsil-i emniyeti mü'eddî muâmele olunarak hakkında bundan evvel derkâr olan husûs icrâsı muhlisiniz Devlet-i Aliyyeye varub avdet idinceye dek te'hîr ve tekrâr cenâb-ı saâdetleriyle meyânede muhâbere olunmasına ta'lik buyurulması me'mûldür. Şimdilik iktizâ-yı hal bu vech üzere olmağla İnşallah bundan sonra lâzime-i ahvâl yine savb-ı pür-şerefe ifâde olunur

Selim Giray Han



ب

۱۱۵۹

۳۸۰۴

بنام ساد نو مکر منو سما خلو براد و جلیل نام سید نور احمد بن سید  
هوارة مهون و قایة العون صدقانی اولمعه و بموجب سیدی و دعا  
سکره شخصی ماموده طرز وزن رای و بریلان مضمون ایرودی بوزن  
مقدحجه دیوان افندی بنی و ری و رود و کت و کت و کت و کت  
حاجت سرف خالب و زرینه ازین افاده افندی حالاً مرفوم  
مما و ده نصیم اولدی و اوزره رای و بریلان طرز و رود و  
ایله کتین بقا بعد بندره و خوردن تنفر و خوشی ایلمی  
حق و برایی اولمعه بعد ازین مکتفی براری و ولن عتیده  
و اردی عودق ابرخه مرفومان حقدن منوی و درکار  
اولا امرای افاده و اجرایی نوبه و بقا بعد مخلصه  
میانده و خوار خابره اولمعه و نانی و ناخیز بوری  
اولمعه و اردی کت و کت و کت و کت و کت و کت و کت  
کل الوجوه سلامت و استیغاف مودی معامله ای من حدیه  
و بومثل امکان حاله حق عودی و درکار سید محمد مقدس  
حادن اولمعه بوضوح معلوم ساد نری بوری و نسبت  
شدریلان اقتضا حاله کوره جناب ماموده بوسایقن نوصیه  
اولمعه آن الله فانی و کت عتیده و صلیبزه ایراد افاده  
اولمعه کت و کت و کت و کت و کت و کت و کت و کت  
کتزیه ایدر اولدی بعونه فانی اموال محاط علم ساد نری  
اولمعه مرفوم اولجا بنیره و اردی کت و کت و کت و کت و کت  
معامله اولمعه حقدن بوزن اول درکار اولان خصوصی  
اجرایی مکتفی و ولن عتیده و اردی عودق ابرخه و نانی  
و خوار جناب ماموده میانده و خابره اولمعه مکتفی بوری  
ماندر شدریلان اقتضا حال بودجه اوزره اولمعه آن الله  
بوزن سکوه لازمه احوال بنی صلیب بزرگ افاده اولمعه

TSMA-E 569/58

4



Document 3: TSMA. E. 569/58.

**Document 4. A.DVNS.KLB. d.10, Page: 20.**

Kalgay-ı sâbık Şahin Giray Sultâna ve dergâh-ı mu'allâm gedüklülerinden olub mukaddemâ mûmâileyhi Rodos'a isâle mübâşir ta'yîn olunan Abdurrahman zide mecduhûya hüküm ki;

Sen ki sultân-ı mûmâileyhsin düdmân-ı Cengizye'nin ulüvvü kadr u şân semmû-rif'at ünvanı ne derecede idiği ma'lûm ve hanedân-ı merkûmeye müntesib olanlar dahi Devlet-i Aliyyemin kulluğunda ve Kırım Hanlarının itâ'etlerinde ne rütbede sebât-kadem üzere oldukları meczûm olmakdan naşi sen dahi ol hanedân-ı alîşân ve ol düdmân-ı meâli-unvanın keşide rişte-i silsilelerinden olman hasebiyle tabi'iyet-i asliyenin pâk ve mücellâ ve şîme-i himmetin nâ-hemvâr vaz' u hareket irtikâbından beri ve mukarrer hod be hod senden na-marzî hâlet zuhûr değil belki zelle sudûru bile vukû' bulmak emr-i muhâl ad olunub ve hatta mukaddemâ tarafından hudûs iden ba'zı gûne nâ-münâsib vaz'-ı mücerred sû-i karîn beliyyesi idüğü vâzih ve aşikâr olduğunu ve sen zâtında asil ve nesîb olmağla her halde ribka-ı itâati ziver-kerden rızâ ve ubûdiyet ideceğini bi'l-fiil Kırım Hanı cenâb-ı emâret-meâb eyâlet-nisâb saâdet-iktisâb Selim Giray Han dâmet me'âliyhü cenâbları mukaddemâ tahrîr ve inhâ ve afvın husûsu iltimâs ve ricâ eylediklerine binâen ta'yîn olunan salyânen ile gelüb Rodos Cezîresinde ikâmet eylemen bâbında Han-ı alîşân -ı müşârünileyhin iltimâsları karîn-i kabûl ve bu vechile emr-i şerîfim ısdârıyla mübâşir-i mûmâileyh me'mûr olmuş idi. El hâletü hâzihi vârid olan tahrîrât muktezâsınca zâtında olan rüşd ü kiyâset ve asâlet ve necâbeti icrâ ve düdmânınızın revnak ve izzeti olan madde-i itâat ve inkıyâdı ibkâ ve ni'am-ı afv ü inâyet-i hüsrevânem teşekkürünü icrâ zımında bilâ-tehîr emr-i şerîfime itâat ve mübâşir-i mûmâileyh maiyyeti ile savb-ı memûre azîmet eylediğin sem'-i hümâyûnuma vâsıl olmak hasebiyle bu gûne vaki olan hüsn-i hareket ve emr-i şerîfime sür'at-ı imtisâl ve mutâvaatın hakkında olan gerdûn-ı dûn ve iğbibârı bi'l-külliye izâle idüb karîben müsâade-i hümâyûnum zuhûru ile yine çiftliğinde gelüb ikâmete sühûlet ve medâr olmak için Rodos'a olan memûriyetin Sakız Cezîresine sarf ve tahvîl ve sebkât iden afv ve inâyet-i mülûkânem şimdilik bu vechile tezyîl olunduğundan mâadâ sana vesîle-i mahzûziyet ve bâis-i teselliyet olmak için yanında olan karındaşın Mahmud Giray zide mecdühü gelüb Yanbolu'da senin çiftliğinde ikâmet eylemek üzere izn-i hümâyûnum erzânî kılınmağla işbu emr-i şerîfim ısdâr ve ( ) ile irsâl olunmuşdur. İmdi taraf-ı hümâyûnuma olan mutâvaat ve inkıyâdın icâletü'l-vakt bu vechile semere ve fâidesi zuhûr eylediği ma'lûmın oldukda bundan böyle dahi hüsn-ü hareket ve etvârın mesmû' oldukça hakkında olan mekârim-i mülûkânem müterakki ve müzdâd ve müddet-i kalîle zarfında çiftliğinde gelüb ikâmete müsâade-i hümâyûnum sudûruyla mesrûru'l-fuad olacağını fikr ve mülâhaza iderek şimdilik doğru Sakız'a gelüb anda ikâmet ve ta'yîn olunan salyâneyi ahz birle devâm-ı ömr-i devlet-i şâhânem de'avâtına muvâzabet eyleyüb ve karındaşın Mahmud Giray'ı Yanbolu'da olan çiftliğine gönderüb ol dahi anda meks itmesi tavsiye ve tenbîh eylesin ve sen ki mübâşir-i mûmâileyhsin bervech-i muharrer sultân-ı mûmâileyhi doğru Sakız'a isâl ve vusûlünü müş'ir senedât ile Dersaâdetime avdet eylemen bâbında fermân-ı alîşân sâdir olmuşdur.

Fî Evâhir Rebiülahir sene [1]161/20-28 April 1748

(1) ... (2) ... (3) ... (4) ... (5) ... (6) ... (7) ... (8) ... (9) ... (10) ... (11) ... (12) ... (13) ... (14) ... (15) ... (16) ... (17) ... (18) ... (19) ... (20) ... (21) ... (22) ... (23) ... (24) ... (25) ... (26) ... (27) ... (28) ... (29) ... (30) ... (31) ... (32) ... (33) ... (34) ... (35) ... (36) ... (37) ... (38) ... (39) ... (40) ... (41) ... (42) ... (43) ... (44) ... (45) ... (46) ... (47) ... (48) ... (49) ... (50) ... (51) ... (52) ... (53) ... (54) ... (55) ... (56) ... (57) ... (58) ... (59) ... (60) ... (61) ... (62) ... (63) ... (64) ... (65) ... (66) ... (67) ... (68) ... (69) ... (70) ... (71) ... (72) ... (73) ... (74) ... (75) ... (76) ... (77) ... (78) ... (79) ... (80) ... (81) ... (82) ... (83) ... (84) ... (85) ... (86) ... (87) ... (88) ... (89) ... (90) ... (91) ... (92) ... (93) ... (94) ... (95) ... (96) ... (97) ... (98) ... (99) ... (100) ...



## REFERENCES

1. Gurr, Ted Robert. “A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices”, *The American Political Science Review*, December 1968, Vol. 62, no. 4, pp. 1104–1124.
2. Gurr, Ted Robert. *Why Men Rebel*, Routledge, Taylor & Francis Group, New York, 2016. 423 p.
3. Eckstien, Harry. “On the Etiology of Internal Wars”, *History and Theory*, 1965, Vol. 4, no. 2, 1965, pp. 133–163.
4. Klein, Denise. “Tatar and Ottoman History Writing The Case of Nogay Rebellion 1699–1701”, *The Crimean Khanate Between East and West*, edited by Denise Klein, 2012 Wiesbaden, pp. 125–146.
5. Bülbül, İsmail. “Yedisian-Bucak Nogaylarının 1756 ve 1758 İsyanları”, *Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi*, Vol.1, Sayı 1, 2016, s. 74–113. (In Turkish)
6. Peçuylu İbrahim Efendi, *Tarih-i Peçuylu*, Vol. 2, Matbaa-i Amire, İstanbul, H. 15 Safer 1283/29 Haziran 1866. 487 p. (In Ottoman Turkish)
7. Ostapchuk, Victor. *The Ottoman Black Sea Frontier and the Relations of Porte With the Polish-Lithuanian Commonwealth and Muscovy 1622-1628*, unpublished PHD, University of Harvard, 1989. 322 p.
8. Başer, Alper. *Bucak Tatarları*, unpublished PHD, Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Afyon 2010. 242 p. (In Turkish)
9. Söylemez, Yavuz. “Osmanlı Sarayında Katledilen Bir Kırım Hanı: İnalet Giray Han”, *Karadeniz Araştırmaları XIV/55 Güz*, pp. 209–224. (In Turkish)
10. Fisher, Alan. “Crimean Separatism in The Ottoman Empire”, *Between Russians, Ottomans and Turks: Crimea and Crimean Tatars*, Isis Press, İstanbul 1998, pp. 79–92.
11. Oleksa Gaivoronski. Poveliteli dvukh materikov. Tom. 1: Krymskie Khany XV–XVI Stoleti i Bor’ba za Nasledstvo Velikoi Ordy, Kiev; Oranta, Maisteriä Knigi, Bakhchisarai 2010. [Олекса Гайворонский. Повелители двух материков. Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды, Киев; Бахчисарай, 2010], 396 p. (In Russian)
12. Gökbilgin, Özalp. 1532-1577 Yılları Arasında Kırım Hanlığı’nın Siyasi Durumu, Sevinç Matbaası, Ankara 1973, 101 p. (In Turkish)
13. Kaysunizade Remmal Hoca, *Tarih-i Sahib Giray Han*, edited by. Özalp Gökbilgin, Baylan Matbaası. Ankara, 1973. 313 p. (In Turkish)
14. Çelebizade İsmail Asım Efendi, *Târîh-i Çelebizâde*, (1134–1141/1722–1729), edited by. Abdülkadir Özcan, Ahmet Zeki İzgöer, Yunus Uğur, Baki Çakır, Klasik Yayınları, İstanbul 2013. 1952 p. (In Turkish)
15. Halim Giray, Gülbün-ü Hanan [Kırım Hanları Tarihi], edited by Alper Başer-Alper Günaydın, İstanbul Üniversitesi Avrasya Enstitüsü Yayınları, İstanbul, 2013. 121 p. (In Turkish)
16. Abdulgaffar-ı Kırımı, *Umdetu’l Ahbar*, Volume I, Seriya «Yazma Miras. Pis’mennoe Nasledie. Textual Heritage». edited by Derya Derin Paşahoğlu, Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. Kazan 2014, 419 p. (In Turkish)
17. Seyyid Mehmed Rızâ, *Es-Seb’üs-Seyyâr Fî Ahbar-ı Mülûki’t-Tatar (İnceleme-Tenkitledi Metin)* edited by Yavuz Söylemez, Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara, 2020, 470 p. (In Turkish)
18. Avakov P.A., Bespyatykh Yu.N. The Crimean Khanate in 1736 according to the Account of the French Consul, Adam Yavoroka. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146 (In Russian)
19. Hurremî Abdurrahman Efendi, *Çelebi Akay Tarihi*, İstanbul Üniversitesi Nadir Eserler Kütüphanesi, nr. T 399. (Manuscript in Ottoman Turkish)

20. Said Giray Sultan, *Tarih-i Said Giray Han*, Berlin, Staasbibliothek. (Manuscript in Ottoman Turkish)

21. Smirnov, V.D. Osmanlı Dönemi Kırım Hanlığı Tarihi, Translator: Ahsen Batur, Selenge Yayınları, İstanbul 2016. [В.Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887], 681 p. (In Turkish)

22. Uzunçarşılı, İsmail Hakkı. *Osmanlı Tarihi*, IV. Vol. 2. Kısım, Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara, 2011, 681 p. (In Turkish)

23. İzzî Süleymân Efendi, İzzî Tarihi (Osmanlı Tarihi 1157–1165/1744–1752), (İnceleme-Metin), edited by Ziya Yılmaz, Türkiye Yazma eserler Kurumu Başkanlığı Yayınları: 119, İstanbul, 2019. 1282 p. (In Turkish)

24. Arkhiv Kosha Novoi Zaporoz'koi Sichi. 1734–1775. Korpus dokumentiv. Tom 1. Kiiv, 1998; Document : 329. Holovne arkhivne upravlinna pry Kabineti ministriv Ukraïny; tsentral'nyi derhavnyi istorychnyi arkhiv Ukraïny [*Архив Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів*. Т. 1. Київ, 1998], 692 p. (In Ukrainian)

25. Kırım Hanlarına Name-i Hümayun (2 Numaralı Name Defteri), edited by Murat Cebecioglu, etc. T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı Yayınları, Yayın nu: 123, İstanbul, 2013, 288 p. (In Turkish)

26. Novoselskiy A.A. XVII. Yüzyılın Birinci Yarısında Moskova Devleti'nin Tatarlarla Mücadelesi, Translator: Kemal Ortaylı, edited by İlyas Kemaloğlu-Erhan Afyoncu, Türk tarih Kurumu Yayınları, Ankara 2011. [Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: Издательство Академии Наук СССР (1948)], 484 p. (In Turkish)

27. Kolodziejczyk, Darisuz. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century) An Annotated Edition of Ahnames and Other Documents, Brill: Leiden-Boston, 2000. 721 p. (In Turkish-English)

28. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. Tom 80*, Tipografia Imperatorskoï Akademii Nauk, Saint Petersburg 1892. [Сборник Русского исторического общества. Т. 80, Типография Императорской Академии Наук, СПб., 1892], 932 p. (In Russian)

29. Kochekaev, Bi-Arslan Bal'bekovich. *Nogaysko-Russkiye Otnosheniya v XV–XVIII*, Alma-Ata, Izd-vo «Nauka» Kazakhskoi SSR, 1988. [Кочеекаев Б.-А.Б. Ногайско-Русские отношения в XV–XVIII вв, Алма-Ата: Наука КазССР], 267 p. (In Russian)

30. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı, présenté par Alexandre Benningsen, Pertev Naili Boratav, Dilek Desai, Chantal Lemerrier-Quelquejey, Mouton Editeur, Ecole Des Hautes en Sciences Sociales, Paris, 1978. 458 p. (In French)

31. Mustafa Kesbi, İbretümâ-yı Devlet (*Tahlil ve Tenkitli Metin*), Haz. Ahmet Öğreten, Türk tarih Kurumu Yayınları, Ankara 2002. [According to Feridun M. Emecen, İbretümâ-yı Devlet is written by Mehmed Haşim Efendi not Mustafa Kesbi], 654 p. (In Turkish)

32. Peisonel' M. Issledovanie Torgovli Na Cherkessko-Abkhazskom Beregu Chërnogo Moria v 1750–1762 Godakh, v Izlozhenii E.D. Felitsina, Izdanie Obshchestva izucheniya Adugeïskoi avtonomnoi oblasti. Krasnodar, 1927. [Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Чёрного моря в 1750–1762 годах, в изложении Е.Д. Фелицина, Издание Общества изучения Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927] 35 p. (In Russian)

33. Başer, Alper. “Conflicting Legitimacies in the Triangle of the Noghay Hordes, Crimean Khanate, and Ottoman Empire”, *Harvard Ukrainian Studies* 36, no. 1–2, 2019, pp. 105–122. (In English)

34. Gelibolulu Mustafa Âli, *Künhü'l-Ahbâr*, edited by Ali Çavuşoğlu, Türk Tarih Kurumu Yayınları. Ankara, 2020. 1169 p. (In Turkish)

*About the author:* Alper Başer – Associate Professor of the Department of History, Afyon Kocatepe University (Ahmet Necdet Sezer Kampüsü Merkez, Gazlıgöl Yolu, 03200, Afyonkarahisar Merkez/Afyonkarahisar, Turkey). E-mail: baseralperhidayet@gmail.com

*Received April 28, 2022 Accepted for publication August 24, 2022  
Published September 29, 2022*

---

## ВОССТАНИЕ СУЛТАНА ШАХИН-ГИРЕЯ (1746–1747)

*Альпер Башер*

*Университет Афьон Кокатепе  
Афьонкарахисар, Турция  
baseralperhidayet@gmail.com*

*Цель исследования:* анализ причин, развития и последствий восстания султана Шахин-Гирея в истории Крымского ханства.

*Материалы исследования:* документы, хранящиеся в архиве дворца-музея Топкапы и в Департаменте османских архивов Государственного управления при Президенте Турецкой Республики. Эти документы сопоставляются с османско-татарскими хрониками того периода (Иззи Тарихи, Челеби Акай Тарихи, Тарих-и Саид-Гирей Султан).

*Результаты и научная новизна:* наиболее подробную оценку восстания Шахин-Гирея Султана можно найти в книге В.Д. Смирнова о Крымском ханстве, которая перекликается со сведениями, приведенными в османской хронике Иззи Тарихи. В настоящем исследовании архивные документы дворца-музея Топкапы под номерами TSMA-E 408-55, TSMA-E 569-58 и TSMA-E 751-49, а также дефтеры (Mühimme и Kalebend), хранящиеся в Департаменте османских архивов Управления государственных архивов при Президенте Турецкой Республики, сравниваются с другими источниками. В свете этих документов дается новая оценка восстанию под предводительством султана Шахин-Гирея. Документы, считающиеся важными и содержащие подробности жизни Шахин-Гирея и хода восстания, были транслитерированы и представлены к публикации.

Ногайцы, проживающие в Буджакском районе, составляли социальную базу восстания Шахин-Гирея. Восстание вспыхнуло из-за желания Порты развернуть татарские силы на иранском фронте, нарастающих усилий Османской империи по централизации на русско-польской и украинской границах, а также давления на татарское общество с целью возвращения русских пленников войны 1736-1739 гг. Восстание вспыхнуло преждевременно после того, как Порта и Селим-Гирей-хан сговорились нейтрализовать Шахин-Гирея. Крайние меры, предпринятые Османской империей и Крымским ханством, предотвратили распространение восстания, и повстанцы во главе с султаном Шахин-Гиреем были легко разбиты, что привело к подавлению восстания.

**Ключевые слова:** султан Шахин-Гирей, восстание, Османская империя, Крымское ханство, ногайцы

**Для цитирования:** Başer A. The rebellion of Şahin Giray Sultan (1746–1747) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 672–692. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.672-692 EDN: EXZRWJ

**Сведения об авторе:** Альпер Башер – доцент кафедры истории, Университет Афьон Кокатепе (Афьонкарахисар, Турция). E-mail: baseralperhidayet@gmail.com

*Поступила 28.04.2022 Принята к публикации 24.08.2022  
Опубликована 29.09.2022*

УДК 94(47).043

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714

EDN: FGCOSN

## СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ В ВОЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ РОССИИ В 1618–1634 ГГ.

**Б.А. Илюшин**

*Новосибирский национальный исследовательский  
государственный университет  
Новосибирск, Российская Федерация  
arunta-desert@yandex.ru*

*Цель исследования:* изучить участие российских служилых татар в военных мероприятиях Российского царства в 1618–1634 гг., от Деулинского перемирия до Смоленской войны (1632–1634 гг.) включительно.

*Материалы исследования:* разрядные книги и актовый материал.

*Результаты и научная новизна:* анализ данного вопроса помогает понять место служилых татар в вооружённых силах Российского царства в годы медленного восстановления его военного потенциала, снизившегося в Смуту. В 1619–1631 гг. татары, как и другие категории служилых людей, служили в основном по «половинам», сменяясь в «украинных» и уездных городах, где располагались рати на случай польского, крымского или ногайского нападения. Рассмотрение отдельных эпизодов позволяет также выяснить или делать предположения о численности татар и их доле в составе отдельных российских ратей, их боевых задачах, перечне татарских служилых корпораций. Единновременно в документах фигурируют на службе от 2204 до 2947 татар, причём их число со временем увеличивается.

Служилые татары ряда уездов приняли участие в Смоленской войне 1632–1634 гг. Установить их точную численность в этом военном конфликте не удалось, поскольку многие учтённые в разрядах служилые люди из-за бедности не могли выехать на службу или покидали театр боевых действий. Нетство носило массовый характер, среди дезертиров были и служилые татары. Военные действия свелись в основном к осаде российским войском Смоленска с последующей его атакой поляками. Служилые татары, наряду с детьми боярскими, занимались разведкой и захватом языков. Остававшиеся «по домам» татары вместе с другими ратниками были мобилизованы в новое войско осенью 1633 г., но из-за неизжитой после Смуты бедности большинство не смогло явиться в войско, а в начале 1634 г. война закончилась капитуляцией российского войска под Смоленском.

Таким образом, впервые в историографии нами было подробно рассмотрено участие служилых татар в военных мероприятиях указанного времени.

**Ключевые слова:** служилые татары, военная история, войско Российского царства, Смоленская война 1632–1634

**Для цитирования:** Илюшин Б.А. Служилые татары в военных мероприятиях России в 1618–1634 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 693–714. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714 EDN: FGCOSN

**Благодарности:** Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки РФ в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

## THE SERVING TATARS IN THE MILITARY ACTIVITIES OF RUSSIA IN 1618–1634

*B.A. Ilyushin*

*Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation  
arunta-desert@yandex.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* The purpose of our research is to consider the participation of Russian serving Tatars in the military activities of the Russian Kingdom in 1618–1634, a period dating from Deulin armistice to the end of the Smolensk War (1632–1634).

*Research materials:* The study is based on the data found in “Razr’ad” books and various documentary material.

*Results and novelty of the research:* The participation of serving Tatars in the mobilization activities and military actions of this period allows us to determine their place in the armed forces of the Russian state during years that saw the slow restoration of military potential that had decreased during the Time of Troubles. Serving Tatars, like other categories of serving peoples, served mainly in “halves,” moving in shifts among frontier cities and districts cities where troops were stationed in case of an attack by the Crimean Tatars, Nogais, or Poles. The analysis of the sources here allows us to determine the approximate number of serving Tatars, the range of their combat missions, and the list of Tatar serving corporations. According to such documents, strengths ranging from 2204 to 2947 Tatars appear in military service at the same time, and their number increases over time.

By the Smolensk War of 1632–1634, the consequences of the Time of Troubles had not yet been surmounted. For this reason, many serving peoples could not go into service because of poverty, or they deserted because of it. Owing to this, it is difficult to determine the exact number of serving Tatars who took part in the war; apparently, some city corporations of Tatars did not participate in it although they were listed in the military estimates. Military operations were reduced mainly to the siege of Smolensk by the Russian army, followed by the Polish attack on the city. The serving Tatars, like the boyar children, were engaged in the searching out and capture of “tongues” (prisoners of war). The Tatars who remained in their district cities and at home, like other serving peoples, were mobilized into a new army in the autumn of 1633. However, it did not have time to help the siege contingent at Smolensk which capitulated in February 1634, suffering significant losses.

The scientific novelty of our research is that it for the first time in historiography, this work examines in detail the participation of the serving Tatars in the military activities of the Russian Kingdom in 1618–1634 and makes a number of conclusions about their contribution to the defense of the Moscow state.

**Keywords:** Serving Tatars, military history, army of the Russian Empire, Smolensk war 1632–1634

**For citation:** Ilyushin B.A. The Serving Tatars in the military activities of Russia in 1618–1634. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 693–714. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714 (In Russian)

**Acknowledgments:** The study was carried out as part of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

Военная история служилых татар становилась объектом исследований значительно реже, чем их правовое, социальное и экономическое положение. А ведь это – один из важнейших аспектов истории данной категории российских ратников XV–XVII вв.

Под служилыми татарами в статье понимаются лица преимущественно татарского происхождения<sup>1</sup>, несшие военную службу с поместий и / или за жалование, и, фактически, являвшиеся частью поместной конницы. В статье не рассматриваются сибирские служилые татары (поскольку это обособленная группа, чья военная история не связана с военной историей европейской части России рассматриваемого периода), башкиры и представители различных групп степных ногаев (едисанов, юртовских татар), кроме романовских ногаев, поскольку с момента их испомещения в районе Романова по своему положению они фактически слились с остальными служилыми татарами. Затрагиваются также сведения о новокрещенах при тех или иных татарских «корпорациях», поскольку зачастую это те же татары, но принявшие крещение, и не всегда сведения об обеих группах служилых людей можно чётко разграничить.

Хронологические рамки исследования определяются тем, что 1619–1634 гг. были периодом восстановления экономики Российского царства и его вооружённых сил после Смуты, в завершение которого была предпринята попытка вернуть Смоленск. После мирных 1619–1631 гг. случилась война, показавшая как преждевременность этой попытки, так и насущную необходимость кардинальных реформ российских вооружённых сил на фоне кризиса прежней поместной системы, в которую входили и служилые татары. Реформы и накопление ресурсов после Смоленской войны в относительно мирных условиях велись до новой войны с Речью Посполитой (уже за Украину), что также можно считать отдельным периодом российской военной истории.

В историографии имеются только редкие публикации по данной теме; особенно мало их по рассмотренному нами периоду. Сжатый (с учётом неэкономного использования пространства страниц) обзор военной истории касимовских служилых татар за 1619–1634 гг. имеется ещё в работе В.В. Вельяминова-Зернова [2, с. 29–33, 220–230]. Однако вплоть до конца XX в. военная история служилых татар мало привлекала историков. В последние два десятилетия ситуация поменялась, хотя и не радикально. Участие служилых татар в войнах XVII в. бегло охарактеризовано в монографии А.В. Белякова [1, с. 247–251]. Военная служба арзамасских, алатырских и курмышских татар также кратко рассмотрена С.Б. Сенюткиным. Смоленской войне там уделено менее страницы [31, с. 68–81]. В статье 2018 г. мы рассмотрели участие служилых татар в войнах 1613–1618 гг. [9, с. 766–782]. Настоящая же работа продолжает обзор их военной истории.

Между Деулинским перемирием с Речью Посполитой (1618 г.) и Смоленской войной, начавшейся в 1632 г., масштабных военных действий с участием российских вооружённых сил не было, поскольку восстановление российского военного потенциала, снизившегося за годы Смуты, проходило медленно. Служилые люди, однако, из года в год выезжали на службу – кто в украинные города на случай прихода поляков или татар, а кто в центры своих уездов. Служилые татары в эти годы также частью включались в состав полков на «украинах», а частью – проживали по несколько месяцев в своих уездных го-

---

<sup>1</sup> Как уже отмечалось в историографии, в состав служилых татар попадали также представители мордвы, марийцев и чувашей, что было связано в первую очередь с ассимилятивными процессами в ряде уездов, где рядом проживали служилые представители этих народов.

родах. Служили в основном по «половинам», когда одна часть корпорации (примерно её половина) около года с перерывом на зиму была на службе (год отсчитывался по сентябрьскому стилю – с сентября по август), а другая находилась «по домам», и выезжала только в случае тотальной мобилизации.

Небольшие боестолкновения, однако, наблюдались в это время на степных границах – с ногаями и крымцами. В Смуту охрана «украин» сильно ослабла, что привело к безнаказанным грабёжам и уходу многочисленного полона степняками. По «крымским вестям» в марте 1619 г. в украинные города были посланы полки в которых были и служилые татары. В Переславле-Рязанском с С. Прозоровским было 964 чел., включая 30 бардаковских татар [10, с. 623–624]<sup>2</sup>. Юго-восточные окраины от ногайских набегов охраняли, как и раньше, станицы из мещерских служилых татар [30, с. 813–816].

Стояли полки и в северо-западных городах на случай нападения шведов. В 1618/1619 гг. 27 татар и новокрещенов были во Пскове среди стоявших там ратников (которых в общей сложности насчитывалось 1814 чел.) [10, с. 642].

В «лето 7127» в Серпухове стояли 19 серпуховских новокрещенов и татар, 7 боровских и 2 татар московского уезда (вместе с 431 ратником других категорий) [10, с. 654]. С конца марта 1619 г. в Калуге велено было быть С.В. Головину с пешими и конными ратниками. Последних было 191 чел., включая 11 татар и новокрещен [10, с. 656].

В мае 1620 г. полки были посланы «на украины» в ожидании набегов крымцев и ногаев. В Большом полку, стоявшем в Туле, насчитывалось 3072 чел., из которых 182 – татары (36 чел. из Московского, 69 – из Боровского, 25 – из Серпуховского, 52 – из Коломенского уездов). Передовой полк находился в Деделове и включал 1621 чел., среди которых 228 арзамасских татар (14%). В Крапивне – Сторожевой полк из более чем 1300 чел., включая 114 романовских татар. В Переславле-Рязанском татары составляли примерно треть контингента – 435 на 833 русских служилых. Это 35 бардаковцев и 400 темниковцев. В Михайлове с Ю.И. Шаховским и 189 дворянами стояли 500 касимовских и 200 кадомских татар. В Пронске было свыше 460 дворян и 80 ценских татар [10, с. 679–680]. Таким образом, по украинным городам единовременно служили 1739 татар. Затем была произведена перегруппировка. Ратники из Деделова, Переславля и Крапивны был направлен на сход в Большой полк, из Михайлова – в Передовой, а из Пронска – в Сторожевой [10, с. 681]. В сентябре большая опасность миновала и служилых людей стали распускать по домам [10, с. 731]. Но для охраны границ часть служилых была оставлена (или призвались на службу новые). Среди почти 7 сотен ратников в Переславле-Рязанском отмечены 37 бардаковских татар (вероятно, это те, кто остался с предыдущего сбора). Судя по всему, служилые должны были выезжать в станицы и посменно (по 100 чел.) караулить границы [10, с. 733].

В последующие годы наблюдается устойчивая система распределения полков по «украинным» городам с относительно стабильным составом. Служилые татары, как и дворяне, служили в них в основном по «половинам» (очередям, примерно соответствующим половине общей численности городской корпорации), причём при роспуске основных сил небольшая часть

---

<sup>2</sup> Отметим, что в разрядной книге зачастую приведены ошибочные подсчёты общей численности служилых в тех или иных городах. Мы везде даём пересчитанные цифры по татарам и полкам, в которых они находились.



служилых людей (в т.ч. татар) оставалась в местах службы, дабы не оставлять «украины» без обороны. Ниже мы рассмотрим данные по служилым татарам суммарно за 1620–1631 гг., поскольку более детальный разбор сведений по численности и местам службы отдельных групп служилых татар в эти годы занял бы объём, значительно превосходящий рамки данной статьи [8, с. 213, 214; 10, с. 734–737, 769–772, 781–783, 787, 802, 857, 862–863, 877–880, 886–892, 986, 1061–1064, 1143–1148, 1176–1181, 1230, 1239, 1241, 1245, 1249–1255, 1273, 1287, 1290–1293, 1321, 1327, 1337, 1348, 1352, 1354, 1356, 1357, 1358, 1360–1362; 11, с. 3–7, 23–25, 28, 67–68, 78, 83–86, 88, 89, 92, 93, 103, 104, 115–123, 167–168, 184, 188–190, 192, 194, 198–200, 213, 222–226, 244, 255, 257, 258, 261, 266, 270–271, 284, 287–289, 290–291, 295–296, 307–309, 312–314, 333, 337–338, 350, 353–356, 360, 361; 21, с. 326; 22, с. 326–327]. В подсчётах не учитываются некомбатанты (воротники, дворники, толмачи, а также городское и ясачное ополчение).

Алатырские татары отмечены за 1625–1631 гг. при Алатыре и насчитывали 407–420 чел. (это 20–32% местных ратников без учёта ополченцев из мордвы).

Арзамасские татары в 1621, 1623–1630 гг. служили в Передовом полку в Дедилове, насчитывали 102–135 чел., и составляли от 7 до 17% состава полка. В 1629 г. 217 татар отмечено в Арзамасе. Видимо, это общая численность обеих «половин».

Бардаковские татары служили в 1621–1631 гг. Переславле-Рязанском, где их числилось по 7–18 и 33–34 чел., что составляло незначительную часть контингента, но вместе с более многочисленными темниковскими / кадомскими татарами они составляли в первые годы 21–34,6%, позже – 10–12%.

Кадомские татары в 1622 г. отмечены в Переславле-Рязанском – 243–258 чел., где с бардаковскими татарами составляли 32% личного состава. В остальные годы (1621, 1623–1630) они служили в Михайлове – 123–259 чел., где с касимовскими татарами составляли 43–80% состава. Кроме того, их «половина» (120–132 чел.) в 1624/1625–1629 гг. отмечалась в Кадоме, где без учёта ясачных ополченцев они составляли более половины «гарнизона». В 1630–1631 гг. в Кадоме записаны обе «половины» (250 чел.).

Казанские служилые татары насчитывали 220–275 чел. (видимо, с учётом новокрещённых – 324), что составляло от 4,6 до 12,8% служилых Казанского уезда.

Касимовские татары (Сеитов полк и Царёв двор) в 1621–1630 гг. служили в Михайлове (220–289 чел.) вместе с татарами кадомскими (см. выше), а в 1622 г. – их «половина» стояла также в Пронске (213 чел., 38–40% от пополнявшегося личного состава). В самом Касимове татары составляли почти весь личный состав служилых людей в 1624/1625–1631 гг. (200–222 чел., иногда отмечались обе «половины» – 409 чел.).

Курмышские татары в 1625–1631 гг. отмечены при Курмыше и насчитывали 124–128 чел. (14–25% местных служилых людей).

Татары и новокрещённые московских городов в 1621 г. служили в Большом полку (Тула) – 100 чел. (6,6% состава), а в 1628–1631 гг. – в Крапивне (68–307 чел., до 14% состава). В разрядах имеются сведения по численности представителей отдельных уездов (в 1629 г. она возросла за счёт новиков) [10, с. 20–21, 116–119, 213, 220–221, 307]: из Московского – 45–66, из Боров-

ского – 60–87, из Малого Ярославца – 3–4, из Серпухова – 24–35, из Калуги – 11–28, из Коломны – 50–72, из Каширы – 18–21 человек.

В Нижнем Новгороде отмечены только 10 крымских татар (1629, 1630 гг.) – пленники или нововыезжие на службу [13, с. 173].

Новгородские татары (иногда служившие и во Пскове) были малочисленны, и вместе с новокрещенами и черкасами насчитывали 36–39 чел., что составляет ок. 1,5% местных служилых людей, стоявших на Северо-Западе на случай шведского нападения.

Романовские татары в 1621, 1623 гг. служили в Сторожевом полку (Крапивна), насчитывая 50 чел. (4,5–6,3% его состава), а в 1626–1627 и 1630 г. – в Вязьме (90–180 чел., 6,2–10% состава).

Свияжские служилые татары насчитывали в 1625–1631 гг. 203–213 чел., и без учёта ясачных ополченцев составляли от 11 до 30% местных ратников.

Темниковские татары в 1621, 1623–1631 гг. служили в Переславле-Рязанском – 171–205 чел. (иногда числились обе «половины» – 406 чел.), где с бардаковскими татарами составляли от 10–17 до 26–34% личного состава. Другая «половина» составляла почти весь «гарнизон» Темникова в 1624/1625–1629 гг. (в 1629–1630 гг. тут записаны обе «половины» – 380 чел.).

В Уфе в числе прочих служилых людей отмечены в 1625–1631 гг. 3 служилых татарина.

В Царицыне в 1626–1627 гг. отмечено 203 служилых татарина (и 23 новокрещена), что составляло 13–17% всех служилых людей.

Цненские татары в 1621, 1623, 1625–1630 гг. служили в Пронске и насчитывали до 88 чел. (или 36–47 по отдельным «половинам»), что составляло от 3 до 40% всех служилых. В 1622 г. они служили в Шацке; судя по всему, ошибочно их численность документ за этот год оценивает в 318 чел.

В Ярославле числились 2 татарских царевича, 5 мурз, 11 новокрещенов и татар.

С 1625 по 1630 гг. общая численность служилых татар, единовременно числившихся на службе, повышалась с ок. 2204 чел. до ок. 2793 чел. в 1629 г. и ок. 2947 чел. в 1630 г. (в последнем случае цифры могут быть неточны, поскольку в уездных центрах записаны в некоторых случаях обе «половины», хотя одна могла служить на «украинах»). Цифры приблизительны, поскольку имелись ещё новгородские татары, но они записаны вместе с новокрещенами и черкасами.

В 1628 г. на службе могло находиться и больше татар. В тот год в 7-тысячной воинской группировке на Туле (Большой полк) и в Мценске (Прибылой полк) числилось 906 татар (ок. 13% состава) [11, с. 28]. К какой корпорации они относились не указано; возможно, это командированные татары из других украинских городов; в противном случае за 1628 г. нужно отметить 3508 служилых татар.

Однако, приведённые выше результаты скрупулёзного пересчёта дьяками служилых людей показывал только потенциальную их численность, на деле же на службу выезжало меньшее число ратников. В нетях по уважительным и неуважительным причинам каждый год оказывалась определённая часть помещиков, причём из-за фрагментарности сохранившейся документации и разбросанности подсчётов по разным фондам на настоящий момент установить сколько реально служилых татар выезжало на службу в 1620-е гг. за-

труднительно. Известно, что летом – осенью 1625 г. в Москве рассматривались дела о нетчиках. В нетях оказалось немало и служилых татар. В Переяславле-Рязанском на июль должны были находиться 16 бардаковских и 188 темниковских татар, но при пересмотре оказалось 13 и 147 соответственно. Расспросы показали, что из нетчиков 3 не были на службе, хотя могли служить по материальному состоянию, 3 съехали, хотя также могли служить, ещё 1 съехал, но о его состоянии неизвестно; 2 болеют и съехали, 1 болеет в Переяславле-Рязанском, 3 не были по бедности, 9 съехали по бедности и ещё 9 «бродят меж дворов» (возможно, также из-за бедности). В Михайлове вместо 205 касимовских и 128 кадомских татар – 144 и 116 чел. соответственно. В нетях – 82 татарина. Трое не были, поскольку крестились, 14 не ездили на службу по болезни, 48 не были по бедности, 13 съехали по бедности и 4 померли. В Пронске вместо 42 было 39 ценских татар, но двое в отъезде по делам, а один сбежал, хотя мог служить. Нетчиков, покинувших службу без уважительной причины, предписывалось наказать и лишить части земли и жалования [7, с. 199–202]. Некоторые данные есть по последующим годам<sup>3</sup>, однако, для более точной оценки реальной численности выезжавших на службу татар в рассматриваемый нами период данных пока мало.

Выяснение причин изменений численности служилых татар в мирные 1619–1631 гг. не входят в нашу задачу, тем более, что сведения даже по уездам с наиболее хорошо сохранившимися источниками фрагментарны. Осмотр описей и аннотаций дел по ним (например, Темниковской приказной избы<sup>4</sup>) позволяет предположить широкий спектр причин (старость, смерть по естественным и криминальным причинам, увечность, взросление новиков и др.), не относящихся непосредственно к военной истории.

Отметим также и другие важные сведения из службы татар за эти годы.

В октябре 1621 г. назревал новый конфликт с поляками, и по городам были разосланы из Москвы грамоты, сообщавшие о разных «неправдах» короля, королевича и панов Рады. Служилым людям было велено готовиться к войне, откармливать лошадей и запастись провиант. Вскоре по городам были высланы разборщики – для разбору детей боярских, дворян, татар и др. ратных людей. Отметим, что в Ярославле «разбирали» романовских татар, в Муроме – касимовских, в Нижнем Новгороде – арзамасских, алатырских, темниковских, кадомских, курмышских, в Переяславле-Рязанском и Шацке – ценских и бардаковских. Воеводам отдельно указывалось вызывать в города служилых разных корпораций по отдельности, дабы они, съехавшись разом, не учинили «тесноты». Пересмотрев всех «налицо», следовало выступить перед служилыми с речью о польских «неправдах» [10, с. 781–783, 787]. Кроме того, всем категориям служилых людей предписывалось быть на службе «конно, людно и доспешно», причём за халатное отношение к этому требованию полагалось наказание [10, с. 802]. Однако, вряд ли большая часть служилых людей после разорения Смуты физически могла выполнить такое требование.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 107. Неявка на службу кадомских мурз и татар в Михайлов в лето 7143 (1634/1635). Лл. 229–230; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 107. Неявка на службу в Переяславль-Рязанский темниковских мурз и татар, а также детей боярских курмышан, алатырцев и белозерцев в лето 7143 (1634/1635). Лл. 135, 159, 160, 213–221, 331–335.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 1167.

В марте 1622 г. на польское пограничье на случай войны были посланы полки. В Торопце среди почти полутора тысяч чел. числился 61 кормовой новокрещенный татарин. В Вязьме по списку насчитывалось 1410 чел., среди них – 218 татар и новокрещенов (15,4%): 43 московского уездов, 67 боровских, 53 коломенских, 25 серпуховских, 16 каширских, 12 калужских, 2 из Малого Ярославца [10, с. 832–833].

Возможно, к этому времени относятся две черновые разборные десятины из собрания РГАДА по Московскому уезду, где числились 5 татар<sup>5</sup>, и по Боровску<sup>6</sup> (7 татар более чем на 100 чел.). Разбор в обоих случаях выполнил боярин Б.М. Салтыков, причём во втором случае – на Калуге. Оба документа датированы летом 7130 (1621/1622 г.). Видимо, это только часть служилых людей из указанных корпораций. Все татары вооружены исключительно саадаком. Хотя ручное огнестрельное оружие вообще было нехарактерным для служилых татар на протяжении и всего XVII в., а часть указанных в десятинях лиц имели свыше 300 четей земли и коней (а не более дешёвых меринов), тем не менее можно полагать, что материальное их положение после Смуты оставалось тяжёлым, поскольку ни у кого не указаны не только доспехи, но даже сабли.

Иную картину даёт разборная десятина Бежецкой пятины лета 7130 (1621/1622 г.). Судя по наличию сабель у некоторых татар и новокрещенов, Смуту они прошли более благополучно, чем их сослуживцы из центрального региона. Однако, более чем половина этих служилых людей (15 чел.) не могли нести дальнюю службу, записаны на городовую, поскольку их поместья были разорены «немецкими» и «литовскими» людьми, и они не имели ни верховых лошадей, ни вооружения. Отмечается, что на дальнюю службу часть новокрещенов и татар может выехать на «меринках», но в случае пожалования от царя они будут на «добрых мериных» (чьё качество выше). Основная часть записанных в десятню служилых людей – новокрещены во втором-третьем поколении, но присутствуют и несколько этнических татар. Вооружение отмечено у 10 чел., из которых только двое (татарин и новокрещен) вооружены саадаком, остальные (включая татарина Ашмамета Ахметова) – пищалями; у всех также имеются сабли. Несколько служилых особо отмечали, что доспеха у них никакого нет<sup>7</sup>. В данном случае, вероятно, сказывалась специфика театра военных действий (противники поголовно вооружён ручным огнестрельным оружием), а также состав этой группы служилых (в основном новокрещены). Остальные известные нам источники всё же не позволяют говорить о сколько-нибудь широком распространении ручного огнестрельного оружия среди служилых татар XVII в.

Отметим также, что служба на окраинах заключалась не только в проведывании неприятеля. Головы (командиры) с ратниками должны были выезжать на засеки, укреплять их (валить лес), чистить рвы и укреплять башни острогов [10, с. 98]. Верховное командование учитывало специфику «полевой» службы и предписывало направлять на разведку подготовленных людей, особенно тех, у кого «татарский промысел за обычай»; это могли быть как русские люди, так и татары. За исполнение службы обещалось государево жалование [5, с. 198–199].

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Десятни. Кн. 112, лл. 1–18.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Десятни. Кн. 177, лл. 1–56, л. 47 об.

<sup>7</sup> Ф. 210. Оп. 4. №135. Лл. 224–242.

В связи с относительным спокойствием на границах значительная часть служилых людей в рассматриваемые годы служила не в походах и на «украинах», а в городах, где обычно проходили сборы. Имеющиеся у нас источники фиксируют такую ситуацию начиная с 1624/1627 года. Судя по всему, во многих случаях разрядные книги фиксируют на местах полный состав татарских корпораций, «половины» которых находились на службе в пограничных городах.

Весной 1630 г. имелись опасения крымского или ногайского вторжения. В царском указе от 30 марта прямо говорилось о противодействии на этом направлении, для чего и высылались в украинные города полки [11, с. 217]. В отличие от прошлого года служилые татары не отмечены в Передовом полку в Деделове, а также Михайлове и Пронске. При этом присутствие в тех городах татар видно по царским наказам [11, с. 222–226]. Численность некоторых групп татар определяется только в связи с их осенним роспуском по домам.

Размеренный характер ежегодной службы татар и других российских ратников прервала Смоленская война, в ходе которой Россия попыталась вернуть потерянный в Смуту Смоленск. Войне предшествовали генеральный «разбор» служилых людей 1630/1631 года и создание первых полков «нового строя».

Разбор 1630/1631 г. был сопряжён с большими трудностями и на местах зачастую приводил к неразберихе [12, с. 95–97, 108]. Приведённые в смете служилых людей цифры, судя по всему, неточны, и, в любом случае, не отражают адекватно военный потенциал России накануне большой войны, поскольку далеко не все ратники могли выступить в поход: у многих не было средств, часть городов (особенно в Нижнем Поволжье и Сибири) нельзя было оставить без гарнизонов. При пересчёте сметы (и с учётом сведений разрядных книг) мы получили такие приблизительные цифры: 6583 служилых татар, ногаев, мурз, князей, а также новокрещеных из смешанных групп, 199 воевод, приказных людей и осадных голов, 18719 чел. стрельцов, 1664 казаков Казацкого приказа, 1608 иноземцев, 3569 людей Пушкарского приказа, 46105 остальных служилых (включая дворян, новокрещеных и башкир), а также 149 тарханов и 24558 дворов ясачных мордвы, марийцев, чувашей и татар (это 8186 чел.)<sup>8</sup>. Потенциально общая численность служилых людей (без толмачей и некоторых других некомбатантов), таким образом, приблизительно равнялась 86802 человек, из которых служилые татары (включая смешанные группы с новокрещеными, но без 2925 ногайцев) составляли 4,2% (3658 чел.). Если же вычесть ясачное население, ногайских «федератов» и гарнизоны сибирских городов – получится чуть больше 70 тыс. ратников, из которых около 4% – это служилые татары (2923 чел.).

Рассмотрим численность конкретных служилых корпораций [32, с. 19, 40, 41, 43, 47, 48]. Новокрещены и поместные татары московских городов (всего 295 чел.): Московского уезда – 68, боровских – 87, малоярославских – 5, серпуховских – 31, калужских – 28, коломенских – 72, из Переславля-

<sup>8</sup> В публикацию сметы 1631 г., видимо, вкралась ошибка: количество дворов чувашей и черемисов завышено – вместо 1754 и 1959 записано 1784 и 1789, поскольку при переписи документа или при публикации были спутаны цифры 50 и 80 (записаны они были схожими по написанию буквами Н и П); сверка с разрядными записями предыдущих лет позволяет исправить ошибку [11, с. 266, 288–289, 295–296, 354–361].

Залесского – 4 (или 5) чел. Казанские князья, мурзы, татары и новокрещены – 275 человек<sup>9</sup>. Свияжские князья, мурзы, татары и новокрещены – 205 человек<sup>10</sup>. Служилые «царевичи», мурзы поместные и кормовые, татары, не входившие в какие-либо корпорации – 47 чел. (включая мурзу в Ростове и одного татарина в Уфе). Романовские мурзы Сююш Юсупов и Барай Кутумов с 225 татарами<sup>11</sup>. Курмышские татары – 124 человек, алатырские – 420 чел., касимовские – 409 чел., темниковские – 386 чел., арзамасские – 210 чел., кадомские – 250 чел., шацкие – 74 чел. Всего в европейской части России числилось 2923 служилых татарина и новокрещена (из них 776 чел. в смешанных с новокрещенами группах).

Общая численность российского войска, которое должно было идти к Смоленску, по разрядам составляла приблизительно 32832 чел. (в разрядной книге, видимо, ошибочно насчитано 32082 чел.) [11, с. 385–390]. Собиралось оно с большим трудом, поскольку всё ещё сказывались последствия Смуты. Отдельно отмечены в составе рати кн. С.В. Прозоровского 222 чел. татарских помещиков, включая 79 ярославских, 134 романовских и 9 переяславских. Под командованием стольника и воеводы Б.М. Нагово находились (помимо дворян) новокрещены и татары Московских городов (уездов Московского, Боровского, Каширского, Серпуховского, Калужского и Коломенского) – 210 чел. (причём отмечено, что это ратники «опричь 3 статьи», т.е. тут нет наименее обеспеченной части данных корпораций). Интересно, что среди порядка 14500 ратников «солдатского строя», помимо русских рядовых солдат, немецких командиров, наёмников и др. отмечены дети боярские, новокрещены и татары, а среди ратей главных воевод также 49 бардаковских новокрещенов, ещё не слившихся с дворянами и детьми боярскими. Возможно, в первом случае подразумеваются те дворяне, новокрещены и татары, что были записаны в солдаты [11, с. 385–390].

Служилые татары в войске по разрядам насчитывали 1430 чел., а также входили в состав смешанных корпораций численностью 210 чел. Без учёта последних получаем ок. 4,4% от всего войска. Укажем численность отдельных татарских корпораций: казанские татары – 88 чел., свияжские – 55 чел., курмышские – 7 чел., алатырские – 159 чел., касимовские – 268 чел., темниковские – 222 чел., арзамасские – 147 чел., кадомские – 174 чел., шацкие – 88 чел. В данном случае татары служили в основном по «половинам»; вторая «половина» осталась «по домам» или на службе в украинских городах.

Часть служилых татар и мурз к тому времени была записана в рейтары и солдаты [11, с. 577]. Запись служилых татар в рейтары отмечена и в документации М.Б. Шеина. Это: 7 касимовских, 4 темниковских, 6 шацких, 11 кадомских, 16 алатырских, 15 арзамасских, 1 свияжский и 1 курмышский татарин<sup>12</sup>. Смоленская война стала первой проверкой российских полков нового строя.

Предварительные сборы были назначены в Можайске. При пересмотре «налицо» прибывших служилых людей воеводами оказалось, что реальная

<sup>9</sup> При них голова – Тимофей Хотунский

<sup>10</sup> Голова – Семён Малеванов

<sup>11</sup> По замечанию рецензента статьи, реальная численность романовских татар была ниже, и постепенно сокращалась, в т.ч. из-за крещения части татар.

<sup>12</sup> Перечневая роспись ратных людей, находившихся в полках бояр. М.Б. Шеина под Смоленском в 141–142 гг. Ф. 210. Оп. 9. №105. Л. 68.

численность войска значительно меньше ожидаемой – по «Перечневой росписи ратных людей под Смоленском 141 года» только 23961 ратник [14, с. 107, 117]. Многие служилые люди опаздывали или вовсе не ехали на службу. В отписках М.Б. Шеина от 23 августа и 9 сентября говорится о том, что заявленные для службы казанцы, понизовых городов, шацкие, арзамасские, кадомские, ротмистры и иноземцы, донские, украинских городов и астраханские «ратные всякие люди» на службу на тот момент не прибыли [17, с. 390; 18, с. 381]. Нетчиков, среди которых отмечены и татары, сыскивали, наказывали и отправляли в полки [3, с. 395–396].

С учётом запоздавших лиц и возвращённых нетчиков всего в военных действиях под Смоленском участвовало 1125 служилых татар, мурз и князей понизовых городов (по документу ошибочно 1127) против 1231 чел. в первоначальном наряде (по документу ошибочно 1228); 68 были записаны в рейтары, а 38 оказались в нетях (в документе ошибочно 70 и 34 соответственно)<sup>13</sup>. Отдельно отмечены татары и новокрещены ярославские, переяславские и романовские: 234 чел. по наряду (в документе ошибочно 227), 187 «в естях» (в документе ошибочно 198) и 34 нетчика<sup>14</sup>. Таким образом, доля служилых татар оказалась даже выше, чем по разрядам – почти 5,5%.

Казанские татары по наряду насчитывали 88 ч., «в естях» было 86; сви-яжских по наряду и «в естях» – 55; курмышских по наряду и «в естях» – 7; алатырских по наряду – 159, «в естях» – 144, «в рейтарех» – 18; касимовских по наряду – 268, «в естях» – 258, «в рейтарех» – 9; темниковских по наряду – 225, в наличии – 219, в рейтарах – 3, в нетях – 1; арзамасских по наряду – 147, в наличии – 131, в рейтарах – 16; кадомских – по наряду 174, в наличии – 148, в рейтарах – 11, в нетях – 14; шацких по наряду – 88, в наличии – 61, в рейтарах – 11, в нетях – 15; юртовских по наряду – 20, в наличии – 16, в нетях – 4; ярославских по наряду – 79, в наличии – 61, в нетях – 14; романовских по наряду – 139, в наличии – 117, в нетях – 20, раненых и больных – 2; переяславских – 9 человек.

Но далеко не все ратные люди были отправлены под Смоленск. Некоторое их число осталось по домам на случай новой мобилизации, а часть продолжала нести полковую службу в городах и на окраинах России. В их задачу входило охранение пограничья от крымских и ногайских набегов. Ещё весной 1632 г. 70 татар и новокрещенов Московских городов находились в Сторожевом полку в Крапивне, состоявшем из 489 человек (в ноябре со службы было отпущено уже 69 новокрещенов) [11, с. 639–640, 692]. Неуказанное число кормовых татар было среди 1,3 тыс. служилых людей в Нижнем Новгороде. Интересно, что в Арзамас были направлены служилые татары, мурзы и князья из разных городов (если в данном случае это не ошибка переписчика или дьяков) – 1470 человек (всего в Арзамасе находилось 1844 ратника) [11, с. 662]. Судя по документам об отпуске со службы в ноябре 1632 г., в этот год в Переславле-Рязанском также служили татар – 322 темниковских и 166 кадомских [11, с. 692–693]. В Вязьму на польское направление были посланы в числе прочих ратников 124 романовских новокрещена [11, с. 668]. С весны 1633 г. 322 темниковских и 166 кадомских татар снова должны были засту-

<sup>13</sup> Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 93–97.

<sup>14</sup> Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 113–114.

путь на службу в Переславле-Рязанском. В наказах воеводам предписывается попавшим в плен служилым людям говорить о стоящих по всем украинным городам многочисленных полках из дворян, литвы, казаков, татар казанских и всех понизовых городов. В Крапивне в Сторожевом полку числились новокрещены и татары Московских городов (Боровска, Московского, Коломенского, Каширского, Калужского, Серпуховского уездов). Несколько кормовых татар служили в Нижнем Новгороде [11, с. 695, 698, 711, 729]. В Ярославле – 5 кормовых мурз, 11 татар и новокрещенов. При Казани числятся 275 служилых князей, мурз, татар и новокрещенов с татарским головой (причём казанские татары служат только в случае тотальной мобилизации); трое служилых татар – в Уфе; 205 татар, мурз, князей и новокрещенов в Свияжске. В Курмыше отмечено 124 служилых татарина, в Алатыре – 420 татар и мурз, в Темникове – 386, в Кадоме – 250, в Касимове – 409 [11, с. 739, 741–743, 746, 750]. С учётом разрядов Смоленского похода видно, что на войну должны были выступать только «половины» служилых татар, а другие «половины» – остаться дома или в уездных центрах. Но в последнем случае за 1633 г. приводятся цифры, идентичные Смете 1631 г., что может говорить об отсутствии указанных служилых татар под Смоленском. Однако актовый материал свидетельствует об участии в военных действиях касимовских татар (если брать перечень 1633 г.), поэтому вероятнее другое объяснение: в условиях военного времени дьяки просто не пересчитывали «на лицо» всех служилых по уездам, а вписали цифры из Сметы. Другое дело, что в посланных под Смоленск «половинах» действительно был значительный недобор: многие ратники остались «по домам» или бежали со службы, а часть просто задержалась в дороге. Тем не менее, в октябре 1632 г. начались военные действия.

В том же месяце по царскому наказу М.Б. Шеиным и А.В. Измайловым под Дорогобуж были посланы с Ф. Сухотериным дворянские сотни, донские казаки и татары, которые блокировали город, дав подойти к нему полковнику Лесли с пешими немецкими и русскими людьми для осады. Город сдался 18 октября. В том же наказе предписывалось «промышлять» литовские и польские заставы и острожки, рассылая голов с сотнями, дворян, детей боярских, казаков, новокрещенов и татар [11, с. 381, 400, 401]. В Дорогобуже был оставлен гарнизон, включавший также романовских новокрещенов [11, с. 452].

«Сотни» дворян, татар и других ратных людей посылались и к другим городам. Царским указом «сотням» предписывалось идти изгоном к Белой (совр. г. Белый Тверской обл.), захватить языков и отогнать скот. Городок был вскоре занят российскими войсками. «Сотни» были посланы также под Трубчевск, Серпейск «и под иные города». Другой целью «сотен» дворян, татар и казаков стали заставы и острожки «литовских людей», над которыми следовало «промышлять» [11, с. 414, 418–420]. Началось продвижение основных сил к Смоленску, чему мешали плохая погода и испортившиеся дороги.

Дабы не настраивать против себя местное население, всем служилым людям настрого запрещалось грабить его, а продукты и прочее предписывалось покупать по нормальной цене [11, с. 409]. Тем не менее, ратники тайком «промышляли» над местным населением. Известен случай, когда служилые татары войска кн. Шеина повязали двух крестьян, жену и дочь одного из них, и, не ведя их к воеводе, увели за Москву по Ржевской дороге. Однако полоняники убежали от татар в лес и явились в Москву [29, с. 416–417]. Видимо,



татары, обедневшие не только из-за малоземелья, но и запустения уделов, пытались таким образом поправить своё материальное благосостояние. К тому же подвоз продовольствия был налажен плохо, из-за чего служилые стали голодать [28, с. 414–415].

М.Б. Шеин 9 ноября послал из Дорогобужа под Смоленск голов с сотнями, атаманов с казаками и татар с заданием встать в Долгомостье (за 30 вёрст от города) и на Сверковых Луках (за 40 вёрст), и ставить острожки [25, с. 417]. Основное войско продвигалось медленно, и только в декабре подошло к Смоленску. От осаждённого города воеводы рассылали отряды для «промысла» над мелкими группами неприятеля и захвата языков. Так, посланный 15 декабря отряд под началом Степана Мёртвого, состоявший из казаков, касимовских и арзамасских татар, уже 17 числа привёл нескольких польских, литовских и белорусских ратников, вёзших в Смоленск листы от стоявшего в Орше А. Гонсевского [19, с. 433–434]. Затем 27 декабря дворянские сотни, казаки и татары под началом того же Степана Мёртвого были направлены в Мстиславльский и Оршанский уезды. Вернулись они 3 января 1633 г., побив «литовских людей», приведя языков и полоняников. Несмотря на удачу, М.Б. Шеин сетовал в отписке царю на нехватку людей, бегство многих из них со службы и неявку нетчиков [16, с. 438–439]. Взятых же в тех уездах языков воеводы направили в Москву в сопровождении касимовского мурзы – «князя Алея Семенева» [23, с. 439–440]. По замечанию рецензента настоящей статьи, мурза не мог быть одновременно и князем, и в данном случае в документе допущена ошибка. Упомянут же тут Алей-мурза князь Семинев, известный по смотренному списку касимовских татар Царёва двора за 1623 г. как обладатель 300 четей земли [34, с. 381–383].

Российские войска стояли станами вокруг окружённого Смоленска. Расположение станов частично восстанавливается благодаря дошедшей документации. М.Б. Шеин со своими силами и поставленным острогом стоял у монастыря Духа Святого, или же Духова монастыря, что к востоку от Смоленска и на берегу Днепра. Татары же «стоят за острогом, близко ж Духова монастыря» [24, с. 441–442].

Известно также, что 6 февраля романовские татары вместе с несколькими сотнями других ратников из подразделений кн. С. Прозоровского и Б. Нагово были посланы «под таборы» поляков и литовцев, и участвовали в бою в 15 верстах от с. Красного. Литовцы были разбиты [26, с. 458–459].

Артиллерия долго добиралась до лагеря, и обстрел Смоленска был начат только в конце зимы. Всё это время поляки и литовцы концентрировали войска для удара по осаждающим. Небольшие польские отряды ходили под Смоленск и в окрестности. В небольшом ночном бою, произошедшем 17 марта, участвовали татары и донские казаки; литовцы были обращены в бегство [27, с. 480]. Началась долгая осада Смоленска. В это время польско-литовские отряды продолжали приходить под город, но их нередко побивали осаждающие. Зато активизировались ногайцы и крымцы – они принялись совершать набеги на окраинные уезды Московского царства. В июне был издан указ нескольким воеводам с ратями выступить за Москву-реку по Серпуховской и Коломенской дорогам. На первую из них были направлены Б.М. Лыков и И.Ю. Плещеев; помимо 1388 ратников с ними числились 26 человек «переводчиков и толмачей, и станичных Татар» [11, с. 515–516]. Не направ-

ленные под Смоленск служилые татары были задействованы против «крымских людей» и на других направлениях. Известно, что 23 июля 1633 г. в Переяславский уезд (имеется в виду Переяславль-Рязанский), в село Никольское пришли крымские татары, против которых были посланы головы Михаил Панов и Григорий Ливонов с дворянами, детьми боярскими и темниковскими татарами. Крымцы были разбиты [6, с. 509].

Осада продолжалась, припасы кончались, жалование не подвозилось, а люди разбежались со службы. Нетчиков искали и отправляли назад. Также был назначен сбор даточных людей с бояр, московских дворян, стольников и др. Касалось это и больших мурз. С каждых 300 четей земли они должны были выставить двух пеших людей с пищалями [20, с. 515–516].

Бежали со службы и татары (в частности, ярославские). Воевода Шеин постоянно сообщал о нетчиках в Москву. В конце сентября в Ярославле В.Р. Бярятинский должен был собрать нетчиков из дворян, новокрещенов, татар и мурз, рассмотреть их «воровство» и отослать снова под Смоленск. У тех, кто сбежал со службы, отнималась четверть земли; она передавалась тем служилым, что остались на службе, причём участки татар должны были передаваться татарам. У тех же служилых, кто взял жалование, а на службу не явился вовсе, поместья конфисковались (земля передавалась также служившим ратникам соответствующих категорий). Всё же оговаривалось, что наказанию не подлежали те служилые, что не вышли на службу или с неё уехали по болезни и другим уважительным причинам, а также предписывалось возвращать урезанные земли и поместья тем, кто вернётся под Смоленск и будет нести государеву службу [15, с. 528–530]. Такая работа, судя по всему, велась и в других уездах.

После нескольких месяцев осады Смоленск всё также оставался неприступен, зато польско-литовские силы продолжали концентрироваться недалеко от российских войск и наращивать своё присутствие непосредственно в близи города. В связи с разорением крымскими татарами южных уездов России усилилось дезертирство – многие служилые уезжали спасать свои поместья и семьи [11, с. 616]. С конца лета королевские войска начали штурмовать русские позиции. Полки боярина Шеина оказались фактически в осаде, несли потери и сдавали позиции.

В октябре 1633 г. по России была объявлена тотальная мобилизация. На службу прибирали всех, кого можно, включая тысячи даточных людей от монастырей, бояр и др., ясачных черемисов, чувашей, мордву, многочисленных нетчиков, которых сыскивали по уездам. В Можайской группировке войск, которой командовали Д.М. Черкасской и Д.М. Пожарский, на бумаге числилось около 19093 ратников. Служилые татары составляли 14% от её численности, насчитывая (по крайней мере, на бумаге) 2691 чел. Среди них 275 казанских, 205 свияжских<sup>15</sup>, 155 курмышских<sup>16</sup>, 580 касимовских, 550 темниковских, 347 кадомских, 359 алатырских и 220 арзамасских татар [11, с. 546, 550–554]. Если сравнить эти цифры с предыдущими, то выходит, что в новое войско набирали не только оставшиеся «половины» и бежавших из-под Смоленска нетчиков, но, видимо, также недорослей и даточных людей, поскольку числен-

<sup>15</sup> С новокрещенами.

<sup>16</sup> С тарханами.

ность татар от Темникова, Касимова, Курмышы, Кадома значительно превышает ту, что указана в Смете 1631 г. Причём снова возникает вопрос об участии татар этих уездов в войне, поскольку при нахождении одних «половин» под Смоленском при октябрьской мобилизации даже при дополнительном наборе не могло получиться таких цифры. Или татары ещё не были на войне, или они все к тому времени съехали из-под Смоленска, или же это неточность переписи. Варьирует только численность алатырских татар; можно даже предположить, что причиной этого стал отъезда из полевого войска 98 татар, которые и призывались в октябре вместе с другой «половиной».

В войсковой группировке, которая под командованием М.И. Одоевского должна была собираться во Ржеве, числилось 3520 ратников, включая 129 романовских татар (а также 42 новгородских и 50 ярославских новокрещенов) [11, с. 554–555]. В калужской группировке из приблизительно 3388 ратников числились 185 татар и новокрещенов «разных городов» (повидимому, московских) [11, с. 555–557, 582]. Всего, таким образом, в новом походе должны были участвовать не менее 2820–2900 служилых татар (включая съехавших из-под Смоленска ранее). Цифры показывают потенциальную численность служилых людей, но собрать удалось во много раз меньше. У воевод Пожарского и Черкасского, судя по всему, набралось не более 4–5 тыс. ратников [35, с. 162; 33, с. 125, 127]<sup>17</sup>, причём они, судя по всему, у Можайска были потрепаны поляками [33, с. 125, 126].

К выступлению войска были готовы только к февралю 1634 г. [4, с. 572–573; 11, с. 543]. Однако было поздно – в феврале воевода Шеин капитулировал. Несмотря на казнь неудачливого воеводы, по царскому указу предполагалось выплатить денежное жалование служилым, что были под Смоленском (и к тому времени в конец обнищали). При этом те ратники, что проявляли нестойкость и съезжали с прежних станов при подходе королевского войска, получали жалование в урезанном виде (так, если их оклад был 25 руб., то теперь только 20 руб.) [11, с. 573–574, 578, 586–588].

Имеются сведения о полонённых, убитых и умерших татарах. Среди 67 военнопленных из основного войска кн. Шеина было 12 или 8 темниковских, 4 шацких и 8 курмышских татар<sup>18</sup>. Помимо более чем 550 русских ратников, под Смоленском погибло 40 татар, а именно: 11 касимовских, 8 темниковских, 2 юртовских, 1 шацкий, 7 кадомских, 3 алатырских, 5 арзамасских, 1 казанский и 2 курмышских татар, а также 2 казанских новокрещенов<sup>19</sup>. Находившиеся в Передовом полку воеводы С.В. Прозоровского романовские татары также понесли потери: осенью 1632 или в 1633 г. двое из них были убиты под Велижем, один попал в полон под Смоленском<sup>20</sup>.

Рассмотрев сведения о службе российских татар в 1619–1634 гг., мы можем сделать следующие выводы.

Между Деулинским перемирием и Смоленской войной отмечается постоянное назначение татар (и, судя по всему, служилых людей других категорий) в одни и те же места (с редкими исключениями). Так, арзамасские татары в 1620–1630 гг. несли службу в Передовом полку, квартировавшем в Дедилове

<sup>17</sup> Ю.М. Эскин в ссылке на С.К. Смирнова указал ошибочные страны [35, с. 122–123].

<sup>18</sup> Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 69–70.

<sup>19</sup> Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 72–74.

<sup>20</sup> Ф. 210. Оп. 9. №83. Столпик 6. Л. 9.

(кроме 1622 и 1631 гг.). В 1629 г. их «половина» находилась также в Арзамасе. Алатырские татары по какой-то причине отмечаются только с 1625 г. и всегда в Алатыре. Кадомские татары в 1620–1621, 1623–1624 гг. несли службу в Михайлове (в 1622 г. – в Переславле-Рязанском, в 1631 г. – в Кадоме), а в 1625–1630 гг. – по «половинам» в Михайлове и Кадоме. В Михайлове же служили в 1620–1630 гг. касимовские татары; в 1622 г. часть их отмечается в Пронске, а в 1625–1630 гг. – по «половинам» в Михайлове и Касимове (в 1631 г. – только в Касимове). Темниковские служили в 1620–1621, 1623–1624 гг. в Переславле-Рязанском, а в 1625–1630 гг. по «половинам» – там и в Темникове (в 1631 г. – только в Темникове). Цненские татары отмечены в 1620–1621, 1623, 1625–1630 гг. в Пронске, а в 1622 г. – в Шацке. Курмышские татары отмечены только в 1625–1631 гг., и всегда в Курмыше. Бардаковские татары, видимо, все крестившиеся к 1630 г., всегда служили в Переславле-Рязанском, свияжские (в 1628–1631 гг.) – в Свияжске. Романовские татары в 1620, 1621 и 1623 гг. были в Сторожевом полку на Крапивне, а в 1626–1628, 1630–1631 гг. – в Вязьме. Казанские князья, мурзы, татары и новокрещены отмечены только при Казани (1625–1631 гг.), причём на службу выезжать должны только в случае тотальной мобилизации (как и ясачные инородцы уезда). Наконец, татары и новокрещены московских городов (из уездов Московского, Боровского, Коломенского и Серпуховского в 1620 г., из Московского и Боровского – в 1621 г.) несли службу в составе Большого полка на Туле, а в 1622 г., включая также калужских, каширских и малоярославских татар и новокрещенов – по случаю польской угрозы находились в Вязьме. В 1623–1627 гг. следует пропуск, после чего они в этом же составе служат в Сторожевом полку на Крапивне (1628–1631 гг.). Из этого можно предположить, что служилые татары и новокрещены московских городов после 1622 г. сильно обеднели и не могли нести службу несколько лет. Сведения разрядов 1625–1630 гг. показывают и численность служилых татар, одновременно числившихся на службе в «украинных» и уездных городах: от 2204 до 2793 (или 2947) человек.

Рассмотрев общие сведения об участии служилых татар в Смоленской войне, отметим конкретные задачи, возлагавшиеся на них, особенности службы во время этого военного конфликта, место татар в вооружённых силах России начала 30-х гг. XVII в.

Служилые татары составляли около 4,4% от полевого войска, но только на бумаге – многие служилые люди по бедности и иным причинам<sup>21</sup> не смогли прибыть на службу, или же опаздывали. Начало войны показало, насколько ещё не были изжиты последствия Смуты – большое число ратников числилось в нетчиках – они или съезжали из-под Смоленска, или вовсе не являлись на службу; многие промышляли грабежом и уводили в полон местное население. Всё это относилось и к татарам. Тем не менее, в войне приняли участие свыше 13 сотен татар (не считая нескольких десятков, записанных ранее в рейтары), составлявших даже большую долю от наличного войска – почти 5,5%.

В войне служилые татары выполняли те же задачи, что и дворяне, дети боярские и казаки. Их мобильные «сотни» посылались впереди основного войска для блокировки городов, захвата языков и проведывания неприятеля, с не-

<sup>21</sup> Большею частью именно по бедности. Выше приводились данные за 1625 г. по нескольким группам служилых татар, в которых самой частой причиной нетства была бедность. За несколько лет до войны решить эту проблему, как видно, не удалось.

большими отрядами которого происходили стычки. Татары, как и дворяне, ставили заставы и острожки на подходе к Смоленску. Согласно обнаруженным нами сведениям, в войне погибло не менее 40 татар, а почти 30 попали в полон. Это значительные потери – как на фоне численности привлечённых к войне татар (свыше 5% от их числа), так и общих потерь. Смоленская война показала не только всё ещё слабое материальное обеспечение поместного войска, но и его отставание в эффективности от рейтарских формирований. Царское правительство после 1634 г. продолжило усиленно наращивать количество и качество рейтар, драгун и солдат, в число которых записывали и служилых татар.

В Смоленской войне приняли участие не все татары – не считая большого числа нетчиков, приблизительно половина татар оставалась дома или в пограничных городках на службе, и отражала набеги степняков. В конце войны основная масса этих татар была направлена в новое войско для похода к Смоленску, но вступить в войну оно не успело. Трудно даже точно сказать, сколько служилых татар в итоге поучаствовало в Смоленской войне, поскольку многие служилые опаздывали на смотры, съезжали из войска или не являлись вовсе. По актовому материалу видно, что там служила какая-то часть татар арзамасских, касимовских, романовских и ярославских.

В целом, мы видим, что служилые татары продолжали оставаться заметной частью поместного войска, которое, однако, уже не могло на равных выступать против польских вооружённых сил, в значительной степени сформированных в соответствии с современным уровнем европейской военной мысли. Во многом снижение эффективности поместного войска (и входивших в него татар) обуславливалось тяжелейшим экономическим положением Российского царства после Смуты. Предварительное рассмотрение последующей военной истории служилых татар, а также общие сведения о кризисе поместного войска и реформах вооружённых сил, позволяют сделать вывод о том, что Смоленская война стала важным рубежом для служилых татар, после которого их военное значение окончательно упало.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. 502 с.
3. Государева грамота боярину М.Б. Шеину с товарищами о высылке к ним в полки нетчиков из городов [27 сентября 1632] // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / ред. Н.А. Попов. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890 (далее – Акты Московского государства). № 413. С. 395–396.
4. Государева грамота воеводам, кн. Ф. Куракину и кн. Ф. Волконскому, о сходе с боярином, князем Д.М. Черкасским, для промысла над литовскими людьми // Акты Московского государства. № 616. С. 572–573.
5. Государева грамота на Тулу воеводам о наблюдении за татарами и о принятии мер против их набегов [21 июля 1625] // Акты Московского государства. №183. С. 198–199.

6. Дело по челобитью рязанца М. Панова о жаловании его поместью и денежной придачей за бой с татарами, за головство и за двух взятых им в плен татар [28 июля 1533] // Акты Московского государства. № 535. С. 509.

7. Доклад и боярский приговор о нетчиках [1625] // Акты Московского государства. №185. С. 199–202.

8. Доклад и царский указ по челобитью служилых людей украинских городов об отпуске их со службы [30 июня 1627] // Акты Московского государства. №194. С. 212–214.

9. Илюшин Б.А. Российские служилые татары в войнах против поляков и шведов в 1613–1618 гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №4. С. 766–782.

10. Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1. 1380 стб.

11. Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. 1398 стб.

12. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, 2000. 208 с.

13. Малов А.В. Выходцы-татары на русской службе в первой половине XVII в.: вопросы источниковедения и просопографии // Средневековые тюрко-татарские государства. №4. Казань, 2012. С. 173–181.

14. Меньшиков Д.Н. Затишье перед бурей. Боевые действия под Смоленском в июле-августе 1633 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. 2. С. 105–119.

15. Наказ князю Василью Бояртинскому о сборе в Ярославском уезде детей боярских, новокрещеных и татар, сбежавших со службы из-под Смоленска, и об отводе их снова под Смоленск // Акты Московского государства. № 556, С. 528–530.

16. Отписка боярина М.Б. Шеина о посылке в Москву головы Степана Мертвого с сеунчем о бое с литовскими людьми и с языками [4 января 1634] // Акты Московского государства. № 475, С. 438–439.

17. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами о нетчиках [сентябрь 1632] // Акты Московского государства. № 399, С. 390.

18. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами о нетях, и об отсутствии у них в полках переводчиков [23 августа 1632] // Акты Московского государства: №381. С. 381.

19. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами об отсылке ими в Москву литовских языков, шляхтича Ал. Лабьга с товарищами, с приложением их расспросных речей [декабрь 1632] // Акты Московского государства. №468. С. 433–434.

20. Память из Розряда боярину Ю.Я. Сулешову с товарищами о взятии со всех поместий и вотчин даточных людей [31 августа 1633] // Акты Московского государства. № 542. С. 515–516.

21. Память из Розряда в Посольский приказ об отсылке списков Романовских татар к кн. Д. Пожарскому для разбора их [15 января 1631] // Акты Московского государства. №301. С. 326.

22. Память из Розряда в Посольский приказ о присылке списков Ярославских поместных и кормовых мурз и татар для разбора их [26 января 1631] // Акты Московского государства. №302. С. 326–327.

23. Распрос в Розряде выезджаго немчина Ричарда Стивенса, присланного из-под Смоленска боярином М.Б. Шеиным с товарищами [январь 1633] // Акты Московского государства. № 477. С. 439–440.

24. Распрос в Розряде жильца Ивана Басова, приехавшаго из полков от боярина М.Б. Шеина из-под Смоленска [январь 1633] // Акты Московского государства. № 479. С. 441–442.

25. Распрос в Розряде казака Ивана Петрова, присланного из-под Дорогобужа с отписками [ноябрь 1632] // Акты Московского государства. № 445. С. 417.

26. Распрос в Розряде калужанина Кузьмы Бегичева, прибывшаго в Москву с языком, с Р. Синкальтом, от воеводы Б. Нагово, и распрос языка [16 февраля 1633] // Акты Московского государства. № 495. С. 458–459.

27. Распрос в Розряде Юрьевца-Польскаго Якима Новокщенова, прибывшаго в Москву из-под Смоленска от боярина М.Б. Шеина с товарищами с отписками [24 марта 1633] // Акты Московского государства. № 508. С. 480.

28. Распрос в Розряде сына боярского Ивана Ростопчина, прибывшаго к Москве из полков с отписками [14 ноября 1632] // Акты Московского государства. № 442. С. 414–415.

29. Распросныя речи в Розряде крестьян Дорогобужского уезда Евдокима Анисимова и Терентья Афанасьева об их выходе [ноябрь 1632] // Акты Московского государства. № 444. С. 416–417.

30. Салихов Р.Р., Исхаков Р.Р. Роль служилых татар Мещеры в отражении набегов ногайских кочевников и заселении южного Предволжья Горной стороны // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 808–821.

31. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Медина, 2001. 416 с.

32. Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 4. М.: Университетская типография, 1849. С. 18–51.

33. Смирнов С.К. Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М.: Унив. тип., 1852. 136 с.

34. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // А.В. Беляков. Рязанская старина. 2004–2005 / сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 381–383.

35. Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М.: Квадрига, ЗебраЕ, 2013. 352 с.

**Сведения об авторе:** Борис Анатольевич Илюшин – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

*Поступила 22.06.2022 Принята к публикации 24.08.2022  
Опубликована 29.09.2022*

## REFERENCES

1. Belyakov A.V. Chingisids in Russia XV–XVII centuries: prosopography research. Ryazan, 2011. 512 p. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V.V. Research about Kasimov tsars and princes. Vol 3. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1866. 502 p. (In Russian)
3. Monarch's document to boyar M.B. Shein with comrades about the expulsion of deserters from the cities to their troops. *Acts of the Moscow state, published by the Imperial Academy of Sciences / ed. N.A. Popov. Vol. 1. Razryad prikaz. Moscow table. 1571–1634.* Saint Petersburg, 1890 (forward – *Acts of the Moscow state*), no. 413, pp. 395–396 (In Russian)
4. Monarch's document to the voivods, to prince F. Kurakin and prince F. Volkonskoy about gathering with boyar prince D. M. Cherkasky for «fishing» over Lithuanian people. *Acts of the Moscow state*, no. 616, pp. 572–573 (In Russian)
5. Monarch's document to Tula to voevods about the observation of Tatars and measures against their raids] *Acts of the Moscow state*, no. 183, pp. 198–199 (In Russian)
6. The case on the petition of Riazan M. Panov on salary and its local cash bargain for the battle with the Tatars, for commandership and two taken prisoner Tatars. *Acts of the Moscow state*, no. 535, pp. 509 (In Russian)
7. The report and the boyar's verdict on the deserters. *Acts of the Moscow state*, no. 185, pp. 199–202 (In Russian)
8. Report and Royal decree on the petition of serving people of border cities about leave from service. *Acts of the Moscow state*, no. 194, pp. 212–214 (In Russian)
9. Ilyushin B.A. Tatars in the Service of Russia in the Wars against the Poles and Swedes in 1613–1618. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2018, vol. 6, no. 4, pp. 766–782. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.766-782 (In Russian)
10. Razryad books, published according to official lists with the highest permission by the second department of His Imperial Majesty's own office. Saint Petersburg: Printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1853. Vol. 1. 1380 p. (In Russian)
11. Razryad books, published according to official lists with the highest permission by the second department of His Imperial Majesty's own office. Saint Petersburg: Printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1855. Vol. 2. 1398 p. (In Russian)
12. The service “city” of the Moscow state of the XVII century (From the Time of Troubles to the Sobornoye Ulozheniye). Yaroslavl: Publishing House of the Yaroslavl State Pedagogical University of K.D. Ushinskogo, 2000. 208 p. (In Russian)
13. Malov A.V. Tatar-immigrants in the Russian Service in the First Half of the 17th Century: Questions of Source Studies and Prosopography. *Medieval Turkic-Tatar states.* Kazan, 2012, no. 4. pp. 173–181 (In Russian)
14. Menshikov D.N. The calm before the storm. Combat actions near Smolensk in July-August 1633. War and Weapons: New research and materials. Scientific and practical conference. May 12–14, 2010. Saint Petersburg, 2010. Part 2, pp. 105–119 (In Russian)
15. Order to Prince Vasily Boryatinsky to collect in the Yaroslavl district the «children of boyars», novokreschens and Tatars who escaped from the service from near Smolensk, and to withdraw them again to Smolensk. *Acts of the Moscow state*, no. 556, pp. 528–530 (In Russian)
16. Reply of the boyar M.B. Shein about the departure of head Stepan Mertvy to Moscow with a seunch about the battle with the Lithuanian people and with prisoners of war. *Acts of the Moscow state*, no. 475, pp. 438–439 (In Russian)



17. Reply of the boyar M.B. Shein with comrades about the deserters. *Acts of the Moscow state*, no. 399, pp. 390 (In Russian)

18. Reply of the boyar M.B. Shein with comrades about the deserters, and about absence of translators in their regiments. *Acts of the Moscow state*, no. 381, pp. 381 (In Russian)

19. Reply of the boyar M.B. Shein with comrades about departure of Lithuanian prisoners of war in Moscow, nobleman Al. Labyt with his comrades, with the application of their answers. *Acts of the Moscow state*, no. 468, pp. 433–434 (In Russian)

20. The memory from Razryad prikaz to boyar Y.Y. Sulechow with his comrades about taking with all demesnes and fiefs of the peoples. *Acts of the Moscow state*, no. 542, pp. 515–516 (In Russian)

21. Memory from Razryad to the Embassy prikaz on dispatch of lists of Romanov Tatars to prince D. Pozharsky for their muster. *Acts of the Moscow state*, no. 301, p. 326 (In Russian)

22. Memory from the Rozryad to the Embassy prokaz about sending of lists of Yaroslavl fief's and salary murzas and Tatars for their muster. *Acts of the Moscow state*, no. 302, pp. 326–327 (In Russian)

23. Questioning in Razryad of nemchin Richard Stevens sent from the Smolensk by boyar M.B. Shein and comrades. *Acts of the Moscow state*, no. 477, pp. 439–440 (In Russian)

24. Questioning in Razryad of “lodger” warrior Ivan Basov who came from the regiments of the boyar M.B. Shein from near Smolensk. *Acts of the Moscow state*, no. 479, pp. 441–442 (In Russian)

25. Questioning in Razryad of cossack Ivan Petrov sent from under Dorogobuzh with messages. *Acts of the Moscow state*, no. 445, pp. 417 (In Russian)

26. Questioning in Razryad of Kaluzhanin Kuzma Begichev, who came in Moscow with prisoner of war, with R. Sinkalt, from voevod B. Nagoy, and interrogation of prisoner of war. *Acts of the Moscow state*, no. 495, pp. 458–459 (In Russian)

27. Questioning in Razryad of Yur'evts-Pol'sky's Yakim Novokshchenova, who arrived in Moscow from near Smolensk from the boyar M.B. Shein with his comrades with messages. *Acts of the Moscow state*, no. 508, p. 480 (In Russian)

28. Questioning in Razryad of boyar's son Ivan Rostopchin who arrived in Moscow from near Smolensk with messages. *Acts of the Moscow state*, no. 442, pp. 414–415 (In Russian)

29. Questioning in the Razryad of peasants of Dorogobuzh district, of Evdokim Anisimov and Terenti Afanasyev about their exit. *Acts of the Moscow state*, no. 444, pp. 416–417 (In Russian)

30. Salikhov R.R., Iskhakov R.R. The Role of the Serving Tatars of Meschera in the Repulsion of Nogai Raids and the Population of the Southern Cis-Volga Region's “Hill Bank Land”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 808–821. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.808-821 (In Russian)

31. Senyutkin S.B. The history of the Tatars of the Nizhny Novgorod Volga region from the last third of XVI to the beginning of XX centuries (historical fates of Mishars of Nizhny Novgorod region). Nizhny Novgorod: Medina, 2001. 416 p. (In Russian)

32. Estimated list of 7139. Annals of imperial Society of History and Antiquities of Russia. Book 4. Moscow: University printing house, 1849, pp. 18–51 (In Russian)

33. Smirnov S.K. Biography of prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky. Moscow: Univ. tip., 1852. 136 p. (In Russian)

34. The reviewed list of Kasimov Tatars of the Tsarev court and the Seitov regiment of 1623. A.V. Belyakov. Ryazan antiquity. 2004–2005 / comp. A.O. Nikitin, P.A. Tribunskiy. Ryazan: Kraj, 2006. Vol. 2–3, pp. 381–383. (In Russian)

35. Eskin Yu.M. Dmitry Mikhailovich Pozharsky. Moscow: Kvadriga, ZebraE, 2013. 352 p. (In Russian)

**About the author:** Boris A. Ilyushin – Cand. Sci. (History), Junior Research Fellow of the Laboratory for Humanitarian Research, Novosibirsk State University (1, Pirogov Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

*Received June 22, 2022 Accepted for publication August 24, 2022*

*Published September 29, 2022*

УДК 930.85

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.715-727

EDN: ECGSZM

## ПРАВА РАБОВ И УСЛОВИЯ ИХ ОСВОБОЖДЕНИЯ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

**О.Д. Рустемов**

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова  
Симферополь, Российская Федерация  
olerustem@gmail.com*

*Целью исследования* является изучение вопросов, касающихся правового статуса рабов, сроков и условий их освобождения в Крымском ханстве.

*Материалами для исследования* послужили отдельные научные труды по теме рабовладения в Османской империи и тексты крымских кадиаскерских книг (сиджили), в которых фигурируют рабы в связи с различными судебными процессами в отношении их.

*Результаты и научная новизна:* состоит в том, что в научный оборот введены отдельные термины из истории рабства в тюркских мусульманских государствах. Впервые в отечественной историографии описаны, так называемые, гарантии (*tedbir*) освобождения рабов в Крымском ханстве. Практика объявления таких «гарантий» рабам находит свое подтверждение в судебных документах XVII века. Рассмотрен вопрос о наличии ограничительного срока службы рабов в Крымском ханстве. Также впервые с привлечением исторических свидетельств изучен правовой статус рабов, рассмотрены взаимоотношения рабов и хозяев и выявлены иные поводы для освобождения невольников, не связанные с окончанием срока их службы. В результате исследования установлено, что в Крыму в XVI–XVIII вв., согласно мусульманскому праву, рабами могли стать только военнопленные, захваченные на войне или в походе. По шариату, мусульмане не могли быть обращены в рабство. Этого правила строго придерживались в Крымском ханстве. Факты такой политики подтверждаются и в отдельных крымских сиджилях, где рассматриваются судьбы липкинских татар. Будучи мусульманами, они попали в плен и были привезены в Крым, а затем отпущены. В ходе исследования установлено, что рабы были лишены юридических прав и имели статус *mütekavim mal* – имущество, разрешённое к использованию. Они являлись частью общего имущества, которое можно было продать, обменять, подарить и вообще распоряжаться им на усмотрение хозяина. В *яфтах*, или перечнях наследуемого имущества, рабы перечислялись, как правило, среди животных или других предметов быта. Иногда невольники по желанию своих хозяев получали дополнительные полномочия и становились полу вольными торговцами. К особой категории рабов, выделявшихся среди других, следует отнести солдат ханской гвардии – *капы-кулу* (букв. – раб двери, раб у ворот; иначе – государев раб). В статье определен обычный срок службы раба, который соответствовал полным шести годам. Кроме освобождения по выслуге лет возможны были и другие условия отпуска раба на волю. Рассмотрены четыре разновидности *тедбира* (гарантий) и условия *китабета*, или договора о самостоятельном выкупе рабом самого себя. Описаны случаи освобождения рабов по религиозным мотивам, и возможности их обращения в суд за правовой помощью. В заключении даются понятия относительно системы рабства, принятой в ханстве.

**Ключевые слова:** шариат, сиджил, ислам, права, рабы, срок службы рабов, Крымское ханство, тедбир, китабет

**Для цитирования:** Рустемов О.Д. Права рабов и условия их освобождения в Крымском ханстве // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 715–727. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.715-727 EDN: ECGSZM

## THE RIGHTS OF SLAVES IN THE CRIMEAN KHANATE AND THE CONDITIONS FOR THEIR EMANCIPATION

**О.Д. Rustemov**

*Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University  
Simferopol, Russian Federation  
olerustem@gmail.com*

**Abstract:** *Research objectives:* The aim of this research is to study issues related to the legal status of slaves, as well as the terms and conditions of their release in the Crimean Khanate.

*Research materials:* Individual research works on the topic of slavery in Ottoman Turkey and the texts of the Crimean Kadiasker books (*sijils*) in which slaves appear in connection with various legal proceedings related to them.

*Results and novelty of the research:* Novelty lies in the fact that certain terms from the history of slavery in the Turkic Muslim states have been introduced into scientific circulation. For the first time in Russian historiography, the so-called guarantees (*tedbir*) of the liberation of slaves in the Crimean Khanate are described. The practice of announcing such "guarantees" to slaves finds its confirmation in court documents of the 17th century. The question of the existence of a limiting service life of slaves in the Crimean Khanate is considered. Also, for the first time, using historical evidence, the legal status of slaves has been studied, the relationship between slaves and masters has been examined, and other reasons for the release of slaves, not related to the end of their service, have been identified. As a result of this study, it is established that in the Crimea of the 16th-18th centuries, according to Muslim law, only prisoners of war captured in a war or on a campaign could become slaves. According to Sharia, Muslims could not be enslaved. This rule was strictly adhered to in the Crimea. We find confirmation of this fact in individual Crimean *sijils* where the fate of the Lipka Tatars who, being Muslims, were captured, brought to Crimea, and subsequently released. Such documents are examined here. The study has found that slaves were deprived of legal rights and had the status of *mütekavım mal* – property permitted for use. They were part of the common property that could be sold, exchanged, donated, or used at the discretion of the owner. In *yafıs* or lists of inherited property, slaves were listed, as a rule, among animals or other things. Sometimes slaves, at the request of their masters, received additional powers and became semi-free traders. A special category of slaves that stood out among others should be noted among the soldiers of the khan's guard – *kapy-kulu* (literally – slave of the door/slave at the gate). This article determines that the normal life of a slave corresponded to a full six years. In addition to release on the grounds of seniority, other conditions for the release of a slave were also possible. Four types of *tedbir* and the conditions of *kitabət*, or an agreement on the independent redemption of oneself by a slave, are considered. Cases of the release of slaves on religious grounds are described, and the possibilities for them to go to court for legal assistance are described. All the facts of legal precedents given in the article are supported by information from the *Crimean Cadi sijils*. In conclusion, concepts are given regarding the system of slavery adopted in the khanate.

**Keywords:** Sharia, sijil, Islam, rights, slaves, slave service term, Crimean khanate, tedbir, kitabet

**For citation:** Rustemov O.D. The rights of slaves in the Crimean Khanate and the conditions for their emancipation. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 715–727. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.715-727 (In Russian)

Вопросы, связанные с феноменом рабовладения в Османском государстве, такие как условия и сроки службы рабов, условия их возможного досрочного освобождения и тех прав, которыми они обладали по шариатскому закону, широко освещены современными историками (например: [8; 9; 10; 17]). Положение и права рабов, проживавших в Крымском ханстве, мало чем отличались от положения и прав своих собратьев по несчастью, живших в Османском государстве. Одновременно с этим можно констатировать наличие в Крыму отдельных отличительных черт в отношении к рабам и их социальной адаптации после обретения свободы.

Согласно мусульманскому праву, рабами могли стать только военнопленные, захваченные на войне или в походе. Особого требования обратиться пленника в раба не существовало. Взятый христианина в плен воин мог его обменять на своих же пленённых товарищей, подарить или убить. Невольником мог оказаться любой захваченный иноверец, но только не на территории исламского государства (*Дар уль-Ислам*), а на землях христианской или иудейской страны, которые назывались *Дар уль-Харб* – территория войны. Как видно, исламский закон не предполагал абсолютного мира для таких государств, и потому крымские ханы смотрели на частные вылазки своих подданных за наживой сквозь пальцы. Других источников пополнения количества рабов исламский закон не признавал [13, том 26, с. 234]. В энциклопедии ислама, изданной в Турции, есть оговорка, что ребёнок, рождённый от рабыни, также становился рабом [13, том 26, с. 239]. Однако в случае, если отец признавал этого ребёнка своим, он становился свободным и вступал во все гражданские права, предписанные шариатом. О таких случаях свидетельствуют некоторые выписки из крымского кадийского суда. Например, сохранилась запись о том, как некто Кутлу Хульфи судился из-за участка земли с Хасаном Суфи, который, в свою очередь, обвинил Кутлу Хульфи в том, что он рождён наложницей. На это обвинение выступили два свидетеля, утверждавшие, что ещё при своей жизни отец Кутлу Хульфи – эль Монла говорил об этом юноше: «Сын мой», признавая, таким образом, его своим ребенком [3, т. 1, с. 4-А, текст 7].

По шариату мусульмане не могли быть обращены в рабство. Этого правила строго придерживались в Крыму. В отдельных крымских сиджиях рассматриваются судьбы татар-липка<sup>1</sup>, которые будучи мусульманами, тем не менее, были захвачены в плен и привезены в Крым. В одном таком деле фи-

---

<sup>1</sup> Липка, татары липки, липкинские татары (а также: польские; литовские; белорусские татары) – турки, мусульмане, вышедшие с территории Золотой Орды и Крымского ханства и поселившиеся на землях Великого княжества Литовского и Польши. Сведения об истории, этнической и религиозной принадлежности липкинских татар см. по источникам: [15; 16].

гурирует липка по имени Исмаил бин Аллахкулы, который неоднократно в суде доказывал свою принадлежность к мусульманам. После препирательств выступили два свидетеля, которые дали такие показания: «Настоящий означенный Исмаил происходит из виляета Корель (восточная Польша), из племени татар-липка, мусульманин сын мусульманина. Сам он – Исмаил, отец его – Аллахкулы и мать – Ханифе, и он не является неверным». В результате суд постановил его отпустить [4, с. 221-222]. В другом случае захваченный в Московии липка Джанкельди был доставлен в Крым в полуобморочном состоянии, так как при пленении его ударили по голове. Очнувшись, он рассказал пленившему его Ахмаду бин Али, что он мусульманин, татарин-липка, на что уже перед судом Ахмад выразил согласие его отпустить [4, с. 383]. Сохранилась также запись о том, как некий юноша Худаверди бин Али, будучи в рабстве в Кабарде, упросил проезжего крымского татарина Мухаммада бин Эмельдеша купить его. Впоследствии же, по приезду в Крым, заявил, что он мусульманин и не может быть рабом, а просил купить его с тем, чтобы оказаться в мусульманской стране. После удостоверения этих слов он был отпущен на волю [4, с. 409].

После того как невольники продавались на рынке или оставались в собственности захватившего их человека, они становились бесправными, закон их не защищал. Рабы не могли давать свидетельские показания в суде, однако шариат не запрещал некоторым из них быть *векилями*, то есть поверенными своего хозяина в суде шариата [13, с. 240]. Отношения между господином и рабом строились на основе тюркской мусульманской, и, на наш взгляд, здесь уместно такое определение, как народной традиции, предписывающая хозяевам гуманное, справедливое обращение со своими невольниками. Подобное отношение иногда приводило к разнообразным юридическим казусам, как, например, досрочное освобождение гуляма (молодого раба), которого его хозяева называли «сын мой». В одном из сиджилей речь идет о гуляме по имени Ризван бин Абдуллах, который отказывался от исполнения своих обязанностей по дому, несмотря на то, что фактически был рабом. Его хозяйка, Сервер, вместе с мужем Аллахверди, обратились в суд (!), чтобы повлиять на Ризвана с помощью судейского решения. Однако Ризван на все претензии своих хозяев возражал, что иначе как своим сыном те его не называли. Нашлись свидетели, подтвердившие его показания. В результате шариатский суд признал Ризвана бин Абдуллаха свободным [4, с. 152–153]. Однако подобное лояльное отношение к рабам не было повсеместно распространённой практикой. Документально зафиксированы случаи самоубийства среди рабов. Можно допустить, что жестокое обращение с ними хозяев сыграло здесь не последнюю роль. Факты суицида среди рабов, зарегистрированные в крымских кадийских книгах, приведены в статье исследователя Фырата Яша [17].

Отношение к рабу как к вещи зафиксировано, например, в следующем документе, в котором раб-казак жаловался на свою больную ногу и по этой причине не мог работать. Хозяин не стал принуждать его, но привёл на суд, куда вызвал также и продавца этого раба. На суде казака осмотрели и вынесли соответствующее решение:

**«Тяжба об увечной ноге казака**

Сулейман из деревни Кахий в присутствии Мехмеда б. Эсенджара: «Я сменял [сменял на золото, т.е. купил] одного казака у этого самого Эсенд-

жара. Сам же казак мне сказал, что у него правое бедро нездоровое, пусть же будет опрошен [продавец] согласно правилам шариата». Будучи непосредственно опрошенным Эсенджар отвечал: «Я этому [т.е. истцу] продал этого казака в полном здравии. И до сего дня не было в нём никакого изъяна». После этих слов подвергли казака полному осмотру. И, не обнаружив в нём ни одного из возможных изъянов, признали его показания безосновательными, но того лишь ради, дабы избежать работы. Записано в начале месяца Джумази-эль-эввель, года 1017 (1608)» [3, с. 4-А, Текст № 5]. (*Перевод наш – О.Р.*)

В Крыму с юридической точки зрения рабы представляли собой именно имущество своих хозяев и имели статус *mütekavvim mal* – вещь, имущество, разрешённое к использованию [12, с. 239]. Часто пожелание дать рабу свободу звучало в устах его хозяина, как выражение «вычеркну тебя из списка моего имущества (*mal*, *mülkiyet*). В *яфтах* или перечнях наследуемого имущества рабы перечислялись среди животных, либо в перечне среди других вещей, как это следует из ниже приведённых текстов:

Дело о передаче наследства Мухаммаду от его покойного отца Мурадбека:

«... из цены 2 лошадей у Сиявуш ага 40 *хасене*<sup>2</sup>; из стоимости ханского церемониального платья (рахт): 25 *хасене*; невольница по имени Лялезар (?) *хасене*; казак по имени Сабанджы: 30 *хасене*; казак по имени Несухи: 30 *хасене*; пастух Чора 35 *хасене*; невольница 30 *хасене*; коричневый бык: 5 *хасене*; рыже-бурый бык 5 *хасене*; пёстрый бык 5 *хасене*; серый бык 5 *хасене*; другой рыже-бурый бык: 5 *хасене*; серый бык 3½ *хасене*; другой рыже-бурый бык 5 *хасене*; рыже-бурый бык 3 *хасене*; коричневый бык с белыми пятнами 3 *хасене*; другой рыже-бурый бык 3 *хасене* ...» [3, Т. 1, с. 5-А, текст № 1].

Дело о разделе имущества покойного Мухаммада Шаха между его сыновьями:

«Имущество покойного Мухаммеда Шаха, поделённое между его сыновьями, одной дочерью и женой. Сообщается, выданное жене, как долг за мехр-и мюэджелъ и мехр-и мюаджелъ. Из долга Шамуиля Ехуди, *хасене* 165; из долга самой Бикеч, *хасене* 35. Гулям по имени Джаныш, 40 *хасене*; гулям по имени Кутлу, 40 *хасене*; гулям Джебеттар, 40 *хасене*; джарие (невольница, наложница) по имени Гульшах, стоимость: 20 *хасене*; Дуке (наложница) Зинет, 50 *хасене*; трёхгодовалые Бияла, Ине, Шахназ, 10 *хасене*; Шахнигар, 20 *хасене*; Маленькая девочка двух лет, дочь Сохраба, 4 *хасене*; казак по имени Иван из Полы (Пулы?), 40 *хасене*; верблюдица с верблюжёнком, 20 *хасене*; джарие по имени Ширин, 40 *хасене*; голубое шерстяное покрывало (кебе), 3 *хасене*; три голубых напольных кебе 3, 7½ *хасене*; оранжевое напольное кебе (войлок), 3½ *хасене*...» [3, Т. 1, с. 48-А, текст № 4]. (*Перевод наш – О.Р.*)

Из этого списка следует, что дети рабы, даже в количестве трёх, стоили гораздо дешевле, чем верблюдица с верблюжёнком. Стоимость же взрослых невольниц и невольников была в два раза больше указанных животных. В упомянутых выше судебных выписках часто встречаются рабы с мусульманскими именами: Ризван бин Абдуллах, Аллахверди, Юсуф, Первиз, Рамазан, Хамза, Гульзар, Лалезар, Рахшан и т.п. Это позволяет сделать предположение, что многие из них принимали мусульманство. О фактах принятия ислама рабами есть прямое указание в тех же сиджилях [см.: 3, Т.1, с. 20-А, текст

<sup>2</sup> Hasene (حسنه) (араб.) – добро, благо, также одно из названий золотой монеты.

№ 3; с. 26-В, текст № 5; с. 39-В, текст № 5]. При этом рабы-мусульмане были освобождены от таких *фарзов* (обязательное условие) ислама как *хадж* (паломничество в Мекку) и *зекят* (ежегодный налог), поскольку они не обладали личной собственностью. Пятничная или праздничная молитва в собрании мусульман тоже не являлась для них обязательной, равно как и участие в джихаде, либо выплата налога в связи с его проведением. [13, с. 239]. Однако они имели право жениться [3, Т. 1, с. 35-А, текст № 3], а невольницы – *джарие* – выходить замуж за свободных мусульман. Правда, если к ней сватался не ее господин, а другой, посторонний человек, то выйти замуж за него она могла только с разрешения хозяина. По истечению срока службы или по иным причинам, которые служили основанием для её вольной, она освобождалась из рабства, и тогда брак, заключенной между невольницей и свободным человеком, аннулировался, и его приходилось заключать заново. Также с разрешения хозяина раб мог жениться на рабыне. При этом отлучение ребёнка возрастом до восьми лет от матери считалось незаконным. Разлучать жену с мужем тоже было нельзя [13, с. 239].

Иногда рабы по желанию своих хозяев получали дополнительные полномочия, и они становились полувольными торговцами. В таком случае они юридически назывались *абд-и мезун(ами)* (*عبد مأنون*), где *абд* – это раб, а *мезун* – полномочный, имеющий разрешение, от слова *изин* – разрешение. Это были рабы, имевшие на руках определённую сумму денег от своего хозяина для совершения купли-продажи различных товаров с целью получения выгоды. Приобретённая выгода предназначалась хозяину, раб-торговец никаких дивидендов от своих сделок не имел. В крымских сиджихах фигурирует *абд-и мезун* по имени Осман бин Абдуллах, против которого подал иск дубильщик кож из Карасу Джафер бин Абдулла. Он продал в своё время упомянутому Осману некое количество сафьяна. После сделки раб остался должен кожевнику двадцать флоринов. Осман собирался вернуть их клиенту, но прежний хозяин Османа – Али мирза, отобрал и присвоил все деньги, бывшие у того на руках, а самого его продал другому человеку. После разбирательства суд вынес решение взыскать с Али мирзы требуемую Джафером сумму [3, Т. 1, с. 94-В, текст № 2]. Таким образом, шариатский суд защитил права раба Османа, несмотря на то, что прежний его хозяин, Али мирза, всячески увивал от долга и сваливал всю ответственность по иску на подневольного торговца. В данном случае следует отметить, что расширенные полномочия с правом торговать не предусматривало каких-то юридических преференций для раба, кроме как заниматься коммерческой деятельностью в пользу своего хозяина.

Другая категория рабов, которая особо выделяла принадлежавших к ней невольников, были солдаты ханской гвардии – *капы-кулу* (букв. – раб двери, раб у ворот; иначе – государев раб). Эти элитарные воинские подразделения были организованы Сахиб-Гирей ханом в первой половине XVI-го века и состояли из военнопленных, в основном из черкесов [5, Т. 1, с. 414]. Следует отметить, что крымские ханы до конца XVII столетия облагали налогом черкесских князей, по которым предполагались выплаты не деньгами или иными товарами, но именно молодыми рабами [13, с. 247]. Большую часть этих рабов отправляли в Стамбул, но из них же отбирали и таких, кто впоследствии становился членом корпорации *капы-кулу*. В конце XVII-го века население черкесских областей на Кавказе приняло ислам, что, якобы, послужило причиной



отмены налогов и военных действий для этого региона [13, с. 247]. Однако это утверждение, содержащееся в «Энциклопедии ислама», вероятно, справедливо лишь в отношении Османского государства, куда прекратился ввоз невольников с Кавказа. Крымские ханы уже в XVIII веке при вступлении на престол продолжали получать в дар ясырь черкесских беков в количестве трехсот душ. И войны на Северном Кавказе продолжались, прежде всего, по причине отложения некоторых черкесских беков от ханства [5, Т. 2, с. 15].

Сам процесс организации подразделений *капы-кулу* напоминал рекрутский набор мальчиков в балканских странах, подчинённых Османской империи, в янычары – *девширме* (*devşirme*). Идея создания боевых частей, преданных лично хану, была почерпнута Сахиб-Гиреем из опыта создания корпуса именно этого рода войск и тех функций, которые на них возлагались. В результате ханская гвардия *капы-кулу* стала играть заметную роль в политической жизни ханства, образуя собой военный противовес боевым силам самых влиятельных в Крыму беям из рода Ширин и других *карачи* (столбовые крымские роды – *очаги* или *оджаки*). За свою службу *капы-кулу* получали жалованье, что кардинально отличало их от других рабов. Кроме того, *капы-кулу* принимали участие в ханских диванах (собраниях) [6, с. 96], но в данном случае, возможно, речь идёт не обо всём составе *капы-кулу*, но, самых выдающихся из них солдат и офицеров – *капы-кулу агасы* (командующий *капы-кулу*) и *болукбашей* (командир роты). Очень быстро эти воины сравнивались по своему социальному статусу с крымской аристократией, представители которой, в свою очередь, также стали именовать себя этим гвардейским именем. Все приведённые факты свидетельствуют о том, что *капы-кулу* были привилегированной частью рабов, и на них не распространялись все те запреты и ограничения, которые касались большинства невольников. Однако число их было не велико, всего тысяча воинов в начале своего существования и в пределах трёх тысяч в последующие периоды. С позиции общего количества рабов в Крымском ханстве, которых насчитывали по разным источникам от 150-200 тысяч душ [12, с. 2] до 400 и даже 600 тысяч [6, с. 221; 227], это была не значительная по своему личному составу часть невольников.

Однако делать вывод о том, что подавляющая часть крымских рабов была абсолютно бесправна, не совсем корректно. Многие из них имели право в суде требовать своего освобождения, когда для него наступал срок, или оно подразумевалось исполнением предусмотренного шариатом условия. Отечественные и зарубежные исследователи уже касались в своих работах данного вопроса в отношении крымских рабов. Так, в статье востоковеда И.Зайцева со ссылкой на книгу Сигизмунда Герберштейна, а также на другие источники речь идет о полных 6 или 7 годах службы [2, с. 232]. В частности С. Герберштейн в своём «Описании Московии» пишет: «... (рабы) пребывают в рабстве полных 6 лет, после чего отпускаются на свободу, но не имеют права покидать страну» [1, с. 175]. О семилетнем сроке службы рабов в Османской империи говорят и исследователи из Турции. Энциклопедия ислама сообщает: «Повсеместно в Османской империи (в том числе и в Крымском ханстве – *О.Р.*) срок службы раба ограничивался семью годами. Этот срок определил сам пророк Мухаммад, и его слова зафиксированы в Сунне» [13, с. 242]. Чакыр Ибрахим сообщает: «У османов получило широкое распространение

освобождение рабов по истечении семи лет службы» [8, с. 205]. Такую же информацию предоставляет Хакан Эрдем [10, с. 76].

Рассуждая о практических и возможных экономических причинах подобного явления в Османском государстве и в Крыму, И. Зайцев допускает, что оно как-то связано с налогообложением всех хозяев рабов в Азаке (Азове), которое осуществлялось «раз в три года». Двойная уплата этого налога по истечении шести лет «могла сделать содержание такого раба невыгодным, и его отпускали» [2, с. 232]. Однако в данном случае речь идет лишь о тех рабах, которые содержались в Азаке, а не во всей империи. Источник, которым пользовался учёный Халиль Инальджик, «The customs register of Caffa, 1487–1490», обозначает этот налог как: *resm-i mukarrer* – «обычный налог» (regular tax) (*mukarrer* – согласованный, решенный, от *karar* – решение). Халиль Инальджик в своей публикации действительно приводит такие сведения: «By 1511 when a slave in Azak remained in someone's possession for three years, the regular tax was to be paid» (К 1511 году, когда раб в Азаке (Азове) оставался в чьей-либо собственности три года, «обычный» налог (*resm-i mukarrer*) должен быть уплаченным) [11, с. 146]. Азак и Тамань были главными городами-поставщиками рабов в империю в черноморском бассейне. Уплата налога при покупке раба в этих портах осуществлялась только один раз, при совершении сделки по купле-продаже и последующей транспортировке в Османское государство. Автор книги сообщает размер этого налога: 210 *османи* (османских *акча*), для рабов, поступающих из Азака и Тамани. При том, что в конце XV-го века курс одной золотой монеты был равен 50–60 *акча*, этот налог был довольно значительным по стоимости, однако уплачивался продавцом и покупателем двумя равными частями: при продаже раба продавцом, а затем на таможне в Кафе покупателем (по 50% от покупателя и продавца) [11, с. 145]. На территории самой Османской империи налог на раба был еще выше – 256 *акча*. Он, как и предыдущий, соответствовал «доле имама», и составлял пятую часть (*хумс* /араб./ или *пенчик* = *панч як* /перс./) от стоимости невольника [11, с. 145]. Все это говорит о том, что рабы, содержащиеся в Азаке, должны были быть проданы. Если же они не продавались в течение трех лет, а оставались в собственности одного и того же хозяина, с него взыскивался *resm-i mukarrer*, но только один раз. При перепродаже раба продавец избавлялся от уплаты своей части налога, платил только покупатель [11, с. 145].

Сумма налога на невольников в Крымском ханстве точно неизвестна. Эвлия Челеби сообщает, что в эпоху Мухаммада IV Гирея (время правления: 1641–1644 и 1654–1666) хотели собрать сначала по одному алтыну, потом увеличили сумму сбора до пяти *курушей*<sup>3</sup> с головы [6, с. 221]. При этом были переписаны «девки» и молодые гулямы «*копна*», что не следовало делать по закону [6, с. 221–222]. Такой налог – *тамга*, собирался один раз при вступлении нового хана на престол. Налог, который пытался собрать Мухаммад IV, вызвал большой скандал среди населения ханства и закончился восстанием клана Ширинов, но он был подавлен силою [6, с. 221–226].

В качестве альтернативы в отношении причин семилетнего срока службы рабов можно привести описанную в «Энциклопедии ислама» доктрину. Со-

<sup>3</sup> *Куруш*, *кара куруш* – серебряная монета, которая в начале XVII века соответствовала по своей стоимости 70 *акча* [13, с. 458], соотношение *акча* и золотой монеты – *алтын* – поменялись к этому времени, *акча* сильно подешевела.

гласно ей следовало, что, во-первых, вместо бесполезного пролития крови, а также вместо усиления врага отпуском пленного, рекомендовалось последнего всё же обратить в раба [13, с. 234]. Во-вторых, доктрина предполагала воспитание раба в духе и традициях исламской культуры, чтобы он после освобождения осел в своей новой родине и стал законопослушным подданным мусульманином. О настоящих причинах такой внутренней политики, начало которой положил сам пророк Мухаммад, стоит только догадываться. Возможно, определяющую роль тут играл политический расчёт, направленный на усиление мусульманской страны людскими ресурсами за счёт пополнения их освобождёнными рабами с одновременным ослаблением христианских конкурентов.

Так или иначе раб в Крымском ханстве имел право выступить в суде с иском о своем освобождении по истечению срока службы. Но этот срок должен был назначить для невольника его хозяин. Он определялся в силу разных условий, которые также оговаривались хозяином. В результате выполнения этих условий или их наступления вступали в силу юридические гарантии освобождения (*тедбир*). Именно в обстоятельствах, когда *тедбир* приобретал силу обязательного исполнения, рабы могли требовать вольной для себя в судебном порядке. Эти гарантии (*тедбир*), сообщались хозяевами своим рабам при свидетелях. *Tedbir* (تدبير) – термин арабского происхождения и означает: способ или средство гарантировать или предотвратить что-то. В отношении рабов это была как раз гарантия освобождения. Согласно смыслу, эти гарантии разделялись на четыре вида. *Tedbir-i mutlak* – отпуск раба по смерти хозяина (*безоговорочный тедбир*) [см.: 4, с. 399, текст 594]; *tedbir-i mukayyed* – освобождение раба по смерти от болезни или ранения, которым страдает хозяин на момент объявления *тедбира* (*связанный, оговорённый тедбир*) [см. 4, с. 183, текст 255]; *tedbir-i muallak* – освобождение по окончанию какого-либо задания, работы (*затяжной тедбир, тедбир в процессе*) [см. 4, с. 434, текст 650]; *tedbir-i muzaf*, подразумевающий сообщение рабу: «Ты свободен с завтрашнего дня» (*предписанный тедбир*) [14, с. 258]. В результате объявления любого из четырёх *тедбиров* невольник приобретал права *муддебира* (*müddebir*) и, как уже отмечалось выше, мог оспаривать в суде перед родственниками умершего господина или, как в случае двух последних *тедбиров*, непосредственно перед ним самим, свое освобождение по шариату по выполнению оговоренных условий или наступлению оговоренных обстоятельств. Необходимо отметить, что освобождение *муддебира* в суде при наступившем *тедбире* не затягивалось, но осуществлялось сразу после выступления свидетелей, подтверждавших наличие такового [см. 4, с. 183, 187, 399, 433, 434].

Кроме указанных гарантий освобождения на условиях хозяина, раб мог получить свободу по *китабете* (*kitabet*) – договору о собственном выкупе. В этом случае хозяин, заключающий такой договор с рабом в суде, говорил ему: «Ты будешь свободен, заплатив мне (называлась сумма), согласен ли ты?». Если раб выражал согласие, *китабет* считался заключённым, а раб приобретал права *мукатиба* (*mukatib*). Договор фиксировался письменно, после чего *мукатиб* уходил на оговорённый срок на заработки. По завершению этого срока, раб вызывал в суд господина, где расплачивался с ним по условиям заключенного соглашения. Если денежная компенсация соответствовала сумме, указанной в договоре, раб немедленно получал свободу и ему

выписывался соответствующий документ – вольная (*ыткнаме*). Если же у *мукатиба* не хватало какой-то части денег на *китабет*, тогда хозяин требовал от него отработать некоторое количество лет (обычно 2-3 года), после чего ему также выписывалась вольная. В крымских судебных реестрах сохранились копии документов как по заключению *китабета* [4, с. 262, 343–344], так и по исполнению его [4, с. 74, 155, 241, 262, 309, 434], также как и по невыполнению [4, с. 170].

В Крымском ханстве широко была распространена практика отпуска рабов на волю в канун мусульманского праздника либо в день поминовения усопшего мужа (жены), отца или матери. Рабы отпускались поодиночке или группами. Это мероприятие носило религиозный подтекст. Отпускавший на волю рабов хозяин (или хозяйка) старался таким образом облегчить участь души умершего родственника этим благородным поступком, равно как и заработать себе *савап* (богоугодное дело, за которое последует вознаграждение в этом и загробном мире). Процедура заключалась в том, что господин (госпожа) приводил раба или рабов в суд и, указывая на них, объявлял их свободными во имя милости Аллаха (*Ли'ль-Ллах*) «подобно другим свободнорождённым». Секретари указывали непосредственно в самом документе, а также в копиях вольной (*ыткнаме*) приметы освобождаемых рабов: «рыжие / чёрные волосы», «голубые / карие (бараньи) глаза», «мушка» или «след от раны» и т. п., после чего рабы покидали суд свободными людьми [4, с. 71, 256, 402].

Если раб нечаянно убивал свободного человека, ответственность за это нес хозяин, который обычно выплачивал денежную компенсацию, либо передавал невольного убийцу родственникам убитого [4, с. 405-406, 254]. Если же раб убивал свободного человека умышленно, то его осуждали на казнь – *кысас*. Убивший раба должен оплатить его хозяину компенсацию, но убивший вольноотпущенника также мог быть подвергнут казни.

### **Заключение**

Рабство в Крымском ханстве было обычным явлением. Рабы в Крыму соотносились с вещью, имуществом, которое можно было продать, получить в наследство, подарить или обменять. Использование подобной «вещи» по своему усмотрению допускалось законом. При этом и в Османской империи, и в Крымском ханстве система рабства считалась «открытой» (*açık*), то есть такой, когда невольник, раб после службы определённого количества лет получал право на освобождение. Закрытая (*kapalı*) система рабства подобного не предусматривала. Раб здесь оставался невольником до конца жизни. Кроме того, в открытой системе не существовало правовых и социальных отличий между рабами разных этнических принадлежностей. Они отсутствовали также и между рабами, занятыми в разных отраслях или секторах промышленности и в быту. Все пребывали в одном статусе и пользовались одинаковыми правами. В широком смысле разница между «открытой» и «закрытой» системами заключалась в том, что первая препятствовала молодому поколению, рождённому от рабов, стать такими же рабами [10, с. 91]. Общество стремилось воспитать рождённых в неволе как мусульман, так и не мусульман, в традициях исламской культуры и привить им знание языка. Последствия такой политики приводили к тому, что молодые люди адаптировались в стране, где их родители когда-то служили рабами. Во многих случаях рабы, полу-

чившие свободу от своих хозяев, продолжали общаться с ними, охотно приходили на помощь, а прежние господа проявляли заботу о своих подопечных. Освобождённые рабы назывались *тумы*<sup>4</sup> (?) [7, с. 93]. Иногда они селились отдельно от поселений других мусульман. Но при этом у детей бывших рабов были все шансы стать полноценными членами общества. Правда, широко практикуемый отпуск рабов на свободу требовал пополнения их количества, что, в свою очередь, становилось побудительной причиной набегов крымских татар в охоте за невольниками.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Перевод с немецкого А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
2. Зайцев И.В. «Вольная грамота» турецкого султана «некоему русину» // Тюркологический сборник 2002: Россия и тюркский мир. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 229–244.
3. Кадиаскерские книги Крымского ханства (КККХ) (Копии) / Библиотека им. И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90. Т. 1.
4. Рустемов О.Д. Салахшор, Таги. Сиджили бахчисарайского кадылыка (1608–1612): исследования, тексты, переводы. Анкара, Sonçağ Yayıncılık, 2020. 477 с.
5. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М: «Рубежи XXI», 2005. Т. 1. 541 с.
6. Челеби Эвлия. Книга Путешествий. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Перевод и вступ. статья Е.В. Бахревского. Симферополь: «Доля», 2008. 272 с. с илл.
7. Эварницкий (Яварницкий) Д.И. Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман войска низовых казаков. СПб., 1894. 168 с.
8. Bayarslan Hüseyin. Osmanlı Devleti'nde Köleleştirme Ve Azat Etme Yöntemleri // Ulakbilge, 2017, Cilt 5, Sayı 10, Volume 5, (Issue 10). S. 439–452
9. Çakır E. Ibrahim. Osmanlı Toplumunda Köle ve Cariyeler, Sofya 1550–1684 // Türkiyat Araştırmaları Dergisi; Yıl 2014, Sayı 36. S. 201–216.
10. Erdem Y. Hakan. Osmanlıda Köleliğin Sonu / İstanbul: Kitap Yayınevi, 2004. 272 s.
11. Inalcik Halil. Sources and studies on the Ottoman Black Sea. Vol. 1. The customs register of Caffa, 1487–1490 / Volume editor V. Ostapchuk. Cambridge, Harvard University, 1996. 201 p.
12. Kizilov M. Slaves. Money Lenders, and Prisoner Guard: The Jews and the Trade in Slaves and Captivities in The Crimean Khanate // Journal of Oxford Studies, vol. LVIII, No. 2. AUTUMN 2007, pp. 1–22.
13. İslam Ansiklopedisi 26 cilt. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2002. 587 s.
14. İslam Ansiklopedisi 40 cilt. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınevi, 2011. 588 s.
15. Miśkiewicz Aleksander A., Kamocki Yanusz. Tatarzy słowiańszczyzną obłąskawieni. Kraków, Uniyesitas, 2004. 223 s.
16. Warmińska Katarzyna. Tatarzy Polscy: Tożsamość religijna i etniczna. Kraków, Uniyesitas, 1999. 238 s.

<sup>4</sup> Нам не известна этимология и происхождение этого слова – *О.Р.*

17. Yaşa Fırat. “Between Life and Death: Slaves and Violence in Crimean Society in the last quarter of 17<sup>th</sup> Century” // Selçuk University Journal of Studies Turcology, vol. 47 (2019), pp. 433–443.

**Сведения об авторе:** Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6444-2885. E-mail: olerustem@gmail.com

Поступила 30.11.2021 Принята к публикации 08.02.2022

Опубликована 29.09.2022

#### REFERENCES

1. Gerbershteyn Sigizmund. *Notes about Muscovy / Perevod s nem.* A.I. Maleina i A.V. Nazarenko. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (In Russian)
2. Zaitsev I.V. “Freedom diploma” of the Turkish Sultan to “no one Rusyn”. *Rusin*, 2011, no. 2 (24). Moscow: Publishing company “Eastern Literature” RAS, 2003, pp. 229–244. (In Russian)
3. Kadisker’s books of the Crimean Khanate (KBCK) (Copies) / Library named after I. Gasprinsky in Simferopol. Archive fund: 67 A90. Vol. 1. (In Old Crimean Tatar)
4. Rustemov O.D. Sidzhils of Bakhchisarai Kadilyk (1608–1612): research, texts, translations. Ankara: Sonçağ Yayıncılık, 2020. 477 p. (In Crimean Tatar and Russian)
5. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Port. In two volumes. Moscow: Publishing House “Rubezhi XXI”, 2005. Vol. 1. 541 p. (In Russian)
6. Chelebi Evliya. *Travel Book. Crimea and adjacent regions* (Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century). Translation and entry. article by E.V. Bakhrevsky. Simferopol: Dolya, 2008. 272 p., ill. (In Russian)
7. Evarnitskiy (Yavarnitskiy) D.I. Ivan Dmitrievich Sirko, the glorious koshevoy chieftain of the army of the lower Cossacks. St.Petersburg, 1894. 168 p. (In Russian)
8. Bayarslan Hüseyin. Osmanlı Devleti’nde Köleleştirme Ve Azat Etme Yöntemleri. *Ulakbilge*, 2017, Cilt 5, Sayı 10, Volume 5, (Issue 10), s. 439–452. (In Turkish)
9. Çakır E. İbrahim. Osmanlı Toplumunda Köle ve Cariyeler, Sofya 1550–1684. *Türkiyat Araştırmaları Dergisi*; Yıl 2014, Sayı 36, s. 201–216. (In Turkish)
10. Erdem Y. Hakan. Osmanlıda Köleliğin Sonu. İstanbul: Kitap Yayınevi, 2004. 272 s. (In Turkish)
11. Inalcık Halil. Sources and studies on the Ottoman Black Sea. Vol. 1. The customs register of Caffa, 1487–1490. Volume editor V. Ostapchuk. Cambridge, Harvard University, 1996. 201 p.
12. Kizilov M. Slaves. Money Lenders, and Prisoner Guard: The Jews and the Trade in Slaves and Captivities in The Crimean Khanate. *Journal of Oxford Studies*, vol. LVIII, No. 2. AUTUMN 2007, pp. 1–22.
13. İslam Ansiklopedisi. 26 cilt. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2002. 587 s. (In Turkish)
14. İslam Ansiklopedisi. 40 cilt. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınıvevi, 2011. 588 s. (In Turkish)

15. Miśkiewicz Aleksander A., Kamocki Yanusz. *Tatarzy słowiańszczyzną obłaskawieni*. Kraków, Uniyesitas, 2004. 223 s. (In Polish)

16. Warمیńska Katarzyna. *Tatarzy Polscy: Tożsamość religijna i etniczna*. Kraków, Uniyesitas, 1999. 238 s. (In Polish)

17. Yaşa Fırat. “Between Life and Death: Slaves and Violence in Crimean Society in the last quarter of 17<sup>th</sup> Century”. *Selçuk University Journal of Studies Turcology*, vol. 47 (2019), pp. 433–443.

**About the author:** Oleg D. Rustemov – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow of the Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebniy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6444-2885. E-mail: olerustem@gmail.com

*Received November 30, 2021 Accepted for publication February 8, 2022*

*Published September 29, 2022*

## ХРОНИКА

УДК 94(5)+811.512

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.728-734

EDN: GHPXFI

### ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

*А.В. Беляков<sup>1</sup>, Д.М. Тимохин<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> *Институт российской истории Российской академии наук  
Москва, Российская Федерация  
belafeb@yandex.ru*

<sup>2</sup> *Институт востоковедения Российской академии наук  
Москва, Российская Федерация  
horezm83@mail.ru*

Статья посвящена деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды». Московский дискуссионный клуб начал свою работу весной 2021 г., в его рамках было проведено более десятка различных мероприятий в онлайн и офлайн-форматах: от тематических докладов до презентаций новых изданий по золотоордынской тематике. Рассматривается содержание всех докладов, которые были представлены на заседаниях клуба. Продолжение работы Московского дискуссионного клуба важно для активизации совместного сотрудничества в деле популяризации изучения истории Золотой Орды и ее наследия, а также для выстраивания контактов между учеными для будущего проведения совместных научных мероприятий.

**Ключевые слова:** Ассоциация исследователей Золотой Орды, Московский дискуссионный клуб, научные семинары, презентации изданий, исследовательские практики

**Для цитирования:** Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 728–734. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.728-734 EDN: GHPXFI



REVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE MOSCOW DISCUSSION CLUB  
OF THE INTERNATIONAL PUBLIC ORGANIZATION  
“ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE GOLDEN HORDE”

*A.V. Belyakov<sup>1</sup>, D.M. Timokhin<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russian Federation  
belafeb@yandex.ru*

<sup>2</sup> *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russian Federation  
horezm83@mail.ru*

This article is a brief overview of the activities of the Moscow discussion club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”. The Moscow discussion club began its work only in the spring of 2021. Within its framework, more than a dozen different events were held in online and offline formats, from thematic reports to presentations of new publications on the theme of the Golden Horde. Within the framework of this article, we will not only provide a list of such scientific events over the entire existence of the Moscow discussion club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”, but also offer a report about the content of certain reports, and identify the features of research that were represented during the activities of the department. We will also propose a work plan for the Moscow discussion club up to the end of 2022, accepting, of course, that there may be some changes. We hope with this article to attract the interest of a wide range of researchers of the history of the Golden Horde to, first of all, the very fact of the existence of the “Association of Researchers of the Golden Horde”. Secondly, we hope to intensify joint cooperation in popularizing the study of the history of the Golden Horde and its heritage, building contacts between researchers and holding various future scientific events, including within the framework of work by the Moscow discussion club of the “Association of Researchers of the Golden Horde”.

**Keywords:** Association of Researchers of the Golden Horde, Moscow discussion club, scientific seminars, presentations of publications, research practices

**For citation:** Belyakov A.V., Timokhin D.M. Review of the activities of the Moscow discussion club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 728–734. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.728-734 (In Russian)

После создания 19 ноября 2020 г. Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» начали формироваться ее региональные отделения, что свидетельствует о большом количестве специалистов, чьи интересы связаны с историей и культурой Золотой Орды, и значимости создания подобного объединения. Московские ученые не остались в стороне от столь важного, с научной точки зрения, процесса. Уже в начале февраля 2021 г. был сформирован Московский дискуссионный клуб Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды». Первоначальный состав участников выглядел следующим образом: Трепавлов В.В. (д.и.н., г.н.с. Института российской истории РАН), Зайцев И.В. (д.и.н., в.н.с. Института востоковедения РАН, зам. директора

Государственного музея Востока), Беляков А.В. (д.и.н., в.н.с. Института российской истории РАН), Виноградов А.В. (к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН), Гончаров Е.Ю. (к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН), Дробышев Ю.И. (к.и.н., с.н.с. Институт востоковедения РАН), Д.Р. Зайнуллинов (имам-хатыб Московской Соборной мечети, член Совета улемов при ДУМ РФ), Зиливинская Э.Д. (д.и.н., с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН), Кадырбаев А.Ш. (д.и.н., в.н.с. Института востоковедения РАН), Маслова С.А. (к.и.н., н.с. Института российской истории РАН), Моисеев М.В. (к.и.н., зав. сектором Музея Москвы), Тимохин Д.М. (к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН). Особую роль в организации научных мероприятий сыграл Ахмадуллин С.З. (к.и.н., н.с. Института российской истории РАН), во многом благодаря которому все указанные ниже доклады и презентации в онлайн и офлайн-формате были проведены на самом высоком организационном уровне. Все заседания проходили на территории культурного центра «ДАР», любезно предоставившего помещение и необходимое оборудование.

Активная работа клуба началась весной 2021 г. 9 апреля состоялось первое очное заседание, на котором с докладом **«Русский улус» Золотой Орды в историографии и источниках** выступил В.В. Трепавлов. Заявленная тема не только вызвала живой интерес среди научной общественности Москвы, занимающейся историей и культурой Золотой Орды, но и привлекла интерес к работе Московского дискуссионного клуба. Доклад также поставил высокую планку уровня проводимых клубом мероприятий. В.В. Трепавлов обосновал идею о том, что земли, населенные русскими данниками, составили в составе Золотой Орды особую провинцию – «Русский улус». Было раскрыто отражение своеобразного статуса завоеванной Руси XIII–XV вв. в источниках и его интерпретации в историографии.

27 мая 2021 г. с докладом **«Яйца с арабскими надписями в погребальном обряде Золотой Орды»** выступил И.В. Зайцев. Исследователь рассказал о малоизвестной традиции помещать на яичную скорлупу коранические тексты. Была показана обширная география этого явления. Присутствующие предложили докладчику дальнейшие возможные направления в изучении этого интересного явления. Тогда же была проведена презентация сразу двух значительных научных исследований. Новая книга В.В. Трепавлова **«Народы Евразии в эстафете империй. От Золотой Орды к Российскому государству»** (СПб.: Издательство Олега Абышко, 2021) является сборником ранее опубликованных работ автора. Однако они были так подобраны и скомпонованы, что представляют собой связное повествование об истории территорий, некогда входивших в состав Золотой Орды, от возникновения этого государства до XIX в. Каждая глава затрагивает один из ключевых моментов в развитии народов, проживавших на этих землях, и показывает преемственность, и во многом закономерность, происходивших здесь процессов. Автор большое внимание уделяет проблеме организации управления на присоединенных к Русскому государству восточных территориях, где на тот момент отсутствовало понятие государственной власти. Тем самым данная работа повествует о сложном процессе инкорпорации в единую империю земель, находящихся на различных этапах политического развития и имеющих отличный хозяйственный уклад. В коллективной монографии А.В. Белякова, А.Г. Гуськова, Д.В. Лисейцева, С.М. Шамина **«Переводчики**

**Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю»** (М.: Индрик, 2021) впервые предпринята попытка собрать воедино биографии переводчиков московского внешнеполитического ведомства XVII в. Материал подается в виде отдельных словарных статей, в которых приводятся следующие сведения: годы жизни и службы в Посольском приказе, родственные связи, место жительства, участие в посольских посылках и иных поручениях, отдельные события в жизни, жалование, переводы, автографы. По каждой персоналии приводится список архивных источников и научной литературы. Среди переводчиков приказа специалисты по восточным языкам занимали заметное положение. Через эти лица проходила вся дипломатическая переписка из Москвы в страны Востока и обратно. Большинство из них продолжало исповедовать ислам. Тем самым данное исследование не только содержит в себе сумму биографических сведений о переводчиках, но также опосредованно повествует о степени веротерпимости и религиозной политики Русского государства того времени.

Осенью, после летнего перерыва, Московский дискуссионный клуб вновь приступил к работе. 1 октября 2021 г. было проведено заседание клуба в очном формате. На нем с докладом **«Бакшей в русских землях конца XIII – конца XVI вв.»** выступили А.В. Беляков и М.В. Моисеев. Были освещены малоизвестные аспекты организации дипломатических контактов в Золотой Орде и постордынских государствах. Докладчики остановились на деятельности бакшеев, которые не только владели уйгурской письменностью, но и руководили службами, поддерживавшими эти контакты, а также входили в состав посольств. Бакшей фиксируются в Золотой Орде, Крымском, Казанском, Астраханском, Сибирском (?) ханствах, Ногайской Орде, русских княжествах. Они упоминаются также в Турции и Литве. Позднее, уже в XVI в., бакшеями в Москве называли наиболее квалифицированных специалистов восточных языков, хорошо разбирающихся в тонкостях арабской графики. На этом же заседании прошла презентация очередной книги Э.Д. Зиливинской **«Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество»** (Казань: Отечество, 2019). Данное исследование стало итогом многолетних изысканий автора. В нем проведен анализ архитектурных памятников Золотой Орды и прослежено взаимодействие различных традиций в складывании полиэтнической культуры этого государства.

Следующее мероприятие было проведено 26 ноября 2021 г., также в очном формате. На нем был представлен доклад Д.Р. Зайнуддинова **«Тюрко-арабские переводчики Египта на рубеже XIII–XV вв.»**. Собравшиеся услышали о том, что представляли собой переводчики с тюркского языка в Египте, а также узнали много нового о контактах между Египтом и Золотой Ордой в указанное время. Данное сообщение, вызвало неподдельный интерес у членов дискуссионного клуба. Докладчику было задано много вопросов и высказано общее мнение о важности и актуальности дальнейших исследований в этом направлении. Затем, по инициативе главы Координационного совета Ассоциации И.М. Миргалеева (в формате Интернет-конференции), состоялось обсуждение возникшей в Узбекистане инициативы, установить в Самарской области памятник Тамерлану, на месте его битвы с ханом Токтамышем при реке Кондурче в 1391 г. Оживленной онлайн-дискуссии внимали многочисленные слушатели из Татарстана, Казахстана, Украины и др. В ито-

ге было решено, составить обращение к губернатору Самарской области с осуждением данной затеи.

Интерес к презентации книги Э.Д. Зиливинской стал поводом еще раз послушать сообщение исследователя. 21 января 2022 г. в очном формате Эмма Давыдовна выступила с докладом **«Культурная архитектура Крымского ханства»**, в рамках которого собравшиеся услышали об архитектуре Крымского ханства, а также о том, какие регионы мира ислама повлияли на ее становление. Не менее интересными были высказанные суждения о возможном заимствовании в архитектуре Турции отдельных элементов зодчества, известных в Крыму.

Следующее мероприятие состоялось 25 февраля 2022 г. в смешанном формате. На нем с докладом **«Выплаты Золотой Орде с русских земель»** выступила С.А. Маслова. Исследователь проанализировала все известия о выплатах Руси в Золотую Орду, а также классифицировала их. Сообщение вызвало живой интерес. Докладчику было задано много вопросов и высказан ряд рекомендаций. В частности В.В. Трепавлов и А.В. Виноградов справедливо заметили, что для понимания природы ордынских выплат нельзя замыкаться на сведениях русских летописей и крайне немногочисленном актовом материале. Значительную информацию можно получить также при анализе книг Литовской Метрики, а также из русско-крымских и отчасти русско-ногайских посольских книг.

Большое внимание было приковано и к состоявшемуся 25 марта докладу И.В. Зайцева. Тема его выступления **«О болгарских шейхах, подлинных и мнимых: казанский суфий-накшбанди при дворе Ак-Коюнлу в Тебризе»** касалась не только исторических, но источниковедческих сюжетов. Исследователь проанализировал сведения большого числа источников и научных исследований о шейхе суфийского тарриката накшбандия Мухаммаде-Эмине в средневековой Казани. Он пришел к выводу о том, что со временем к деяниям реально существовавшего человека было присоединено много недостоверных фактов. В частности под сомнение поставлено его отождествление с одноименным казанским ханом.

29 апреля в очном формате с докладом **«Пленные татары в тюрьмах Московского государства XVI–XVII вв.»** выступил доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, к.ю.н., полковник внутренней службы А.В. Сумин. Тема тюрем в Московском государстве не получила должного освящения в историографии. А о пленных татарах в московских тюрьмах до недавнего времени почти ничего не было известно. Докладчик рассмотрел такие проблемы, как география расположения тюрем, в которых содержались пленные татары, архитектура этих строений, особенности тюремного быта, использование труда тюремных «сидельцев» на различных работах. Эти сведения исследователь почерпнул из архивных источников, ранее никогда не вводившихся в научный оборот. Поэтому доклад вызвал большой интерес и множество вопросов. На этом же заседании была проведена презентация двух новых монографий. А.В. Беляков представил свою новую книгу **«Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в.»** (СПб.: Нестор-История, 2022). Это первая за 130 лет биография Чингизида, который стал на 11 месяцев ве-

ликим князем всея Руси. Написанная на широком круге источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, книга повествует не только о Симеоне Бекбулатовиче, но и о широком круге иных выходцев с Востока, составлявших в разное время его окружение. Отметим, что это издание вышло с грифом Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды». С.З. Ахмадуллин представил свою первую книгу **«Мурад Рамзи как историк тюркских народов России»** (М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022). Книга посвящена видному представителю общественной мысли тюркоязычных мусульман Волго-Уральского региона рубежа XIX–XX вв. Мурадаллаху ибн Бахадиршаху Абдаллаху ал-Минзаларви (Мураду Рамзи). Важно, что в монографии, помимо биографии и творческого наследия мыслителя, приведены переводы фрагментов его исторического сочинения «Талфик ал-ахбар».

20 мая 2022 г. прошло очередное заседание клуба, на котором с докладом **«Рецепция понятия «иго» в эпоху Александра Невского»** выступил доктор исторических наук, заместитель декана Воронежского государственного университета Ю.В. Селезнёв. Исследователь проанализировал историю бытования словосочетания «иго» по отношению к ордынскому завоеванию Руси, а также установил, что это слово было известно, как минимум отдельным представителям православной церкви в Русских землях. Сообщение вызвало живой интерес участников дискуссионного клуба. Ими было предложено несколько направлений для дальнейших исследований этого вопроса, в частности, обращение к этнографическому материалу по культуре и быту Монголии, анализ свидетельств европейских архивов XIII в. и поиск аналогий в Библии.

17 июня 2022 г. с докладом **«Татары и кара-татары в домонгольской мусульманской историографии»** выступил Д.М. Тимохин. В рамках выступления докладчик обратил внимание на то, что в составе домонгольских мусульманских исторических сочинений встречается термин «татары», что относительно хорошо известно исследователям, а вот упоминаемый там же термин «кара-татары» очевидно требует дополнительных пояснений. В ходе доклада Д.М. Тимохин не только обозначил тексты, в которых встречаются оба этих этнонима, но и предложил собственную интерпретацию значения цветового маркера «кара», употребляемого применительно к различным этническим общностям домонгольскими мусульманскими историками и географами. На заседании были подведены итоги первого года существования Московского дискуссионного клуба и запланированы мероприятия на следующий год.

На этом первый сезон 2021/2022 г. работы Московского дискуссионного клуба Ассоциации исследователей Золотой Орды завершился. Он оказался по-настоящему плодотворным. За это время было прочитано 10 докладов и проведено 5 презентаций новых книг. Представленные материалы являются анализом впервые вводимых в научный оборот или удачной попыткой по-новому взглянуть на хорошо известные источники. Дискуссионный клуб вышел на режим ежемесячных заседаний. Отрадно отметить, что Московский клуб не замыкается только на столичных участниках. На его мероприятиях звучали сообщения докладчиков из иных городов (Санкт-Петербург, Воронеж), а благодаря современным информационно-коммуникативным технологиям в работе клуба смогли принимать участие и жители иных городов.

Нами изначально была поставлена высокая планка. Теперь предстоит большая плодотворная работа, чтобы соответствовать ей в дальнейшем. Продолжение работы Московского дискуссионного клуба важно для активизации совместного сотрудничества в деле популяризации изучения истории Золотой Орды и ее наследия, выстраивании контактов между учеными и будущего проведения различных научных мероприятий.

**Сведения об авторах:** Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@yandex.ru

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

*Поступила 21.06.2022 Принята к публикации 29.08.2022  
Опубликована 29.09.2022*

**About the authors:** Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: belafeb@yandex.ru

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

*Received June 21, 2022 Accepted for publication August 29, 2022  
Published September 29, 2022*



Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках  
Государственной программы Республики Татарстан  
«Сохранение национальной идентичности татарского народа  
(2020–2024 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out  
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan  
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2024)”

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем  
исключительных имущественных прав на свои издания.  
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,  
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения  
правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences is a holder  
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material  
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,  
without permission of the rights holder is prohibited.

*На обложке:* Матрица для изготовления накладок в технике тиснения.

Сплав медный, литье. XIII–XIV вв. Болгарский музей-заповедник  
БГИАМЗ КП 1443-176/412 АРХ. По: Музей Болгарской цивилизации.

Т. II: История тюрко-болгарской цивилизации. Каталог /сост. В.С. Баранов,  
Д.Г. Бугров, А.Г. Ситдигов. Казань: Главдизайн, 2016. С. 172, 176.

URL: <http://archtat.ru/content/uploads/2018/11/tom-2-razvoroty.pdf>

*On the cover:* Matrix for the manufacture of overlays in the embossing technique. Copper alloy,  
casting. 13th–14th centuries. Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1443-176/412 АРХ.

According to: Museum of Bolgharian Civilization. Т. II: History of the Turko- Bolgharian  
civilization. Catalog / comp. V.S. Baranov, D.G. Bugrov, A.G. Sitdikov. Kazan: Glavdizayn,  
2016, pp. 172, 176. URL: <http://archtat.ru/content/uploads/2018/11/tom-2-razvoroty.pdf>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”  
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under  
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)



**ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2022. Т. 10, № 3**

**GOLDEN HORDE REVIEW. 2022, vol. 10, no. 3**

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.  
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ  
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 15.09.2022 г. Дата выхода в свет 29.09.2022 г.

Формат 70×108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub> Усл. печ. л. 15,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета  
в типографии ООО «КазПринт»  
г. Казань, ул. Сибирский тракт, 34, лит. К  
Тел.: (843) 207-08-87; e-mail: [info@kazprint.ru](mailto:info@kazprint.ru)  
Сайт: <https://kazprint.ru>



**Сайт**  
Института истории  
Академии наук РТ

**Татаровед.рф**

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:  
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>